ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ XX ВЕКА

ЗАГАДКИ ЛЕНД-ЛИЗА

ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ XX ВЕКА

ЗАГАДКИ ЛЕНД-ЛИЗА

ЗАГАДКИ ЛЕНД-ЛИЗА

«ВЕЧЕ»
МОСКВА
2000

ББК 63.3(2)
З 14

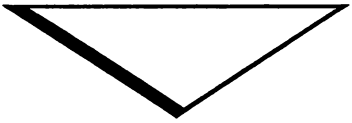
Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348 Москва, ул. Красной сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@mail.sitek.net

ISBN 5-7838-0696-X

© Перевод. С. Луговской, 2000.
© «Вече», 2000.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

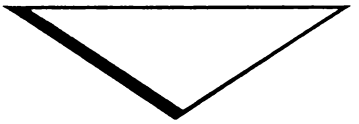


Мы предлагаем вниманию читателей очень редкое издание — первый полный перевод на русский язык книги американца Эдварда Стеттиниуса «Ленд-лиз — оружие победы». Автор — начальник Управления по соблюдению Закона о ленд-лизе. В США книга вышла в 1944 году и сразу же стала знаменитой. На нее нередко ссылались и в нашей стране, но не переводили для широкого читателя и не издавали...

Книга не устарела, хотя и прошло уже больше полувека с момента ее издания. Наоборот, у нас так мало писали об этой стороне войны, что прочтение перевода записок Стеттиниуса способно, как нам кажется, произвести сегодня в некотором роде сенсационное впечатление.

Роль ленд-лиза, т. е. западных поставок в годы Великой Отечественной войны, советскими историками, естественно, умалялась. В последние годы, наоборот, у отдельных публицистов пошел перехлест в сторону чуть ли не решающей роли ленд-лиза в нашей победе. В приложении в порядке дискуссии мы публикуем разные точки зрения современных исследователей на этот вопрос.

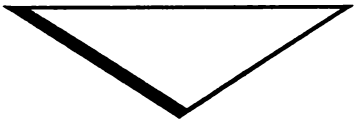
ЭДВАРД СТЕТТИНИУС



ЛЕНД-ЛИЗ — ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ

Нью-Йорк, 1944

ЧАСТЬ 1



ФОРМУЛА ПОБЕДЫ

Глава 1. План победы

— Предположим, у моего соседа загорелся дом, а у меня есть длинный шланг. Если сосед возьмет мой шланг, наденет его на свой пожарный кран и погасит пламя — значит, он справится с огнем с моей помощью. И как же я себя при этом буду вести? Разве я скажу ему: "Сосед, знаешь, я заплатил за шланг, скажем, пятнадцать долларов, так ты мне их уплати за пользование шлангом"? Нет, мне не нужны эти деньги — мне только нужно, чтобы сосед вернул шланг, когда пожар потушен.

Так говорил наш президент, обращаясь к репортерам, собравшимся в Овальном кабинете на еженедельную пресс-конференцию 17 декабря 1940 года.

Во время этой беседы с журналистами президент привел для примера событие, которое могло произойти в любом американском городе: сосед помог соседу в беде. Но в этом случае, помогая погасить пожар в доме соседа, человек заботился и о себе: ведь пламя могло перекинуться и на его собственный дом. И пока пожар не потушен, здравомыслящие люди не тратят время на разговоры о том, сколько стоит шланг. Главное, чтобы этот шланг незамедлительно послужил спасательной цели: погасить огонь.

Президент привел этот пример не ради красного словца. В то время в мире уже бушевал один из самых страшных пожаров в истории человечества. Еще в 1931 году в Маньчжурии вспыхнуло его пламя, но тогда казалось, что оно слишком далеко и не представляет особой опасности для остального мира. Но в 1937 году пожар японской агрессии разгорелся с новой силой, угрожая на этот раз охватить весь Китай и перекинуться на огромный Восточно-Азиатский регион.

А в Европе огонь войны тлел еще с 1933 года, время от времени вспыхивая в разных странах: в Эфиопии, Испании, Австрии, Албании и Чехословакии.

Но страны и народы, которых пожар еще не коснулся, не думали о том, чтобы объединить усилия и погасить этот огонь, пока он не заполыхал вовсю. И в сентябре 1939 года вдруг вспыхнуло яростное пламя нацистской агрессии, которое всего за десять месяцев поглотило Польшу, Данию, Норвегию, Голландию, Люксембург, Бельгию и, наконец, Францию. И вот теперь, в декабре 1940-го, Британия в одиночку вела отчаянную битву за то, чтобы это страшное пламя не перекинулось через узкий Ла-Манш на ее землю, а затем — через Атлантику на Американский континент.

Мы, жители Соединенных Штатов, следили за распространением пожара со смешанным чувством. Подобно англичанам и французам мы в международных делах исходили в первую очередь из глубокой неприязни к войне. Но именно это обстоятельство вызывало наши колебания и сомнения.

С одной стороны, мы были уверены, что наша страна не должна снова пережить трагедию войны. Начиная с середины 30-х годов мы разработали систему законов о нейтралитете, которые имели целью не допустить войну в наше полушарие, изолировав нас от любых стран, вовлеченных в войну в других частях мира. И в то же время большинство американцев инстинктивно чувствовали, что наша страна не сможет наслаждаться мирной жизнью, если

остальной мир будет охвачен войной. Мы понимали это с тех пор, как подписали в 1929 году Пакт Келлога—Бриана, провозгласивший отказ от войны как инструмента национальной политики. Мы не признали завоеваний Японии, Италии и Германии, нарушивших это положение. Снова и снова наша страна подчеркивала стремление к миру и мирному разрешению международных проблем.

По мере углубления мирового кризиса в 30-х годах для нас становился все очевиднее тот жестокий факт, что три страны стали на путь агрессии. Если бы наша страна начала сотрудничать с другими миролюбивыми нациями, чтобы остановить агрессоров, прежде чем они смогут угрожать нам самим, это в конце концов могло вовлечь нас в войну против этих агрессоров. Однако если сидеть сложа руки, предоставив агрессорам возможность продвигаться вперед победным маршем, то это может закончиться необходимостью воевать в одиночку против целого мира, чтобы защитить собственную страну. Пока мы таким образом колебались, неуклонно росла мощь держав оси и, соответственно, возрастала угроза нашей собственной безопасности.

Теперь, задним умом, мы понимаем, что если бы у нас, американцев, как и у других демократических стран, достало политической воли остановить Японию в 1931-м, Италию в 1935-м, а Германию в 1936 году, даже если бы потребовалось применить силу, то нам не пришлось бы теперь сражаться в величайшей войне, какую знала история. Но в то время нам трудно было принять тот факт, что в мире существуют могущественные державы, ставшие на путь неограниченных захватов с помощью обмана, коварства, экономической и политической экспансии и, наконец, военным путем.

Когда в 1937 году агрессия началась по-настоящему, наш президент сказал: "Пусть никто не воображает, что американцам удастся остаться в стороне, что Америку никто не тронет, что Западное полушарие не подвергнется агрессии". Я думаю, тогда большинство американцев

смогли как следует обсудить и продумать проблему собственной безопасности в мире, который стал очень опасным. В дебаты была вовлечена едва ли не вся страна. Дискуссии носили острый, подчас ожесточенный характер, но это и есть демократический способ обсуждения спорных вопросов в обществе.

Через три месяца мы были уже готовы к принятию решения, и состоялось голосование в Конгрессе. Программа ленд-лиза была одобрена подавляющим большинством депутатов. Закон о нем был подписан 11 марта 1941 года. Публично рассмотрев эту проблему с разных сторон, мы приняли свободное решение о том, что отныне наша безопасность тесно связана с безопасностью других свободолюбивых народов мира. Их оборона имеет жизненно важное значение для нашей собственной обороноспособности.

Таким образом, мы стали создавать как бы двойную линию обороны США. С одной стороны, мы отправляли оружие тем странам, которые продолжали бороться с Германией и ее союзниками, а с другой — у себя в стране мы получили возможность вооружить и обучить мощную военную силу, на тот случай, если бы мы сами подверглись нападению.

Программа ленд-лиза, полагали мы, может и вовсе отвратить агрессию от нашей собственной территории, но даже если это не выйдет, благодаря новой программе мы выиграем драгоценное время, столь необходимое нам для создания нашей собственной обороны.

И вот мы стали поставлять вооружение Великобритании, Китаю, а также Советскому Союзу, после того как он подвергся вероломному нападению. У русских теперь была гарантия, что они получат от нас гораздо больше, чем уже поступило прежде. Они несли на себе основную тяжесть агрессии держав оси и продолжали храбро сражаться, когда пришел наш черед.

7 декабря 1941 года угроза, исходившая от наших врагов, внезапно материализовалась в небе над Пёрл-Харбо-

ром. К тому времени мы, правда, еще были недостаточно вооружены, чтобы сразу начать контрнаступление, но были куда лучше прежнего подготовлены к тому, чтобы защитить самих себя. У нас уже было под ружьем около 2 миллионов человек, а наша военная промышленность росла огромными темпами начиная с 1938 года, сначала благодаря военным поставкам Франции и Англии, потом — благодаря нашим собственным военным заказам и ленд-лизу.

Самое главное: теперь у нас были союзники по общей борьбе, составившие вместе с нами Объединенные Нации, так что около полутора миллиардов человек участвовали теперь в борьбе против агрессоров.

Теперь притча о шланге приобрела уже всеобъемлющий характер. Пожар постепенно распространялся с дома на дом, пока не запылал уже весь город. В этой беде жители города объединили и усилия, и часть своего имущества ради победы над пожаром, понимая, что только в таком единстве их спасение. А у того человека, который некогда одолжил соседу шланг, теперь загорелся его собственный дом, и все соседи пришли ему на помощь.

Первоначально срок действия Договора о ленд-лизе должен был истечь 30 июня 1943 года. В январе этого года Конгресс стал рассматривать проект закона о продлении этого договора. К тому времени операции по ленд-лизу настолько тесно переплелись с нашими военными операциями в целом, что потребовались усилия чиновников многих ведомств, чтобы объяснить, что уже сделано согласно программе ленд-лиза и почему следует продлить этот договор. Мне выпала честь открыть слушание в Комитетах по иностранным делам и Сената, и Палаты представителей, чтобы рассказать обо всем, что связано с ленд-лизом, — я должен спокойно взглянуть на пройденный путь, то есть сделать то, что редко бывает возможно в Вашингтоне в военное время.

Вспоминая историю ленд-лиза, я понимаю, что должен рассказывать почти обо всех театрах военных действий:

в Египте, Китае и России, — также о воздушных боях над Европой, о Новой Гвинее, об Индии и, наконец, о большом наступлении союзников в Северной Африке. Речь пойдет о маршрутах, проложенных в Китай через Южную Атлантику, в Африку через африканские пустыни; о портах, построенных на Красном море; о железнодорожных маршрутах в Иране, о военных складах Египта, о военно-морских базах Северной Ирландии; о шоссейных и железных дорогах, проходящих через Бирму в Китай. Наш рассказ коснется пушек, танков, самолетов, кораблей, машин, стали, меди, продовольствия, ремонта кораблей и обучения летчиков.

Ленд-лиз превратился в важнейший механизм, давший США возможность сконцентрировать все людские и материальные ресурсы, необходимые для борьбы со странами-агрессорами. Американское оружие в руках наших союзников поражало врага точно так же, как и в руках наших солдат. Союзники помогали нам одержать победу ради нашего с ними общего блага. Наши усилия в этой борьбе были взаимосвязаны. В Великобритании американские солдаты получали многие тысячи тонн военного снаряжения без всякой от нас оплаты. Наши войска отправлялись за море на огромных английских лайнерах, превращенных в транспорты. Американские корабли ремонтировались во всех британских портах мира, и это нам тоже ничего не стоило. В Австралии и Новой Зеландии наши солдаты почти полностью питались за счет этих стран. В Северной Африке английские и американские войска, орудия, корабли, самолеты превратились в единую ударную силу.

Мы и наши союзники предоставляли друг другу все необходимое для совместной борьбы. Как и следовало предполагать, мы черпали силы в этом единении. Помогая другим, сами мы сберегли многие тысячи жизней и миллиарды долларов, а вместе с тем приблизили нашу общую победу.

Собственно, необходимость продления Закона о ленд-лизе в то время не требовала особых аргументов. Победы Объединенных Наций, как и переход по всему миру Германии и ее союзников к обороне, говорили сами за себя. 9 марта 1943 года Палата представителей проголосовала за его продление 407 голосами против 6. Через два дня, во вторую годовщину подписания Закона о ленд-лизе, и Сенат единогласно высказался за продление его действия. По моему мнению, это было голосование доверия не только ленд-лизу, но и самому принципу военного союза Объединенных Наций.

Через несколько месяцев, 9 июля, я присутствовал на ужине в честь генерала Анри Жиро в Белом доме. Почти все гости были либо французскими, либо нашими офицерами. Офицеры-французы с благодарностью говорили о военных поставках по ленд-лизу, позволивших возродиться французской армии.

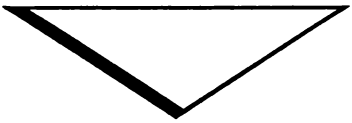
В конце ужина наш президент произнес краткую речь в честь французского народа. Затем он сделал небольшую паузу и заговорил снова:

— Я только что получил важное сообщение. Подверглось нападению "мягкое подбрюшье" держав оси. Англо-американские и канадские войска высадились на Сицилии, в их составе находятся также французские наблюдатели. Это — начало нашего наступления в Европе и освобождения Франции...

То был новый успех союзников. Вражеская цитадель в Европе дала трещину.

Я снова вспомнил один день трехлетней давности. Тогда мы еще не пришли к мысли о том, что оборона стран, воюющих против агрессора, жизненно важна и для нас самих. Тогда мы все еще не были Объединенными Нациями. Только что капитулировала Бельгия, англичане попали в ловушку во Фландрии, а Франция находилась накануне падения. Возникла реальная опасность, что Америка окажется один на один против врага, покорившего мир.

ЧАСТЬ 2



ЖИЗНЕННО ВАЖНО ДЛЯ НАШЕЙ ОБОРОНЫ

Глава 2. За наличный расчет, без доставки

28 мая 1940 года в моем рабочем кабинете в Нью-Йорке зазвонил телефон и мне сообщили деловым тоном:

— Мистер Стеттиниус, вам звонят из Белого дома. С вами хочет поговорить президент.

Мистер Рузвельт был краток. Он сообщил, что перед Конгрессом поставлен вопрос об удвоении ассигнований на армию и флот. Предстоит огромная работа по реорганизации американской промышленности в соответствии с новой оборонной программой, и президенту нужны люди для работы в Консультативной комиссии при Совете национальной обороны.

— Эд, — сказал президент, — я хотел бы видеть вас в числе советников по вопросам промышленных материалов.

В тот же день я подал в отставку с поста председателя совета Американской стальной корпорации и поспешил закончить все дела, связанные с бизнесом.

Когда я шел с работы, все газеты на уличных стендах сообщали о капитуляции бельгийской армии. Большая часть британского экспедиционного корпуса, как и французс-

ких войск, сражавшихся вместе с англичанами, попала в ловушку во Фландрии, и только через Дюнкерк они еще могли спастись.

Следующим вечером я прибыл в Вашингтон, а 30 марта, в День поминовения, я прибыл в Белый дом вместе с шестью вновь назначенными членами Консультативной комиссии при Совете национальной обороны. У.С. Кнадсен был ответственным по делам промышленности, С. Хилмэн — по вопросам труда и занятости, Ч. Дэвис — по вопросам сельскохозяйственного производства, Р. Бапд — по делам транспорта, Л. Хендерсон — по вопросам цен, а мисс Харриетт Эллиот представляла интересы потребителей. Мы застали там также большую часть членов кабинета министров, а также генерала Джорджа Маршалла — начальника Генерального штаба и адмирала Харольда Старка — командующего флотом.

Президент был очень серьезен, но спокоен. Он говорил о насущной необходимости ускорить выполнение программы вооружений. Необходимо было мобилизовать национальные материальные ресурсы как для обеспечения наших собственных оборонных нужд, так и для поставок оружия, в котором отчаянно нуждались страны, стоявшие сейчас между нашим государством и нацистскими агрессорами. Более часа продолжалась дискуссия по этим проблемам.

После этого заседания в Белом доме генерал Маршалл пригласил мистера Кнадсена и меня к себе домой, в Форт-Майер. За обедом он, как военный специалист, во многом дополнил мрачную картину, нарисованную ранее президентом. В дальнейшем, за последующие три года нашего сотрудничества нам с генералом не раз приходилось обсуждать деловые вопросы. Его участие и дружеские советы были для меня постоянным источником поддержки во время моей службы в Вашингтоне.

Как сказал генерал Маршалл год спустя в своем докладе военному министру, для нашей страны чрезвычайная программа обороны "явилась великим испытанием

демократии, проверкой того, как государство, подобное нашему, может в мирное время подготовиться к защите от жестоких и безрассудных действий других государств, руководители которых делают все, что считают нужным, и наносят удары где и когда им вздумается, подчас внезапно, действуя с беспощадной жестокостью".

Оборонная программа была принята 16 мая, когда нацисты начали сокрушительное наступление во Франции и Нидерландах. Тогда-то президент обратился со специальным посланием к Конгрессу.

Его первыми словами были: "Наступают тяжелые времена". Президент обращался к Конгрессу с просьбой о двух особых ассигнованиях на нужды расширения армии и флота, всего на сумму около 2,5 миллиарда долларов. Судьба линии Мажино, как и пяти наций, которые за последние пять недель на собственном опыте узнали, что нейтралитет и добрые намерения не спасают от агрессии, заставила президента заявить: "Нет старых способов обороны, которые были бы сегодня достаточными и не нуждались в улучшении. Никто и ни в какое время сегодня не может игнорировать угрозу нападения". Затем он назвал цифру, вызвавшую возбуждение в Конгрессе и во всей стране: "Я хотел бы, чтобы наша страна была в состоянии производить по крайней мере, 50 000 самолетов в год".

За предшествующий 1939 год мы произвели 2100 военных самолетов, преимущественно учебно-тренировочных, и 50 000 в год — это тогда казалось просто фантастическим числом. Но эта цифра захватила американцев, которые всегда верили, что они способны на невозможное. Однако оставался вопрос: сколько лет для этого понадобится? Сможем ли мы выполнить эту задачу достаточно быстро?

В первые недели пребывания в Вашингтоне, после того как я узнал от адмирала Старка, генерала Маршалла, Гарри Гопкинса, Уильяма Кнадсена и других государственных лиц о тех мерах, которые предпримет правительство, что-

бы быстрее довести уровень производства самолетов до 50 тысяч в год, на меня все большее впечатление стали производить слова президента из указанного послания о том, что удвоение производства самолетов в прошлом году произошло "в значительной мере благодаря размещению у нас иностранных заказов". Я нашел записи, относящиеся к весне 1938 года, когда мы делали первые, еще пробные шаги в деле взаимопомощи перед лицом агрессии.

В марте 1938 года грохот нацистских сапог на улицах Вены, когда Гитлер захватил Австрию, тревожным эхом отозвался в столицах западных демократий. В Лондоне английское правительство сразу же приняло программу значительного расширения производства самолетов в своей стране. Тогда же британская военно-воздушная миссия была отправлена в Америку. В составе этой миссии были никому еще в то время не известный коммодор авиации А.Т. Харрис, в настоящее время командующий английской бомбардировочной авиацией, и сэр Генри Селф, который был у нас также главой Британской военно-воздушной комиссии.

Эта миссия весной 38-го застала американское самолетостроение лишь в стадии становления. Многие компании едва справлялись с небольшим количеством заказов той поры. Армия имела лишь 2300 самолетов, а на флоте их было всего около тысячи. На 30 июня того же года армия и флот имели средства для приобретения только 900 самолетов.

После посещения большинства крупных компаний британская миссия разместила у нас всего два заказа, но это имело далеко идущие последствия. Первым был заказ на 400 новых учебно-тренировочных самолетов, которые разработала для ВВС США Североамериканская авиационная корпорация. С этого началась целая серия английских заказов на многие тысячи этих учебных самолетов, которые использовались при подготовке десятков тысяч британских летчиков во всем мире, согласно программам Британского Содружества.

Второй заказ касался легких бомбардировщиков дальнего действия. Посетив завод компании "Локхид" в Бербанке, представители британской миссии не нашли там ничего, что соответствовало бы их требованиям. Но "Локхид", как и большинство американских компаний, очень нуждался в заказах. Президент компании Р. Гросс попросил 48 часов, чтобы его инженеры смогли адаптировать одну из их коммерческих моделей для военных целей. Англичане отнеслись к этому скептически, но возражать не стали.

Через 48 часов им была представлена модель бомбардировщика дальнего действия в натуральную величину. Инженеры и конструкторы работали не зная отдыха. Обычно на такую работу уходят многие недели. Представители миссии, проинспектировав модель, нашли, что у нее большие возможности, и сделали заказ на 200 таких самолетов.

Так родился знаменитый бомбардировщик "Локхид-Гудзон", сослуживший англичанам хорошую службу в первые годы войны. Прежде чем его сменил "Локхид-Вентура", британцы купили более 1300 таких самолетов. Недавно Селф говорил мне, что теперь, когда "Локхид" производит огромное количество самолетов для Объединенных Наций, он, "видя любой из них, всегда вспоминает тех молодых инженеров и конструкторов, которые так превосходно сумели использовать предоставленную им возможность".

Заказы на самолеты Североамериканской корпорации и "Локхид" повлекли за собой большие заказы на авиационные моторы, размещенные в течение ряда лет в двух наших крупнейших компаниях, производящих моторы: "Райт корпорейшн" и "Прэтт и Уитни".

Почти одновременно с англичанами разместили у нас первые авиационные заказы и французы. Они заказали 100 истребителей Пи-36 — предшественник ныне всемирно известного Пи-40.

Американское правительство практически не играло роли в этих сделках, хотя по традиции представители офи-

циальных иностранных миссий наносили визиты вежливости генералу Х. Арнольду, командующему ВВС, а также другим официальным лицам в Вашингтоне.

Однако в сентябре-октябре 1938 года в Америку прибыли гости из других частей мира, и их миссия завершилась тем, что американцы сделали первый шаг в организации активной помощи народам, борющимся против агрессоров.

Из Китая генералиссимус Чан Кайши послал советника по финансам Чена в надежде получить заем для приобретения припасов, в которых нуждался Китай, продолжавший оказывать сопротивление японским агрессорам, а из Франции прибыл хорошо известный у нас банкир Жан Моне, чтобы по поручению французского правительства изыскать возможности приобретения в США значительного количества самолетов и авиационных моторов.

Для Европы то была эпоха Мюнхена, когда Англия и Франция, совершенно не подготовленные к войне, дали возможность Гитлеру захватить единственную реальную помеху нацистской агрессии в Центральной Европе — хорошо защищенную Судетскую область Чехословакии. Опыт Мюнхена укрепил в европейских демократических странах веру в то, что единственной надеждой на неподчинение господству нацистов и мир является быстрое перевооружение, которое заставит Гитлера задуматься, прежде чем решиться на новый акт агрессии.

В Азии Китай вот уже полтора года продолжал оказывать сопротивление японцам, и хотя китайцы сдавали город за городом, провинцию за провинцией, это не уменьшало их воли к сопротивлению. Теперь китайцы старались развить свои малоразвитые западные районы, превратив тогдашнюю столицу Чунцин в центр борьбы против агрессора. Легкое вооружение из оккупированных районов перевозилось за тысячи миль по рекам на лодках или по суше вручную или на тележках, запряженных осликами, чтобы составить основу новых арсеналов для сражающейся китайской армии. Но Китаю явно нужно было получить

как можно больше военных припасов из внешнего мира, от тех, кого их генералиссимус назвал "дружественными нациями и противниками агрессии во всем мире". К последним принадлежали и Соединенные Штаты, которые с января 1932 года проводили политику непризнания любых территориальных изменений, произведенных военной силой. Однако наши апелляции к "силе морали" и призывы к японцам разрешать спорные вопросы мирным путем не имели успеха, хотя мы продолжали эти свои усилия вплоть до Пёрл-Харбора. Но в 1938 году мы перешли к мерам более практического характера. Летом госсекретарь Халл обратился к авиакомпаниям с призывом не продавать самолетов странам, которые неправомерно используют их для атак на мирное население, как, например, японцы в Китае. Хотя у этого "морального эмбарго" не было юридического подкрепления, экспорт американских самолетов в Японию прекратился. И вот, с прибытием к нам посланца Чан Кайши, мы сделали первые реальные шаги, чтобы помочь Китаю.

Эмиссар Чан Кайши прибыл к министру финансов Моргентау для переговоров о возможности предоставления правительством США кредита Китаю, для того чтобы сделать у нас необходимые покупки. Хотя Закон о нейтралитете не запрещал подобных сделок, у нас было немало людей, противившихся такого рода государственной помощи Китаю. Однако стараниями президента и министра финансов 15 декабря 1938 года Китаю Экспортно-импортным банком был предоставлен кредит в 25 миллионов долларов. Кредит этот, по существовавшим правилам, не мог быть использован для приобретения оружия, но на эти деньги можно было купить другие товары, необходимые сражающемуся Китаю. Выплаты должны были производиться в течение пяти лет поставками тунгового масла — важного промышленного сырья.

Кредит был невелик, но существенный шаг в организации помощи Китаю был сделан. В последние месяцы 1938 года СССР и Англия также оказали Китаю материальную

помощь. В октябре Советское правительство заключило с Китаем бартерную сделку о поставках в Китай на 50 миллионов долларов русских самолетов, танков, винтовок и грузовиков. Через два дня после предоставления нашего кредита и английское правительство выделило небольшой кредит в 2 миллиона долларов китайскому правительству на строительство Бирманского шоссе.

Полтора года японская пропаганда трубила о том, что в мире Китаю помогают только на словах, что все бросили эту страну на произвол судьбы. Теперь китайцы поняли, что это неправда.

После решения вопроса о кредите Всеобщая торговая корпорация как агент, представляющий у нас китайские интересы, заказала 500 грузовиков в "Дженерал моторс" и еще столько же — в компании "Крайслер". Одной из самых серьезных проблем для Китая оставалась проблема транспорта, и более половины кредита китайцы использовали на приобретение грузовиков и горючего. Остальное было потрачено на металлы, технику для строительства дорог, электрооборудование, станки для военного производства. Когда большая часть первого кредита была истрачена, Экспортно-импортный банк 7 марта 1940 года предоставил новый кредит, на этот раз на 20 миллионов долларов.

С самого начала Всеобщая торговая корпорация получила возможность использовать огромный опыт отдела поставок Министерства финансов. Прежде чем заключить тот или иной контракт, китайские чиновники шли в этот отдел за консультацией.

Подобное сотрудничество Министерства финансов с китайцами было на пользу не только Китаю. Надвигалась угроза всеобщей войны, и мы понимали, что координация зарубежных закупок нашим правительством важна для интересов нашей собственной обороны. В начале прошедшей (1-й мировой. — *Перев.*) войны мы были не готовы к решению этой проблемы и, естественно, столкнулись с большими трудностями, прежде чем сумели организовать

нормальную координацию этой работы. Министр финансов Моргентау и генеральный советник по финансам Х. Олифант первыми в нашем правительстве извлекли уроки из этого прошлого опыта и смогли продумать систему организации работы на случай новой большой войны. Они же в числе первых поняли, насколько важно для нашей безопасности обеспечить Англии, Франции и Китаю возможность сопротивляться агрессии тоталитарных государств. Кроме того, Моргентау, являвшийся высшим фискальным чиновником федерального правительства, обязан был знать финансовое состояние зарубежных правительств, делающих у нас закупки: иметь представление, есть ли у них деньги, чтобы заплатить за заказы.

Поэтому, когда осенью 38-го, вскоре после китайского представителя к нам прибыл Жан Моне, интересовавшийся возможностями нашего самолетостроения, президент пригласил министра финансов Моргентау. С его помощью французский гость переговорил с представителями Военного и Военно-морского министерств и быстро составил себе представление о нашей авиационной промышленности. Убедившись, что размещение больших заказов стимулирует быстрое развитие американского самолетостроения, Моне вернулся во Францию и в конце того же года вернулся с новой миссией, чтобы на этот раз перейти от слов к делу.

26 января 1939 года французская миссия заключила первый контракт на приобретение 115 средних бомбардировщиков "Гленн Мартин компани". Через два месяца французы заказали еще 700 самолетов и сотни запасных моторов.

К концу 39-го французы заказали у нас около 2000 самолетов Пи-36 и Пи-40 фирмы "Кэррис-Райт", двухмоторных бомбардировщиков "Дуглас", средних бомбардировщиков и учебно-тренировочных самолетов "Гарвард". К тому времени и заказы наших собственных вооруженных сил существенно возросли: почти до 4000 самолетов, хотя значительная часть их не были боевыми. Но и эти

цифры кажутся небольшими по сравнению с тем потоком заказов, которые стали поступать с начала 1940 года из Англии и Франции и от нашей армии со второй половины того же года. Тем более их нечего и сравнивать с теми огромными заказами, которые пошли после принятия нашей оборонной программы и позднее, когда программа ленд-лиза стала работать в полную силу.

Однако в 1939 году те первые заказы сыграли великую роль в развитии нашего самолетостроения: именно тогда были заложены основы огромного подъема, наступившего в 1940-м и в последующие годы.

Французские заказы также в огромной мере способствовали развитию у нас производства авиамоторов. Это было узкое место в нашем самолетостроении, и заказы, в том числе французские, сыграли важную роль в улучшении положения в этой отрасли. К концу того же 1939-го французы заказали более 6000 двигателей фирм "Райт" и "Прэтт и Уитни". Это обстоятельство помогло улучшению производства и увеличению его мощностей. Компания "Прэтт и Уитни", например, должна была летом 1939-го вдвое увеличить мощности своих заводов, чтобы справиться с французскими заказами.

Однако над всеми заграничными контрактами нависла серьезная угроза. Пока Германия не нападала на соответствующие страны, самолеты и моторы можно было туда доставлять. Но стоило начаться войне, как вошло бы в силу эмбарго на продажу оружия, предусмотренное Законом о нейтралитете, и тогда от английских и французских заказов пришлось бы отказаться. Французы взяли на себя этот риск, но английское правительство после Мюнхенских соглашений почти не размещало заказов в США.

15 марта 1939 года, когда французы покупали у нас самолеты, Гитлер захватил все, что осталось после Мюнхена от Чехословакии. Через неделю нацисты захватили Мемель, и геббельсовская пропаганда начала очернять Польшу. В апреле Муссолини начал военные действия против Албании. Силы агрессии снова пришли в движение.

Дважды, 27 мая и 14 июля, госсекретарь Халл обращался к Конгрессу с просьбой отменить эмбарго, предусмотренное Законом о нейтралитете. Он убеждал конгрессменов, что это удержало бы агрессоров от разжигания новой мировой войны, что лучший способ для нас застраховаться от войны — всемерно помочь ее предотвращению.

Некогда подавляющее большинство, число сторонников Закона о нейтралитете все уменьшалось, так как все больше людей понимали, что этот закон вынуждает нас сидеть сложа руки, в то время как с каждым новым завоеванием мощь и боеготовность держав оси растет и крепнет. Но в июле 1939-го сопротивление любым изменениям этого закона было еще достаточно сильным, и Конгресс оставил все как было.

1 сентября 1939 года гитлеровские войска ворвались в Польшу, а через два дня, в соответствии со своим союзническими обязательствами, Франция и Англия пришли Польше на помощь. Наш президент, прежде всего в соответствии с указанным законом, объявил о нейтралитете США и о наложении эмбарго на военные поставки всем воюющим странам; после чего, 13 сентября, призвал Конгресс собраться на специальную сессию, чтобы пересмотреть вопрос об эмбарго.

Последовавшие за этим дебаты имели много общего с будущими дебатами по ленд-лизу. Противники отмены эмбарго считали, что США будут в безопасности, что бы там ни происходило в Европе и в Азии. Атлантический и Тихий океаны, как и воздушное пространство над нашей страной они считали не путем, по которому может быть совершено нападение на нас, а надежным препятствием для потенциальных агрессоров. А если так, то, с их точки зрения, нечего было беспокоиться о том, чтобы эти океаны, небо и соседние материки находились либо под нашим контролем, либо под контролем дружественных нам стран. Эти люди считали, что мы были вовлечены в прошлую войну не в силу наших жизненных интересов, но

"по совокупности случайных обстоятельств", из-за хитрой пропаганды союзников или же в интересах своекорыстных международных банкиров и фабрикантов оружия. Закон о нейтралитете для них и был гарантией того, что все американцы будут жить в мире. Противники же этого закона были убеждены, что агрессия против какой-либо из великих держав влечет за собой угрозу и для безопасности Америки. Они считали, что поражение Англии и Франции в войне с нацистами означало бы угрозу миру на всей Атлантике, точно так же как японская экспансия — угрозу миру и безопасности во всем Тихоокеанском регионе. Расходясь во мнениях, насколько мы сами должны участвовать в предотвращении победы стран оси, эти люди считали, что как минимум мы должны разрешить Англии и Франции покупать у нас оружие за наличные и увозить его на своих собственных кораблях.

Конечно, не у всех эти крайние мнения были так явно выражены, но в этом состояла суть взглядов, распространенных и в Конгрессе, и в обществе в целом. Опросы Гэллапа, проведенные после начала войны, в сентябре, показали, что около 60% людей выступали за продажу оружия за наличные, с доставкой их самим покупателем, и голосование в Конгрессе за отмену эмбарго отражало этот расклад: 63 против 30 в Сенате и 243 против 181 в Палате представителей. 4 ноября 1939 года принцип "покупки за наличные с доставкой за свой счет" стал законом.

Через три дня в США была учреждена Британская закупочная комиссия во главе с Артуром Пэрвисом, которого я знал лично. Это был очень одаренный и трудолюбивый человек, еще в юности, после прошлой войны, переехавший в Канаду из Англии. В 35 лет он уже был президентом "Канадиан индастриз", крупнейшей канадской химической компании. По своему характеру этот человек, так же как тогдашний английский посол лорд Лотиан, всегда казался мне американцем не в меньшей мере, чем британцем. Пэрвис стал ключевой фигурой в организации у нас английских закупок и работал не щадя себя,

чтобы его страна получила в трудный час все необходимые вооружения. Его внезапная гибель в авиационной катастрофе в Англии в августе 1941 года, как и смерть лорда Лотиана за восемь месяцев до того, были тяжелой утратой для Великобритании.

После создания Британской закупочной комиссии и французы объединили свои разрозненные ведомства в единую миссию во главе с Жаном Блох-Ленни. Вскоре после этого союзники создали Англо-французскую координационную комиссию во главе с Жаном Моне в Лондоне и Англо-французский закупочный совет во главе с Пэрвисом в нашей стране.

6 декабря 1939 года президент создал Комитет по связям, чтобы координировать все зарубежные закупки. Руководить этим комитетом должен был министр финансов Моргентау. Остальные члены комитета были представителями Министерства обороны, Военно-морского министерства и Министерства финансов. В задачу комитета входило продолжение уже начатого дела: обеспечивать модернизированными военными самолетами англичан, французов и другие дружественные нам народы, следить за долларовым балансом иностранных правительств и находить поставщиков для обеспечения их нужд.

Несмотря на тенденции первых месяцев, когда считалось, что закупки в США являются лишь гарантией на случай неожиданных потерь, в 1940 году происходит быстрый рост английских и французских заказов. Английская и французская авиационные миссии решили не сосредоточиваться на последних усовершенствованных моделях, а разместить заказы на разные типы самолетов во всех компаниях, способных их выполнить. Главным они считали развитие производственных мощностей самолетостроения, налаживание массового производства самолетов. Не все военные самолеты, заказанные по этому плану, отвечали самым высоким стандартам. Но, пока производились более старые модели, английские, французские и американские конструкторы работали над новыми, с учетом

опыта последних боев в Европе. А с завершением этой конструкторской работы производственные мощности самолетостроения были уже достаточными для оперативного производства новых моделей в достаточных количествах.

За первое полугодие 1940 года было размещено столько же английских и французских заказов, как и за весь 1939 год: на 8000 самолетов и 13 000 моторов. За период с 1 января 1939-го по 30 июня 1940 года наши собственные армия и флот заказали для своих нужд 4500 самолетов.

Как и в 1939-м, в 1940 году особое значение имели англо-французские заказы на авиамоторы. Только эта программа заказов стоила англичанам и французам 84 миллиона долларов. Они тратили свои деньги на строительство в Америке новых авиамоторных заводов и оснащение их необходимым оборудованием. На их деньги строили школы, где готовили тысячи американских квалифицированных рабочих; они вкладывали деньги не только в собственно авиамоторные заводы, но и в автомобильную промышленность, которая тогда начала производить авиационные моторы. 84 миллиона долларов были слишком большой суммой, чтобы считать их платой за покупку у нас моторов. Но эти новые возможности производства моторов, имевшие существенное значение для нашей обороноспособности, помогали нам двигаться к цели, намеченной президентом, — производству 50 000 самолетов!

Как писал руководитель Министерства обороны Симсон сенатору Джорджу в феврале 1941-го, когда обсуждался закон о ленд-лизе, "если принять во внимание, что потребовалось всего от 18 месяцев до 2 лет, чтобы развить производство новых авиамоторов, и от 16 до 18 месяцев для развития производства новых самолетов, то легко понять, что без того начального импульса, который мы получили благодаря этим иностранным заказам, мы оказались бы сейчас в очень тяжелом положении перед лицом жизненной необходимости решать все эти производственные задачи".

Англо-французские закупки касались и других видов производства. Около 100 миллионов долларов стоили их заказы на станки для их собственных заводов, и еще около 138 миллионов получили американские производители на станки для американских заводов (это почти равнялось стоимости всего нашего станкостроения в 1939 году).

Были и другие важные заказы: на взрывчатые вещества, боеприпасы, патроны, артиллерию, различное оборудование и материалы — всего на сотни миллионов долларов. И это также повлекло за собой строительство заводов в США на английские средства. Ко времени принятия Закона о ленд-лизе общий объем их капиталовложений в американскую военную промышленность превысил 200 миллионов долларов.

Изучая записи, относящиеся к началу моей работы в Вашингтоне в мае 1940 года, я подумал, что система "покупки за наличные и доставки за свои средства", конечно, помогала народам, отражавшим агрессию, но в тот период она гораздо больше помогала нашей собственной обороне. Американская военная промышленность уже получила хороший старт, а доставка самолетов, заказанных англичанами и французами, еще только началась. Практически в начале года англичане получили всего 104 самолета, а французы — 557.

Если говорить о наших действиях совместно с Англией и Францией, то мы тогда начали слишком поздно и успели слишком мало. Линия Мажино пала. Нацисты подошли к Ла-Маншу...

Глава 3. Дюнкерк и падение Франции

Первые части, спасшиеся после дюнкеркской катастрофы, стали прибывать в Дувр с 29 мая 1940 года. Мои друзья, бывшие свидетелями их появления там, рассказывали, что эти люди были похожи на сомнамбул, измотанные и истощенные десятидневным отчаянным бегством

и постоянными бомбардировками. И чтобы они оправились от полученного удара и снова могли сражаться, этим солдатам мало было просто поесть досыта и отоспаться. На Дюнкеркской дороге и на побережье ими были брошены все их танки, грузовики, артиллерия и большая часть легких вооружений, а ведь это были самые опытные и наилучшим образом вооруженные из британских воинских частей. Во всей Британии не хватило бы оружия для того, чтобы перевооружить их, не говоря уже о достойном вооружении для Национальной гвардии, которая подлежала теперь срочной мобилизации.

Премьер-министр Уинстон Черчилль обратился к нашему президенту с экстренным посланием. Он спрашивал, можно ли что-нибудь сделать для того, чтобы помочь обороне Англии и того, что осталось от Франции (если она еще будет держаться). Речь шла о неотложной необходимости что-то предпринять, и программы продажи оружия здесь помочь уже не могли.

Единственным источником быстрой доставки оружия и самолетов были склады наших вооруженных сил. Начались поспешно организованные совещания представителей Англии, Франции, армии и флота, Госдепартамента, Министерства финансов относительно возможной передачи английским и французским войскам части наших запасов, оставшихся со времени Первой мировой войны.

Никто не сомневался, что частные лица могут прямо поставлять оружие воюющим странам, но в отношении того, может ли по нормам международного права делать то же самое правительство невоюющей страны, мнения юристов разделились. Представители одного направления, в духе концепции о нейтралитете XIX века, не делали различий между агрессором и его жертвой, считали, что невоюющая страна не должна продавать оружие ни одной из сторон. Пакт Келлога—Бриана, осудивший войну как инструмент национальной политики, внес изменения и в прежнюю концепцию нейтралитета, восстановив право невоюющих стран противодействовать агрессорам. Но, в

любом случае, никто не сомневался, что армия и флот имеют право отправить оружие обратно его производителям, а последние имеют право перепродать его Англии и Франции. Этот план имел еще то преимущество, что давал основания Военному и Военно-морскому министерствам немедленно заказать производителям столь необходимое новое вооружение и оборудование. И он был принят без промедления.

Тем временем генерал Маршалл попросил генерал-майора Чарльза Вессона, командующего артиллерией, и генерал-майора Ричарда Мура, заместителя начальника штаба, произвести переучет нашей резервной артиллерии и других военных материалов. Потребовалось 48 часов, чтобы определить, какие вооружения Америка может передать другим странам, с учетом естественного риска и принимая во внимание чрезвычайную важность обороноспособности Англии для безопасности самой Америки. В первый список вошли 500 тысяч винтовок "Энфилд", часть которых использовали во время последней войны, а другая часть никогда не была использована и лежала запакованной с 1917—1918 годов, когда они были произведены. В него вошли также 900 75-миллиметровых полевых орудий, 80 тысяч пулеметов, 130 миллионов патронов к винтовкам, 100 тысяч снарядов, значительное количество бомб и небольшое количество тола и бездымного пороха. Летом к этому было добавлено еще 250 тысяч винтовок и другие дополнительные военные материалы. Резервов, оставшихся в Америке, хватило бы для вооружения 1 800 тысяч человек — столько и предполагалось по нашему долгосрочному плану мобилизации на случай войны.

3 июня 1940 года генерал Маршалл утвердил этот список. Как позднее говорил он сам, "для нас со всей остротой встал вопрос, сможет ли английский флот обеспечить безопасность Атлантического океана". Большая часть американского флота была тогда занята на Тихом океане.

Так как каждый час был на счету, решили, что армия начнет продавать все по списку соответствующим компа-

ниям, а они, в свою очередь, — Англии и Франции. Такие компании должны были иметь достаточный опыт в экспортно-импортной сфере, чтобы выполнять заказы армии. Военные хотели бы, в частности, чтобы наша промышленность смогла производить танковую броню и боеприпасы для 90-миллиметровых зениток, а также для 105- и 155-миллиметровых гаубичных орудий.

Генерал Вессон пришел к выводу, что всем этим требованиям лучше всего ответила бы Американская стальная корпорация. Он знал, что я только что прибыл в Вашингтон, и 4 июня, в день завершения эвакуации из Дюнкерка, он пришел в мой кабинет. Генерал обрисовал создавшееся положение и спросил, не могу ли я им помочь. Я рад был бы помочь, но к тому моменту уже ушел в отставку с поста председателя Совета директоров стальной корпорации. Однако я вполне мог рассчитывать на поддержку бывших моих коллег и сразу обратился к своему преемнику на этом посту Ирвингу Олдсу и президенту Бенджамину Ферлесу с предложением встретиться в Вашингтоне с генералом Вессоном на другой же день. Я не принимал участия в этих переговорах, но был осведомлен в том, что там произошло.

Генерал изложил свой план и назвал цену Военного министерства: 3 761 955 660 долларов. Олдс и Ферлес сказали, что они подготовят доклад для утверждения Советом директоров, и тут же уехали в Нью-Йорк; на следующий вечер они позвонили генералу Вессону и сказали, что Американская стальная корпорация готова сразу же совершить эту сделку.

В Министерстве обороны не стали дожидаться окончания переговоров. Сразу по утверждении 3 июня указанного списка были отправлены телеграммы на склады, базы и в арсеналы в Рок-Айленд, Сан-Антонио, Сан-Франциско, Балтимор и другие города по всей стране, с тем чтобы начать готовить к отправке военные материалы.

На другой день Уинстон Черчилль выступил в Палате общин и сообщил, что после Дюнкерка спаслись 335 ты-

сяч человек. Он не скрывал огромных материальных потерь: "Они располагали всем лучшим из того, что создала наша промышленность. И все это погибло". По его словам, английским заводам "понадобится несколько месяцев, чтобы восполнить эти внезапные серьезные потери, но при этом вторжение врага может произойти в любой момент".

После этого Черчилль сделал знаменательное высказывание:

"Мы будем защищать наш остров, чего бы это ни стоило. Мы будем сражаться на побережьях и на равнинах, мы будем сражаться в поле, в горах, на улицах городов. Мы никогда не сдадимся. И даже если (во что я не могу поверить ни на мгновение) наш остров или значительная часть его будет захвачена врагом, вооруженные силы нашей морской империи, ведомые нашим флотом, будут продолжать борьбу, пока в час, угодный Богу, Новый Свет, во всей своей мощи, не явится на помощь Старому".

Когда английский премьер произносил эту речь, оружие из американских арсеналов уже грузили в вагоны для отправки в порты. К концу недели более 600 товарных вагонов были отправлены в армейские доки в Раритэн, Н<ью>-Дж<ерси?>, и им была дана "зеленая улица". А там около тысячи человек работали день и ночь, без выходных, разгружая вагоны, чтобы погрузить орудия и боеприпасы на лихтеры.

Тогда же английский министр военного транспорта приказал, чтобы дюжина кораблей проследовала к месту погрузки, в Грейвсенд-Бей. Когда 11 июня корабли прибыли туда, 75-миллиметровые орудия, пулеметы, винтовки, патроны, снаряды находились в доках или на лихтерах. Все было уже готово.

Но загрузка кораблей не могла начаться до подписания контрактов. В Вашингтоне, в Управлении боеприпасов, как раз дописывался контракт между Военным министерством и стальной корпорацией, и военный министр готовился его подписать. Когда это было сделано, Олдс и

Ферлес поехали к штаб-квартире Английской закупочной комиссии, где Пэрвис и Блох-Ленни подписали контракт от имени Англии и Франции. Цена была именно той, какую Американская стальная корпорация согласилась заплатить Военному министерству. Через пять минут после подписания контракта генерал Вессон позвонил на армейскую базу в Раритэн с сообщением, что это оружие отныне принадлежит Англии и Франции.

— Можете начинать погрузку, — сказал он.

Первый корабль, "Восточный принц", отплыл из Грейвсенд-Бей через два дня, имея на борту 48 ящиков с 75-миллиметровыми орудиями, 28 миллионов патронов, 15 тысяч пулеметов и первые 12 000 винтовок. Когда этот корабль был еще в море, маршал Петен обратился к Гитлеру с просьбой о перемирии. Это произошло 17 июня. Великобритания, как и предполагал Черчилль, осталась одна. Но все же не совсем одна...

До конца июня из Балтимора и Грейвсенд-Бей отплыла дюжина кораблей с оружием для Англии. А до конца июля еще 15 судов увезли то, что оставалось. Первый корабль, "Восточный принц", достиг берегов Англии 23 июня, через 6 дней после капитуляции Франции; большинство остальных — в июльские дни. Сотни тысяч рук брали оружие, пока Гитлер раздумывал, пересекать ли ему Ла-Манш. Хотя английские военные заводы работали день и ночь, чтобы восполнить потери, в Англии почти не было противотанковых орудий, поэтому американские пушки пришлись очень кстати. До 80 тысяч пулеметов системы "Льюис", "Браунинг", "Мартин" и "Виккерс" усилили оборону повсюду на побережье, где могли высадиться вражеские войска, и на всех дорогах, ведущих к берегам Ла-Манша.

Если не считать винтовок, которые и теперь есть на вооружении Национальной гвардии, вооружение, присланное нами тогда в Англию, было только средством первой помощи. Но оно поступило к людям, которые воистину были без оружия как без рук и в самый тяжкий

для Британии час, почитай с тех давних пор, как в Ла-Манш вошла испанская армада. Но, пожалуй, самое важное состояло в том, что эта наша помощь была залогом на будущее, знаком понимания, что Америка рассматривает угрозу для Англии как угрозу самой себе.

Помимо орудий и стрелкового оружия наша страна предприняла попытку передать французам и англичанам еще и часть военных самолетов. Конечно, это были не "тучи самолетов", которые лишь грезились французскому премьеру, обращавшемуся 13 июня с последними отчаянными просьбами о помощи к нашему президенту. "Туч самолетов" мы обеспечить никак не могли. Но ВМС согласились передать 50 своих пикирующих бомбардировщиков Эс-би-си-4, а армия — 93 легких бомбардировщика А-17А. Так же как и стрелковое оружие, эти боевые машины были проданы производителям и перепроданы англичанам и французам.

Большинство этих самолетов были отправлены в Галифакс, где их ждал французский авианосец "Беапн". Но военные самолеты не попали в Европу. Авианосец отправился в путь 17 июня, как раз когда Петен стал просить у немцев мира. Когда он был в пути, пришел приказ адмирала Дарляна изменить курс и отправиться во Французскую Вест-Индию, в Мартиник. Там корабли стояли без дела и ржавели, пока года через три Национальный комитет Франции не отобрал этот остров у Виши.

Падение Франции было еще одним ударом и для Великобритании. 15 июня, сразу после того как нацисты с триумфом вошли в Париж, Пэрвис получил в Нью-Йорке секретную депешу из Лондона. В ней говорилось, что капитуляция Франции может произойти в любой момент и Английской закупочной комиссии следует в связи с этим быть готовой к любым неожиданностям.

Пэрвис тут же связался с сэром Селфом и Томасом Чайлдсом, генеральным советником комиссии. Эти трое хорошо понимали, что произошло. В течение почти полу-

года английские и французские закупочные программы в США становились все более взаимосвязанными. В случае капитуляции Франции Англия оставалась лицом к лицу с Германией, причем англо-французская авиапрограмма была бы полностью аннулирована, а остальные их совместные программы закупок едва ли тогда могли быть выполнены. Теперь, когда англичанам так необходимо было оружие, вооружение, заказанное французами, могло не достаться никому. Пэрвис к тому же понимал: если пропадут французские контракты, американские промышленники неохотно будут иметь дело и с англичанами. Уже в последние недели, с резким ухудшением военной ситуации, французским заказчикам все труднее было уговорить американских предпринимателей пойти на заключение контракта: те не желали идти на большой риск. Было бы ужасно, если бы такая же участь постигла и английских заказчиков.

Для Пэрвиса и Селфа решение было одно: если Франция падет, французские контракты не должны погибнуть вместе с ней. Они послали ответную депешу в Лондон с просьбой дать рекомендации, какие предпринять шаги, чтобы защитить интересы Англии. В то время французские заказы оценивались примерно в 500 миллионов долларов. Ряд контрактов касался боеприпасов, которые могли получить и англичане. Другие имели отношение только к французским заказам, и оценить их было трудно.

Буквально тысячи контрактов касались военных самолетов, грузовиков, стрелкового оружия, взрывчатых веществ, пороха, сырья. Требовались месяцы, чтобы все их проанализировать и найти то, что потребуется англичанам, а затем провести обо всем этом переговоры с производителями, но времени было очень мало.

В полночь 15 июня 1940-го (так в тексте. — *Перев.*) Пэрвис получил ответ из Лондона. Они с Селфом получали полномочия делать все, что посчитают необходимым. Других указаний не было, и вся ответственность ложилась на них.

К 9 часам утра 16 июня из радиосообщений мы узнали о правительственном кризисе во Франции. Борьба шла между сторонниками Рейно, которые еще хотели продолжать сражаться, и группой Петена—Лаваля, желавшей закончить войну. Пэрвис был срочно вызван из Нью-Йорка и не возвращался до вечера, а Селф и Чайлдс тут же решили начать переговоры с Французской авиационной комиссией.

Уже к полудню того же воскресного дня они были в штаб-квартире этой комиссии, в Рокфеллеровском центре. Там все были на своих местах, словно в обычный рабочий день; полковник Жакен, возглавлявший тогда комиссию, сидел в кабинете один, слушая новости по радио. Чайлдс сразу же перешел к делу: англичане хотят, чтобы французы передали им свои контракты.

Жакен отвечал тотчас: что касается авиационных контрактов, то они могут перейти к английской стороне, но он не имеет полномочий относительно остальных контрактов, для чего закупочная комиссия должна собраться в полном составе для встречи с англичанами.

В 2 часа по радио сообщили об отставке Рейно. Жакен все еще надеялся, что Франция будет продолжать борьбу, но теперь разуверился в этом. Он попросил Чайлдса и советника Французской авиакомиссии подготовить необходимые документы для передачи контрактов, поставив при этом только одно условие.

— Вы должны взять все наши контракты, — сказал полковник, — или не брать их вовсе. Вы не должны извлекать выгоды из нашего падения.

Пока они работали над документами, по радио сообщили о капитуляции Петена. Все произошло быстрее, чем ожидали. В любую минуту из Франции мог прийти приказ, уничтожающий все полномочия ее представителей. Вашингтон мог в любую минуту заморозить все французские активы, как это произошло с активами всех стран, оккупированных державами оси. Решение следовало принимать немедленно.

К вечеру возвратился Пэрвис, и удалось собрать недостающих членов Французской закупочной комиссии. Они принялись за работу в апартаментах Пэрвиса, писали и снова переписывали документ за документом. В три ночи бумаги были готовы к подписанию.

Прежде чем поставить подпись, Пэрвис еще минут десять раздумывал, пытаясь оценить все стороны этой сделки. Подписав бумаги относительно авиационных и наземных контрактов, он признавал для английского правительства обязательства примерно на 600 миллионов. Времени для новой консультации с Лондоном не было — все могло сорваться в любую минуту. Это противоречило политике британской бережливости в условиях предстоящей долгой войны. Но сейчас приходилось отступить от этого правила. Надо было решать: все или ничего, если Англия хочет продолжать борьбу. Позднее Пэрвис рассказывал друзьям, что, решив поставить свою подпись под бумагами о передаче контрактов, он принял тогда самое трудное решение в своей жизни.

И для французов это было тяжелое решение. Правительства, назначившего их, больше не было, и им пришлось одним решать судьбу французских военных активов в Америке. Они также подписали документы.

Было выдвинуто только одно условие: документы должны оставаться секретными до официального объявления о капитуляции Франции. Пэрвис согласился. Сделка была совершена в 3.30 утра 17 июня.

Всего через 5 часов после подписания этих документов все французские активы были заморожены Министерством финансов. В полдень министр финансов Моргентау, поговорив с Пэрвисом, сделал официальное заявление. Не имея еще возможности сообщить о передаче контрактов, он должен был обнадежить американских бизнесменов, взявших большие французские заказы. Он сказал, что англичане выразили пожелание, чтобы к ним перешли французские военные заказы в США.

Но Пэрвис не был уверен, что американские предприниматели примут документы, подписанные французами. Под давлением нацистов правительство Петена могло дезавуировать соглашение. Поэтому Пэрвис, прежде чем объявить о соглашении, проконсультировался с представителями нескольких компаний, чтобы проверить их реакцию. Сначала они колебались, но потом Дональд Дуглас, президент "Дуглас Эркрафт компани", признал соглашение, показав пример другим американским промышленникам. Они действительно последовали его примеру. Оружие, предназначенное для французов, должно было теперь попасть в руки англичан.

Глава 4. Эсминцы в обмен на базы

Одним холодным сентябрьским утром, в том же 1940 году, из Бостонского порта в Галифакс по курсу норд-ост-ост отправился эскадренный миноносец. Его прежнее название "Буханан" было закрашено серой краской. Долгое время он ржавел вместе с другими эсминцами, построенными во время предыдущей войны. Потом пришли рабочие, тщательно осмотрели его, вычистили, отремонтировали машины, опробовали корабельные пушки, оставили запас топлива и провизии. На борту эсминец имел минимальную команду, состоявшую из американских моряков, а также комплект 4-дюймовых снарядов и 21-дюймовых торпед.

Восемнадцать месяцев спустя, 28 марта 1942 года, в предрассветной мгле бывший американский военный корабль "Буханан", а ныне корабль Королевского флота Англии "Кемпблтаун" с английской командой на борту направился в гавань Сен-Назер на французском побережье, окруженный торпедными катерами и прикрываемый с воздуха военными самолетами. Когда эсминец осветили прожекторы с берега, он открыл огонь из своих орудий по береговым батареям, потом увеличил скорость и про-

таранил шлюзовые ворота главной на Атлантике немецкой военно-морской базы. Корабль остановился, и морской десант высадился на берег. После того как были открыты кингстоны, чтобы корабль опустился на дно, его покинула и вся команда. На судне они оставили около пяти тонн взрывчатых веществ замедленного действия. Корабль, "застрявший" в воротах, был частично погружен в воду. Через несколько часов, когда там уже находились нацистские военные, страшный взрыв потряс Сен-Назер. "Кемпблтаун" взорвался вместе с немцами на борту, уничтожив и шлюзовые ворота. Единственный на Атлантике сухой док, такой большой, что там мог стоять мощный военный корабль "Тирпиц", на многие месяцы был выведен из строя.

Этим подвигом завершилась история бывшего американского корабля "Буханан". Это был один из полусотни эсминцев, построенных во время минувшей войны, но еще вполне боеспособных, которые были переданы англичанам американским флотом в сентябре 1940 года.

Тогда в Галифаксе сформированные английские команды ожидали прибытия из Бостона "Буханана" и других американских эскадренных миноносцев. После испытаний, проведенных американцами, старые эсминцы стали достоянием англичан: одни вступили в войну против немецких подводных лодок, другие начали патрулировать побережье Британской империи.

К лету 1943 года кроме "Буханана" еще четыре из этих бывших американских эсминцев отправились на дно во время участия в конвоях. Остальные сорок пять продолжают нести свою героическую службу. Они уничтожили много немецких подлодок, а после Пёрл-Харбора участвовали в боях с вражескими подлодками в Западном полушарии и охраняли американские конвои в Атлантическом океане. Некоторые из них несли службу на долгом морском пути до Мурманска. Один из этих эсминцев, бывший американский "Мид", оказался рекордно выносливым: 250 тысяч миль без единой поломки! Немало героических исто-

рий об этих кораблях хранится в архивах британского Адмиралтейства, и я надеюсь, когда-нибудь они будут опубликованы.

Эти эсминцы, устаревшие по понятиям тех лет, были переданы Англии в результате исторической сделки 3 сентября 1940 года, благодаря которой сами мы получили военно-морские и военно-воздушные базы от Ньюфаундленда до Британской Гвианы. А эсминцы сыграли свою роль в войне против стран оси, и не только для Великобритании и США, но и для Объединенных Наций в целом. В свою очередь, базы на Атлантике значительно усилили нашу оборону в период, когда Британским островам угрожало вторжение, а с тех пор эти базы принесли огромную пользу в войне с подводными лодками.

Сделка по передаче эсминцев в обмен на базы была совершена в результате трудных трехмесячных переговоров. В мае лорд Лотиан и граф Сен-Квентин, посол Франции, обратились к президенту США с просьбой о возможной покупке наших старых эсминцев. После Дюнкерка Черчилль снова напомнил об этом запросе. В Дюнкерке были потоплены 10 английских эсминцев, а всего до половины английской флотилии эсминцев было выведено из строя, и это в то время, когда Гитлер контролировал все французское побережье, а немецкие самолеты и подлодки, обосновавшиеся на новых базах во Франции, доставляли все больше неприятностей английскому торговому флоту. Грузопотери, по данным Адмиралтейства, в июле 1940 года составили 400 тысяч тонн против 75 тысяч тонн в мае. А Гитлер собирал флот для вторжения в Англию через Ла-Манш.

Между тем у США было около 200 старых эсминцев, построенных сразу после Первой мировой войны специально для конвойной службы. Но большинство этих судов стояло в портах со времени Вашингтонского договора по ограничению ВМС 1922 года.

Договор этот ограничивал гонку по созданию новых военных кораблей, начавшуюся сразу после той войны, а

Лондонским договором 1930 года были наложены новые ограничения на рост военно-морских вооружений. Но в 1934 году Япония в положенный срок заблаговременно предупредила о выходе из Лондонского договора. Тогда же Конгресс принял Закон Винсона—Траммела, разрешающий, в рамках договорных ограничений, использование модернизированных крейсеров и эсминцев вместо устаревших кораблей, составлявших тогда большую часть флота. В 1936-м и 1938 году, когда стало очевидно, что вопрос об этих ограничениях уже не имеет смысла, было разрешено конструировать новые суда.

И вот летом 1940-го Конгресс утвердил строительство океанских военных кораблей. К концу лета уже были введены в действие два новых авианосца, дюжина крейсеров и около 80 старых эсминцев. Велось также строительство 8 новых линкоров. Большинство старых эсминцев прошло перепроверку на способность временного использования вплоть до замены новыми, но значительная их часть по-прежнему стояла в портах.

Предложение о передаче другой стране части старых эсминцев поставило серьезные вопросы перед правительством США. Необходимость поддержания боеспособности английского флота для нашей собственной безопасности не вызывала сомнений. Но, в отличие от пушек, которые мы им отправляли в июне, эсминцы представляли собой часть первой линии нашей собственной обороны. В случае поражения Англии или потери ею флота для нас становился остро необходим каждый боеспособный корабль.

Значительные люди, как в администрации президента, так и вне ее, высказывались в поддержку английского предложения. Интересно, что среди них был Харольд Икс, министр внутренних дел, который в конце июня бомбардировал президента меморандумами по этому вопросу. В Сенате идею сделки поддерживал Клод Пеппер из Флориды, чтобы, по его выражению, "не допустить войну в наше полушарие". Вне Вашингтона с начала июля значительную активность проявляли В. Аллен Уайт и другие чле-

ны Комитета по защите Америки посредством помощи союзникам. Президент же тщательно взвешивал все обстоятельства, чтобы решить, принесут ли эсминцы больше пользы нашей безопасности участвуя в боях с нацистами под английским флагом или лучше их оставить в резерве на родине.

Министр юстиции вместе со своими помощниками начали изучать законы, имеющие отношение к этой проблеме, и заключили, что президент США, как командующий флотом, может производить подобные операции с кораблями, если находит, что это соответствует интересам общества. Конгресс и судебная власть признали это право, однако Конгресс постарался ограничить его, приняв в июне особый статут. В нем говорилось, что никакие виды военных материалов и вооружений, включая военные суда, не могут быть "проданы, обменены или как-то иначе переданы другой стороне, если командующий военно-морскими операциями не удостоверит, что... данные военные материалы не имеют существенного значения для обороны США". Теперь вопрос сводился к тому, имеют ли старые эсминцы это "существенное значение".

В области международного права, как и при продаже стрелкового оружия, возник вопрос, возможны ли подобные прямые операции на межправительственном уровне. Дискуссии, начавшиеся еще при продаже винтовок, продолжались и потом, как в правительстве, так и среди тех, кто изучал международное право. К концу лета многие юристы-международники пришли к заключению, что в такое время в государственной международной политике вопросы самообороны являются приоритетными. Многие также ссылались на Пакт Келлога — Бриана, где ясно говорилось, что нации имеют право предпринимать защитные действия против стран, прибегших к войне в нарушение своих обязательств.

Эти соображения в поддержку прямой правительственной сделки, касающейся эсминцев, были изложены в опубликованном 11 августа в знаменитом "Письме редак-

тору "Нью-Йорк таймс"", подписанном четырьмя известными юристами: Ч. Барлингемом, Дж. Рабли, Т. Тэчером (в настоящее время — судья Нью-Йоркского апелляционного суда) и Д. Ачесоном, который вскоре стал помощником госсекретаря. Письмо это оказало немалое влияние на американское общественное мнение.

Параллельно шли дискуссии по вопросу о приобретении нашей страной ряда военных баз с целью защитить Западное полушарие со стороны Атлантики, так как нацисты уже имели выход в Атлантический океан.

Тихоокеанский регион волновал нас меньше, так как там находилась большая часть нашего флота. Однако уже в 1939 году мы стали укреплять нашу оборону на Гавайях, строить новые военно-морские и военно-воздушные базы на атолле Мидуэй, на островах Уэйк, Джонстон и Пальмирских, на Кодак-айленде, Алеутских островах, а также на Аляске. Хотя еще в конце 1938 года руководство флота рекомендовало укрепить остров Гуам, чтобы защитить наши коммуникации с Филиппинами, Конгресс не хотел выделять на это средства, и только месяцев за восемь до Пёрл-Харбора мы начали строить на этом острове сооружения не коммерческого, а военного назначения.

Однако в 1940 году под угрозой находился в первую очередь Атлантический регион, тем более что на Юге экономическая экспансия стран оси приняла угрожающие размеры. Агенты стран оси действовали повсюду, а после поражения Франции нацисты велели немецким коммерсантам в странах Южной Америки подготовить все необходимое к доставке немецких товаров к 1 октября 1940 года, уверенные, что Англия скоро тоже потерпит поражение и европейская блокада закончится. Они дошли до того, что готовили в Уругвае мятеж своих сторонников, но этот заговор был, к счастью, пресечен в самом начале либеральным правительством этой страны. Даже если и можно было справиться с экономическим проникновением стран оси в Южную Америку и инспирированными ими восстаниями, все же Дакар во Французской Запад-

ной Африке, а также французские карибские владения вполне могли бы стать плацдармом для агрессии.

Более столетия наша страна препятствовала тому, чтобы какая-либо неамериканская держава приобретала новые территории в Западном полушарии. В рамках политики добрососедства мы давали понять, что желаем равноправного сотрудничества с другими американскими республиками в вопросах общей обороны нашего континента. Значительным шагом в этом направлении стала Декларация о принципах сотрудничества, принятая в декабре 1938-го на Лимской конференции, когда все американские республики согласились проводить консультации в случае угрозы любому региону Американского континента.

Многое предстояло сделать, если бы такому сотрудничеству суждено было состояться. Армии некоторых наших южных соседей были оснащены оружием германского производства, а боеприпасов нужного калибра почти не производилось ни на Юге, ни на Севере. Чтобы иметь возможность снабжать военными материалами американские государства в случае агрессии против них, мы в 1939 году приняли поправку, согласно которой Закон о нейтралитете не распространялся на случаи агрессии неамериканских государств против американских.

После Дюнкерка мы пошли дальше.16 июня 1940 года Конгресс разрешил военному и военно-морскому министрам производить на государственных военных заводах или приобретать на свободном рынке военные материалы для прямой продажи любому американскому государству. Этот закон прямо предшествовал Закону о ленд-лизе, так как предусматривал для американских республик большую часть того, что Закон о ленд-лизе предусматривал для любой страны, чья оборона была жизненно важна для нас самих (не считая освобождения от необходимости платить наличными за товары).

Но нужна была и финансовая помощь, и это решал закон, принятый Конгрессом 26 сентября, по которому

Экспортно-импортный банк получал право предоставлять заем до 500 миллионов долларов американским республикам. Вскоре Военное и Военно-морское министерства создали Объединенный консультативный совет по американским государствам в целях подготовки для них программ закупок в США военных материалов, необходимых для обороны этих стран.

Наконец был создан план по военным поставкам американским республикам на 400 миллионов долларов на определенный период; однако в его выполнении не возникло необходимости, поскольку прежде выполнения необходимых для этого работ был принят Закон о ленд-лизе. После этого военные поставки американским странам производились согласно этому закону.

После поражения Франции мы оказались в равном положении, по необходимости общей обороны нашего континента, с другими американскими государствами. Хотя у нашей страны был сильный флот и мы планировали расширять армию, возможности доставки военных сил в Южную Америку, в случае агрессии против нее, были ограниченными. Получив контроль над Французской Гвианой или Мартиникой, Гитлер тем самым получал и базы, с помощью которых немцы могли перерезать наши южные коммуникации и даже имели возможность атаки на Панамский канал.

Понимая эту опасность, министры иностранных дел американских республик собрались 21 июля на конференцию в Гаване и пришли к соглашению о том, что ни одна из их стран не признает суверенитета неамериканских стран над какими-либо территориями в Западном полушарии, а если будут делаться попытки подобного распространения суверенитета, соответствующая территория оккупируется одной или несколькими американскими странами на основе "коллективной ответственности".

Но это было лишь частичное решение проблемы. Панамский канал, Пуэрто-Рико и Виргинские острова являлись самыми южными базами Соединенных Штатов. Они

находились дальше от гористого побережья Бразилии (куда, как считали многие, Гитлер, скорее всего, и нанесет удар), нежели Бразилия от Дакара (откуда он мог нанести удар вернее всего). Мало того, едва ли эти базы были в состоянии должным образом защитить Панамский канал без поддержки английского флота. Имея дополнительные военные базы на внешних островах Карибского региона, мы смогли бы гораздо лучше защитить зону Панамского канала. Большинство же этих островов принадлежали Великобритании.

Летом 1940 года продолжались дискуссии также и о проблеме нашей обороны в Северо-Атлантическом регионе. Исландия и Гренландия располагали удобными базами, которые немцы могли использовать для операций против США и Канады. Уже тогда нацистские бомбардировщики летали над Исландией, и, как выяснилось позднее, на Гренландии находилась немецкая метеостанция. У Канады, как и у США, не было передовых постов в Северной Атлантике.

Президент Рузвельт и премьер-министр <Канады> Кинг встретились 17 августа в Огденсбурге (Нью-Йорк), чтобы обсудить опасную ситуацию. Был создан Постоянный объединенный совет обороны для "координации вопросов обороны северной части Западного полушария". Сильные военно-морские и военно-воздушные базы в районе Ньюфаундленда и Бермудских островов имели большое значение для обороны Канады и потенциально — для США. И Бермуды, и Ньюфаундленд принадлежали Англии.

За то, чтобы Америка получила новые базы в Западном полушарии, выступали американцы самых разных убеждений: и те, кто был всецело за помощь Англии в интересах нашей безопасности, и те, кто считал, что достаточно одной континентальной обороны. Были и такие, которые, не желая передачи англичанам наших судов, призывали потребовать, чтобы англичане предоставили нам базы в счет погашения старых долгов времен Первой

мировой. Эту идею пропагандировали и германские агенты — такие, как Джордж Вирек.

Между тем правительство США обсуждало этот вопрос с руководством Англии. Правительство Черчилля согласилось предоставить атлантические военные базы в наше распоряжение. Президент США согласился с тем, что передача англичанам старых эсминцев в интересах американской обороны. Он же решил соединить в одну сделку вопрос о военных базах и вопрос об эсминцах, в чем его поддержали также Ф. Нокс, военно-морской министр, и другие. Мы должны были получить базы в аренду на 99 лет.

Министр юстиции Джэксон сделал заключение, что президент правомочен совершить подобную сделку. Согласно его мнению, выраженному в письменном виде, президент, как главнокомандующий вооруженными силами США, может передать <англичанам> эсминцы, чтобы иметь военные базы, если командующий флотом адмирал Старк официально подтвердит, что эти суда не имеют существенного значения для американской обороны. Кроме того, эсминцам должна быть дана такая оценка, если "обмен эскадренных миноносцев на военные базы скорее усилит, нежели ослабит нашу обороноспособность в целом". Что все именно так — было самоочевидно, и это обстоятельство для адмирала должно было перевесить естественное нежелание всякого морского офицера расставаться с военными кораблями.

Рузвельт ясно и четко сформулировал нашу позицию в отношении вопросов международного права:

"Это ни в коей мере не противоречит нашему статусу миролюбивой державы. Тем более это не представляет угрозы никакой стране. Забота об обороноспособности является неотъемлемым правом любого суверенного государства. При существующих обстоятельствах реализация этого суверенного права необходима для сохранения мира и нашей безопасности".

В середине августа произошла заминка в переговорах с Англией. Черчилль в речи 20 августа заметил, что предпочел бы передачу баз в аренду как акцию доброй воли, а не в обмен на эсминцы. С его точки зрения, ставить на одну доску военные базы и старые корабли — значит признавать, что сделка гораздо выгоднее для Америки, чем для Великобритании. В Вашингтоне был выработан компромисс, принятый и Лондоном. Англия "на добровольных началах" передавала нам права на базы на Ньюфаундленде и Бермудах, имеющие особую важность для обороны США и Канады, а базы в Вест-Индии и Южной Америке (Багамы, Санта-Лусия, Тринидад, Британская Гвиана и др.) мы получали в обмен на передачу эсминцев.

Тексты соответствующих нот для подписания были подготовлены к Дню труда (в США — первый понедельник сентября. — *Перев.*). В тот же день их подписали лорд Лотиан и госсекретарь Халл. Тогда же Черчилль по просьбе мистера Халла подтвердил заверение, высказанное в его дюнкеркской речи, что английский флот не капитулирует, но будет продолжать борьбу с заморских территорий, если воды, окружающие Британские острова, "станут необороняемыми". При этом Черчилль не смог удержаться от отповеди пессимистам, которые тогда мало верили в то, что Англия устоит.

— Эти гипотетические возможности, — заметил английский премьер, — могут скорее относиться к германскому флоту или тому, что от него останется, нежели к флоту Великобритании.

Глава 5. Дальнейшее развитие сотрудничества

Со второй половины 1940 года мы серьезно взялись за развитие военной промышленности. Провозгласив 16 мая курс на перевооружение, президент 10 июля запросил у Конгресса выделения средств, необходимых для оснащения механизированной армии в 2 миллиона человек и

покупки 15 тысяч самолетов для армии и 4 тысяч — в дополнение к 7 тысячам, разрешенным в июне для армии и флота в целом. 19 июля он объявил, что нужен Закон о воинской повинности, а еще через 10 дней попросил Конгресс ускорить работу по законодательству, касающемуся создания Национальной гвардии. Дело пошло быстро, и после продолжительных дебатов 27 августа был принят Закон о Национальной гвардии. 16 сентября был принят и Закон о воинской повинности.

Впервые в нашей истории мы стали создавать мощную армию, способную к защите страны, прежде чем против нас будет развязана война. Решение это оказалось своевременным. 27 сентября 1940 года Германия, Италия и Япония подписали союзный договор, причем каждая сторона обязалась защищать "новый порядок" в Европе и Азии — "новый порядок", возможный только при тотальной агрессии, — и помогать друг другу в случае "нападения" любой другой страны. Этот союз трех агрессоров, грубо замаскированный под оборонительный, представлял собой угрозу для США, поэтому наша страна продолжала принимать меры по самозащите.

События мая-июня 1940 года научили демократические страны тому, что нейтралитета для самозащиты недостаточно. С того времени, как мы стали принимать большие военные заказы, в этих странах начали всемерно добиваться получения американского оружия.

Типичными в этом роде были действия Нидерландского правительства. В январе 1940 года в нашу страну прибыла закупочная миссия Голландии, но ею было куплено лишь небольшое число самолетов и военной техники. После того как в мае голландцы потеряли свободу своей родины, у них еще оставалась Нидерландская Индия — обширнейшая заморская территория. Для ее обороны им требовалось значительное количество вооружений, и они теперь старались закупить их как можно больше. Через пять дней после того, как нидерландское правительство нашло убежище в Лондоне, к нам из Ост-Индии прибыла их за-

купочная миссия, которая до конца года заказала военных материалов на 50 миллионов долларов.

Многие другие малые страны последовали их примеру. Летом и осенью 1940 года в нашей стране побывали закупочные миссии из большинства американских республик и других нейтральных стран. Всем нужны были самолеты, танки, пушки и другие виды оружия, а также станки и оборудование для производства оружия собственными силами.

Одновременно резко возросло число заказов из Китая и Великобритании, двух великих стран, сражавшихся в разных полушариях против государств оси. Два новых займа, предоставленные Экспортно-импортным банком в октябре и декабре, всего на 75 миллионов долларов, сделали возможными такие закупки и для Китая. Они предоставлены были Т. В. Суню, который тогда прибыл в США со специальной миссией от своего свояка, генералиссимуса Чан Кайши. В отличие от прежних займов, предоставленных Китаю, эти могли быть использованы и для приобретения оружия.

Англичане теперь столкнулись с совершенно новой стратегической ситуацией. Вслед за падением Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании они потеряли важные источники снабжения на континенте, а потребность их в оружии значительно возросла. Не осталось и следа от идей о том, что Англия может создать себе необходимую систему обороны, а силы Германии будут истощены и она потерпит поражение. Британии нужно было оружие для защиты от прямого нападения Германии, а также для защиты зоны Суэцкого канала от нападения Италии. Перед лицом японского проникновения во Французский Индокитай Англия, Австралия и Новая Зеландия тоже нуждались в оружии для защиты Сингапура и южной части Тихоокеанского региона.

Во второй половине 1940 года размеры военных заказов стали быстро расти, так что нам тогда трудно было с ними справляться. С 1 января 1939-го по 1 июня 1940 года

иностранные правительства разместили в США всего военных заказов на 600 миллионов долларов, в июне их заказы возросли до 800 миллионов, а во втором полугодии 1940-го к этому добавился еще 1 200 миллионов долларов. За семь последних месяцев 1940 года были заключены контракты с разрешения армии и флота на 8 600 миллионов долларов, а Конгресс утвердил оборонную программу на 210 миллионов, что в пять раз больше, чем за фискальный год, заканчивающийся 30 июня. За два с половиной года, начиная с 1 января 1938 года, наши армия и флот заказали только 5400 самолетов, а в следующие полгода — уже 21 400. За несколько месяцев тяжесть, которую взвалила на себя американская промышленность, возросла в несколько раз.

При таком росте заказов стала очевидной дальнейшая координация программ поставок — нашей и наших союзников. Самую важную из связанных с эти проблем сформулировал президент в обращении к сотрудникам Виргинского университета 10 июня:

"Мы будем в одно время преследовать две различные цели — помогать материально тем, кто противится агрессии, и не форсировать развитие этой помощи, чтобы мы сами были в состоянии обеспечить нашей армии должный уровень обучения и вооружения на случай возможной агрессии".

Это значило, что мы должны были добавить к военному производству, созданному на иностранные капиталы, производство, необходимое для выполнения как наших собственных, так и дополнительных иностранных заказов. При этом возникало несколько вопросов.

В каких масштабах развивать производство вооружений? От этого зависело, насколько быстро мы сможем вооружаться и выполнять заказы других демократических стран.

Какого рода вооружения следует производить? Значительная часть уже существующих и строящихся военно-промышленных объектов была создана благодаря во-

енным заказам. Часть из них производила вооружения, не соответствующие нашим стандартам. Надо было что-то делать, иначе мы получили бы много заводов, работающих по зарубежным стандартам, и нам было бы не так легко использовать их для наших нужд в случае агрессии.

Как разделить продукцию новых заводов, принимая во внимание задачу, поставленную президентом: вооружаться самим и вооружать тех, кто сражается со странами оси, чтобы исключить войну в нашем полушарии?

Летом 1940-го началась подготовка программы разделения сырья и продукции между нашим и зарубежными правительствами. Предполагаемые в тот период меры носили временный характер, их приходилось пересматривать, возникали новые проблемы. Но начало было положено. Руководство планированием этой работы осуществляли Национальная консультативная комиссия по обороне и Президентский комитет по связям. Консультативная комиссия отвечала за планирование расширения производства, а делать это надо было осторожно и тонко. Поэтому нам постоянно приходилось консультироваться с руководством армии и флота, иностранными закупочными миссиями, Президентским комитетом по связям, действовавшими самостоятельно.

Как уполномоченный по промышленным материалам, я лично отвечал за снабжение сырьем предприятий, производящих военные материалы. Позднее, после 21 октября, когда был создан Совет по приоритетам, состоящий из У. Кнадсена, Л. Хендерсона и вашего покорного слуги, мы стали определять приоритеты как на зарубежные, так и на наши собственные государственные заказы.

Особую роль в координации этой деятельности играл Президентский комитет по связям, созданный в декабре 1939 года для контактов с иностранными правительствами, желавшими производить у нас закупки военных материалов. К иностранным правительствам обращались с просьбой представить в комитет доклад по каждому из

контрактов, которые они собирались заключить. Прежде чем утвердить контракт, комитет анализировал, не будет ли он помехой нашему собственному перевооружению, предлагал дополнительные источники, когда программа заказа была слишком обширной, а позднее помогал определить приоритет, если это было необходимо. По военным самолетам подлежала предварительному анализу вся программа заказов иностранных миссий.

В июле 1940 года Артур Пэрвис, министр финансов Моргентау и его помощник Янг начали неформальные консультации по вопросу о соотношении между нашими программами самолетостроения и возросшими потребностями англичан. В США тогда производили до 550 самолетов в месяц, причем около половины из них были учебными. На 1 июля 1940 года англичане и французы успели заказать до 10 000 самолетов. Но во второй половине этого года для иностранных поставок производилось только около 250 единиц в месяц. Тогда стали разрабатывать планы довести производство примерно до 3 тысяч в месяц к концу 1941-го: тысячу — для Англии и 2 тысячи — для наших вооруженных сил. Но Пэрвис несколько раз говорил Моргентау, что к этому времени англичанам на самом деле потребуется 4000 американских самолетов, вместо 1000 по плану.

24 июля Моргентау, Янг и Пэрвис обсудили нужды Англии, а позднее, в тот же день, Пэрвис хотел помимо Моргентау увидеться с министрами Стимсоном,Ноксом, Кнадсеном и генералом Арнольдом. Когда Пэрвис запросил было 1500 самолетов в месяц вместо 1000 к концу 1941-го, Моргентау остановил его и назвал цифру 4000. Пэрвис был озадачен: в мыслях он стремился именно к этому, но никогда не решался сразу назвать такую цифру. Он считал, что к цели лучше двигаться постепенно.

Госсекретарь был другого мнения. Если англичанам нужно определенное количество самолетов, будет лучше, если они объявят об этом прямо и сразу, прежде чем про-

грамма начнет выполняться. В то время составляли план на ближайшие полтора года, и следовало сформулировать задачи.

— Теперь очередь за Кнадсеном, — заметил Моргентау. — Он опытный производственник и отнесется к такому вызову как должно.

— Так и сделаю, — ответил Пэрвис. — Правда, прежде я должен увидеться с Уилсоном, представителем лорда Бивербрука в вашей стране, и заручиться его поддержкой. Но я займусь этим.

Пэрвис "занялся этим" в тот же день, заявив Кнадсену, что англичанам нужны 4000 самолетов в месяц. Часто с тех пор я думал о том, что Моргентау — опытный психолог. Попросить у Кнадсена 1500 самолетов значило бы лишь немного скорректировать программу. Совсем другое дело — 4000. Это означало удвоение всей программы. Ставки поднялись бы очень высоко, и теперь все — автомобилестроители, производители моечных машин, холодильников — должны были энергично взяться за дело и оказывать содействие.

Кнадсен сказал, что к концу 1941 года это сделать невозможно, но в следующем году можно. Он не очень ошибся. К концу 42-го мы выпускали до 5400 самолетов, а к августу 43-го — 7500 в месяц. Американская промышленность приняла вызов и прекрасно справилась с задачей.

В тот вечер из Лондона прибыл лорд Бивербрук и сообщил хорошие новости. Обещанная англичанам большая программа помощи придала им мужество для битвы за Англию, которая и началась 8 августа 1940 года, когда нацисты послали огромную армаду бомбить Британию — это был первый из их многочисленных дневных налетов.

Англичане действительно получили от нас много военных самолетов, хотя и не по 4000 в месяц. Задолго до того как мы вышли на производство 6000 самолетов в месяц, подверглась нападению Россия, а потом и мы сами. Но эти самолеты получили силы Объединенных Наций — наши и наших союзников.

После того как план производства самолетов удвоился в один день, надо было подумать и о расширении производства комплектующих частей. Тут узким местом оставалось производство моторов. Тогда военно-воздушный корпус США пользовался моторами воздушного охлаждения, но был заинтересован в моторах жидкого охлаждения для истребителей, а в Америке, к сожалению, не было надежных машин этого типа. Поэтому руководство ВВС заинтересовалось проверенными в боях двигателями фирмы "Роллс-Ройс Мерлин". Эти английские двигатели успешно использовались на истребителях "Спитфайр" и "Харрикан" и бомбардировщиках "Веллингтон" и "Галифакс".

Министр финансов Моргентау связался по трансатлантическому телефону с лордом Бивербруком, который только что стал министром авиации, и попросил лицензию на производство в США моторов "Мерлин". Тот сразу ответил: да, мы можем получить лицензию на производство "Мерлинов", а заодно также "Спитфайров", "Харриканов" и всего, что потребуется для наших авиапрограмм.

Это было смелое предложение. Частные права в лицензионных договорах не передавались так легко. Но Бивербрук знал, что все он сможет уладить, и хотел только, чтобы дело пошло без проволочек. Вот один из примеров решительных, смелых действий этого человека, так много давших Англии в дни испытаний.

Через несколько недель мне сообщили, что в Галифакс прибыл высокий британский чиновник, чтобы забрать портфель с печатями компании, доставленный на линкоре.

Поднявшись на борт корабля и пообедав с капитаном, он заявил, что готов забрать печати.

— Как вы их повезете? — спросил капитан.

Гость показал на портфель.

— Может быть, вы на них сначала посмотрите? — предложил капитан.

Они спустились в каюту, где хранились печати.

— Так где же они? — спросил чиновник.

— Да они в тех больших ящиках. Там, наверно, две тонны будет...

3 сентября 1940 года был подписан контракт с "Паккард мотор компани" на производство 9000 этих моторов: 3000 — для наших ВВС и 6000 — для англичан.

Но прежде чем кто-то получит моторы, надо было построить и оснастить завод. Расходы были разделены между США и Англией: один к двум. За строительство завода англичане заплатили 24 миллиона долларов. Моторы, которые британцы разрешили производить "Паккарду", в дальнейшем использовались на Пи-51 и на некоторых из Пи-40.

После того как вопрос о контрактах был решен, возникла новая проблема: как распределять продукцию самолетостроения? Если американские и иностранные заказы были размещены у одного и того же производителя, наше правительство, пользуясь вновь полученным правом приоритета, старалось взять в свои руки все дело, даже если английские заказы были размещены раньше. Конечно, такие действия вовсе не способствовали нашей политике усиления собственной обороны посредством помощи странам, которые сражались с теми, кто угрожал нам самим. Требовалась какая-то новая распределительная система.

21 августа был создан комитет из представителей наших вооруженных сил и Британской авиационной комиссии, к которым позднее присоединились представители Комитета по связям, а также Оборонной консультативной комиссии. Новый орган получил название Объединенного авиационного комитета, члены которого имели власть, как выразился министр обороны Стимсон, "действовать от имени и брать на себя обязательства" своих правительств. Это был важный шаг на пути к эффективному повседневному сотрудничеству в военном производстве, и новый комитет стал предшественником объединенных советов, возникших после Пёрл-Харбора.

Принципом работы этого комитета было эффективное распределение планов, которое должно было как можно скорее дать результаты: либо в войне против стран оси, как в случае с самолетами для Англии, либо для укрепления нашей обороноспособности. Ни в одной из стран не должны были накопляться лишние моторы, пропеллеры, пушки и т. д., если в другой стране есть самолеты, которые в этом нуждаются.

Была у Объединенного авиационного комитета и другая задача, не менее важная: стандартизация военных самолетов и авиационного вооружения для нужд обоих правительств. Прежде всего комитет обратил внимание на самолет Пи-40. Хотя американский и английский варианты этой машины были в принципе одинаковыми, между ними существовало множество мелких различий, и каждое из правительств постоянно меняло спецификацию независимо от другого. Результатом была головная боль промышленников и низкая производительность труда. В сентябре 1940 года комитет собрался на Буффалском заводе корпорации "Кэррис-Райт". Заседание продолжалось два дня и кончилось решением о стандартизации модели и о том, чтобы законсервировать образец на полгода. В результате почти сразу произошел значительный рост производства. В дальнейшем подобные совещания по стандартизации были проведены и на других авиазаводах, и результатом в каждом случае также являлся рост производства и у нас, и у англичан.

Работа по стандартизации в других сферах производства была предпринята в том же сентябре, когда к нам прибыл сэр Уолтер Лейтон, спецпредставитель английского Министерства снабжения. Он подчеркнул, что англичане нуждаются в военном оборудовании разных видов для сухопутных войск, однако эта цель не может быть достигнута без гораздо более высокой степени стандартизации, чем нынешняя. Англичане могут сделать большие заказы в Канаде, но значительное их количество могли бы выполнить в США, где производят ору-

жие, которое могут использовать как американцы, так и англичане. Лейтон сказал, что для начала Британия хотела бы снабдить американскими стандартными военными материалами до 10 дивизий для боевых действий на Ближнем Востоке. 29 ноября этот план был согласован, но с условием, что заказы будут проверены военным министерством и что они будут размещены незамедлительно, чтобы сразу наладить развертывание производства. Английское решение покупать американские военные материалы воплотилось в "соглашение Стимсона—Лейтона", и это было не просто принятие ими наших стандартов — тут было также предложение о совместной работе в области создания новых и модернизации старых видов оружия для нужд обеих стран. Предложение было принято, и обе наши армии стали обмениваться военными материалами для их проверки. Каждая страна производила основательную экспертизу оружия другой страны. Английские 40-миллиметровые зенитные пушки "Бофор" показали себя настолько хорошо, что мы утвердили их для нашей армии и начали их производство в США. Англичане же приняли на вооружение наши 105-миллиметровые гаубицы и еще кое-какие виды пушек. Некоторые виды оружия были усовершенствованы с учетом лучшего из достигнутого в обеих странах. Это была одна из форм взаимопомощи — обмен идеями, который теперь стал неотъемлемой частью нашего военного сотрудничества.

Сначала препятствием с обеих сторон была официальная гордыня, но по мере того как идеи одной стороны заимствовались другой обе армии все охотнее воспринимали новые идеи и новое оружие. Теперь мы уже стали гордиться каждый своим вкладом в совместно разработанное оружие.

Сейчас, например, у нас есть основания гордиться вкладом в развитие радиолокации в годы войны. Я точно не знаю, какая из двух стран внесла в это дело больший вклад, да это и не так важно. Но, несомненно, радиоло-

кация никогда не достигла бы нынешнего высокого уровня, если бы и мы, и англичане не начали обмениваться идеями еще в 1940 году.

Одним из первых ощутимых результатов этого сотрудничества стал средний танк, разработанный летом 1940-го как англо-американская модель.

Июньские события того года изменили стратегическую ситуация в Средиземноморье. Потеря Французской Северной Африки и вступление в войну Италии привели к изоляции Египта и Суэца на востоке. Тогда Черчилль предупредил англичан о том, какие тяжелые последствия повлечет за собой поражение Франции. Одновременно он позаботился о том, чтобы укрепить английские вооруженные силы на Ближнем Востоке. В худшее время, когда Англии угрожало вторжение, он направил в Египет единственный английский бронедивизион. Это позволило генералу сэру Арчибальду Вэвеллу сдержать натиск Грациани, но англичанам требовалось гораздо больше танков для будущих сражений.

Англичане хотели закупить большое количество американских танков; нашей армии также нужны были тысячи танков для создания бронедивизионов в ходе перевооружения. Но тогда только одна компания — "Американ Кар энд Фоундри" производила танки, и то легкие.

6 августа Кнадсен и Дж. Биггерс, его заместитель по Оборонной консультационной комиссии, собрали совещание в Вашингтоне, в котором участвовали офицеры американской армии, представители Британской закупочной комиссии и Президентского комитета по связям. Немало было там и американских промышленников и инженеров, представителей автомобильной, железнодорожной и других видов тяжелой индустрии.

Промышленникам и инженерам было сказано, что Англия и США уже почти пришли к соглашению о производстве средних танков для обеих наших армий. За основу был взят наш старый "Генерал Ли", созданный еще в 1937 году, но его предстояло основательно модернизи-

ровать с учетом английского военного опыта, когда британские средние танки показали себя наравне с немецкими.

Майкл Дьюэн, прибывший в США во главе Английской танковой миссии, сообщил, что, по его мнению, у Англии должно было быть значительное количество танков.

— Когда мистер Черчилль стал премьером, — сообщил он, — я вдруг получил телеграмму с предложением явиться к министру снабжения. Он показал мне все меморандумы, которыми я бомбардировал Черчилля, и сказал: "Ну, вот вам и возможность получать эту самую тысячу танков каждый месяц. Не отправиться ли вам в США, чтобы раздобыть хотя бы часть этого количества?" Вот почему я здесь, джентльмены...

По его словам, англичанам, чтобы выполнить их программу, нужно от американцев 600 танков в месяц.

Затем американские военные рассказали о танке, по которому они с англичанами должны были достигнуть соглашения. Больше трех часов промышленники и военные обсуждали, как наладить производство этих танков.

К концу августа было подготовлено оформление стандартной модели "Генерал Грант" — предшественник танка "Генерал Шерман". Дальше следовало заключить контракты. Министерство обороны решило доверить производство основной части танков одному заводу. Сооружение огромного предприятия "Крайслер танк" в Детройте обошлось в 20 миллионов долларов. Англичане заказали 2000 танков в компаниях "Пулман стандард кар", "Пресст стил кар" и "Лайма локомотив". Моторы по заказам обоих правительств поставляла "Континентал моторс корпорэйшн" из Детройта.

Со многими из заводов, выполнявших английские заказы, англичане расплачивались согласно старой практике. Они потратили около 8 миллионов долларов на переоборудование четырех компаний, собиравшихся делать танки, и на концерны вроде Республиканской стальной

корпорации, производившие составные части к танкам. Когда же дело дошло до организации производства танковых моторов, Пэрвис спросил, нельзя ли чем-то помочь. У англичан к тому времени оставалось мало золота и долларов. Пэрвис встретился с представителями Президентского комитета по связям, Военного министерства и Финансовой корпорации реконструкции.

9 сентября 1940 года армия заключила с "Континентал моторс" контракт на производство 1000 танковых моторов к октябрю 1941-го. Англичане на этот раз заявили, что им нужно 400 танков в месяц. Через четыре дня помощник военного министра Роберт Паттерсон писал председателю Финансовой корпорации реконструкции: "Создание производственных мощностей, позволяющих производить требуемые 20 танковых моторов в день детройтской "Континентал моторс корпорэйшн" имеет особое значение для национальной обороны США". Кнадсен обратился с подобным письмом в Консультативную комиссию.

Через неделю Финансовая корпорация реконструкции выделила 8 миллионов долларов на станки и оборудование, необходимые для производства требуемого количества моторов в месяц — как по нашим, так и по английским заказам.

Слова "Особое значение для обороны США" означали не просто признание важности для нас продолжения сопротивления Британии агрессорам. Должно было пройти хотя бы 8 месяцев до отправки моторов потребителю, а к тому времени нам и самим вполне могло бы понадобиться не менее 600 танковых моторов в месяц. Тогда заем Финансовой корпорации был нужен не столько нам, сколько англичанам; одновременно таким путем мы создавали и собственный военный потенциал.

Хотя Континентальный план не был полностью выполнен, мы уже взяли нужное направление. Поскольку англичанам после покупки оружия и вкладов в нашу во-

енную промышленность явно не хватало золота и долларов, мы искали средство им помочь. До Закона о ленд-лизе пробовали и другие средства. Мы решили купить у англичан некоторые военные заводы, которые они у нас построили и которые теперь нам требовались для выполнения наших собственных военных программ. Наша армия рассчитывала сделать военные заказы, в которых она срочно не нуждалась, чтобы в дальнейшем их можно было передать англичанам.

Но все это были временные меры. К концу года положение с долларами в Англии стало настолько серьезным, что требовалось предпринять нечто новое, исходя из существующих законов, для продолжения поставок оружия в Великобританию и другие демократические страны. Конгресс и американский народ должны были принять новое решение.

Глава 6. № 1776

К декабрю 1940 года большинство американского народа уже осознало, что продолжать военные поставки странам, сражающимся с агрессорами, в наших собственных, национальных интересах.

По этому вопросу практически не было дебатов во время осенней президентской кампании. В кливлендской речи 2 ноября Рузвельт заявил:

— Наша политика состоит в том, чтобы дать все, что в наших силах, тем странам, которые сопротивляются агрессорам, по ту сторону как Атлантического, так и Тихого океана.

У. Уилки в своей заключительной речи 3 ноября заявил:

— Все мы, республиканцы, демократы и независимые, верим, что нужно оказать помощь героическому народу Англии. Мы должны снабдить их изделиями нашей промышленности.

Теперь большинство людей ожидали претворения в жизнь этой новой политики, прямо поддержанной кандидатами.

Но все же оставалось немало людей, не уверенных, что такая политическая линия действительно в наших интересах. И очень немногие представляли себе всю значительность стоявшей перед нами задачи.

Через три дня после избрания Рузвельт публично провозгласил "правило большого пальца" в отношении раздела американской военной продукции. Все вновь произведенные американские вооружения должны были быть разделены примерно пополам между США, с одной стороны, и Англией и Канадой — с другой. В тот же день Совет по приоритетам одобрил английский заказ еще на 12 000 самолетов, в дополнение к уже заказанным ранее. Обещание материальной помощи сражающейся Англии все более воплощалось в реальную программу, но некоторые механизмы ее предстояло еще разработать.

Самой острой оставалась проблема долларов. В сентябре 1939 года Англия начала примерно с четырех с половиной миллиардов в долларах и золоте. Значительная часть этих капиталов принадлежала частным лицам, но после начала войны английское правительство взяло под свой контроль частный долларовый баланс и американские капиталовложения, с компенсацией собственникам в английских фунтах. Все доллары были собраны в единой правительственной военной кассе.

Помимо добычи золота в Британском Содружестве важнейшим для англичан источником пополнения долларовых запасов была экспортная торговля с США. В 1940 году многим у нас казалось странным, что англичане, борющиеся за выживание, прилагают усилия к увеличению экспорта таких товаров, как виски, шерстяные ткани, керамика. Но это имело смысл: эти британские товары продавались у нас в стране за доллары, которые, в свою очередь, шли здесь на покупку американского оружия.

За 16 месяцев с начала войны англичане смогли получить еще 2 миллиарда долларов за счет продажи золота, экспорта и других источников. Но за тот же период они почти 4,5 миллиарда выплатили за военные материалы из нашей страны, а также из других стран, где от них требовали золота. Их потери в долларах составили почти 2,5 миллиарда.

Англичане стали тратить свои доллары очень осторожно. Как заметил однажды Пэрвис, "так, словно бы это был запас пищи на необитаемом острове и мы должны были бы его растянуть надолго". Но с падением Франции этой практике пришел конец: необходимые расходы для британцев сразу удвоились, надо было быстро размещать множество новых заказов.

К концу 1940 года английский долларовый запас составлял от силы 2 миллиарда, да и из них 1,5 следовало уплатить за товары, заказанные, но еще не полученные. Британцы едва ли могли добыть столько золота, продать за рубежом столько товаров или услуг (как, например, корабельные перевозки), чтобы продолжать покупать у нас оружие в нужном им количестве. Были уже проданы британские частные акции в американских компаниях, что дало 335 миллионов долларов. И все же у англичан едва хватало долларов, чтобы заплатить за уже заказанные у нас военные материалы.

К середине декабря заключение новых английских контрактов фактически прекратилось. Моргентау и сэр Фридерик Филлипс, высокий чиновник английского Министерства финансов, прибывший к нам сразу после передачи англичанам французских контрактов, встречались еженедельно, чтобы обсудить ситуацию с британскими заказами.

Чтобы решить эту долларовую проблему, мы могли предоставить Великобритании заем, как делали во время прошлой войны. На первый взгляд это было простое и удобное решение, но на самом деле оно было связано с новыми серьезными проблемами. Заем между союзника-

ми во время большой войны за выживание — вещь не очень надежная. Англичане познали это на опыте более ста лет назад, когда они создавали союзы с другими странами, чтобы остановить Наполеона. Они давали деньги в долг союзникам, но потом выяснилось, что долги могут быть возвращены им только частично. Пришлось тогда даже отказаться от практики займов. Поскольку поражение Наполеона было крайне важно для безопасности самой Англии, британцы предоставляли большую помощь союзникам фактически в виде субсидий.

Мы, американцы, после прошедшей войны также открыли для себя, сколько трудностей приносят займы, когда из-за военных долгов создается драматическое взаимонепонимание между союзниками, тогда как они должны стоять плечом к плечу, чтобы установить мир в мире. Конечно, фиксированные долги снова привели бы к тем же трудностям.

Но были и другие причины не делать долгов. Суть дела состояла не в долларах, а в самолетах, пушках и кораблях. Оказывать на коммерческой основе помощь тем, кто сдерживал натиск стран оси, это значило бы помешать достижению нашей подлинной цели: направить на фронты достаточно оружия, чтобы остановить агрессию, прежде чем она достигнет Западного полушария.

Между тем положение с производством военных материалов постепенно ухудшалось. К 1 декабря 1940 года только 2100 из 23 000 самолетов, заказанных или планируемых для заказа, было получено англичанами. Станков не хватало, и создалась угроза нехватки сырья. Чтобы доставить заказчикам все самолеты и чтобы создать ВВС, которых требовала наша собственная безопасность, потребовалось бы предельное напряжение сил наших производителей. Только единая правительственная политика обеспечения всем необходимым оборонного производства могла помочь справиться с нашими огромными задачами. Значит, правительство США должно было заняться размещением всех военных заказов в нашей стране.

В конце концов, это была проблема оборонной стратегии. Никто не мог предвидеть, как придется перераспределять американское оружие в применяющихся обстоятельствах войны. Может быть, мы сочли бы необходимым отправлять за границу оружие, которое первоначально предназначалось для нашей армии. Это могло стать необходимым, чтобы предотвратить решающую победу агрессоров за рубежом и дать нам самим возможность лучше подготовиться к войне. С другой стороны, мы сами были под угрозой нападения, когда в декабре 1941 года стали выпускать самолеты, заказанные в декабре 1940-го.

Все лето и осень 1940 года правительство искало наилучшее решение этих проблем. Впервые я понял, каким может быть решение, в конце лета, во время заседания Консультативной комиссии по обороне с участием президента. Мы тогда говорили о недостатке кораблей, о том, что у англичан возрастают трудности с доставкой военных грузов из США. Они уже начали покупать у нас корабли, но мы знали, что у них не хватит долларов надолго. Наконец президент заметил, что вовсе нет необходимости ни англичанам покупать или строить у нас корабли на свои деньги, ни нам давать им деньги в долг с этой целью. По его мнению, они вполне могли бы брать у нас взаймы готовые корабли, пока не минет военная нужда.

В то время это была совершенно новая для нас идея, и она показалась нам исполненной смысла. Но тогда комиссия занималась в основном внутренними проблемами, и я почти не вспоминал об этой реплике президента до тех пор, пока понятие "ленд-лиз" не стало в Вашингтоне объектом всеобщего обсуждения. Тогда я понял, что те слова вовсе не были случайным замечанием президента по частному поводу, но были частью целого плана помощи демократическим странам, плана, который он обдумывал уже тогда.

Позднее я узнал, что идея эта зародилась впервые в Министерстве финансов, где постоянно анализировали проблему продолжения военных поставок в Англию ввиду

истощения английского долларового запаса. Юристы министерства открыли, что, по старому статуту 1892 года, военный министр, "если того потребует благо общества", может давать в использование собственность армии, "не требуемую для общественных нужд", на срок не более 5 лет. В соответствии с этим статутом действительно время от времени давались взаймы тракторы, станки, краны, баржи и многое другое.

Этот статут и подсказал идею превращения принципа ссуды и аренды в систему помощи Великобритании. Но идея простой ссуды в этом случае была не вполне применима. Например, когда человек сдает в аренду дом, он делает это на определенный срок и за определенную цену. Но это как раз было невозможно в применении к нашим военным поставкам Англии и Китаю. Никто точно не знал, сколько будет продолжаться кризис и что именно мы хотим получить от них взамен. Аренда должна была продолжаться неопределенное время, на основе джентльменского соглашения, и все вопросы должны были быть решены окончательно в дальнейшем, в интересах всех сторон, после поражения держав оси.

В начале декабря президент совершил небольшой круиз на корабле "Тускалуза". Формально он хотел осмотреть некоторые базы в Карибском регионе, только что переданные нам Англией, но кроме этого у президента была еще одна цель: получить возможность основательно продумать варианты решения проблем, которые все настоятельнее требовали разрешения.

Между тем мне выпал случай ярко представить себе масштабы опасности, возникшей для США в результате развития событий в мире. Однажды утром, во время очередного заседания Консультативной комиссии по обороне, позвонил Стимсон и попросил меня вместе с Кнадсеном и Дональдом Нельсоном прийти к нему домой в час дня на обед. Помню, то был один из удивительно теплых дней в начале декабря. Едва нас проводили в кабинет мистера Стимсона, как почти сразу прибыли Халл и Нокс.

Стимсон сразу перешел к делу. Мы, представители Консультативной комиссии по обороне, должны помочь в мобилизации ресурсов Америки на нужды национальной обороны, заявил он. Но есть у нас и другая обязанность: помочь настроить сознание американцев на выполнение этой великой задачи. По мнению трех министров, следовало подробнее рассказать людям о содержании донесений из-за границы, на которых правительство основывает свои предупреждения американскому народу о грозящих нашей стране опасностях.

Сначала Халл нарисовал ясную картину тех страшных возможностей, которые заставили его месяц назад предостеречь американцев в том, что нет ничего опаснее, как полагать, будто лавина завоеваний агрессора не докатится до Западного полушария.

Теперь, по его словам, нацисты вознамерились достичь мирового господства. Гитлер надеется на капитуляцию Англии весной 1941 года, после чего Германия и Япония вместе нанесут удар по США — сомнений это не вызывает. Как только Великобритания выйдет из войны, их флоты могут неожиданно появиться по обе стороны Южной Америки, а возможно, и Панамского канала.

Затем Халл перешел к положению в Восточной Европе. Гитлер держит миллионную армию на границе с Россией и надеется заставить Советы смириться с "новым порядком" в Европе. Мистер Халл не считал, что это возможно. Напротив, есть реальная надежда, что Россия решительно выступит вместе с нами против Германии. На юго-востоке Европы положение очень тяжелое. Агрессия Муссолини против Греции, очевидно, захлебнется, но Гитлер, конечно, сам вторгнется в Грецию и придет ему на помощь. И если Гитлер начнет двигаться в этом направлении, то неизвестно, кому и когда удастся его остановить.

Мистер Стимсон и полковник Нокс дополнили картину, нарисованную Халлом, важными подробностями чи-

сто военного характера. Для нашей страны непосредственной опасностью было бы сокрушение английской военно-морской мощи на Атлантике. Критический срок для Англии, по словам Стимсона, составлял три месяца. После этого сомнительно, чтобы она могла удержаться, если только наша страна не окажет ей значительную гарантированную материальную помощь.

Потом министры перешли к задаче членов нашей комиссии. Правительство делает все от него зависящее, чтобы разъяснить американскому народу всю тяжесть угрозы для нашей национальной безопасности, а мы должны разъяснить это миру бизнеса.

В тот же день мы вместе с Авереллом Гарриманом, Уильямом Батом, Джоном Биггерсом и другими бизнесменами, работавшими в правительстве, взялись за дело. Мы собирали совещания для сотрудников Американской торговой палаты и других организаций деловых кругов; Нельсон ездил в Чикаго беседовать с друзьями-предпринимателями; мы с Кнадсеном встречались с "капитанами индустрии" по всей стране, разъясняя им, в каком трудном положении мы оказались.

Вместе с угрожающим ростом агрессии за рубежом росло и понимание в нашей стране угрозы для нас самих в случае падения Великобритании. Но план поставок оружия Англии еще предстояло проработать. Вернувшись 16 декабря из Карибского региона, президент подготовил предложения, с которыми обратился к народу на пресс-конференции на другой день.

Обращаясь к журналистам, Рузвельт заявил:

— У абсолютного большинства американцев сейчас нет сомнений: лучший способ защитить Соединенные Штаты — это помочь Великобритании защитить себя; вот почему, не говоря уже о нашем традиционном стремлении сохранить в мире демократию, с точки зрения эгоистических интересов американцев, ради нашей собственной безопасности нам следует сделать все возможное, чтобы помочь Британской империи.

Рузвельт напомнил также, что во больших войнах никогда еще победа или поражение не зависели просто от денег, что в 1914 году банкиры заверяли всех, будто война не будет продолжаться дольше 3 месяцев из-за нехватки денег и даже если она все же окажется длительнее, то они, банкиры, остановят ее за полгода.

— По мнению лучших экономистов, продолжительность войны целиком зависела от наличия или отсутствия денег в банках. Что ж, вам известно, чем это закончилось, — сказал президент.

Затем Рузвельт добавил, что хочет свести на нет значение доллара. В этом была суть его предложения.

Президент пояснил свою мысль простыми словами. Наши заводы производят оружие и боеприпасы. Часть из них покупают англичане, часть — мы сами. Отныне правительство должно будет размещать все военные заказы на американских предприятиях. Если оружие и другие военные материалы понадобятся нам самим, мы их сами и возьмем. Если же мы решим, что "для обороны Америки будет полезнее, если ими воспользуются англичане, чем если они будут лежать у нас на складах", тогда мы можем "либо продать, либо дать в долг эти материалы людям, живущим по ту сторону Атлантики".

Теперь не от наличия или отсутствия долларов, а от интересов национальной безопасности должно было зависеть, куда будут отправлены наши оружие и боеприпасы.

После этого президент и рассказал свою притчу о пожаре и шланге, данном соседу в долг, чтобы показать на общепонятном примере значение проекта ленд-лиза.

Через несколько дней после пресс-конференции по всей стране только и говорили, что о проблемах национальной обороны. В Белый дом со всей страны поступали письма от граждан. Большинство корреспондентов писали президенту, что нашей стране угрожает серьезная опасность и об этом надо сказать без обиняков, что президент должен ясно заявить, что следует предпринять, чтобы

обеспечить нашу безопасность. Лишь немногие откровенно выражали мнение (которое все труднее было отстаивать перед лицом фактов), что-де все эти разговоры об опасности — чепуха и нам не следует беспокоиться по поводу действий Гитлера или японцев, потому что мы в нашем полушарии и сами всегда сможем себя защитить, что бы там ни творилось в мире.

Однако была и такая телеграмма, которая рассердила президента. Автор ее не отрицал угрожающей нам опасности, но просил президента не обращать на опасность внимания. По этому поводу сам Рузвельт сказал:

— Суть этой телеграммы вот в чем: "Пожалуйста, господин президент, не пугайте нас, говоря нам об обстоятельствах". — И тут он не мог не дать отповеди автору этого письма: — Надо сказать честно и решительно: нам угрожает реальная опасность, и мы должны быть к этому готовы. Но ясно, что опасности не избежишь, если залезть в кровать и укрыться с головой одеялом.

Президент высказался прямо, как и просили его в большинстве писем. Он сказал:

— В случае поражения Великобритании все мы, американцы, будем жить под дулом винтовки, заряженной разрывными пулями, боевыми и экономическими. Мы должны взяться за производство вооружений со всей решительностью и волей, на которые мы способны. — И завершил свою мысль формулой национальной политики военного времени: — Мы должны стать великим арсеналом демократии.

6 января 1941 года Рузвельт обратился к Конгрессу с годичным посланием "О положении в Федерации":

"Я, как это ни печально, должен заявить, что будущее и безопасность нашей страны теперь тесно связаны с событиями, происходящими вдали от наших границ".

Президент просил Конгресс о полномочиях и средствах для того, чтобы увеличить производство оружия и боеприпасов для передачи в страны, отражавшие агрессию держав оси.

Когда Рузвельт вернулся в Белый дом из Капитолия, министр финансов Моргентау и Э.Х. Фоули, один из руководящих сотрудников Министерства финансов, обратились к нему с просьбой обсудить законопроект о широкой программе помощи демократическим странам. Законопроект этот за четыре дня до того подготовил главный юрист Оскар Кокс, перешедший три года назад в Министерство финансов из Нью-Йоркской консультативной корпорации.

Все время он работал над проблемой иностранных закупок и один из первых предложил обменную систему для решения проблемы поставок стрелкового оружия в Англию. Летом он же раскопал старый, 1892 года, статут, который подсказал ему идею строить помощь демократическим странам на основе аренды. Его проект Закона о ленд-лизе был отчасти основан на законе, принятом летом 1940 года, о помощи нашим оружием другим американским странам.

После того как Кокс подготовил первый законопроект, его обсуждали Моргентау, руководство Министерства финансов, министр Стимсон, заместитель министра Мак-Клой, другие руководители Военного министерства, министры Нокс, Халл, его советник Хакворт, министр юстиции Джэксон и многие другие чиновники. Кроме того, были проведены консультации с лидерами Конгресса, сенаторами Баркли, Джорджем, Коннэли, Гаррисоном, спикером Рэйбэрном, конгрессменами Маккорнаком, Блумом и Джонсоном. Ко времени, когда этот законопроект был представлен президенту, он уже представлял собой итог творчества многих людей. Члены Совета по законодательству Конгресса трудились над его языком и формулировками. Юристы Министерства финансов затратили немало усилий, чтобы согласовать между собой все поступившие предложения.

Получив от Моргентау текст законопроекта, Рузвельт изучал его долго и тщательно. Потом он сказал, что этот проект предусматривает простое и прямое решение во-

проса о помощи другим странам, которую мы намерены предоставить. Президент заявил, что хочет снова получить законопроект, и как можно скорее, с визами Халла, Стимсона, Нокса, Кнадсена и самого Моргентау.

На другой день Фоули и Кокс прибыли для окончательного согласования текста законопроекта. Прошли новые консультации, еще ряд поправок был сделан Госдепартаментом и Министерством обороны. К 5 часам дня министр финансов Моргентау и Фоули вернулись в Белый дом с полностью согласованным текстом законопроекта и со всеми нужными визами.

— Вот это пример четкой работы в Вашингтоне, — заметил президент с улыбкой. — Ну и я не отстану.

Он снова внимательно прочел законопроект, задал еще несколько вопросов и подписал его.

Через два дня в Белом доме было собрано заключительное совещание с участием членов кабинета и лидеров Конгресса. Рузвельт прочел законопроект вслух и сделал несколько пояснений. Прежде всего в законе не должно содержаться ограничений размеров помощи, оказываемой зарубежным странам. Расходы будут согласовываться особо в каждом отдельном случае. В чрезвычайных обстоятельствах мы можем предсказать заранее объем помощи, но не более чем мы способны предсказать ход войны.

Тут выступил один сенатор и сказал, что его беспокоит положение законопроекта о том, чтобы давать в долг уже имеющиеся вооружения и военные материалы. "Значит ли это, — спросил он, — что мы можем например, передать англичанам линкор?.." — и сенатор назвал корабль, наименованный в честь его родного штата.

Все засмеялись. Но тема была важной. Вопросы вроде этого не были редкостью в тот период, и ответы на них были всегда одинаковыми: никто заранее не имеет в виду отдавать линкор англичанам, но никто не может предвидеть, что в ближайшее время потребуется сделать в наших собственных интересах.

— Возьмем такой пример, — сказал президент. — Для обороны Китая или Греции может оказаться очень важно, чтобы мы доставили им наши военные самолеты. Для себя мы можем заменить их новыми за небольшой отрезок времени. А между тем, передав эти самолеты странам, которые защищаются от агрессии, мы еще поможем и им, и самим себе. Если же мы начнем попросту делать изъятия каких-то видов вооружений, то через несколько месяцев можем оказаться не в состоянии предпринять то, что может оказаться необходимым для нашей безопасности.

В заключение президент подчеркнул, что действовать надо оперативно. Уже сейчас англичане вынуждены отказаться от контрактов, и неизвестно что делать с заказами на конец 1941-го и на 1942 год. Война не будет ждать, пока мы завершим дебаты.

На другой день, 10 января, сенатор Баркли представил законопроект Сенату, а конгрессмен Маккорнак представил его Палате представителей. Клерк Палаты представителей присвоил ему номер: ПП № 1776 (ПП — очевидно, сокращенно от "Палата представителей". — *Перев.*)

Глава 7. Дебаты по ленд-лизу

Дебаты по законопроекту ПП № 1776 и стали заключительным этапом общенациональных дискуссий, которые в нашей стране продолжались со все возрастающим напряжением со времени падения Франции.

В бесчисленных речах, статьях в прессе, резолюциях различных митингов и организаций наше правительство призывали усилить помощь англичанам и другим странам, отражавшим агрессию держав оси. Комитет по защите Америки посредством помощи союзникам создал развернутую программу такой помощи.

С другой стороны, Комитет за первенство Америки не считал, что нашей стране угрожает особенная безопасность из-за войны в Европе, а потому от нас не требуется

активного вмешательства в ход этих событий. Эти люди утверждали, что, перевооружая свою армию, мы обеспечим безопасность Западного полушария, даже если весь остальной мир станет добычей агрессоров. Возникло и множество других мелких групп, не согласных с политикой помощи тем, кто сражался против стран оси. Меньшинство этих людей работало на пропаганду стран оси, но большую их часть составляли вполне лояльные американские граждане.

Летом 1940 года, когда решался вопрос об обмене эсминцев на базы, напряженность этих дискуссий достигла предела. Однако, когда вопрос об этой сделке был решен, большинство американцев, очевидно, одобрило ее, тем более что никто не мог отрицать, что мы получили непосредственную и значительную выгоду: целую цепь военно-морских баз, защищавших наши пределы на Атлантике. Правда, помощь Англии Китаю и другим странам едва ли могла сразу принести США столь ощутимую выгоду, и этот вопрос еще следовало прорабатывать.

Должен признаться, что в то время я порой недоумевал, почему программа помощи тем, кто защищается от агрессии, продвигалась у нас такими медленными темпами. Конечно, я знал, что существуют значительные разногласия на этот счет среди американского народа. Понимал я и то, что высокопоставленные чиновники предпочитают не торопиться, начиная новое дело. И все же мне казалось, что наше правительство явно отстает от большинства американского народа, уже осознавшего необходимость помощи союзникам. Теперь я, кажется, понял, в чем было дело. В демократических странах недостаточно просто поддержки большинства для быстрых и решительных действий по защите страны от опасности. В такое время необходимо сплочение народа и нельзя допускать резкийго раскол в обществе.

Итак, простого мнения большинства недостаточно было для устройства сделки с эсминцами, а тем более для решения вопроса о ленд-лизе.

Большинство народа должно было быть столь сплоченным и решительным, а его воля должна была быть выражена столь убедительно, чтобы каждый гражданин признал правоту волеизъявления народа. Раскол же был бы в это время особенно опасен для американского общества. Поэтому, прежде чем сделать решительные шаги, нам требовались месяцы основательных дебатов. Это не тот способ, каким диктаторы готовят войска к агрессии, но именно таким способом происходит сплочение свободолюбивых народов, чтобы противостоять диктаторам и победить их.

И никогда еще демократическая дискуссия не достигала такого размаха, как в то время, когда решался вопрос о ленд-лизе. Это было похоже на то, как если бы весь американский народ начал думать вслух. В тот период мы смогли осмыслить свое место в мире, свое прошлое и подумать о будущем — о том, какую роль в общемировом деле должны сыграть мы, чтобы отстоять свою свободу.

В разгар острейших дискуссий о помощи демократическим странам президент и рассказал свою притчу о пожаре и садовом шланге. Но к моменту представления законопроекта о ленд-лизе в январе 1941 года многое уже прояснилось и обрело определенность. Законопроект № 1776 создавал широкую основу для ведения такой внешней политики, которая обещала стать действенной в период военных испытаний.

Основной принцип оказания помощи по ленд-лизу был сформулирован следующим образом: "...Помощь любой стране, защиту которой президент считает жизненно важной для обороны США". Слова "жизненно важной" были ключевыми. Одно дело помощь дружественным странам с целью спасти их от завоевания, и совсем другое — провозгласить, что оборона этих стран жизненно важна для нашей собственной безопасности. Принять законопроект с такой формулировкой означало признать единение нашей страны с другими свободолюбивыми странами перед лицом агрессивных государств оси, признать, что наша

самая большая надежда состоит в том, чтобы удалось соединить нашу силу с силой наших друзей, чтобы спасти в нашей стране те принципы американского символа веры, которые выражены в нашей Декларации независимости и Геттисбергском обращении.

Новый законопроект, который должен был лечь в основу нашей внешней политики, разрешал президенту "продавать, обменивать, давать в долг и в аренду или передавать иным способом... любые материалы, нужные для обороны" любой стране, оборону которой он признает "жизненно важной для национальной безопасности США". Производя те или иные виды оружия, мы получали право решать, где они лучше послужат целям нашей безопасности. Если оружие полезнее передать друзьям, нежели оставить его себе про запас, значит, надо, чтобы они от нас его получили.

Соединенные Штаты, в свою очередь, в обмен на эти поставки имели право на "получение долга деньгами, или собственностью, или в форме любой прямой или непрямой выгоды, которую президент сочтет удовлетворительной". Это положение носило намеренно широкий характер. Для нас, конечно, ближайшей и самой важной выгодой было использование странами оружия, полученного по ленд-лизу, против агрессоров. Кроме того, мы были вправе ожидать от стран, которым мы помогали, помощи нам самим в той или иной форме. Но только ход событий мог определить, какого рода выгоду мы от них получим.

Законопроект давал президенту широкие полномочия, чтобы он мог действовать оперативно в меняющейся военной обстановке. Он должен был определять страны, защита которых жизненно важна для обороны США. Он должен был — с ведома и одобрения Конгресса — решать, какие виды помощи оружием или иной помощи должны быть оказаны другой стране. Он сам должен был определять, какого рода выгоды должны получить США от других стран за предоставленную ими помощь. Законопроект был ориентирован на тотальный характер настоящей вой-

ны — отсюда многозначная формулировка: "товары и материалы, нужные для обороны". Мы могли ссужать другим странам оружие всех типов; транспортные средства всех видов, необходимые для снабжения армий и для связи; станки и оборудование; сырье, необходимое для оборонной промышленности стран, отражающих агрессию держав оси; продукты и средства производства продуктов для их армий и работников военной промышленности. Мы могли ремонтировать и размещать в наших доках корабли Англии и ее союзников. Мы могли передавать другим странам технологии производства новых видов оружия, которыми мы сами располагали. И согласно положению того же законопроекта мы имели право "передавать... любую оборонную информацию" — например, обучать у себя в стране летчиков, стрелков, механиков для ВВС стран, сражавшихся с люфтваффе или воздушными силами Японии. Вот в чем состояли главные особенности законопроекта № 1776.

Официальные слушания по законопроекту о ленд-лизе проходили в Комитете по иностранным делам Палаты представителей и в сенатском Комитете по международным отношениям, но в действительности оживленные споры шли по всей стране: на радио, на улицах, в магазинах, фешенебельных клубах, на профсоюзных митингах, в колледжах и церквях. Члены Конгресса находили в своей почте значительное количество писем, открыток, резолюций, поступавших от отдельных лиц, клубов, ассоциаций, церквей, комитетов. Люди заставляли прислушаться к их мнению — и их мысли находили отражение в бюллетенях Конгресса.

В ходе этих дебатов стало ясно, что те или иные мнения о ленд-лизе не зависят от профессии, партийной принадлежности или идеологии человека. Дж. Конэнт, глава Гарвардского университета, заявил, что "поражение стран оси — единственная надежда свободолюбивых людей", тогда как Р. Хатчинс, глава Чикагского университета, считал, что "американский народ близок к самоубийству".

Национальная федерация студентов Америки собирала митинги в поддержку полномасштабной помощи Великобритании, а Американский студенческий союз организовал митинг протеста против законопроекта о ленд-лизе.

Существовали резкие различия во мнениях и среди рабочих организаций Америки. Например, в Нью-Йорке Административный комитет Американской трудовой партии одобрил законопроект о ленд-лизе, тогда как Нью-Йоркский совет индустриальных профсоюзов объявил его "законопроектом военной диктатуры".

Представители деловых кругов также размежевались. Например, один из наших крупных промышленников, Эрнст Уэйр, не раз выступавший оппонентом правительства в делах внутренней политики, на этот раз прямо провозгласил, что поддерживает президентскую программу помощи другим странам. А другой крупный бизнесмен, Роберт Вуд, председатель правления "Рибак и К°", стал главой Комитета за первенство Америки, влиятельного противника ленд-лиза. Ассоциации и советы бизнесменов по всей стране принимали резолюции в поддержку как той, так и другой стороны. Произошел раскол также внутри церковных организаций и групп ветеранов.

Среди людей, бывших кандидатами в президенты, поддержали ленд-лиз А. Симт, Дж. Кокс, Дж. Дэвис и У. Уилки, а выступили против него А. Лэндон и Н. Томас. Герберт Гувер, единственный здравствующий экс-президент, был против законопроекта. Томас Дьюи, вначале противник законопроекта, стал его сторонником незадолго до голосования. Губернатор Миннесоты Стассен заявил о поддержке ленд-лиза с самого начала и на том основании, что "этот законопроект надо принять: ведь у нас не может быть двух разных внешних политик".

Наконец все эти дебаты сосредоточились в сенатском Комитете по международным отношениям и в Комитете по иностранным делам Палаты представителей, где начались слушания по этому вопросу. Казалось, ни разу еще во время подобных слушаний по законопроекту не выска-

зывалось такого большого количества разноречивых мнений. Администрацию первоначально представляли четыре члена кабинета: госсекретарь Халл, министр финансов Моргентау, военный министр Стимсон, военно-морской министр Нокс — два демократа и два республиканца, а также Уильям Кнадсен, ставший теперь генеральным директором Отдела производственного управления.

Состав остальных выступавших во время слушаний отражал все многообразие нашей национальной жизни. Среди них было пять бывших послов США, три человека, бывших кандидатами в президенты. Когда оппозиция призвала в свидетели Хьюго Джонсона, большинство ответило на это приглашением другого аналитика, Дороти Томпсон. Полковник Чарльз Линдберг был призван выступить от лица оппозиции по вопросам военной стратегии, чтобы как-то уравновесить показания министров Стимсона и Нокса. Были здесь интеллектуальные лидеры, вроде Конанта и Рейнольда Нибура, и был некий Джеральд Смит, в то время "председатель", как он сам выражался, "комитета миллиона". Выступали профессора, экономисты, бизнесмены, профсоюзные лидеры, отставные офицеры и общественные деятели всех сортов, в том числе председатели и представители множества малоизвестных "комитетов".

Порой споры становились ожесточенными. Раздавались обвинения в "диктатуре", в "подрыве американской обороны", в "вовлечении Америки в войну" а один злобный оппонент обозвал законопроект о ленд-лизе "новым курсом во внешней политике, который загубит четверть всех американских парней". Президент назвал это заявление "самым гнусным публичным высказыванием при жизни моего поколения". Всему этому не препятствовали: ведь это и есть демократический путь полемики. Я понял, что в конце концов мы стали в результате дебатов гораздо сильнее.

Вообще же участников дебатов и в Конгрессе, и в обществе в целом волновала не помощь другим народам,

но, скорее, наша собственная стратегия безопасности. К тому времени мало кто сомневался, что Америке угрожает опасность, — речь шла о мере понимания опасности и о способах ее предотвращения.

Те, кто видел масштабы опасности наиболее ясно, знали, что агрессивным замыслам стран оси нет предела. Как сказал госсекретарь Халл, "человечество стоит не перед началом региональных войн и конфликтов, но перед хорошо организованным и беспощадным врагом, который методично, шаг за шагом, осуществляет захват все новых стран". Не было никаких оснований верить, что Германия, если она, в случае падения Англии, получит контроль над Атлантикой, упустит возможность инспирировать пронацистские перевороты где-нибудь в Южной Америке. А если учесть осведомленность нацистов о том, что мы будем защищать от их нападения любую южноамериканскую республику, то они вполне могли бы сочетать агрессию в Южной Америке с нападением на Северную, через Англию, Ирландию и Гренландию, представлявшие собой естественные плацдармы.

— Впервые в новой истории, — сказал тогда Стимсон, — США столкнулись с государством, имеющим могучую армию, включая мощные воздушные силы, и способным захватить контроль над Атлантическим океаном.

Моргентау, обрисовав тяжелое положение Великобритании, у которой истощились долларовые запасы, указал и на масштабы опасности, грозящей Америке:

— Если Конгресс не утвердит этого закона, Англии останется только прекратить борьбу.

В Тихоокеанском регионе опасность для нас была не столь очевидной, но вполне реальной. Амбиции Японии, как и амбиции Гитлера, не знали предела. Они откровенно провозгласили своей целью захват всего Китая, и все более явно заявляли претензии на господство над остальной Восточной Азией и Ост-Индией. Японцы уже вторглись в сферу Французского Индокитая и нацелились на Сингапур и Голландскую Ост-Индию. Все это называлось

благообразно: "сфера общего процветания Великой Восточной Азии", но действия Японии в Китае и Маньчжурии не оставляли сомнений, что все это — лишь японский вариант гитлеровского "нового порядка". Они вознамерились превратить всю Восточную Азию в беспощадно эксплуатируемую колонию. В 1941 году флот, предназначенный для двух океанов, еще только строился, а уже существующий флот был сосредоточен в Тихом океане. Создание большой армии только еще начиналось.

В это время мы превратились в удобную мишень для возможного врага. Как заявил Стимсон, "положение станет критическим, если Англия потеряет господство на Атлантике. Подобная катастрофа означала бы угрозу безопасности не только Северной Атлантики, но также и Южной Америки".

В случае же если бы немцы осуществили агрессию в любом месте на восточном побережье Американского материка, японцы вполне могли объявить наши оборонные меры "агрессией против Германии" и оказать ей "политическую, экономическую и военную помощь", как и обещали это своему союзнику в сентябре 1940 года. Япония вполне могла бы воспользоваться таким наиболее благоприятным моментом для нападения на нас с Запада.

Но атака на Западное полушарие, по сути, уже началась. Нацисты ведь не ограничивались созданием армий и нападением врасплох на нейтральные страны. Они покушались на свободу стран задолго до начала своей военной агрессии. Через организации и землячества немцев за рубежом нацисты создавали свои "пятые колонны", оказывающие им помощь в момент нападения. С помощью "картельных соглашений" и иных форм экономической войны они разрушали военную промышленность страны, намеченной в жертву. С помощью своих коммерческих авиалиний они готовили резерв летчиков, хорошо знавших воздушное пространство соответствующих стран, и строили аэродромы, которые в дальнейшем могли быть использованы и для военных целей.

Все это, в той или иной форме, уже давно происходило в южной части нашего континента, а некоторые из подобных явлений имели место даже в самих США. Гитлер не жалел ни людей, ни денег ради создания своей авангардной агентуры. Как сказал Нокс, "методы могут быть прямыми или косвенными, но в любом случае нашему полушарию угрожает опасность вторжения".

Противоположных взглядов на германскую агрессию придерживалась небольшая кучка наших граждан — платных нацистских агентов или экстремистов — кандидатов в диктаторы с их последователями. Мало кто в Америке принимал их всерьез, и реальная оппозиция ленд-лизу исходила не от них. Она исходила в основном от патриотически настроенных американцев, которые не желали верить, что победы нацистов и их союзников создают реальную угрозу для Америки, а если даже и создают, то ленд-лиз — неправильный способ самозащиты. Они верили, что мы сможем отстоять свою безопасность, даже если должны будем сражаться в одиночку. Такую политику Стимсон называл "тактикой обороняющейся обороны", когда "защищающаяся сторона держится исключительно в пределах своих границ и ждет, когда на нее нападут, не предпринимая никаких мер, чтобы отвратить нападение". Подобное мышление не учитывало значительных преимуществ, даваемых наступательной стратегией. По мнению таких людей, американцам следовало смотреть, как нацисты овладевают окружающим морским и воздушным пространством, а самим в это время строить у себя очередную "линию Мажино", которую бы тщательно изучали агенты врага, чтобы его стратеги могли свести на нет ее значение. А потом, выбрав подходящее время, нацисты нанесли бы внезапный удар в самом слабом месте по нашему континенту, а может быть, и по нашей стране.

Вспоминая то время, я понимаю, как непросто нам было полностью осознать реальное положение. Мы привыкли к мысли, что всегда сможем сохранить мир лишь благодаря нашей воле к миру. Мы привыкли к благам мир-

ной жизни, к свободе торговли, мирному решению международных проблем, свободе от бремени милитаризованной экономики, к возможности сосредоточиться на мирном экономическом развитии. Пример же Европы показал нам, что такое тотальная война, с милитаризацией экономики, призывом на фронт миллионов молодых людей, со всем тем, что Черчилль определил известной фразой: "Непосильный труд, пот, кровь и слезы".

Конечно, все мы искренне хотели жить в мире. Но принятие решений зависело не только от нас. Мы могли быть вовлечены в войну, как только Германия или Япония сочли бы, что для этого наступил подходящий момент, а защитить себя мы были еще не готовы. Ленд-лиз же давал возможность, помогая другим, остановить наших врагов.

— По сути, — отметил министр Стимсон, — мы стремимся не столько дать ссуду Великобритании, сколько купить ее помощь в деле нашей собственной обороны. Мы не даем в долг, а покупаем собственную безопасность и возможность подготовиться к самозащите.

Известным препятствием (о чем вспомнили и во время слушаний) оставалась доктрина нейтралитета, рожденная практикой прошлого века. Соответствующий закон представлял собой сложный компромисс между стремлением наций торговать и в военное время и естественным желанием воюющих стран отсечь все внешние источники для своих врагов. Согласно этой доктрине, войны не считались ни чем-то плохим, ни чем-то хорошим, а были просто реальностью, а потому не делалось и различий между агрессором и защищающейся стороной.

По мере того как росла угроза агрессии стран оси, все чаще стали вспоминать о двух забытых истинах, нашедших отражение в международном праве. Первая из них состояла в признании за страной законного права на самозащиту от агрессии. Как заявил Халл в Комитете по иностранным делам Палаты представителей, "перед лицом нарастающей волны захватнических войн необходи-

мо признать, что идея самообороны должна стать частью мудрой, благоразумной национальной политики".

Вторую истину можно было бы назвать "принципом взаимности". Госсекретарь Халл сказал по этому поводу:

— Страны оси нарушили все принятые долгое время нормы миролюбия и упорядоченных международных отношений... Я уверен, что настанет день, когда ни одна страна не будет настолько циничной и наглой, чтобы, нарушая все принципы и нормы международного права, требовать в то же время, чтобы ее потенциальные жертвы строго придерживались всех этих норм до тех пор, пока войска этой страны не пересекут их границы. Но, пока такие страны еще существуют, ни их угрозы, ни их возможные протесты не должны уменьшить нашей решимости принять необходимые меры для самообороны.

Мы возвращались к основам международных норм: признанию права самообороны и требованию взаимной доброй воли в отношениях между странами. При этом Стимсон, бывший госсекретарем при президенте Гувере, напомнил, что мы идем к полному применению Пакта Келлога—Бриана, рожденного практикой XX века. Все страны, включая Германию, Италию и Японию, тогда заявили, что они признают войну только как средство национальной обороны. Они нарушили один из основных законов международной жизни, и мы не были обязаны сидеть и смотреть, как страны оси разрушают основы международных отношений.

— Нарушив Пакт Келлога—Бриана, — заявил Стимсон, — они тем самым попрали давние международные нормы, и теперь ни они, и никто не может бросить нам в лицо фальшивое обвинение, будто, защищаясь от них или помогая защищаться от них другим, мы сами нарушаем эти давние нормы.

Другое возражение против программы ленд-лиза, высказанное во время дебатов в Конгрессе, состояло в том, что этот законопроект давал слишком большую власть президенту. При этом вносились некоторые частные по-

правки, не затрагивавшие сути законопроекта, как, например, о двухлетнем сроке действия, до 30 июня 1943 года, или об ограничении первичного размера помощи суммой в 1 300 миллионов долларов (размеры дальнейшей помощи должны были специально устанавливаться Конгрессом). Одна из поправок гласила, что Конгресс может отменить Закон о ленд-лизе принятием раздельных резолюций обеими палатами.

Были и неприемлемые предложения. Например, роковым могло бы стать принятие предложения ограничить союзнические обязательства США только Англией, Китаем и Грецией. Оппозиция указывала, что по условиям законопроекта президент может оказывать помощь и России. Однако еще до окончания года большинство американцев признали, что оборона России жизненно важна для самозащиты Америки. Закон должен был носить общий характер в части, касающейся наших союзников: мы не могли себе позволить все время принимать новые поправки в меняющихся условиях войны.

То же самое относилось к предложениям строго определить перечень предметов, передаваемых по ленд-лизу. Только когда то или иное оружие было уже произведено, мы могли определить, что лучше передать другим странам, исходя из наших интересов. Когда снова всплыл вопрос о том, что нельзя передавать другим наш флот, у Нокса уже был готов ответ:

— Исходя из этой степени вероятности того, что мы можем подарить кому-то наш флот, мы можем, например, внести предложение о запрещении президенту ходить на голове по Пенсильвания-авеню.

Была сделана и еще одна попытка атаковать законопроект № 1776. Появились сторонники возвращения к старой системе займов, которую администрация основательно рассмотрела и отказалась от нее. Но это дело не зашло далеко. Как сказал мистер Стимсон, "пытаться превратить наше начинание в банальный заем — значит проявлять близорукость, не достойную великой нации... В на-

ших собственных интересах, я это подчеркиваю, чтобы Англия оставалась боеспособной, а не задавленной тяжкими долговыми обязательствами, подтачивающими ее ресурсы. Мы также должны подумать о том, что будет после войны. Тогда для нас самих станет очень важно, смогут ли те страны, чей образ жизни и вид экономики очень похожи на наши, быстро оправиться от военных потрясений.

После окончания слушаний Комитет Палаты представителей 17 голосами против 8 одобрил законопроект как "имеющий важнейшее значение для жизненных интересов нашей страны и даже нашей цивилизации". Обсуждение его в палате началось 3 февраля 1941 года. В течение 5 дней дебатов были подведены итоги. Все поправки, имевшие целью выхолостить законопроект, были отклонены большинством голосов. 8 февраля законопроект был принят 260 голосами против 163.

Дебаты в Сенате начались 17 февраля, после утверждения законопроекта Комитетом по международным отношениям, и продолжались почти три недели, до 8 марта. Снова повторилась вся аргументация сторон. Лидер демократов Баркли и один из лидеров республиканцев, Остин, открыли дебаты со стороны большинства, поддерживавшего законопроект. И в Сенате большая часть поправок оппозиционеров была отклонена. Наконец 8 марта 60 голосами против 31 законопроект был принят Сенатом.

Сенатская версия законопроекта с небольшими изменениями снова вернулась в Палату представителей и 11 марта 1941 года была принята 317 голосами против 71. После этого лидер меньшинства в Палате представителей Мартин и сенатор-республиканец Ванденберг, оба активные противники законопроекта, выступили с заявлениями о его двухпартийной поддержке, поскольку он обрел силу закона.

Принятый законопроект сразу же был доставлен в Белый дом и в тот же день без десяти четыре он был подписан и окончательно стал законом. На другой день в Конгресс поступил запрос о выделении 7 миллиардов долла-

ров для производства самолетов, танков, пушек и других вооружений, оборудования, станков и военного сырья для тех стран, оборона которых, как мы решили, имеет для нас самих жизненно важное значение.

15 марта Рузвельт в Белом доме на ужине в честь годовщины Корреспондентской ассоциации подвел итоги всей истории с дебатами. Он сказал:

— Пусть диктаторы Европы и Азии сомневаются в нашей сплоченности. В нашем демократическом обществе решения, может быть, принимаются медленно, но когда они приняты, то это решения не одного человека, а ста тридцати миллионов.

ЧАСТЬ 3

АРСЕНАЛ ДЕМОКРАТИИ

Глава 8. Начало помощи по ленд-лизу

11 марта 1941 года, через три часа после подписания Закона о ленд-лизе, президент Рузвельт подписал еще две директивы, чтобы начать претворение программы ленд-лиза в жизнь.

В Директиве № 1 провозглашалось, что защита Великобритании жизненно важна для обороны США, а потому военно-морскому министру предписывается передать Англии 28 торпедных катеров "Пи-ти" и "Пи-ти-си", а также 3000 зарядов для глубинных бомб и некоторое количество пушек среднего калибра и боеприпасов к ним для оснащения торговых судов.

Англичане просили у нас торпедные катера "Пи-ти" еще во время сделки по эсминцам, надеясь использовать их в Ла-Манше в случае ожидаемой немецкой агрессии. Но тогда катера эти еще только строились и не могли быть переданы англичанам согласно закону того времени. Весной 1941-го угроза нацистского вторжения в Англию была еще велика, и торпедные катера теперь можно было передать Англии по Закону о ленд-лизе.

Других военных материалов по первой директиве было не так уж много, но они были необходимы для одной из важнейших задач: борьбы с подводными лодками, с по-

мощью которых Гитлер рассчитывал перерезать все линии связи Великобритании и США и свести к нулю результаты американской политики помощи демократическим странам. Нехватка пушек для кораблей торгового флота была настолько острой, что они были упакованы и готовы к отправке еще в конце февраля, когда уже стало ясно, что Закон о ленд-лизе будет принят.

Позднее, в том же 1941 году, английские власти получили от президента США разрешение на вторичную передачу части этих корабельных орудий правительствам Норвегии, Голландии, Греции и Югославии, ставшим жертвами нацистской агрессии, но не прекратившим борьбу и после оккупации своих стран, а их торговые суда служили общему делу союзников. Подводные лодки немцев потопили столько танкеров союзников, что пришлось использовать даже норвежские китобойные суда, оснащенные большими резервуарами для китового жира, для доставки нефти английским войскам, сражавшимся с Германией. Для защиты этих судов и была использована часть пушек, полученных по ленд-лизу.

Директива № 2 объявляла жизненно важной для нашей национальной обороны защиту Греции и санкционировала передачу грекам 50 75-миллиметровых пушек и 150 000 снарядов, а также 30 000 снарядов для 155-миллиметровых полевых орудий, которые греки использовали в горных боях с итальянцами.

В нашей стране с большой симпатией следили за мужественной и успешной борьбой, которую вел народ Греции со времени нападения Италии на эту маленькую страну в октябре 1940 года. Но свободных военных материалов у нас было мало, и до марта 1941 года греки могли купить у нас только 70 000 снарядов и несколько сотен тонн ТНТ (тола или тротила). Слишком тяжелым было положение на других фронтах, да и наши собственные нужды следовало удовлетворить. Однако греки, получая кое-какие военные материалы из Англии и располагая тем, что у них было, вытеснили фашистские войска в Албанию.

В марте 1941 года угрожающие масштабы вторжения нацистов на Балканы становились все очевиднее. 1 марта Болгария, вслед за Венгрией и Румынией, перешла на сторону держав оси, и нацистские войска вступили на ее территорию. Теперь Гитлер смог сосредоточить свои армии на границах Югославии и Греции.

Ко времени принятия Закона о ленд-лизе у нас хватило времени только на то, чтобы быстро отправить грекам оказавшиеся под рукой оружие и боеприпасы. В первую очередь им были нужны самолеты-истребители и артиллерия, приспособленная для боев в горах. Отправка в Грецию 75-миллиметровых орудий и снарядов была лишь небольшим нашим вкладом в дело помощи этой стране.

28 марта от Рузвельта, которого в тот момент не было в Вашингтоне, пришло по радио указание отправить в Грецию 30 истребителей, предназначенных до того для Англии. Тогда же был составлен план передачи Греции дополнительно некоторого количества тех военных самолетов и орудий, которые должны были быть произведены в ближайшее время. Часть истребителей, приготовленных для Англии, были доставлены на корабль, отплывший 1 апреля из Нью-Йорка в Средиземное море, остальные пошли по назначению через 4 дня. Снаряды к 75-миллиметровым орудиям смогли отправить только 16 апреля, на корабле, где были также запасные моторы к самолетам-истребителям.

Между тем югославский народ сверг правительство, предавшее его под угрозами Гитлера. Новое правительство во главе с юным королем Петром и генералом Симовичем решилось бросить нацистам вызов. Вторжение немцев в Югославию началось 6 апреля.

В тот же день югославский военный атташе в Вашингтоне обратился к нам с просьбой о военной помощи. Он просил 100 бомбардировщиков, 100 истребителей, 500 разведывательных самолетов, 100 средних танков, 2000 грузовиков, 1 500 тысяч противогазов, значительное количество противотанковых и зенитных орудий, а также орудий

для горного боя. При положении Югославии эти требования были довольно скромными, но тогда и их полностью удовлетворить нам было невозможно. И все же на следующий день был составлен примерный график, согласно которому небольшая часть этих военных материалов могла быть получена заказчиком в тот же месяц и еще несколько квот вооружений должно было быть передано югославам постепенно, в течение года. К концу апреля мы были в состоянии предоставить Югославии небольшое количество 75-миллиметровых и 50 155-миллиметровых орудий, 500 тонн тола, 200 000 противогазов и около 1000 полуторатонных грузовиков. Но эти военные материалы фактически не попали в Югославию. Впрочем, и Греция не получила оружия вовремя. К 18 апреля Югославия была оккупирована, а к 27 апреля пали Афины, и началась эвакуация греческих и английских войск на Крит. Армии Гитлера наступали быстрее, чем мы предполагали. Однако указанные виды оружия и боеприпасов летом того же года сослужили службу силам союзников, воевавшим на Ближнем Востоке, в том числе грекам и югославам, которые сумели попасть в Египет и Палестину и присоединиться к английским войскам.

Первые поставки по ленд-лизу не оказали заметного влияния на ход боевых действий в марте-апреле 1941 года. Но принятие программы ленд-лиза оказало огромное влияние на ход войны в целом. Впервые странам, сражавшимся против агрессоров, был обеспечен поток вооружений и военных материалов, который, как выразился президент в докладе Конгрессу о ленд-лизе, "становился все сильнее день ото дня, так что ручей превратился в реку, а река — в могучий поток, который поглотит тотальную тиранию, стремящуюся к мировому господству".

Эти надежды поддерживали несломленный дух людей в странах, оккупированных нацистами. Это значило, что Англия и ее союзники теперь способны на большее, нежели оказывать врагу только отчаянное сопротивление, располагая скудными средствами. Теперь англичане могли

позволить себе более свободно тратить оружие и боеприпасы для обороны Суэца и Ближнего Востока, так как потери будут теперь восполнены не только из английских, но и из американских источников. Союзники могли уже даже подумать о будущем контрнаступлении.

Сразу после принятия Закона о ленд-лизе наши военные поставки союзникам стали расти, хотя сначала лишь небольшая их часть относилась к собственно программе ленд-лиза, а большая часть шла за счет 4-миллиардных контрактов, заключенных до 11 марта 1941 года англичанами и другими странами, сражавшимися против держав оси. Теперь эти заказы оказались востребованными в значительно большей мере. Военные поставки в Англию в марте — июне 41-го возросли в два с половиной раза по сравнению с четырьмя последними месяцами 1940 года. Пока рос объем этих старых поставок, создавалась и сама программа ленд-лиза.

А тем временем нацистская экспансия продолжалась. Закон о ленд-лизе был принят слишком поздно, чтобы успеть спасти Грецию и Югославию. За этим последовали новые беды. К концу мая Крит был захвачен нацистами, а танковые войска Роммеля подошли к границам Египта. Возникла реальная угроза потери Суэца, захвата нацистами всего Ближнего Востока и выхода их к Индийскому океану.

Возникла острая необходимость доставки в Египет большего количества танков, грузовиков, самолетов. Грузовиков наша промышленность производила очень много, но танков в марте 1941 года было произведено всего шестнадцать. Авиационная промышленность развивалась куда быстрее, и все же самолетов поставлялось недостаточно для того, чтобы удовлетворить не только нужды англичан, но и наши собственные. В марте 41-го в Америке было произведено 283 бомбардировщика, 223 истребителя и 630 учебно-тренировочных и коммерческих самолетов, которые могли быть приспособлены для военных нужд, — всего 1138 военных самолетов. Значительное чис-

ло этих самолетов предназначалось для выполнения английских и французских контрактов 1939—1940 годов, но их не хватало для удовлетворения растущих нужд Великобритании. Начали приносить свои плоды и большие заказы Военного и Военно-морского министерств, сделанные во второй половине 1940 года, но лишь небольшая часть этих самолетов поступала в Англию по ленд-лизу. Правда, оба министерства разрешили военным заводам отдавать преимущество многим из английских заказов перед нашими. В результате 2400 самолетов было поставлено из США в Англию, в том числе английским войскам в Египте. Меньше 100 из них были отправлены по ленд-лизу, остальные — за наличные.

Танковая программа начала выполняться позже авиационной. Первые модели средних танков "Генерал Грант" были доведены до нужного технического уровня в апреле 1941-го. Производство американских легких танков становилось массовым, и в мае их было произведено более ста семидесяти. Англичане не заказывали легких танков, так как их броня и вооружение уступали многим немецким танкам. Зато эти машины были более маневренными, и англичане поверили в то, что их можно использовать в условиях пустынь Ливии и Египта. Передача Англии по ленд-лизу такого рода вооружений отчасти компенсировала покупку самолетов за наличные и увеличивала общее количество военных поставок. Из 538 легких танков, произведенных у нас в апреле — июне, 280 были отправлены в Англию по ленд-лизу.

9 июля президент в письменной форме напомнил Стимсону о необходимости немедленно передавать англичанам легкие и средние танки последних моделей, а также попросил сделать все необходимое для увеличения объема месячного их производства. Министр ответил, что по плану на последние пять месяцев 1941 года предусмотрено производство всего 1350 средних и 1420 легких танков и что половину тех и других он рекомендует передать Англии.

Реальное число танков, которые мы могли поставить англичанам, было значительно меньше намеченного, но все же до конца 41-го в Англию был отправлен 951 танк, из них 786 — по ленд-лизу, остальные — за наличные. Кроме того, мы отправили англичанам около 13 тысяч грузовиков, из них около 4 тысяч — вновь произведенных — по ленд-лизу. Вся эта техника помогла английским войскам летом 41-го сдержать наступление Роммеля, а осенью перейти в успешное контрнаступление.

В первый период после принятия закона программу ленд-лиза приходилось выполнять в условиях чрезвычайных военных обстоятельств, в постоянной спешке, чтобы успеть предотвратить очередную беду. Но одновременно шла и кропотливая работа по подготовке к решению серьезных будущих проблем, которые должны были возникнуть в случае поражения агрессора. Ленд-лиз был совершенно новым делом, и Конгресс проявил и смелость, и понимание обстоятельств, утвердив его. Однако между пониманием и утверждением закона и эффективными действиями согласно ему существует известная дистанция. Тут возникает множество административных и процедурных проблем. Тут нужна неустанная работа настоящих первопроходцев, чтобы отладить все необходимые механизмы дела и заставить их работать без сбоев.

В тот период основную административную работу по ленд-лизу взяли на себя помощник президента Гарри Гопкинс и люди из Президентского комитета по связям. Хотя их было всего человек двадцать, они представляли собой передовой отряд из числа тысяч людей, занимавшихся этой работой в разных звеньях государственного аппарата. Программа ленд-лиза теперь была неотделима от нашей внешней политики, оборонной политики, продовольственной политики, как и от работы нашей военной промышленности.

Работа над ленд-лизом была спланирована так, чтобы не создавать новых ведомств, а максимально использовать старые, чтобы огромную работу можно было выполнить с

относительно небольшим числом работников. Военное и Военно-морское министерства занимались самолетами, танками, артиллерией и военными кораблями; Морская комиссия — строительством и ремонтом торговых судов, Министерство сельского хозяйства — продуктами и сельскохозяйственными материалами, Отдел снабжения Министерства финансов — сырьем и промышленным оборудованием.

В начале апреля 1941 года в Военном министерстве были созданы комиссии по делам военной помощи, которые впоследствии превратились в нынешний отдел международной помощи вооруженных сил во главе с бригадным генералом Райтом. В Военно-морском министерстве создан был отдел ленд-лиза, который теперь возглавляет контр-адмирал Ривс. Отдел снабжения Министерства финансов был значительно расширен под руководством Клифтона Мака, для того чтобы он мог заниматься поставками по ленд-лизу, а также был расширен отдел закупок Министерства сельского хозяйства, которым теперь руководит Рой Хендриксон, решая продуктовые проблемы, связанные с ленд-лизом.

Члены старого Комитета по связям работали под прежним названием, пока президент 2 мая не подписал указ о придании их группе официального статуса Отдела контроля военной помощи, во главе с генерал-майором Джеймсом Бернсом из Военного министерства, который пришел на эту работу вместе с двумя другими офицерами — обоим суждено было внести немалый вклад в выполнение программы ленд-лиза — бригадными генералами Сидни Спалдингом и Джорджем Спалдингом. Этот отдел взял на себя всю мелкую административную работу, связанную с ленд-лизом, однако президент по-прежнему лично подписывал каждое требование на выделение фондов и каждую директиву о поставках товаров или услуг.

В начале работы над программой ленд-лиза Отдел контроля по военной помощи рассчитывал на 1 300 миллионов долларов еще прежних ассигнований и на 7 милли-

ардов долларов, согласно плану, утвержденному 27 марта 1941 года. Если говорить о военных поставках, то сумма в 7 миллиардов могла быть реализована лишь в течение многих месяцев, так как требовалось время на производство оружия после размещения заказов на него. На сумму же 1 300 миллионов долларов можно было поставить уже имеющиеся вооружения, которые могли выделить армия и флот, а также использовать часть новой продукции для выполнения старых заказов вооруженных сил.

Но когда был установлен объем самых первых поставок, необходимых Англии и Греции, стало ясно, что из уже имеющихся вооружений союзникам можно выделить лишь очень немногое. Мы могли передать им что-то более за счет текущего производства; однако в Египет было послано только то, что мы имели возможность отправить, учитывая необходимость вооружать нашу собственную растущую армию. Фактически к концу 41-го мы передали союзникам по ленд-лизу военных материалов только на 173 миллиона долларов из числа уже введенных в употребление или по прежним заказам нашей армии и флота.

И все же весной 41-го обстоятельство, которое потребовало от нас использования 7 миллиардов долларов, утвержденных на программу ленд-лиза. Необходимо было снабдить съестными припасами народ Англии, который Гитлер стремился с помощью своей подводной войны привести к голоду и капитуляции.

16 апреля 1941 года Рузвельт утвердил первые продуктовые поставки по ленд-лизу, дав распоряжение министру сельского хозяйства Клоду Викарду направить в Англию 100 000 ящиков со сгущенным молоком, 11 000 тонн сыра и 11 000 тонн яиц. Через 8 месяцев, накануне Рождества, английский министр продовольствия телеграфировал нашему правительству с выражением благодарности от английского народа за поставки. К тому времени общий объем этих поступлений достиг 1 миллиона тонн. Продовольственные поставки по ленд-лизу с апреля по 25

декабря 41-го помогли Великобритании преодолеть самый серьезный продовольственный кризис войны.

Весной 41-го нехватка продуктов в Великобритании достигла тревожных масштабов. До войны Англия ввозила в два раза больше продовольствия, чем производила сама. Яйца, мясо и бекон — импорт из Дании и Новой Зеландии, рыба — из Норвегии, сыр и овощи — из Голландии и Франции, говядина, пшеница, мука — из Канады, Австралии и Аргентины. Но после начала войны Британии пришлось сокращать импорт продовольствия, чтобы ввозить самолеты, орудия, а также машины и сырье для английских военных заводов. А весной 1940 года все основные европейские источники импорта продуктов были ликвидированы немецкой оккупацией европейских стран, и нацисты начали свою войну с импортом с помощью подводных лодок. Было потеряно огромное количество кораблей и грузов. Английский торговый флот убывал с каждым годом, а немцы топили больше кораблей, чем англичане успевали строить новых. Все больше кораблей требовалось для перевозки оружия, и импорт продовольствия из дальних стран, таких как Австралия или Аргентина, пришлось сократить еще, чтобы корабли можно было использовать для других целей. Продовольственные запасы Англии быстро таяли, несмотря на строгое нормирование продуктов. Мне рассказывали, что в период от падения Франции до принятия Закона о ленд-лизе каждый взрослый англичанин в среднем потерял около 10 фунтов веса (около 4,5 кг. — *Прим. перев.*).

До весны 41-го Англия покупала в США мало продуктов. Нужда в оружии и боеприпасах была так велика, что англичане не решались тратить доллары на покупку продовольствия. Закон о ленд-лизе впервые дал им возможность получать у нас и провизию, не ограничивая, однако, и поступлений оружия.

Первый продовольственный конвой оправился из США в Англию весной 1941 года и поспел вовремя. Гитлер был очень близок к тому, чтобы выполнить свой за-

мысел: уморить Англию голодом. Когда эти корабли пришли к месту назначения, в Великобритании оставалось запасов продовольствия всего на несколько недель. Через несколько дней после разгрузки судов привезенные продукты попали на стол во многие английские дома.

Весной и летом 41-го Министерство сельского хозяйства закупало на нашем внутреннем рынке консервированную и мороженую свинину, рыбные консервы, сгущенное и сухое молоко, сушеный горох и фасоль, консервированные и сушеные овощи, муку, сыр. Недостаток витаминов в Англии был столь велик, что на тяжелых бомбардировщиках, перегоняемых для британских ВВС, отправлялись миллионы концентрированных витаминов в таблетках.

Поставки продуктов резко возросли с весны по конец осени 1941-го. В этом году они составили до половины стоимости экспорта в Англию по ленд-лизу.

Глава 9. Семь миллиардов взяты в работу

Если не считать нескольких замечательных исключений, как, например, поставки продовольствия в Англию или танков в Египет, в целом в 1941 году ленд-лиз не оказал существенного влияния на ход сражений. В том году на одно судно с грузом по ленд-лизу приходилось пять с грузом, за который англичане и представители других стран, на которые распространялся ленд-лиз, платили наличными. Зато заказы, размещенные у нас в 1941-м благодаря программе ленд-лиза, обеспечили значительный рост производства вооружений и военных материалов в 1942—1943 годах, удовлетворивший нужды не только наших союзников, но и наших собственных вооруженных сил.

Вообще программа ленд-лиза дала заметный толчок развитию производства вооружений в Америке. С 27 марта 1941 года (когда был принят Закон о ленд-лизе) по 31 мая более 4 миллиардов долларов из 7 миллиардов, предназ-

наченных на эту программу, были уже выделены службам снабжения, и на 1 миллиард долларов были заключены контракты на поставки материалов, нужных для ведения военных действий. Из выделенных 4 миллиардов до 2 миллиардов были предназначены на выпуск самолетов, в том числе до половины их — на производство бомбардировщиков. Лишь немногие из этих военных самолетов были поставлены заказчикам в том же году, зато огромное количество их было заказано на следующий год, и результаты выполнения плана строительства бомбардировщиков за 41-й немцы могли почувствовать на себе в 43-м.

Второй по величине заказ, примерно на 1 миллиард долларов, относился к артиллерии, а третий, более чем на 0,5 миллиарда, — к строительству торговых и других судов для перевозок товаров, поставляемых по ленд-лизу. Все эти средства, дававшие возможность заключить новые военные контракты, означали первый вклад в развитие американского военного производства, осуществленный благодаря ленд-лизу. К концу августа контрактов по ленд-лизу было уже заключено на сумму около 3,5 миллиарда, а к 7 декабря — на 5,5 миллиарда долларов.

Помимо косвенного влияния на расширение американской военной промышленности сотни миллионов долларов по программе ленд-лиза еще до Пёрл-Харбора были вложены в новые заводы, фабрики, верфи и другие объекты, что сыграло немалую роль для развития наших производительных сил. Эти инвестиции, всего на 900 миллионов долларов, были вложены в экономику 34 из 48 наших штатов, и суммы их колебались от 142 миллионов долларов на военные заводы в Мичигане до 14 000 — на производство сухого молока в Северной Дакоте. Средства, отпущенные на ленд-лиз, дали возможность построить большой авиационный завод "Форд" в Уиллоу Ран, Крайслеровский танковый арсенал в Детройте, судостроительный завод "Кайзер перманент" в Ричмонде, а также расширить авиационные заводы "Дуглас", "Боинг", "Консолидэйтед", "Белл", "Кэррис-Райт", "Вега", "Граммэн",

"Юнайтед эркрафт". 60 миллионов было потрачено на производство бездымного пороха и еще 35 — на заводы по производству 40-миллиметровых орудий и 20-миллиметровых зениток, имевших большое значение как для защиты торговых судов, так и для ведения боевых действий. Средства, выделенные на эту программу, позволили также расширить Чарльстаунскую судоверфь в Бостоне, а Морская комиссия смогла построить ряд новых судоверфей. Компании "Форд", "Паккард", "Крайслер", "Нэш-Келвинэйтор" используют сейчас военные заводы, реконструированные или оснащенные на деньги по программе ленд-лиза. Эти средства шли на перестройку гражданских предприятий, производивших станки, автозапчасти, фейерверки, в военные, производящие орудия, лафеты, снаряды и т. д. Новые заводы полностью или частично финансировались также за счет программы ленд-лиза, а производство вооружений для нашей армии и наших союзников позволяло с лихвой окупать затраты на их строительство. Многие из них еще сыграют свою роль в американском производстве мирного времени, когда мы достигнем победы. На ленд-лизовские средства сооружались доки, пирсы, плавучие краны в американских портах для погрузки боеприпасов как для американской армии, так и для союзников. Благодаря им удалось создать систему военных складов и товарных станций от побережья до побережья, тем самым облегчив поступление военных материалов с заводов в порты для нужд нашей армии и армий Объединенных Наций.

Немалое значение имела программа ленд-лиза и для развития сельхозпроизводства и пищевой промышленности. Чтобы выполнить программу ленд-лиза по продовольствию, Министерство сельского хозяйства 3 апреля 1941 года заявило о необходимости значительного расширения заготовок и сообщило к сведению фермеров, что оно будет поддерживать цены на свинину, молочные продукты, яйца, птицу и т. д. "на уровне, компенсирующем затраты производителей".

После этого прозвучали призывы к расширению в Америке производства яиц до 300 миллионов дюжин в год, увеличить рост производства молока с 6 до 8%, увеличить производство сыра на треть; подготовить дополнительно 15 миллионов ящиков консервированных помидоров, на 35% расширить посевную площадь для производства фасоли (бобов) для последующей сушки — продукта, имевшего важное значение в программе ленд-лиза в качестве заменителя мяса.

Хотя выгодная закупочная программа была провозглашена слишком поздно, чтобы существенно повлиять на сельскохозяйственное производство 1941 года, однако объем производства продовольствия в этом году был самым большим в нашей истории. К тому же продовольственная программа ленд-лиза привела к увеличению количества продовольствия и для нужд самих американцев. Например, с 11 марта по конец 1941 года мы отправили по ленд-лизу 347 миллионов фунтов мяса, тогда как производство мяса в нашей стране возросло на 511 миллионов фунтов; мы отправили 475 миллионов фунтов сгущенного молока, тогда как его производство возросло у нас на 779 миллионов фунтов; поставки сыра составили 91 миллион фунтов, а его производство возросло на 150 миллионов.

На 1942 год были намечены более решительные планы. В сентябре министр Уикард сказал, обращаясь к фермерам по национальному радио:

— Впервые в истории нашего сельского хозяйства установлены определенные задачи по производству важных видов продукции.

Он назвал эту программу "Продовольствие ради свободы". Была поставлена задача добиться наибольших в истории объемов сельхозпроизводства, превосходящих даже уровень 1941 года:

на 9 миллиардов фунтов увеличить производство молока;

на 500 миллионов дюжин — производство яиц;

на 10 миллионов — поголовье свиней;
на 2 миллиона — поголовье крупного рогатого скота;
на 1,5 миллиона акров — посевную площадь под сою;
на 3 миллиона акров — под арахис.

Но страх перед перепроизводством был распространенным явлением у нас в стране. Многие фермеры помнили печальные последствия перепроизводства во время прошлой войны, когда в результате кризиса разорились множество фермеров. Правительство ответило на эти настроения планом поддерживающих цен и другими положениями сельскохозяйственной программы, основанной на законодательстве, которого не было в конце прошлой войны и которое должно защитить фермеров от гибельных колебаний цен.

Каждая ферма превратилась в боевой пост, участвующий в защите Америки от гитлеровской агрессии. Окружное фермерское бюро, руководители фермерских клубов в маленьких городках, клубы домашнего опыта, клубы развития сельской молодежи, которых в сельских районах страны насчитывалось десятки тысяч, вели разъяснительную работу, доходя до каждой фермы. Ответ фермеров был великолепным. Несмотря на недостаток рабочих рук и техники на фермах они смогли произвести продовольствия на 12% больше, чем в 1941 году. Это позволило в том же 1942-м отправить в Англию 3, а в Россию 0,75 миллиарда фунтов продовольствия по ленд-лизу и в то же время больше, чем когда-либо, произвести продуктов для самих американцев. Другой вопрос — почему, несмотря на это, возникали проблемы с продуктами. Но эти более поздние недоразумения не имели отношения к ленд-лизу, поэтому не должны умалять в наших глазах достижения американских фермеров в выполнении программы, работа над которой началась за 8 месяцев до Пёрл-Харбора, в ответ на задачи, поставленные именно ленд-лизом.

Но программа ленд-лиза не только оказала влияние на производство продовольствия в 1941—1942 годах, но и произвела небольшую революцию в обработке пищи. Как

во времена наполеоновских войн потребность в сохранении продуктов привела к открытию консервирования, так сейчас необходимость сбережения места на кораблях привела к развитию технологии дегидратации (обезвоживания) продуктов. Обезвоженные яйца, молоко, овощи занимают на корабле лишь одну седьмую часть того пространства, какое они же заняли бы в свежем, мороженом или просто консервированном виде; к тому же они легко пакуются, не требуют холодильника и хорошо сохраняются в различных погодных условиях.

Когда возник вопрос о поставках яичного порошка в Англию по ленд-лизу, то речь шла о 50 миллионах фунтов. Но это было почти в пять раз больше нашего годового производства в то время. Порошкового молока и сушеных овощей производилось гораздо меньше, чем требовалось по программе ленд-лиза. Принимая во внимание рост наших вооруженных сил начиная с весны 1941-го, Министерство обороны понимало необходимость значительного увеличения производства обезвоженных продуктов, особенно если наша страна подвергнется нападению или нашим людям придется воевать за границей. Поэтому большие заказы по ленд-лизу вскоре были дополнены масштабными заказами нашей собственной армии. Все это привело к быстрому развитию в последние два года технологии обработки пищи, а также методики сохранения питательной ценности обезвоженных продуктов.

Производство сушеных яиц (яичного порошка) возросло более чем в 20 раз — с 10 миллионов фунтов в 1940 году до 225 миллионов в 1943-м. Эта индустрия создавалась практически с нуля. Ежегодное же производство сухого молока возросло с 500 миллионов фунтов в 1940 году до 600 миллионов в 1943-м. Сейчас сотни переоборудованных фабрик производят сухое молоко, яичный порошок, высушенные овощи и различные концентраты. Со времени Пёрл-Харбора американские войска за рубежом неизменно потребляли продукцию этих предприятий, что вело к ее росту. То же самое можно сказать об английской

и русской армиях и о людях, живущих в освобожденных районах. Это еще один пример того, как выполнение программы ленд-лиза принесло большую пользу и нам, и нашим союзникам.

К концу лета 1941 года программа ленд-лиза стала очень разветвленной и комплексной. Соответственно возросла и нагрузка на ее администрацию. Помимо проблем производства были также серьезные проблемы доставки товаров по морю и по воздуху. Следовало учитывать нужды Англии и других стран, сражавшихся против агрессоров, а также соседних республик, с которыми у нас были общие задачи защиты нашего полушария. Китай, на котором лежало бремя борьбы с японской агрессией, 6 мая был нами включен в число стран, которым оказывается помощь по ленд-лизу. Вскоре в их число были включены Бельгия, Норвегия, Польша и Голландия, над чьей империей на Востоке нависла угроза со стороны Японии. В августе 1941 года был подписан ряд соглашений о ленд-лизе с американскими республиками, нуждавшимися в вооружениях для укрепления береговой обороны и защиты коммуникаций.

Однако особое влияние на программу ленд-лиза оказало нападение нацистов 22 июня на Советский Союз. Большие сражения на русских фронтах привели к пересмотру первоначальных планов программы ленд-лиза, к ее существенному расширению.

В это самое время Гарри Гопкинс сообщил мне, что хотел бы встретиться со мной в Белом доме, если у меня есть такая возможность. В то время Гопкинс не очень хорошо себя чувствовал, и я прошел в его спальню. Он сидел на постели, просматривая бумаги. Первые его слова были:

— Эд, президент хотел бы, чтобы ты взял на себя управление программой ленд-лиза.

Это было первое прямое предложение такого рода, хотя прежде в Вашингтоне мне приходилось слышать, что президент может меня об этом попросить.

— Президент убежден, — продолжал Гопкинс, — что сейчас нет ничего важнее для страны, нежели скорейшая реализация сценария ленд-лиза. Вчера мы до поздней ночи проговорили с ним обо всем этом. Он считает, что ты как раз тот человек, который может справиться с этой задачей

Я ответил, что нахожусь в Вашингтоне для того, чтобы выполнять ту работу, на которой я, по мнению президента, принесу больше всего пользы, и если он хочет, чтобы я, как выразился Гопкинс, "руководил этим сценарием", то я возьмусь за дело и сделаю все от меня зависящее.

Мы обсудили с Гопкинсом кое-какие организационные проблемы, после чего я спросил:

— Не хочет ли сам президент предварительно поговорить со мной об этом деле?

— Да, в том случае, если у вас есть какие-то соображения, которыми вы хотели бы с ним поделиться. Со своей стороны, он уже выбрал вас, Эд.

Это было 28 августа 1941 года, а через несколько дней Рузвельт написал мне письмо с подтверждением, что я назначен его специальным помощником, с 10 000 долларов жалованья в год, чтобы выполнять обязанности "управляющего программой ленд-лиза". Такое высокое доверие было большой честью для меня. Кроме того, я был рад снова иметь жалованье, так как не имел постоянного дохода с июня 1940 года — с тех пор, как ушел из Стальной корпорации.

Вскоре президент подписал указ, согласно которому я получил право собирать средства для программы ленд-лиза и организовывать поставки в страны, подлежащие помощи по ленд-лизу, на сумму до 300 миллионов долларов. До этого Рузвельт сам подписывал каждый ордер и поручение по переводу средств. Через несколько недель я получил право распоряжаться всеми средствами, оставшимися от первых 7 миллиардов.28 октября Рузвельт подписал распоряжение о создании Управления по осуще-

ствлению Закона о ленд-лизе, я же назначался начальником этого управления, имеющим все полномочия, связанные с осуществлением программы, кроме выбора стран, которым следует оказывать помощь, и руководства переговорами по заключению генеральных договоров по ленд-лизу. Решать, каким странам помощь жизненно важна для нашей безопасности, по-прежнему должен был только президент, а руководить такого рода переговорами должен был секретарь Госдепартамента.

В первом письме, касавшемся моего нового назначения, президент также сообщил мне: "Гарри Гопкинс, конечно, знаком с делами, касающимися ленд-лиза, и я надеюсь, что Вы в особо важных случаях будете консультироваться с ним и со мной".

По правде сказать, меня немного обеспокоило это письмо: я не знал точно, насколько реальной была полученная мною власть. Но последующие события показали, что президент говорил что думал: я действительно должен был руководить управлением. Ну а Гопкинс брал на себя часть бремени президента, поскольку могли быть необходимы консультации по вопросам большой политики.

В двухмесячный период становления нашей новой службы Гарри Гопкинс оказал мне неоценимую помощь. В дальнейшем он выполнял немало новых тяжелых обязанностей, как, например, его работа в Управлении распределения боеприпасов, однако всегда сохранял интерес к ленд-лизу и всегда давал нам ценные советы, когда мы обращались к нему за консультацией.

Я учился управлять делами ленд-лиза в начале сентября, когда пришла пора просить у Конгресса новые средства на эту работу. Средств, выделенных ранее, оставалось мало, и требовалось не менее 6 миллиардов долларов на выполнение запланированных заказов. Хотя я еще мало что смыслил в новой работе, именно мне, как начальнику только что созданного управления, полагалось иници-

ировать слушания в Комитете Палаты представителей. Мало того, со мной не было генерал-майора Бернса, который тогда отправился в Москву.

Мне пришло в голову, что было бы хорошо встретиться в Белом доме с лидерами Конгресса и старшими представителями от обеих партий в Комитетах Палаты и Сената, чтобы сообщить им и обсудить с ними все имеющие отношение к делу факты, прежде чем направлять соответствующий запрос в Конгресс.

Когда встреча началась, президент попросил меня разъяснить, на что пойдут эти деньги. потом мы ответили на много вопросов и обсудили всю программу с полной откровенностью. В результате к началу слушаний люди на Капитолийском холме получили более полное представление о сути проблемы. Конечно, были изнурительные дискуссии, в которых ведущую роль играли конгрессмены Вудруми, Кэнон, Тэйбер и Виглсворт, но зато наш тщательный разбор проблемы был основан на глубоком понимании программы ленд-лиза. Я держался и держусь того мнения, что одна из важнейших обязанностей государственных лиц, которым Конгресс доверил власть, — подробно отчитываться перед ним в том, как они ведут дела.

Моя работа по созданию новой службы была значительно облегчена благодаря всему, что было сделано до моего появления генералом Бернсом, Филипом Янгом и другими. Оскар Кокс, один из создателей проекта Закона о ленд-лизе, стал генеральным советником управления. Хотя мы увеличивали свой штат по мере развития и усложнения самой программы ленд-лиза, мы всегда оставались небольшой, компактной организацией, с числом работников не более 600 человек. Первоначальная нацеленность на то, чтобы не раздувать штаты и не дублировать другие ведомства, вполне себя оправдала, и я всегда старался ее придерживаться.

Глава 10. Грузовики и оружие Китаю

Еще в конце 1940 года от одного высокопоставленного китайского гостя я получил подробный отчет о борьбе китайского народа против японского нашествия. Это был доктор Сунь, через год ставший министром иностранных дел Китая. Прежде я не встречался с ним и быстро понял, почему этого человека у себя на родине считали одним из самых замечательных ораторов. Мы говорили не столько о помощи, нужной его стране, сколько об общей картине войны в Азии, но, "читая между строк", я понял, что Китаю требуется гораздо более значительная помощь его друзей, чтобы он мог продолжать борьбу.

Через месяц Лочлин Кэрри, один из советников президента по экономике, отправился в Китай, чтобы сделать анализ нужд этой страны. Его возвращение совпало с принятием Закона о ленд-лизе, и в марте-апреле Гарри Гопкинс, Кэрри и другие обсуждали программу ленд-лиза для Китая. Уже два года Китай приобретал у нас военные материалы на основе экспортно-импортных займов на сумму 120 миллионов долларов, и это имело большое положительное значение для него, но сейчас мы обсуждали гораздо более широкую программу помощи этой стране.

Началом этой программы формально можно считать 6 мая 1941 года, когда оборона Китая была признана жизненно важной для нашей безопасности. Тогда же доктор Сунь организовал компанию "Чайна Дефенс сапплайз" в качестве официального агентства правительства Китая по программе ленд-лиза.

Главным препятствием в предоставлении Китаю более существенной помощи по ленд-лизу была дорожно-транспортная проблема. После того как вишистский генерал-губернатор Французского Индокитая принял ультиматум японцев и в июле 1940 года закрыл железную дорогу из Хайфона в провинцию Юньнань, единственным путем, открытым для американских поставок Китаю, оставалась Бирманская дорога.

Строительство этой дороги началось в 1937 году, когда Япония напала на Китай. На строительстве трудились около полумиллиона китайских рабочих, почти без всякой техники и оборудования. Через год по дороге стал ходить транспорт, но она была грязной, примитивно построенной и во многих местах слишком узкой, чтобы по ней могли пройти два грузовика. Это был зигзагообразный тракт, ехать по которому было настоящим испытанием, и тянулся он на 715 миль, от Лашо до Куньмина, столицы провинции Юньнань, а этот город и сам находился за 500 миль от города Чунцин, фактически столицы свободного Китая. Постройка этой дороги почти вручную является свидетельством стойкости и мужества простых китайцев, руководимых генералиссимусом Чан Кайши, которые после 1937 года не раз доказывали, что они могут совершить то, что кажется невозможным.

Бирманская дорога была для китайцев дорогой жизни, единственной связью с внешним миром. Лашо, ее крайняя точка в Бирме, была последней станцией железной дороги, которая связывала Рангун с восточной частью Бенгальского залива и проходила через большую часть территории Бирмы.

В первые месяцы 1941 года только 4000 тонн ежемесячно отправлялось из Лашо; это были главным образом излишки бензина для самих грузовиков. На Бирманской дороге не было заправочных станций. Часть товаров, отправленных из Лашо, не достигала Куньмина. Многие грузовики попадали в аварию на опасной извилистой дороге. Немалый урон наносили воры, а также провинциальные налоговые изъятия товарами. Большой проблемой было и то, что китайские водители, мужественно преодолевавшие горные дороги, не были обучены уходу за своими машинами. Они просто водили машины до тех пор, пока не закончится горючее и смазка, что и приводило часто к авариям.

Франклин Рэй-младший, занимавшийся проблемой помощи Китаю с самого начала действия программы ленд-

лиза, считал, что годовой объем поставок, включая бензин, фактически достигших Куньмина, к весне 1941 года был не выше 30 000 тонн. Ясно было: чтобы сделать помощь по ленд-лизу эффективной, необходимо прежде всего нормализовать положение с транспортом.

Первые поставки в Китай в мае 1941 года представляли собой бензин, смазочные материалы, запасные части для грузовиков, используемых как на Бирманской дороге, так и в самом Китае. Одна из главных просьб Чан Кайши, высказанных Кэрри, касалась присылки технических советников по транспорту для осмотра Бирманской дороги и улучшения ее пропускной способности.

После возвращения Кэрри на родину главой транспортной миссии был назначен Дэниэл Арнстейн, президент нью-йоркской "Терминал Кэб компани". Кроме него миссия включала в себя еще двух видных специалистов: М. Хеллмэна и Х. Дэвиса. Миссия покинула Вашингтон в июне и прибыла в Чунцин на самолете 12 июля 1941 года.

Они осмотрели всю Бирманскую дорогу, перемещаясь с севера на юг, и добрались до Рангуна; составили доклад и вернулись в Чунцин в августе. Они рекомендовали главным образом строить больше стоянок для грузовиков и ремонтных пунктов, расположенных на расстоянии дня езды один от другого, с заправочными станциями, комплектами запасных частей, квалифицированными механиками. Они посоветовали также сократить по возможности число провинциальных пошлин и простои караванов грузовиков на внутренних таможнях.

В соответствии с этими рекомендациями китайское правительство приняло меры по улучшению организации работы дороги, а ввоз ремонтной техники и запчастей по ленд-лизу был увеличен. Вскоре в Бирму за счет ленд-лиза были отправлены американские смотрители станций и бензоколонок, диспетчеры, мастера и механики. Они прибыли в Манилу 4 декабря 1941 года, за три дня до Пёрл-Харбора.

В то же время китайское правительство решило сделать на дороге твердое покрытие. Основа была заложена китайскими рабочими, вручную мостившими дорогу камнями. Из США были доставлены по ленд-лизу тысячи тонн асфальта, а также техника для строительства дорог. Летом и осенью 1941-го в Рангун доставлялись грузовики, купленные прежде за наличные, а в июле поступила первая тысяча грузовиков по ленд-лизу. В августе в Рангун был доставлен небольшой сборочный завод для работы в порту, а также партия запасных частей и оборудования для складов на самой дороге.

В октябре-ноябре 1941-го тоннаж перевозки грузов на Бирманской дороге возрос почти в четыре раза — с 4000 тонн в месяц в начале года до 15 000 тонн в указанное время. Теперь уже большая часть этих грузов доходила до Куньмина. Мы планировали к концу 1941 года достичь уровня 35 000 тонн в месяц.

После увеличения пропускной способности Бирманской дороги с помощью программы ленд-лиза удалось открыть еще одну транспортную артерию, соединяющую Бирму и Китай. Еще в 1938 году китайцы начали строить дорогу, также от Куньмина до Лашо, чтобы соединить ее с той, которая вела из Лашо в Рангун. К весне 1941-го подготовительные работы на китайской территории были в значительной мере закончены, и на небольшом расстоянии от Куньмина проложили рельсы.

Нельзя было доставить рельсы в Китай из внешнего мира, но можно было использовать часть Юньнаньской секции Индокитайской дороги, после того как она была перекрыта вишистами под давлением японцев и дополнительная нагрузка перешла на Бирманскую железную дорогу. Кроме того, китайские партизаны разбирали железные дороги в оккупированных районах страны и тайно переносили их поштучно через линию фронта.

Первые 112 миль железной дороги проходили по бирманской земле. В марте 1941-го англичане обеспечили правительство Бирмы деньгами и технической помощью на

продолжение обустройства этой территории. К осени работа уже шла вовсю. Но от бирманской границы начинался участок почти в 300 миль, где предстояла еще большая работа. Это был самый трудный участок дороги, так как он находился в наихудшем из всех малярийных районов Китая. К тому же, чтобы закончить здесь работы, следовало прежде начать эксплуатацию бирманского участка дороги, чтобы можно было подвезти рельсы и необходимое оборудование. И все же в докладах английских, американских и китайских инженеров говорилось, что важнейший участок дороги в 400 миль можно открыть к концу 1942 года, если взяться за дело сообща и работать напряженно. По этой железной дороге могли бы ежедневно проходить 5 поездов с 200-тонным грузом, а это еще 30 000 тонн в месяц для китайских войск и военных складов.

В начале июня на завершение строительства этой железной дороги было выделено по ленд-лизу 15 миллионов долларов, в том числе более 1 миллиона — на преодоление угрозы малярии. Тем же летом миссия из 15 человек во главе с доктором Виктором Хасом из Америки отправилась в Бирму, с нею были отправлены также лекарства, средства для опрыскивания малярийных болот, необходимое снаряжение для пунктов первой помощи и больниц.

Тем временем запасы атабрина и хинина стали экстренно доставлять по воздуху из Гонолулу и Батавии в Голландскую Ост-Индию.

По прибытии на место медицинская миссия обнаружила: положение было настолько тяжелым, что, например, в одной китайской строительной партии из 2000 человек 400 умерли от малярии, 600 бежали, а 80% остальных были нездоровы. Принимая во внимание, что для завершения строительства требовалось 200 000 китайских рабочих, медики немедленно стали уничтожать комаров в местах их размножения, организовывать медпункты и больницы для тех, кто нуждался в лечении, и одновременно вести профилактическую работу среди здоровых.

До прибытия этой миссии было очень трудно убеждать китайских рабочих идти работать в малярийные долины, через которые должна была пройти дорога: эти люди не знали отчего в действительности начинается малярия — согласно старому и прочному верованию, считалось, что в долинах живут злые духи, которые отнимут жизнь у всякого, кто дерзнет вторгнуться на их заповедную территорию. Скоро, однако, разнесся слух о том, чем собственно занимаются наши доктора, и группы рабочих, бежавших от работ в горы, стали понемногу возвращаться обратно.

К лету 1941 года перспективы улучшения бирманского транспорта обозначились настолько явно, что теперь уже можно было говорить об увеличении непосредственных поставок вооружений по ленд-лизу в Китай. Китайцы в свободных провинциях могли до известной степени обеспечить себя легкими вооружениями и боеприпасами, но им нужны были станки и сырье, чтобы наладить это производство; а кроме того Китай нуждался в самолетах, танках и тяжелой артиллерии, что сами китайцы едва ли могли производить. Кое-что они получали из России, но с 22 июня 1941 года Советский Союз был полностью поглощен собственной обороной.

В июле 1941-го Отдел контроля военной помощи, китайское ведомство военных поставок и Военное министерство начали консультации по проблеме, как можно обучить и снабдить всем необходимым значительное число китайских солдат. Результатом их явился проект перевооружения по ленд-лизу 30 китайских дивизий к концу 1942 года. Было решено, что из США в Китай будут поставлять артиллерию, в том числе зенитную, танки и бронемашины, а кроме того сырье, машины, оборудование, чтобы китайцы сами могли наладить производство легких видов вооружений.

А до начала этих поставок, в ноябре, в Чунцин прибыла наша военная миссия во главе с бригадным генералом Макгрудером, состоявшая из специалистов по ведению современной войны, с целью проанализировать во-

енные нужды Китая и помочь в обучении китайских солдат обращению с американской техникой.

Однако лишь небольшая часть военной техники, предназначенной для Китая, действительно попала туда или по крайней мере в Рангун до его падения. Америке больше повезло в организации воздушной помощи Китаю. Еще в ноябре 1940-го, за 4 месяца до ленд-лиза, генерал Моу из китайских ВВС и генерал-майор Клер Ченол прибыли в Вашингтон по поручению Чан Кайши. Генерал Ченол, бывший американский полковник-резервист, с 1937 года служил в Китае в качестве технического советника в ВВС. Он подготовил к боям с японцами немало китайских летчиков для управления самолетами американских моделей 30-х годов, старыми немецкими и немалым числом русских самолетов. Китайцы были хорошими пилотами и отважными бойцами, но их самолетам было далеко до японских истребителей и бомбардировщиков. У японцев их было чуть ли не в двадцать раз больше, и китайские самолеты уничтожались по одному. К концу 1940 года японские бомбардировщики летали над Китаем почти беспрепятственно, бомбили Чунцин и другие города и долетали даже до Бирманской дороги.

Генералы Моу и Ченол прибыли в Вашингтон с двумя целями: во-первых, организовать программу создания сильных, боеспособных китайских ВВС; во-вторых, найти добровольцев среди американских летчиков для воздушных боев против японских бомбардировщиков. Достигнуть успеха в первой своей цели им было трудно, так как технику, передаваемую по ленд-лизу, следовало еще подготовить. Однако в мае 1941-го, после того, как Китай вошел в число стран, на которые распространяется помощь по ленд-лизу, туда отправилась группа от американских ВВС во главе с бригадным генералом Г. Кладжетом, чтобы по прибытии в Чунцин ознакомиться с положением на месте. Генерал потом в своем рапорте подчеркнул, что Китай остро нуждается в истребителях для защиты городов и в бомбардировщиках для нанесения уда-

ров по японским базам. Между тем у китайцев было недостаточно обученных пилотов и техников, поэтому он рекомендовал начать программу с организации их подготовки.

Чтобы создать центры обучения в Китае, требовались тысячи тонн бензина и специального оборудования, а Бирманская дорога и так была перегружена. Поэтому было решено организовать центры подготовки китайского летного состава у нас, за счет средств по ленд-лизу, и в октябре к нам в страну прибыла первая группа из 50 человек, отправленных в Аризону, в Тандербердфилд, для обучения. Тогда же по ленд-лизу Китаю было выделено 300 истребителей (в основном Пи-66 и Пи-43) и 50 бомбардировщиков (в основном "Локхид-Хадсон А-29" и "Дуглас-ди-би-7"). Но эти самолеты не попали в Китай из-за Пёрл-Харбора.

Что касается второй цели Ченола относительно американских добровольцев среди летчиков-истребителей, то ее сразу активно поддержал доктор Сунь, и сразу же начались дискуссии по этому вопросу в Комитете по связям, Военном министерстве и Госдепартаменте. В январе 1941-го план этот был одобрен президентом.

В то время не так легко было найти достаточно самолетов для китайцев. Однако производство истребителей Пи-40 возросло в результате соглашения о стандартизации, выработанного Объединенным авиационным комитетом, и англичане согласились уступить Китаю 100 таких самолетов, предназначенных для них по контрактам за февраль — апрель 1941 года. Всеобщая торговая корпорация заплатила производителю самолетов 8 900 тысяч долларов. С большим трудом удалось раздобыть пулеметы, боеприпасы, броню, но все же в конце февраля первые 36 самолетов были отправлены из Нью-Йорка в длительное скитание по морям, и все они в промежуток времени с мая по октябрь были доставлены в Рангун.

Тем временем генерал Ченол начал искать летчиков и механиков. С помощью Военного и Военно-морского

министерств, разрешивших перевести группу военнослужащих с действительной службы в резерв, ему удалось найти больше 100 летчиков-ветеранов, а кроме того — 150 человек техников и наземного персонала. Добровольцы подписали контракты, по которым им было положено хорошее жалованье — 600—750 долларов в месяц для летчиков и в среднем около 300 — для технического персонала. Сверх того китайское правительство согласилось платить премию за каждый сбитый или уничтоженный на земле японский самолет (при наличии свидетелей).

Первая группа американских летчиков отплыла в Рангун 9 июля, остальные — в июле — сентябре. 1 августа 1941 года генералиссимус Чан Кайши подписал приказ о создании Американской добровольческой группы (АДГ) в составе Китайских ВВС. Пока строилась база АДГ в Куньмине, англичане предоставили группе посадочную площадку и сборочный цех в Бирме, в 160 милях от Рангуна, а также в Мингаладоне, пригороде Рангуна, для использования в качестве тренировочных баз.

Все лето и осень генерал Ченол работал над тем, чтобы превратить свою группу в боевое подразделение. Все летчики имели на счету не менее 500 летных часов, но некоторые прежде никогда не летали на истребителях. А для того чтобы все время держать самолеты в боевом состоянии, имелся в достаточном количестве только бензин. Особенно не хватало запасных частей и патронов к пулеметам. Генералу пришлось заняться приспособлением коммерческой радиоаппаратуры, так как военная не поступила из Америки. Многие из летчиков были разочарованы, 25 человек ушли в отставку и вернулись домой. В начале ноября Ченол прислал в Вашингтон сообщение, что 23 самолета бездействуют из-за отсутствия моторов и запасных деталей и еще 26 — из-за отсутствия запасных шин. Только 44 самолета в рабочем состоянии.

На этот тревожный запрос генерала трудно было что-то ответить, так как положение с запасными частями каждый раз, когда вводился в действие новый тип самолета,

было очень трудным. И англичане в Египте, и мы у себя дома использовали самолеты Пи-40, и запчастей не хватало повсюду. Все же удалось раздобыть и отправить по назначению некоторое количество запчастей и патронов, и на это ушли первые деньги, выделенные по ленд-лизу для АДГ. Кое-что отправили морским путем, но то, что требовалось в первую очередь, было переправлено по воздуху.

В первую неделю декабря поступило по назначению столько необходимого, что генерал Ченол доложил, что располагает уже 66 Пи-40, готовыми к боевым действиям. Теперь у него было едва ли не 100 обученных летчиков и техперсонал, состоявший из 180 американцев и многих китайцев. Генерал разделил АДГ на 3 эскадрильи, по 18 самолетов в каждой. Из оставшихся 10 он выделил в резерв для каждой из них и получил возможность еще несколько недель продолжать тактическую подготовку группы, после чего, согласно его докладу, она будет готова к боевым действиям против японцев. Нужные ему запасные части были доставлены на корабле за несколько дней до Пёрл-Харбора.

Глава 11. Нападение на Россию

22 июня 1941 года Гитлер начал агрессию против Советского Союза. Он назвал ее "крестовым походом" ради защиты западной цивилизации от "азиатского большевизма". Больше двух месяцев его пропагандистская машина пыталась убедить нас, что Германия готова заключить с Англией почетный мир, с тем чтобы Гитлер получил свободу рук в Восточной Европе, то есть против России. Агенты Геббельса сделали все, чтобы возбудить страх перед коммунизмом в Англии и Америке.

Следует признать, что у Гитлера были некоторые основания полагать, что ни США, ни Великобритания не пойдут на полное сотрудничество с Советским Союзом.

Многие и у нас, и в Англии считали коммунизм серьезной опасностью для нашей формы правления. А в России многие думали, что западные демократии стремятся уничтожить советскую страну. После Мюнхена, когда русские сочли, что Англия и Франция их предали, и после советско-нацистского пакта в августе 1939 года, который уже союзники сочли предательством со стороны России, враждебность с обеих сторон усилилась. Гитлеровская пропаганда "мира" весной 1941-го не прошла даром даже для части американских патриотов, которые наивно повторяли идеи, которые исподволь активно насаждали нацистские агенты.

Действительность, однако, показала, что Гитлер недооценил народы и правительства всех трех стран, которые он хотел уничтожить поодиночке. Он все еще судил о США по временам прежнего Закона о нейтралитете, об Англии — по временам Мюнхена, а о России — по событию 1939 года. Во всех трех случаях он ошибался. В Лондоне, Вашингтоне и Москве быстро показали ему, как теперь обстоит дело, хотя это было только началом долгого пути к эффективному сотрудничеству. Постепенно сотрудничество на основе общности интересов переросло в боевое партнерство, которое должно не только сокрушить силы оси, но и дает надежду на наступление продолжительного мира. Однако сейчас стоит вспомнить, что все могло повернуться иначе в первые недели после того июньского воскресного рассвета, когда гитлеровские танковые части вторглись в Россию, а нацисты делали все от них зависящее, чтобы разобщить нас и противопоставить во вражде друг другу.

Ни Рузвельт, ни Черчилль не колебались ни минуты. Еще до нападения на Россию госсекретарь Халл и его помощник Уэллес предупреждали советского посла, что у нас имеется информация о плане Гитлера внезапно напасть на Советский Союз. Такие же предупреждения поступали и из Лондона.

22 июня Черчилль выступил по радио и, заявив о своем неприятии коммунистической идеологии, тут же при-

ветствовал Советский Союз как союзника против Германии. Он заявил: "Мы обеспечим всякую возможную помощь России и русскому народу". Мистер Черчилль отверг утверждение, что Англия теперь может позволить себе передохнуть. Напротив, ее усилия должны быть удвоены, так как за атакой на Россию, несомненно, последует последний удар по Великобритании. Премьер-министр быстро отправил своих представителей в Москву, а потом в Лондоне начались переговоры, на которых было объявлено о намерении Англии поделиться своими, все еще скудными запасами оружия с Красной Армией.

Эта определенная позиция премьера оказала большое влияние на общественное мнение не только в Англии, но и у нас в стране.

Сразу после нападения Германии на Россию мистер Халл позвонил своим коллегам и сказал, что правительство США должно ясно дать понять всем и каждому, что оно всецело на стороне России и готово оказать ей полную поддержку. Уэллес, исполнявший обязанности госсекретаря в отсутствие Халла, официально осудил "вероломное нападение Гитлера" на Советский Союз и заклеймил его как новое доказательство стремления нацистов к мировому господству. Он заявил, что сейчас не коммунизм, "а гитлеровские армии являются главной опасностью для Америки", что США "приветствуют всякое противодействие гитлеризму, откуда бы оно ни исходило".

На пресс-конференции, состоявшейся на другой день, Рузвельт подчеркнул, что наше правительство готово помочь России военными материалами, хотя самая важная наша задача сейчас — ускорить поставки по ленд-лизу в Англию, потому что таким путем мы усилим наступательную мощь английских войск на западе, пока советские войска сражаются с гитлеровцами на востоке. Он сказал также, что зона, предусмотренная Законом о нейтралитете, не будет распространяться на советские тихоокеанские порты; иными словами, американские корабли име-

ют право прямо идти с американскими грузами в дальневосточный порт Владивосток.

Наша помощь СССР началась помимо программы ленд-лиза. Поначалу ни наше общественное мнение, ни правительство не были еще готовы объявить оборону Советского Союза жизненно важной для безопасности США. К тому же мы мало что могли предложить Советам сразу. Мы напрягали все силы, чтобы выполнить в должной мере программу помощи по ленд-лизу Англии и Китаю.

22 июня многие как в военных кругах, так и в обществе в целом заявляли, что не верят в продолжительность советского сопротивления. Немало среди участников дискуссий было и тех, кто даже говорил, что Россия сдастся к 1 августа, а раз так, то, скорее всего, все оружие, которое мы пошлем в Россию, попадет в руки Гитлера. Единство советского народа и силу Красной Армии тогда недооценили не только в Берлине, но и в Вашингтоне и Лондоне. Однако были и такие люди, которые понимали ситуацию гораздо вернее, и к ним прислушивались и в Белом доме, и на Даунинг-стрит, 10.

Наше правительство решило сразу же оказать помощь Советскому Союзу, но в таком объеме, который был бы не в ущерб обязательствам перед Англией и Китаем. По мере того как велось обсуждение вопроса в обществе и наше понимание положения в России становилось яснее, мы получали возможность приспосабливать нашу программу к меняющейся обстановке.

Со времени советско-нацистского пакта Амторгу, торговому агентству Советского правительства, было отказано в большей части экспортных лицензий на товары, заказанные в нашей стране. В результате здесь скопилось множество материалов, предназначенных для Советского Союза. На следующий день после заявления мистера Уэллеса Экспортный комитет пересмотрел список этих замороженных поставок, и было разрешено за две недели отправить в Россию разных материалов на 9 миллионов долларов. Однако оружия в этом списке не было.

Президент обратился к генералу Бернсу с просьбой создать группу по снабжению Советов, чтобы продвинуть вперед развитие программы помощи. Генерал, помня, что полковник Филип Фэймонвилл только что вернулся из Москвы, где 4 года был нашим военным атташе, позвонил ему в Сан-Франциско и сказал, чтобы тот первым же самолетом прилетел в Вашингтон. Фэймонвилл прибыл 13 июля 1941 года и сразу занялся изучением возможностей создания программы широкомасштабной военной помощи СССР. В качестве помощника он вызвал из Нью-Йорка Дж. Хазарда, которого знал как специалиста по России. Хазард включился в работу и позднее стал в администрации ленд-лиза заместителем начальника отдела поставок в Советский Союз — под руководством генерал-майора Чарльза Вессона. 21 июля Рузвельт официально передал Отделу контроля военной помощи ответственность за организацию "немедленной и существенной помощи Союзу Советских Социалистических Республик".

На другой день полковник Фэймонвилл вместе с членами комитета (комиссии?) Госдепартамента, а также бригадным генералом Чарльзом Хайнсом, в то время ответственным за работу Военно-морского совета по боеприпасам, собрались, чтобы проанализировать советские запросы на замороженные поставки, а также на приобретение дополнительных материалов. Советам нужны были прежде всего машины и сырье для производства вооружений. Конечно, эти запросы шли вразрез с потребностями наших собственных армии и флота, а потому встретили сильное сопротивление, и многим пришлось разъяснить, что способность Советского Союза оказывать нацистам долговременное сопротивление даст нам время лучше вооружить нашу армию. После этого заседания генерал Бернс послал на утверждение президенту первый подробный список товаров для Советов на сумму 21 940 тысяч долларов.

На другой день список вернулся от президента с запиской: "Соберитесь сегодня вместе с военным мини-

стром, и. о. госсекретаря и военно-морским министром (если это имеет к нему отношение) и разберитесь в этом вопросе, поскольку здесь есть кое-какая путаница, а я хотел бы, чтобы все это было закончено к вечеру". Дело и было закончено к вечеру, и тут же началась доставка по списку товаров, которых к тому времени не было на складах.

Тогда в Вашингтон прибыла и советская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Ф.И. Голиковым, который позднее, в 1942 году, прославился как командующий блестящим контрнаступлением в районе Брянска; в ее составе был также генерал-майор советских ВВС А.К. Репин. Члены советской миссии вместе с советским послом К.А. Уманским были сразу же вызваны к генералу Маршаллу — посол при встрече играл роль переводчика. Генерал Голиков был человеком с запоминающейся внешностью. Он был коренастым, с обритой головой и бронзовым от загара лицом. Говорил в основном он, а молчаливый высокий генерал Репин время от времени что-либо добавлял. Оба генерала подчеркивали, что необходимо спешить, но были при этом уверены, что Красная Армия не будет разбита этим летом и даже перехватит инициативу, когда начнется зима. Это были смелые слова для того периода, когда Красная Армия оставляла украинские и белорусские земли.

Перед генералом Маршаллом стояла трудная задача убедить советских представителей в том, что у американцев нет теперь достаточного количества кораблей, самолетов, танков, пушек, бомб, станков и сырья, чтобы сразу организовать помощь России. Поначалу им трудно было поверить в это: они знали о наших огромных промышленных возможностях и были очень высокого мнения о нашей технике. Конечно, эти люди думали, что мы уже завершили мобилизацию наших производственных ресурсов. Русские начали мобилизацию собственной промышленности вскоре после прихода Гитлера к власти в 1939 году. Им трудно было понять нашу позицию — людей, живу-

щих на материке, окруженном морями, которые более 100 лет контролировали дружественные державы; позицию, наложившую отпечаток и на наше мышление, и на развитие нашей военной промышленности.

С прибытия этой советской миссии и начался военный этап выполнения программы помощи Советам. Генералов Голикова и Репина приняли президент и члены правительства. Вскоре Рузвельт выступил на заседании Кабинета и напомнил, что война в России идет уже шесть недель, но пока в Россию не отправлены никакие нужные ей товары. Он попросил Уэйна Коя из Управления по чрезвычайным ситуациям просмотреть утвержденные списки материалов, предназначенных для России. "Действуйте как колючка, которая заставляет двигаться", — сказал он.

Около того же времени был создан Межправительственный комитет помощи России в составе Гопкинса, посла Уманского и Артура Пэрвиса — последний был введен в комитет потому, что часть оружия для англичан в случае острой необходимости могла быть передана России. Первое заседание этого комитета состоялось в начале августа (Гопкинса, отбывшего в Лондон и Москву, заменил Бернс), и дело действительно пошло быстрее: англичане согласились уступить часть Пи-40, и уже в сентябре первые самолеты были отправлены в Россию.

Между тем Гопкинс, который лучше нас всех понимал положение дел на русском фронте, будучи в Лондоне, убедился, что Черчилль вполне разделяет убеждение Рузвельта, что Советский Союз выстоит. Оттуда Гопкинс отправился в Москву, чтобы самому все увидеть на месте, и прибыл туда 30 июля 1941 года, имел две продолжительные беседы со Сталиным и вернулся назад убежденным в том, что СССР не будет сломлен во время летней кампании.

Я видел Гопкинса сразу по его возвращении в Вашингтон. Он рассказывал, что Сталин оба раза говорил с ним вполне откровенно и закончил утверждением: "В этом

году немцы ни в коем случае не войдут в Москву". Гопкинс отметил также, что мощь Красной Армии, как и решимость советских людей, чему он сам был свидетель, могут служить подкреплением этой уверенности Сталина.

18 августа 1941 года президенту был представлен на утверждение второй список поставок для Советского Союза, и он написал на первой странице: "О'кей. Ф<ранклин> Д<елано> Р<узвельт>.

К концу сентября стоимость программы возросла до 145 710 823 долларов. Русские покупали авиационный бензин, толуол, станки и оборудование, а также телефонный провод, ботинки, ткани и многое другое. Им нужны были также самолеты, танки и противотанковые орудия. К концу ноября мы смогли отправить в Россию всего 79 легких танков, 59 истребителей Пи-40 (большую часть — за счет английского заказа) и около тысячи грузовиков, в которых русские очень нуждались. У нас было очень мало лишних танков и самолетов, а зенитные орудия мы просто не могли позволить себе вывозить.

Когда 18 августа Рузвельт вернулся в Вашингтон после встречи с Черчиллем на Атлантической конференции, вместе с президентом явился лорд Бивербрук, ставший в то время английским министром снабжения. Тогда было решено послать в Москву совместную англо-американскую миссию, чтобы разработать полную и долгосрочную программу помощи Советам. 5 сентября был объявлен состав американской делегации. Главой ее стал У.А. Гарриман, участвовавший в Атлантической конференции, а членами — адмирал Стэнли, генерал-майор Бернс, Уильям Бэтт, генерал-майор Дж. Чейни и несколько технических специалистов.

В Лондоне наша делегация соединилась с английской, оттуда на крейсере они добрались до Архангельска, откуда — самолетом до Москвы. Конференция началась 29 сентября, и за 48 часов была принята 9-месячная программа помощи России, американская доля которой оценивалась примерно в 1 миллиард долларов. 2 октября 1941 года был

подписан договор — с американской стороны Гарриманом, с английской — Бивербруком, а с советской — наркомом иностранных дел В.М. Молотовым. Это был самый первый наш с русскими протокол.

Сразу перед московскими переговорами начались слушания в Конгрессе по поводу второго законопроекта о ленд-лизе, который прежде обсуждался в Белом доме. Сразу встал вопрос: должна ли помощь по ленд-лизу распространяться на СССР и не будет ли выделена для этой цели часть вновь запрашиваемых денег? С самого начала я стоял на том, что вопрос о помощи России должен быть полностью оставлен на усмотрение президента. Думаю, что я выразил мнение всех заинтересованных в судьбе ленд-лиза, когда сказал:

— Запретив помощь по ленд-лизу правительству России, мы бы тем самым нанесли тяжелый удар по моральному духу русских. Это все равно что сказать русскому народу: "Как бы вы храбро ни сражались, как бы много ваше сопротивление ни значило для нашей собственной безопасности, мы все равно вам не будем помогать".

Другие выступавшие и члены Комитета Палаты представителей отстаивали ту же точку зрения, а сторонников законодательного запрещения помощи России на этот раз было немного.

Члены американской делегации вернулись из Москвы в Вашингтон 20 октября 1941 года с оригиналами исторического Московского протокола.

Документ этот состоял из 7 машинописных страниц. На первой странице можно было прочесть: "Секретный протокол конференции представителей Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Великобритании в Москве 29 сентября — 2 октября 1941 года". Под этим заголовком следовал абзац о "единодушном решении" участников конференции обеспечивать СССР необходимыми "материалами, производимыми в Англии и США" в период с октября текущего по конец июня следующего года. Далее был перечень товаров в трех

колонках. В первой колонке перечислялись разнообразные машины и материалы, нужные для войны: танки, самолеты, провода для полевых телефонов, станки, броня, горючее, колючая проволока, сапоги, электроплиты, пшеница и многое другое. Во второй колонке было отмечено количество каждого из всего этого, требующееся Советскому Союзу, а в третьей — указано, в какой мере Англия и США могут удовлетворить эти запросы по каждому пункту. В некоторых случаях было отмечено, что данный вопрос нуждается в дополнительном изучении. Нигде в документе не была указана общая сумма в долларах. Протокол был скреплен дипломатическими печатями и подписан Гарриманом, Молотовым и Бивербруком.

В тот вечер, когда вернулась делегация, я пригласил ее членов к себе на ужин. Вице-президент Генри Уэллес, генерал Маршалл, министры Нокс и Джонс, заместители министров Ловетт, Нельсон, Уильям Кнадсен и другие пришли, чтобы выслушать рассказ о визите. Гарриман и его коллеги подробно рассказали о московских переговорах. Я помню, что они не раз называли советских официальных лиц "жесткими", "реалистичными" и "хорошими коммерсантами" и требования московского руководства не казались им необоснованными. Огромное впечатление на наших посланцев произвел Сталин, а также производственные технологии и оборудование, которое они видели на русских заводах.

Во время дискуссии по программе поставок в Советский Союз в сентябре-октябре меня особенно поразило, что советские представители делали упор на станках и материалах, необходимых для их собственных военных заводов. Многие из этих заводов были летом эвакуированы в безопасные районы, на Урал, и это массовое перемещение промышленности, если о нем рассказать все, составило бы одну из самых драматических глав в истории войны. Конечно, им были нужны и наши танки, и наши самолеты, о чем не стала бы беспокоиться ни одна нация, если бы считала, что находится на грани поражения.

До конца октября русские продолжали платить наличными за все, что у нас приобретали. Корпорация военных поставок помогла им с помощью аванса за будущее сырье из СССР на 50 миллионов долларов. Всего же начиная с 23 июня Амторг выплатил нам 92 миллиона долларов; однако в действительности в Россию было за тот же период поставлено товаров лишь на 41 миллион долларов.

Англия летом и осенью могла справиться с поставками в Россию быстрее нас. Несмотря на все ее собственные нужды Англия производила тогда средних танков и самолетов больше нас. Танки "Матильда" и "Валентин" попали в Архангельск с первым крупным английским конвоем в конце сентября и были использованы в октябрьских и ноябрьских боях. Британские ВВС отправили в Россию две эскадрильи "харрикэнов" со своими летчиками и механиками, чтобы продемонстрировать свои самолеты русским.

Недостаток у нас в тот период военных материалов означал, что мы должны были бороться за все товары, поставляемые в Советский Союз. Помню телефонный звонок от Гопкинса 1 октября 1941 года, касавшийся колючей проволоки. Русские в ней крайне нуждались, и для начала им было ее нужно 4000 тонн. Этого количества проволоки хватило бы, чтобы протянуть ее от Москвы до Сиднея и обратно. Проволоку следовало своевременно доставить в Нью-Йорк, с тем чтобы успеть ее отправить с конвоем через две недели. Можно ли было это исполнить? В тот вечер мы допоздна вели телефонные переговоры с Артуром Уайтсайдом из Стального отдела, с руководством нашей армии, с англичанами, а также с полудюжиной стальных компаний. Подведя итоги, мы обнаружили, что располагаем лишь 700 тоннами. Нам, правда, предлагали много проволоки для скота, но ведь нужна была другая, военного образца.

Я позвонил своему другу Худу, президенту американской компании "Сталь и Проволока", который еще рань-

ше нам обещал 200 тонн из своих запасов. Он сообщил, что в следующий уикенд сможет предоставить за счет своих заводов еще 700 тонн проволоки, чтобы ее можно было вовремя отправить морем. Сотрудники советского отдела поставок, люди Уайтсайда и все остальные искали все новые источники. Англичане предоставили всю проволоку, которая была приготовлена для собственных нужд, и еще некоторое количество мы получили от американской армии.

Теперь всю эту колючую проволоку надо было доставить в порт с заводов и складов, и сделать это предстояло не позднее 10 октября, чтобы отправить весь груз с конвоем. Помню, однажды вечером в телефонном разговоре я спросил Уайтсайда, сможем ли мы, по его мнению, это сделать.

— Эд, — ответил он, — это невозможно, но мы все работаем здесь допоздна, чтобы это стало возможным. Сейчас главное отправить товар, об остальном подумаем потом. Мы сделаем это.

И они сделали это. Корабль отплыл в Россию с грузом колючей проволоки на борту.

Не всегда мы действовали так же успешно, но этот пример показывает, каких трудов стоило обеспечить поставки в Россию в первые несколько месяцев. Уильям Бэтт и его коллеги работали до поздней ночи, чтобы необходимое сырье и промышленное оборудование были доставлены в Россию.

30 октября, через десять дней после возвращения из Москвы нашей делегации, Рузвельт обратился с историческим посланием к премьеру Сталину. Битва под Москвой была в самом разгаре. Нацистские войска стояли в Можайске, пройдя Бородино, где Наполеон более ста лет назад выиграл сражение, давшее ему возможность занять Москву. Части Красной Армии делали отчаянные усилия, чтобы не дать врагу взять столицу в клещи. На севере был окружен и, казалось, обречен Ленинград. На юге армии Буденного были отрезаны друг от друга и окружены, Харь-

ков пал, Украину заняли вражеские войска. Советские потери оценивались более чем в 1 500 тысяч человек. Сталин по радио снова призвал народ напрячь все силы, чтобы спасти Россию.

В тот день наш президент в телеграмме заверил премьера Сталина в том, что он ознакомился с материалами Московской конференции и что "все военные поставки были утверждены".

"...Я приказал как можно скорее обеспечить сырье, с тем чтобы немедленно начать доставлять все необходимое в максимально возможных количествах. Чтобы избежать финансовых трудностей, в ближайшее время будет сделано распоряжение, чтобы поставки стоимостью до 1 миллиарда долларов проводились по Закону о ленд-лизе. Я предлагаю, если Советское правительство одобрит это, чтобы образовавшаяся таким образом задолженность не подлежала процентам и чтобы СССР не начинал выплат до истечения 5 лет с окончания войны, а все выплаты долгов были бы завершены в течение 10 лет после этого".

4 ноября Сталин ответил Рузвельту:

"Советское правительство полностью одобряет Ваши заверения, что решения конференции будут выполнены до конца. Ваше, г-н Президент, решение выделить Советскому Союзу беспроцентный заем, дающий возможность приобрести вооружения и сырье, с искренней благодарностью воспринято Советским правительством как чрезвычайно существенная помощь в нашей великой и трудной борьбе против общего врага — кровожадного гитлеризма. От имени правительства Советского Союза я полностью принимаю указанные Вами условия...".

Условия возвращения миллиардного займа, согласованные при этом обмене телеграммами, сейчас уже не имеют силы. 11 июня 1941 года был подписан с Советским Союзом основной Договор о ленд-лизе, согласно которому помощь России по ленд-лизу предоставлялась на тех же условиях, что и Англии и Китаю.

Обмен посланиями между Сталиным и Рузвельтом состоялся 6 ноября, а на другой день, в 24-ю годовщину Русской революции, президент официально объявил оборону СССР жизненно важной для безопасности США. Судьба Москвы еще не была решена, но от нас Россия получила гарантии, что производственная мощь нашей страны будет служить для России источником существенной помощи.

Глава 12. Морскими путями

12 мая 1941 года жители Норфолка увидели сильно потрепанный авианосец, медленно входивший в порт. Это был "Славный", король английского Средиземноморского флота, который смог пересечь Атлантику только благодаря героической работе ремонтников на Мальте, несколько месяцев назад, под градом нацистских бомб. Немцы объявили, что "Славный" получил повреждения, тяжесть которых не позволит ему в дальнейшем сражаться. Они оказались почти правы.

10 января этот большой авианосец вместе с другими английскими военными кораблями сопровождал английский конвой в Средиземном море с грузами для Греции и для английской 8-й армии в Египте. С тех пор как Италия вступила в войну, подобные предприятия стали рискованными, но до сих пор англичанам удавалось отбиваться от итальянцев без больших потерь, конвой вошел в Сицилийский пролив через неделю после того, как на Сицилии обосновались немецкие ВВС. Тучи пикирующих бомбардировщиков налетели на конвой, выбрав главной мишенью "Славный". Тысячефунтовая бомба разбила посадочную часть палубы, а после второго взрыва возникло несколько больших пробоин в борту и было повреждено рулевое управление. Некоторое время корабль беспомощно кружил на одном месте, но в конце концов ему удалось добраться до Мальты, а остальная часть конвоя, по-

неся значительные потери, продолжила свой путь. Хотя на Мальте были новые бомбежки, это не помешало экстренному ремонту, сделавшему корабль снова готовым к плаванию, и "Славный" смог совершить длительное путешествие через Суэц вокруг Африки, в США. Все же полученные повреждения были велики, и судно простояло в Норфолкском сухом доке до сентября, после чего оно вернулось в боевой флот.

Конвой, в котором в январе участвовал "Славный", был последним большим конвоем, который англичане посылали, чтобы он прошел из конца в конец Средиземного моря. Два с лишним года такие попытки не повторялись. Это была новая победа Гитлера в борьбе за линии связи и снабжения.

У стран оси были все преимущества в военных коммуникациях. В Европе в распоряжении Гитлера была компактная система железных и шоссейных дорог, а коммуникационные пути, пересекавшие море — от Скандинавского полуострова до Германии и от Италии до Африки, — были короткими и хорошо защищенными. Япония, подобно нашей стране, зависела от морских путей, но ее коммуникационные линии были много короче и хорошо защищены кольцом военно-морских и военно-воздушных баз.

А коммуникационные пути Объединенных Наций опоясывали всю Землю. Они тянулись на 10 000 миль корабельного пути от Англии и на 12 000 миль от Америки, вокруг мыса Доброй Надежды, вплоть до Красного моря или Персидского залива, к портам Ближнего Востока. Расстояние от Нью-Йорка до Мурманска составляло 4500 миль, и даже самое короткое — от США до Англии — было 3000 миль.

Когда был принят Закон о ленд-лизе, морские дороги, соединяющие Англию и Ближний Восток, постоянно атаковались немецкими подводными лодками, кораблями, военными самолетами. Многие британские корабли пострадали в боях. Между тем английские судоверфи

не справлялись с объемом работ, да и сами подвергались нападениям. Чтобы быстро помочь делу, было решено ремонтировать их в Америке за счет средств по ленд-лизу. "Славный" был не первым английским кораблем, который чинили по ленд-лизу. Через восемь дней после принятия закона о помощи по ленд-лизу нью-йоркская Бетлеемская верфь приняла английский вооруженный корабль "Кантон", за которым последовали пострадавшие английские линкоры "Малайя" и "Решимость", достигшие нью-йоркской и филадельфийской судоверфей, соответственно, 9 и 12 апреля 1941 года. Можно также вспомнить прошедшие у нас ремонт английские линкоры "Родни" и "Роял Суверенн" и подлодку свободной Франции "Сарку", самую большую в мире. Не менее важной была программа ремонта по ленд-лизу торгового флота, когда сотни грузовых судов и танкеров чинили, вооружали, готовили к защите от мин. Среди них были не только английские, но и норвежские, голландские и греческие корабли.

После нашего собственного вступления в войну мы также получили возможность ремонтировать свои корабли за английский счет в разных частях мира и широко пользовались английскими верфями, деньгами, запасами и трудом.

Но судоремонтная проблема была не единственной, касавшейся защиты морских путей. Англия отчаянно нуждалась в торговых кораблях. Объявив 27 мая 1941 года страну в состоянии повышенной опасности, Рузвельт предупредил:

— В настоящее время возможности нацистов топить торговые суда в три с лишним раза превосходят возможности английских верфей их заменять и в два с лишним раза — совокупный англо-американский выпуск торговых судов.

США стали предпринимать шаги, чтобы справиться с этими трудностями. К счастью, у нас уже был опыт расширения производства торговых кораблей. За десятилетие

до 1936 года в Америке было построено всего 2 грузовых корабля для зарубежных нужд. В 1936-м Конгресс образовал Морскую комиссию, которая создала программу строительства одного большого пассажирского корабля, 10 танкеров и 10 грузовых судов, а также помощи частным производителям в строительстве 65 грузовых судов. Программа касалась ныне знаменитых грузовых кораблей серии "С", а стандартный дизайн позволял экспериментировать с применением к кораблестроению технологий массового производства. В 1939 году в Америке было произведено 28 океанских кораблей общей грузоподъемностью 342 032 тонны, а в 1940-м — 53 корабля общей грузоподъемностью 641 036 тонн. Англичане покупали у нас корабли с начала войны: суда времен прошедшей войны у Морской комиссии, а у частных компаний — те, что с начала войны подпадали под действие Закона о нейтралитете — всего около 80 кораблей общей грузоподъемностью почти 750 000 тонн. К концу 1940 года этот источник стал иссякать, и англичане направили к нам специальное представительство с целью заключить контракты на строительство в нашей стране 60 кораблей в год.

Английское представительство, как и другие, установило, что нам необходимо создавать новые мощности. Они переговорили с представителями многих фирм и остановились на "Тодд компани" и шести компаниях "Генри Кайзер". "Тодд компани" была старой кораблестроительной фирмой в штате Мэн; фирма "Кайзер" никогда не строила кораблей, но у них были революционные идеи относительно применения технологий массового производства в судостроении. 20 декабря 1940 года были заключены контракты на строительство двух верфей, в Портленде (Мэн) и в Ричмонде (Калифорния), с тем чтобы строить по 30 кораблей на каждой.

Англичане заплатили более 17 миллионов долларов за строительство судоверфей и согласились заплатить еще 87 миллионов за сами корабли. Это должны были быть океанские корабли, созданные по английскому проекту, адап-

тированные к американским технологиям. Результат оказался настолько успешным, что некоторые идеи, связанные с этой моделью, были вскоре использованы для строительства наших собственных "либерти шипс" ("кораблей свободы").

В феврале 1941-го Морская комиссия под ревностным руководством адмирала Э.С. Лэнда взялась за Чрезвычайную программу, предусматривавшую создание 200 грузовых судов. А 14 апреля благодаря ленд-лизу американская программа кораблестроения была почти удвоена, так как выделено было 550 миллионов долларов Морской комиссии на создание 227 грузовых кораблей, из которых 112 планировались как "корабли свободы", танкеры и суда серии "С". 50 миллионов из ленд-лизовских ассигнований были предназначены на расширение американских кораблестроительных заводов.

После Пёрл-Харбора американская программа кораблестроения не раз увеличивалась, пока не была поставлена задача к концу 1944-го произвести корабли общей совокупной грузоподъемностью в 50 миллионов тонн. Американская промышленность имела возможности выполнить эту задачу. Если в сентябре 1941-го наши судоверфи могли произвести только 7 кораблей грузоподъемностью в 64 450 тонн, то через два года — 155 кораблей в месяц грузоподъемностью в 1 миллион 700 тысяч тонн, или в среднем 5 новых кораблей ежедневно. Из 2 тысяч кораблей, построенных дополнительно к этому времени, около 300 было передано по ленд-лизу англичанам, китайцам, норвежцам, грекам, голландцам и другим представителям Объединенных Наций. Право собственности на все эти корабли остается за американским правительством.

Однако результаты судостроительной программы, организованной в начале 1941 года, стали по-настоящему реализоваться после Пёрл-Харбора. Чтобы обеспечить торговыми судами Англию летом 1941-го, были выделены корабли общей грузоподъемностью около 2 миллионов

тонн: 135 — для Красного моря и 185 — для Северной Атлантики. Для реализации программы были задействованы 72 реквизированных судна стран оси, стоявших в американских портах с 1939 года, взяты в наем суда американских владельцев и использованы корабли Морской комиссии, и все — за счет фондов ленд-лиза. Был предпринят и еще один важный шаг по решению корабельной проблемы на Ближнем Востоке. В апреле английские войска в Африке захватили Массауа, главный итальянский порт на Красном море, и потопили итальянские военные корабли. Так как Красное море полностью перешло под контроль англичан, наш президент 11 апреля заявил, что эти воды уже не являются зоной боевых действий. Это значило, что корабли под американским флагом, доступ которым в эту зону был прежде запрещен Законом о нейтралитете, теперь могли везти товары от мыса Доброй Надежды до Египта.

Но были и другие проблемы, связанные с поставками на Ближний Восток. К югу от Суэца порты были примитивными, с малым количеством доков, плохо оборудованные для разгрузки судов. Там почти не было железных дорог, а автомобильных было мало и плохого качества. Кроме того, не было сборочных цехов, современных складских помещений и, наконец, квалифицированных рабочих. Поэтому, чтобы доставлять танки на Египетский фронт, нужно было не только совершить опасное 12-недельное плавание, но и доставить в порты краны для разгрузки, стройматериалы для новых доков, ремонтных предприятий, складов, станки, рельсы, паровозы, грузовые вагоны, грузовики и опытных механиков для сборки и ремонта танков.

В конце июня 1941 года англичане начали обсуждать с работниками Отдела контроля военных поставок вопрос, как помочь развитию этого района. В результате была выработана разносторонняя программа, включавшая военно-воздушные и морские базы, сборочные цеха, ремонтные отделения, аэропорты, заправочные станции, боль-

ницы, радиостанции, шоссе и железные дороги в районах Египта, Эритреи, Ирака, Палестины. Первые отчисления средств по ленд-лизу на эти цели в Военное министерство были сделаны 2 октября 1941 года.

Предполагался также подъем со дна итальянских кораблей, так как после их затопления порт Массауа потерял свое значение. В этом порту было, кроме того, намечено построить новые доки и большие краны для разгрузки кораблей, подвезти строительную технику, рельсы, вагоны, паровозы, грузовики и многое другое. По другому проекту в районе Каира предполагалось соорудить большие мастерские для ремонта грузовиков американских моделей, танков и орудий. Все эти проекты готовились совместно с англичанами, которые давали свои деньги, людей и технику. После нашего вступления в войну в этой работе приняли немалое участие американские военные инженеры, и так продолжалось еще 2 года — до времени, когда Средиземное море вновь стало открыто для кораблей союзников.

Летние проекты для Красного моря были связаны с подобными программами для Персидского залива. Чтобы выполнить англо-американскую программу поставок в СССР, нужно было наладить действие всех доступных путей в Россию. Помимо морских путей была только одна реальная дорога: через Иран. Единственная железная дорога связывала Персидский залив с Каспийским морем. Таким образом, можно было поставлять необходимые товары в Россию по морю и по железной дороге. Хотя путь этот был нелегким, англичане были уверены, что он вполне реален — надо только обустроить порты, увеличить пропускную способность железной дороги, построить шоссе и привезти в этот регион тысячи грузовиков.

Иран был полон агентами стран оси, и даже сам шах им сочувствовал, поэтому, чтобы обезопасить иранский коридор, английские и советские войска заняли Иран в последний день августа 1941 года. Шах отрекся от престола в пользу сына, пронацистские его советники были из-

гнаны из страны, и к власти пришло симпатизирующее союзникам правительство. По советско-англо-иранскому договору Иран был поделен на зоны ответственности: северную — русскую и южную — британскую.

Однако обустроить дороги для эффективных поставок в Россию через Иран без помощи США было нельзя. В сентябре-октябре по ленд-лизу были сделаны заказы на 96 дизельных локомотивов, 2000 вагонов и 230 миль рельсов и шпал. Кроме того, требовалось оборудование для строительства новых доков, модернизации портов и улучшения возможностей разгрузки судов. Обсуждался также проект строительства в районе портов автомобильных и авиационных сборочных заводов. Первые средства на программу обустройства Персидского залива по ленд-лизу были выделены 2 октября. Конечно, англичане и сами тратили немалые деньги на эти программы. Они закупили оборудование для своего нефтеперерабатывающего завода в Абадане, что позволило значительно увеличить производство авиационного бензина для войск союзников на Ближнем Востоке и в Индии.

Принимая меры по улучшению коммуникаций на Ближнем Востоке, мы в то же время не забывали о наших интересах на Северной Атлантике, где нам следовало и наладить поставки в Англию, и позаботиться об укреплении нашей обороны. 9 апреля 1941 года мы заключили договор с датским правительством о том, что берем на себя защиту Гренландии от нацистов в обмен на право строить там военно-воздушные и военно-морские базы. 1 июля президент объявил оборону Исландии жизненно важной для нашей собственной безопасности, а через 6 дней он сообщил, что американские войска высадились в Исландии по приглашению исландского правительства и что Великобритания передала нашей стране ответственность за защиту этого находящегося посередине Северной Атлантики острова от нацистских посягательств.

— Как главнокомандующий, — заявил Рузвельт, — я отдал распоряжение флоту обеспечить безопасность ком-

муникаций между США и Исландией, а также между США и всеми другими стратегически важными районами.

Англо-американская миссия изучила возможности создания на Исландии военных баз. Был разработан план создания там большой военно-морской, а также военно-воздушной англо-американских баз. В сентябре Военно-морское министерство США заключило договоры на их строительство с двумя нашими компаниями. С английской стороны было предоставлено необходимое оборудование на сумму, равнозначную 2 миллионам долларов, а по ленд-лизу — 1500 тысяч долларов на эту работу.

Однако нацисты не собирались предоставлять нам возможности укрепить оборону в Западном полушарии. Летом 1941-го два американских торговых судна под панамским флагом, "Сесса" и "Монтана", везшие грузы в Исландию, были потоплены немецкими торпедами, а 4 сентября американский эсминец с почтой для Исландии был торпедирован немецкой подлодкой. Через неделю Рузвельт вышел в эфир, чтобы осудить эти акты международного беззакония. Он предупредил страны оси:

— Американские военные корабли и военные самолеты больше не будут ждать, пока под водой тут или там объявится лодка или на поверхности воды — корабль одной из держав оси, чтобы первыми нанести удар... Отныне, если немецкий или итальянский военный корабль войдут в воды, защита которых является необходимой для интересов американской обороны, то это плохо для них кончится.

Летом 1941-го ленд-лиз помог Англии защищать морские пути, находящиеся вне защитной зоны в Западном полушарии. После падения Франции англичане вынуждены были направлять свои атлантические конвои на север, вокруг Ирландии, чтобы избежать нацистских атак в Ла-Манше. Нужны были дополнительные базы в Северной Ирландии и Шотландии для защиты этих конвоев.

18 апреля 1941 года Рузвельт разрешил выделить 50 миллионов долларов для строительства двух баз морской авиации и двух баз эсминцев для нужд Англии, а 12 июня начальник Бюро верфей и доков контр-адмирал Моррелл подписал соответствующие контракты. Англичане платили фунтами за местные материалы и местный труд; при этом большая часть техники, инженеров, квалифицированных рабочих прибывала из США. Строительная техника, а также тысяча американских инженеров и механиков были отправлены из Квонсет-Пойнта в Северную Ирландию и Шотландию на британских кораблях. Первый корабль вышел 6 июля 1941 года, и эти рейсы продолжались все лето и осень. Самой важной в этих проектах была база эсминцев в Лондондерри, а кроме нее в программу входили базы морской авиации в Северной Ирландии и Шотландии, а в последней — еще и база эсминцев и подлодок. Когда началось выполнение проектов, мы еще не были в состоянии войны, и эти базы нужны были для обороны Великобритании; когда же мы подверглись нападению, то вскоре и сами смогли воспользоваться ими, что принесло нам огромную пользу.

Через три недели после Пёрл-Харбора Соединенные Штаты сделали новый важный шаг по открытию морских путей. Прямой путь к Британским островам был закрыт для американских судов, потому что этот район рассматривался по Закону о нейтралитете как зона боевых действий. 17 ноября 1941 года Конгресс отменил это положение. Теперь американские торговые суда имели право вооружаться, входить в зоны боевых действий и везти необходимые товары прямо в порты стран, воюющих с агрессорами.

Глава 13. Воздушное сообщение

Чтобы ввести в действие наши боевые самолеты быстрее, чем это можно сделать на кораблях, за последние три года мы с союзниками создали по всей Земле систему

воздушных путей. Сотни бомбардировщиков и истребителей ежедневно следуют на свои базы, а множество транспортных самолетов везут солдат, офицеров и материалы, необходимые для ведения боя. Ведущую роль в решении этой проблемы сыграла программа ленд-лиза.

После капитуляции Франции перестал существовать последний наземный фронт в Европе. Отправляя из нашей страны в Англию бомбардировщики по воздуху, вместо того чтобы перевозить их на кораблях, мы ускорили этот процесс, значительно быстрее увеличив боеспособность Великобритании, а заодно смогли освободить место на кораблях для других важных грузов. Англичане начали отправку самолетов из США в конце 1940 года. Для этих целей была создана специальная корпорация под названием "Атферо". Персонал набирали из таких служб, как "Британские зарубежные авиалинии", "Авиалинии Канады" и даже "Авиалинии США". Многих готовили в навигационной школе "Пан-Американ Эрвэйз" в Майами. Путь американских и английских коммерческих самолетов в то время лежал через Бермудские и Азорские острова и Лиссабон, но для военных самолетов он был закрыт. Португалия, как нейтральная страна, не допустила бы английские бомбардировщики на свои аэродромы на Азорах и в Лиссабоне. Единственно доступным тогда был путь через Ньюфаундленд и Ирландию, но по нему прежде регулярно не летали самолеты. Аэродромы и остальные необходимые объекты надо было создавать практически с нуля, чтобы этот маршрут стал рабочим.

Следовало также удлинить взлетные дорожки для тяжелых бомбардировщиков на маленьких аэродромах в Галифаксе и в Ботвуде (Ньюфаундленд), устроить там радио- и метеостанции, починить склады и наполнить их необходимыми припасами. Все это делалось зимой 1940/41 года в труднейших погодных условиях. В то же время строились дополнительные аэродромы и метеостанции на важных опорных пунктах: на Лабрадоре и в Исландии.

К декабрю 1940 года все было готово к тому, чтобы вылетели первые 3 группы, по 7 бомбардировщиков в каждой, построенные у нас по английским контрактам, а вскоре после этого отправились в путь первые самолеты "пи-би-уай" и первые бомбардировщики "Либерэйтор" ("Освободитель"). Чтобы избежать опасных ночных посадок на незнакомых аэродромах и предельно снизить опасность нападений люфтваффе, отлеты были намечены на такое время, чтобы самолеты прибыли в Англию на рассвете. Благодаря тому что наше правительство санкционировало приоритет английских заказов, англичане получили возможность приобрести несколько бомбардировщиков Б-24, переоборудованных в транспортные самолеты и предназначенных для возвращения экипажей и перевозок срочных грузов.

Так началась работа Североатлантического воздушного пути, по которому Управление перевозок Королевских ВВС и Американское управление военного транспорта сейчас отправляют тысячи бомбардировщиков для налетов на открытую с воздуха гитлеровскую крепость Европы. С весны 1941-го в создании этого воздушного пути стала играть свою роль программа ленд-лиза. На эти средства покупались все новые транспортные самолеты и было организовано обучение у нас английских перевозочных и перегоночных экипажей.

Но и с нашей, и с английской точки зрения важнее всех этих мероприятий было создание у нас в стране службы по перевозкам грузов и перегонке самолетов. По мере увеличения работ по выполнению английских контрактов проблема воздушных поставок от американских предприятий до мест, где ими могла заняться английская служба перевозок, стала все более усложняться. В американскую военную авиацию постоянно приходили все новые гражданские летчики, а англичанам трудно было находить людей для отправки самолетов с заводов в Галифакс и на другие аэродромы в Канаде. Офицеры американских ВВС понимали необходимость подготовки летчиков к дальним рейсам по перегонке самолетов и перевозке грузов.

Для решения этой проблемы понадобилась новая сделка в рамках ленд-лиза. 28 мая Рузвельт написал военному министру о том, что "убежден: мы можем ускорить доставку бомбардировщиков в Англию" и что "Военному министерству следует взять на себя полную ответственность за доставку самолетов в Великобританию от начала до конца". Военное министерство сразу же проанализировало стоимость программ доставок, имея в виду не только перегонку самолетов по воздуху для Англии и ее союзников, но и возможность создания ядра организации, способной обеспечить перегонку самолетов и для наших нужд. 24 июня англичане сделали по программе ленд-лиза заказ № 2800 на общую сумму 31 646 600 долларов, а через 6 дней Рузвельт выделил эту сумму Военному министерству в целях, как он сформулировал, "создания внутри военно-воздушного корпуса организации по перегонке самолетов и перевозкам грузов, а также подготовки кадров, обеспечения снабжения, транспортного контроля в США и других районах Западного полушария, включая оснащение необходимым оборудованием соответствующих объектов и создание необходимых для этой цели посадочных полос в США".

Так родилось Американское управление военного транспорта (первоначально Управление перевозок), которое сейчас отправляет самолеты и экстренные грузы за тысячи миль в американские действующие армии во всех частях света. Кажется, даже в Вашингтоне мало кто знает, что с 30 июня, до Пёрл-Харбора, это управление финансировалось по ленд-лизу и на эти нужды Военному министерству за это время было выделено около 60 000 000 долларов.

Весной 1941-го Англии требовались самолеты не только у себя в стране, но и на Ближнем Востоке, куда доставить их было гораздо труднее, чем в Великобританию. Ни одну из довоенных коммерческих авиалиний использовать для этого было нельзя. Единственный прямой путь в Египет лежал тогда из Англии через Гибралтар и Мальту, но из-

за удаленности аэродромов друг от друга им могли воспользоваться только бомбардировщики дальнего действия и транспортные самолеты, приспособленные для дальних рейсов.

Однако можно было отправлять самолеты и на кораблях из Англии и США вокруг Африки. В 1936 году английские летчики первыми опробовали воздушный путь, идущий к западу от Хартума в англо-египетском Судане, вокруг материка до Лагоса в Нигерии, а через год — также и путь до Аккры и Такоради на Золотом Берегу. Было сооружено несколько маленьких аэродромов в джунглях или в пустыне, за сотни миль от цивилизации. Когда были отрезаны пути через Средиземноморье, англичане смогли наладить транспортный путь из Англии на Гибралтар и далее — вдоль Африканского побережья на Золотой Берег. Этот воздушный путь обслуживался американскими самолетами, которые англичане купили за наличные. Существовало ограниченное воздушное сообщение между Золотым Берегом и Египтом.

По этому африканскому пути англичане отправляли истребители из Англии в Такоради, где было оборудовано сборочное предприятие, собиравшее до 2000 самолетов в день. Этот путь был значительно короче пути вокруг мыса Доброй Надежды, но весной 1941-го он был еще плохо освоен. Немало самолетов попадало в аварию или пропадало по дороге; взлетно-посадочные полосы были оборудованы наспех, и большинство их были слишком короткими даже для средних бомбардировщиков.

Самый реальный способ обеспечить быструю доставку самолетов в Египет состоял в том, чтобы улучшить эту воздушную дорогу, обеспечив возможность ее использования не только для истребителей, но и для бомбардировщиков, а также создать путь по воздуху через Южную Атлантику, от Майами, США, до Бразилии, а от Натала в Бразилии — до Батерста, где южноатлантический маршрут соединился бы с трансафриканским.

Для этой цели требовались десятки летчиков-перегонщиков и хорошо налаженная военно-транспортная авиация. Нужно было также огромное количество оборудования для строительства в Африке расширенных аэродромов, заправочных пунктов, метео- и радиостанций. Необходимо было направить туда квалифицированный персонал для обслуживания самолетов и аэродромов. У англичан, в их тяжелом положении, не было ни необходимого числа людей, ни техники для выполнения такой задачи. Аэродромы на маршруте от Майами до Натала уже были улучшены авиакомпанией "Пан-Американ", но и по эту сторону океана были свои проблемы. Бразилия оставалась нейтральной, и неизвестно было, допустит ли она на свою территорию наши военные самолеты.

В мае-июне 1941 года эта проблема обсуждалась на чрезвычайных заседаниях с англичанами, администрацией ленд-лиза и руководством ВВС. Военных летчиков, имеющих опыт, необходимый для этой опасной работы, у нас было немного, и решить эту задачу без коммерческой авиации было едва ли возможно. После консультаций с руководством гражданской авиации и представителями коммерческих авиакомпаний Военное министерство остановилось на авиакомпании "Пан-Американ", 10 лет обслуживавшей бразильский маршрут, а с 1939-го — и маршрут до Лиссабона.

Хуан Триппе, президент "Пан-Американ", вел многодневные переговоры с представителями Отдела контроля военной помощи, военно-воздушного корпуса, а также с англичанами. В начале июля эта компания договорилась с англичанами об отправке из Майами в Батерст нескольких транспортных и грузовых самолетов, которые были очень нужны в Африке и на Ближнем Востоке. А 15 июля англичане запросили по ленд-лизу средства на организацию и обустройство этого воздушного пути как постоянного маршрута. Еще через 12 дней по южноатлантическому маршруту отправился "Боинг" с вице-президентом и другими специалистами "Пан-Американ" на бор-

ту, чтобы составить обзор состояния этого воздушного пути.

Вскоре после получения их доклада авиакомпания "Пан-Американ" подписала три контракта с Военным министерством: о создании южноатлантического транспортного маршрута до Африки; о создании такого же маршрута вдоль побережья Африки и о доставке в Египет бомбардировщиков, созданных в нашей стране, и истребителей, собранных в Такоради. Из средств ленд-лиза на эти цели было выделено 20 600 000 долларов.

Состоялись также переговоры между бразильскими, американскими и английскими властями, и Бразилия оказала нам свое содействие: обеспечила воздушный коридор для американских транспортных и военных самолетов.

19 августа Белый дом объявил о том, что все готово. Чтобы выполнить грузовые перевозки, было сразу выделено 12 "Пи-си-3", а в дальнейшем обещано еще 8 транспортных самолетов. У авиакомпании "Пан-Американ" было небольшое число опытных летчиков, а их нужно было гораздо больше, и в Майами стала осуществляться широкая программа подготовки пилотов. Были задействованы сотни механиков, конструкторов, радистов, метеорологов и другого персонала. В то же время в Нью-Йорк отправляли оборудование для аэропортов, чтобы морем доставить его в Африку. Сотрудники "Пан-Американ" собирали его по всем аэропортам страны, чтобы отправить в африканские джунгли. Первые три судна с разнообразными грузами вышли туда в сентябре.

Это было только началом дела. Все эти товары предстояло еще провезти сотни миль по внутренним наземным дорогам. Приходилось пользоваться узкоколейками в прибрежных районах и водить грузовики по тропам в джунглях и пустынях, которые не годились для колесного транспорта. Значительную часть забот по доставке грузов пришлось взять на себя местным жителям. Между тем этот регион мало подходил для самолетов, да и людям там

приходилось несладко. Врагом номер один здесь была малярия, и в Африку послали противомалярийные группы для уничтожения комаров и максимального снижения потерь от этой болезни. Еще одним опасным врагом были муравьи. Полчища этих насекомых вторгались на аэродромы и воздвигали там муравьиные кучи, которые мешали взлету и посадке самолетов. Поэтому потребовались инсектициды для уничтожения не только комаров, но и муравьев.

Трансафриканский маршрут проходил через болота Западной Африки и пустыни Центральной Африки, где свирепствует ветер-суховей, именуемый *харматаном*, сокращая видимость менее чем до 200 ярдов. Песок забивается в моторы самолетов, покрывает сиденья, еду — все что угодно. Там, в сердце Африки, правят местные вожди, чьи дворы напоминают нам о сказках "Тысяча и одна ночь". В эту далекую первобытную страну авиаторы принесли не только самолеты Второй мировой войны, но и опасность бомбежек, возможность налетов люфтваффе с итальянских баз в Ливии.

В 1941 году было положено хорошее начало развитию этой воздушной дороги. Число самолетов и количество грузов, отправляемых по ней, росло из месяца в месяц. Первые бомбардировщики, двухмоторные Б-26, были отправлены по воздушному пути в Египет в октябре. Все больше английских истребителей, собранных в Такоради, летели туда через Африку. Все эти самолеты помогли англичанам создать там к началу первой кампании свои военно-воздушные силы, благодаря которым Роммель был изгнан в ноябре из Египта.

Создание трансафриканского воздушного пути и строительство объектов по ремонту самолетов на Ближнем Востоке были взаимосвязанными задачами. Часть таких предприятий в Египте и Палестине строились совместными усилиями американцев и англичан. Самое большое из них было в Гуре, неподалеку от недавно захваченного нами порта Магаува. Там был расширен аэропорт и построены

ремонтные и сборочные цеха для обслуживания многих типов самолетов, бараки для 2500 человек английского и американского технического персонала.

Еще до Пёрл-Харбора стало ясно, что воздушный путь до Каира — это только начало. После возвращения из Москвы миссии Гарримана появились проекты создания нового воздушного пути — через Иран в Россию, а с углублением тихоокеанского кризиса встала еще и необходимость воздушного сообщения с Индией и Рангуном. Работы по улучшению первого маршрута продолжались и в 1942 году, а с осени этого года управление трансафриканским воздушным путем перешло к армии.

За период с лета 1941-го, когда этот первый проект казался еще дерзновенной мечтой, тысячи самолетов были введены в действие благодаря африканскому маршруту. В их числе были истребители, летавшие с западного берега Африки, средние и тяжелые бомбардировщики — прямо из Майами; даже столь любимые русскими легкие "Дуглас А-20" теперь благодаря дополнительным запасам горючего проделывают весь этот путь по воздуху. Транспортные самолеты за это время перевезли множество военных грузов.

Следует признать: если бы мы не помогли англичанам проложить этот путь и не получили поддержки бразильского правительства, то английская армия не смогла бы выиграть время, создать решающий перевес в воздухе и одержать эль-аламейнскую победу, ну а русские не получили бы от нас сотен самолетов. По этому маршруту мы перегоняли бомбардировщики для войск США на Ближнем Востоке, а после нашего вторжения в Африку — и в этот регион, и на Сицилию, и в Италию.

Осенью 1941-го, когда налаживался трансафриканский маршрут, я уже выполнял обязанности начальника Управления по ленд-лизу и принял участие в планировании расширения деятельности Управления перевозок за пределами Западного полушария. Подобная служба нужна была нашей стране в Тихоокеанском регионе, так как

японская угроза росла изо дня в день. 3 октября Рузвельт письменно уведомил военного министра о том, что разрешает Управлению перевозок "отправлять самолеты на любую территорию, находящуюся под юрисдикцией США, Голландской Ост-Индии или Австралии, для нужд любой страны, куда я разрешу доставлять военные грузы по Закону о ленд-лизе".

В этом регионе часть аэродромов, ангаров, ремонтных мастерских и других необходимых объектов уже была построена или строилась. Базы военно-морской авиации на островах Уэйк, Мидуэй и в некоторых других районах Океании мы начали строить в 1939 году и почти завершили в 1941-м, а в марте того же года Конгресс выделил средства на строительство базы на Гуаме. Кроме того, компания "Пан-Американ" построила гидроаэропорты на некоторых островах Океании, что позволило создать коммерческие маршруты на Филиппины и в Гонконг с 1935-го и на Новую Зеландию с 1940 года. Воздушный путь до Гонконга можно было использовать при необходимости для поставок в Китай, потому что Гонконг и Чунцин были связаны авиалинией, контролируемой Национальной авиакомпанией Китая, которая работала несмотря на военное присутствие японцев.

Вскоре после президентского распоряжения от 3 октября начались полеты бомбардировщиков, прозванных "летающими крепостями", которые направлялись в распоряжение наших войск на Филиппинах. Но, так как не было времени перестроить аэродром на Гуаме для принятия этих больших самолетов, они летали через Уэйк Рабол, Порт-Морсби и Порт-Дарвин (где австралийцы уже перестроили свои аэродромы), а оттуда — на север, на Филиппины. К началу ноября 1941 года 35 "летающих крепостей" совершили это путешествие. В оставшееся до Пёрл-Харбора время ряд бомбардировщиков другого типа, а также патрульных машин "пи-би-уай" были отправлены в распоряжение австралийцев, датчан, а также англичан в Сингапуре.

К середине ноября единственными регионами, где нельзя было появляться американским самолетам, оставались фронтовые районы России и Британские острова. Они стали открыты для наших самолетов с 17 октября, когда перестал действовать Закон о нейтралитете. Через неделю президент разрешил направлять американские самолеты в любую точку Земли, если это необходимо для оказания помощи по ленд-лизу, и финансировать все эти полеты и перевозки за счет средств ленд-лиза. Было уже поздно воспользоваться этими новыми возможностями до Пёрл-Харбора, но после нападения японцев Управление перевозок уже превратилось в слаженную рабочую организацию под командованием бригадного генерала Р. Олдса, готовую к немедленным действиям.

Глава 14. Пёрл-Харбор и Объединенные Нации

На рассвете 7 декабря 1941 года тяжелый авиационный транспорт отправился с острова Уэйк на Гуам, по пути из Манилы в Гонконг с большим количеством запасных частей на борту; этот груз был остро необходим генералу Ченолу и его "летающим тиграм", почти готовым к боевым действиям. Едва самолет успел подняться в воздух, как получил приказ вернуться.

Так началось нападение японцев на Соединенные Штаты, чего мы давно опасались. Японская авиация без предупреждения напала на Пёрл-Харбор, и следовало ожидать нападения на Мидуэй, Уэйк и Гуам — американскую линию жизни, ведущую на Филиппины.

А на Уэйке, где приземлился филиппинский транспорт, 400 военных моряков уже готовились к героическому 16-дневному противостоянию японцам. Первая их атака началась прежде, чем филиппинский самолет успел улететь, но, несмотря на пулеметный огонь с японских военных самолетов, он серьезно не пострадал. Экипаж

получил приказ до начала нового нападения японцев лететь в Гонолулу, забрав с собой как можно больше гражданского персонала, работавшего на Уэйкской базе. Пришлось оставить весь груз, включая и запасные части для "летающих тигров", чтобы освободить место для пассажиров.

Среди экстренных мер, которые необходимо было принять по защите Гавайских островов и мобилизации наших сил в Тихоокеанском регионе, не была забыта и добровольческая группа генерала Ченола. Моторы, запчасти и боеприпасы для Пи-40 быстро доставляли с заводов "Кэррис-Райт" и армейских складов на наше восточное побережье. Компания "Пан-Американ" перебросила 5 тихоокеанских транспортных самолетов на Атлантику, а вторая партия деталей для "летающих тигров" была отправлена вокруг света в противоположном направлении. Их перегнали в Бразилию, и нам пришлось налаживать с осени 1941-го новый маршрут — через Южную Атлантику и Красное море, а оттуда — через Аравийское море, Индию, Бенгальский залив — в Рангун.

20 декабря "летающие тигры" вступили в бой. Когда японские бомбардировщики, базировавшиеся в Индокитае, атаковали Бирманскую дорогу, американская добровольческая группа, приняв боевое крещение, сбила четыре из них, а остальных врагов заставила ретироваться. Через три дня эскадрилья японских бомбардировщиков, нанесшая визит в Рангун, натолкнулась на неприятный сюрприз. Навстречу им поднялась дюжина новых истребителей с изображением тигровой акулы на носу. В тот день американские добровольцы сбили 12 японских самолетов. На Рождество японцы предприняли новую атаку. Американцы подбили 23 вражеских самолета, а остальные отогнали назад, через залив Мартабан. А общий англо-американский счет в войне против японцев за первые 3 недели после 7 декабря составил примерно 20 к 1 в нашу пользу.

Это наше достижение оставалось единственным в течение 3 черных недель, когда, по словам Рузвельта, ново-

сти были "только плохие". На другой день после Пёрл-Харбора английские линкор "Принц Уэльский" и крейсер "Отпор" были потоплены неподалеку от Сингапура, а японские войска высадились на Филиппинах и на Малайе, 23 декабря пал Уэйк, на Рождество капитулировал Гонконг, а на следующий день эвакуировалось население Манилы.

Мы, жители Америки, боялись, что последует новое нападение японцев на Гавайи, а также на Панамский канал и даже на наше Западное побережье. Поэтому сразу после Пёрл-Харбора военный и военно-морской министры издали приказы приостановить все поставки по ленд-лизу. Корабли стояли в портах для осмотра грузов; товарные поезда с грузами, предназначенными для поставок, были задержаны, а фабрикантам оружия было объявлено прекратить отправку оружия с заводов.

Утром 8 декабря мне позвонил по трансатлантическому телефону встревоженный Гарриман, ставший в то время нашим представителем по делам ленд-лиза в Лондоне. До него дошла весть о том, что на поставки по ленд-лизу наложено "полное эмбарго", и он спросил меня, что все это значит в действительности. Я ответил, что руководству нашей армии и флота нужно, как они сами говорят, сделать "быстрый досмотр" наших резервов, чтобы определить, что может срочно понадобиться нашим войскам на Западном побережье, на Гавайях и на Дальнем Востоке.

В результате этого замораживания поставок часть самолетов и других вооружений были направлены в нашу армию, с тем чтобы заменить их в дальнейшем продукцией, изготовленной позднее. В остальном же поставки по ленд-лизу продолжились, как только был закончен досмотр. В целом они задержались всего на несколько дней, и в декабре их объем возрос по сравнению с ноябрем и снова возрос в январе 1942 года.

Хотя в Берлине, Риме и Токио, похоже, не знали об этом замораживании, там сразу после Пёрл-Харбора стали

предсказывать, что программа ленд-лиза будет полностью прекращена. По радио стран оси объявили, что "теперь, когда США подверглись нападению, они сосредоточат все силы на самообороне, так что английским, русским и китайским войскам придется обходиться без всякой американской помощи". Действительно, одной из причин нажима Германии на Японию, чтобы она начала большое наступление на Дальнем Востоке, было стремление изменить расстановку сил в Европе. Гитлер надеялся покончить с Россией и Англией, пока японцы сковывали наши силы, заставляя нас снабжать свои войска по длинным и опасным коммуникационным линиям. А закончив завоевывать Европу, Гитлер мог бы нанести нам удар с Атлантики, пока Япония теснила нас на Тихом океане.

Официальный ответ на все эти толки и слухи последовал 12 декабря. Выступая в Конгрессе с докладом о программе ленд-лиза, Рузвельт сказал:

"На мировую стратегию держав оси должны ответить такой же всемирной стратегией те страны и народы, которые объединяются, чтобы противостоять агрессии. Поэтому оружие из арсенала демократии следует использовать там, где оно наиболее эффективно. А это значит, что мы должны дать возможность Великобритании, России, Китаю и другим странам, в том числе и в этом полушарии, пользоваться оружием из нашего арсенала с наибольшей пользой для общего дела. Слишком многое поставлено на карту в этой величайшей из войн, чтобы позволить себе пренебречь интересами народов, на которые напал или может напасть общий враг".

И снова мы обрекли на неудачу попытки стран оси уничтожить нас, посеяв среди нас раздор.

В первый день нового, 1942 года мы продемонстрировали странам оси новый знак нашего единства: Декларацию Объединенных Наций. Рузвельт, премьер-министр Черчилль, советский замнаркома иностранных дел Лит-

винов и министр иностранных дел Китая Сунь подписали в Вашингтоне Декларацию от имени своих правительств, а на другой день ее подписали представители еще 22 правительств, включая британские доминионы, Индию, правительства в изгнании и руководство тех американских республик, которые вступили в войну.

Объединенные Нации заявляли о признании принципов Атлантической хартии и обязались соединить свои ресурсы и поддерживать союз ради победы в войне, "будучи уверенными, что полная победа над врагами имеет решающее значение для защиты жизни, свободы, независимости, веротерпимости, прав человека, справедливости как в их собственных, так и в остальных странах и что отныне они вовлечены в общую борьбу против свирепых и жестоких сил, стремящихся к мировому господству". Это был новый шаг к принципам независимости и взаимопомощи, заложенным в самом Законе о ленд-лизе.

Конференции с участием президента и премьер-министра, прошедшие в декабре-январе, были нацелены на проведение в жизнь принципа единства действий. США не хотели целиком сосредоточиваться на Тихоокеанской кампании за счет прекращения действенной помощи Англии и России, чтобы тем самым дать Гитлеру желанное преимущество на Западе. Напротив, не пренебрегая Дальним Востоком, нам следовало продолжать оказывать давление на страны оси: во-первых, поставками по ленд-лизу России, Англии и всем союзникам, а во-вторых, с помощью наших вооруженных сил.

Конечно, подобную стратегию нельзя было бы вести эффективно, если бы Америка ко времени нападения на Пёрл-Харбор была так же не подготовлена, как это уже не раз бывало в начале войн с нашим участием. 7 декабря 1941 года нам еще многого не хватало из того, что нужно для победы, но впервые в нашей истории значительная часть наших военных сил была в боевой готовности в момент, когда началась война.

Поставки союзникам за наличные, всего на четыре с лишним миллиарда долларов, начавшиеся еще до ленд-лиза, в 1938 году, позволили нам наладить производство самолетов и пушек, когда американского производства вооружений и военных материалов, по сути, еще не существовало. За этим последовала наша собственная оборонная программа, принятая в мае 1940 года, а потом и программа ленд-лиза, давшая новый импульс американской военной промышленности перед Пёрл-Харбором; укрепляя же нашу обороноспособность, мы помогли выстоять нашим союзникам. Правда, к моменту начала японской агрессии оружия у нас еще было недостаточно для перехода к наступательным действиям. Оружие, экспортируемое нами после 11 марта 1941 года (во многом еще на основе наличного расчета), усилило способность наших союзников продолжать сопротивление. Но им требовалась от нас еще дополнительная помощь, прежде чем мы могли перейти к наступательным действиям. Речь шла не столько об увеличении количества вооружений на фронтах, сколько о том, чтобы мобилизовать оборонный потенциал страны. Уже были построены военные заводы, они начали производить оружие, заработали судоверфи, наша армия быстро росла. В декабре 1939 года мы еще вовсе не производили танков, а в декабре 1941-го произвели их свыше 900. В 1939 году у нас было 2100 военных самолетов, а в 1941-м — 19 500. Численность нашей армии возросла со 174 000 человек на 1 июля 1939-го до 1,5 миллиона к 7 декабря 1941 года.

И это были еще только первые плоды нашей подготовки. В 1942 году объем нашего военного производства и численность наших вооруженных сил возросли многократно. Если бы нападение застало нас врасплох, без всего того, что было достигнуто благодаря поставкам за наличные, нашей программе вооружений и программе ленд-лиза, то нечего было бы и говорить о "программе победы", которую президент провозгласил в послании от 6 января 1942 года: 60 000 самолетов, 45 000 танков, 20 000

противовоздушных орудий, 800 000 тонн грузооборота торговых судов. В таком случае нам потребовался бы лишний год на то, чтобы остановить наступление врага и перейти в контрнаступление, а к тому времени такая задача могла уже стать невыполнимой.

В декабре 1941 года у нас была военная машина, необходимая для того, чтобы одержать победу в дальнейшем, но быстрое распространение боевых действий по всему огромному Тихоокеанскому региону создало для нас в тот период серьезные трудности, так как были нарушены коммуникации. Нам надо было как можно быстрее снабжать оружием и боеприпасами собственные войска, к тому же оружие срочно требовалось Голландской Ост-Индии, Австралии, Новой Зеландии, Индии, Бирме и Китаю. В то же время продолжалась война против Германии и Италии, и требовалось увеличить поставки оружия в Англию, на Ближний Восток и на русский фронт.

Помимо проблемы оружия существовала еще проблема поставок станков и оборудования для военного производства во всем мире. Военные программы США и Канады в огромных количествах потребляли станки, сталь, медь, алюминий, резину. Заводы Англии, России, Индии, Австралии — все они были расположены ближе к линии фронта, чем наши, — напряженно работали, чтобы произвести как можно больше самолетов, танков и пушек. Им тоже были нужны станки и металлы. А кроме того, была также и проблема продуктов, по-своему так же необходимых для нашей боеспособности и боеспособности союзников, как и пушки. Слишком многое тогда было необходимо.

Такого рода задачи можно было решить только на основе общей стратегии Объединенных Наций, иначе нас ждали путаница и конфликты, подрывающие шансы на победу, а вместо одной большой войны мы все были бы вовлечены в множество отдельных войн: на Тихом океане, в Китае, в России, в Западной Европе и на Ближнем Востоке.

15 декабря Рузвельт начал работу, которая через 5 недель обернулась созданием единой стратегии и советов по снабжению. Он попросил генерала Маршалла, адмирала Старка и Гарри Гопкинса составить Временный комитет для решения всех вопросов о необходимом количестве военных материалов для нашей армии и флота, а также для наших союзников, проконсультировавшись при этом с адмиралом Лэндом.

Был также создан Временный комитет по сырью под председательством У. Бэтта, а лорду Бивербруку 17 декабря была послана депеша с просьбой назначить в этот комитет британских представителей. Это была острая проблема: быстрое распространение японской агрессии уже отрезало от нас Филиппины и делало минимальной возможность спасти Малайи и даже Голландскую Ост-Индию. Мы уже почти полностью потеряли источники снабжения каучуком, 70% мирового олова, малайские нефтепромыслы и филиппинскую абаку, из которой производили манильский шпагат для нашего флота.

22 декабря 1941 года в Вашингтон прибыл премьер-министр Черчилль и привез с собой фельдмаршала сэра Дж. Дилла, маршала авиации сэра Ч. Портала, Первого лорда Адмиралтейства сэра Д. Паунда, лорда Бивербрука и других высших руководителей британских вооруженных сил и военной промышленности. Из их дискуссий с американскими коллегами родилось соглашение о создании механизма эффективной совместной стратегии.

Прежде всего президент и английский премьер назначили группу начальников совместных штабов, хотя официально об этом было объявлено только в феврале. С американской стороны это были генералы Маршалл и Арнольд, адмиралы Старк и Кинг (впоследствии Старк был заменен адмиралом Лихи, личным представителем Рузвельта). С английской стороны первоначально были назначены адмирал Литтл, генерал-лейтенант Уэмисс, маршал авиации Гаррис; фельдмаршал Джон Дилл представлял Черчилля. В задачи начальников совместных штабов входила выра-

ботка всех направлений англо-американской стратегии под общим руководством Рузвельта и Черчилля.

Начальникам штабов непосредственно подчинялся Совет распределения боеприпасов. 26 января 1941 года президент и премьер заявили, что англо-американские комиссии этого совета будут работать в Лондоне и Вашингтоне и решать вопросы распределения всех боеприпасов американского и английского производства, "направляемых в Англию, США или любым другим из Объединенных Наций, в соответствии со стратегическими нуждами". Комиссии должны были работать исходя из принципа, что "все английские и американские резервы боеприпасов должны рассматриваться как единое целое и относительно этих резервов должен осуществляться самый полный обмен информацией".

Комиссии совета были составлены из военных и морских офицеров, с гражданскими председателями в Вашингтоне и Лондоне. В Вашингтоне председателем комиссии был назначен Гарри Гопкинс, а в Лондоне — лорд Бивербрук, затем смененный О. Литтлтоном. Генерал-майор Бернс из Управления по делам ленд-лиза стал заместителем председателя в Вашингтоне.

Запросы на военные материалы для английских войск направлялись первоначально в Лондонскую комиссию Совета распределения боеприпасов, а запросы для войск под американским или китайским командованием — в Вашингтонскую комиссию. Если английские запросы нельзя было удовлетворить из собственных ресурсов, они направлялись в Вашингтон. Советские запросы направлялись в Лондон либо в Вашингтон, в зависимости от условий, сформулированных в Московском протоколе. В дальнейшем аналогичные комиссии (или комитеты) были созданы в Канаде, Австралии и Индии для нужд этих стран. Откуда бы ни поступали боеприпасы, вопрос о том, куда и кому их следует направить, всегда решался полностью на основе стратегической необходимости. Возможность покупки их за фунты или доллары не имела значения.

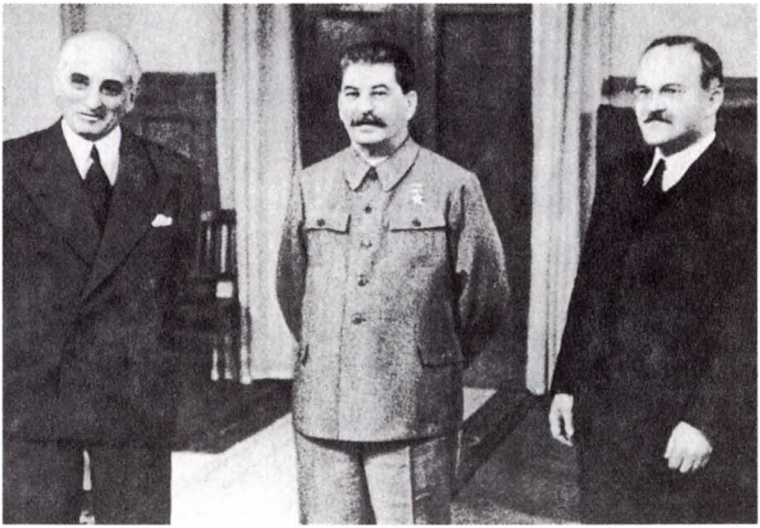
В одно время с этим Советом были созданы также Объединенный совет по сырью и Объединенный совет по корабельным поставкам. В июне 1942 года наш президент и английский премьер расширили эту систему, создав еще Объединенный совет производственных ресурсов и Объединенный продовольственный совет.

Система объединенных комитетов сыграла очень важную роль в подготовке совместного наступления 1943 года. Хотя членами советов и теперь являются только англичане и американцы, с добавлением в некоторых случаях канадцев, но эти советы всегда консультируются с представителями других Объединенных Наций по всем делам, касающимся их интересов. Хотя эти советы ограничены и относительно членства, и по своим полномочиям, они, однако, дали возможность полной координации усилий США и Англии, превосходящей все известное в этом роде на примерах прежних коалиционных войн.

Координация снабжения на уровне Объединенных Наций стала возможной благодаря созданию аналогичных органов управления на национальных уровнях. Важную роль в организации стратегического контроля распределения боеприпасов сыграла передача после Пёрл-Харбора Военному и Военно-морскому министерствам всей полноты ответственности не только за поставки боеприпасов по ленд-лизу, но и за специальные ассигнования. Выделение дополнительных средств Военному министерству 17 декабря 1941 года предполагало также возможность поставок из этих средств материалов на сумму до 2 миллиардов долларов. Это было первое решение о выделении соответствующих средств на нужды Военного и Военно-морского министерств, общая сумма которых теперь достигла примерно 36 миллиардов. Подобное выделение средств было санкционировано на нужды Морской комиссии. Таким образом, после Пёрл-Харбора организация поставок военных материалов как для нас самих, так и для союзников превратилась в единый процесс — от выделения средств до доставки готовой продукции.

Военно-политическое руководство союзников.
В первом ряду (сидят) премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль (1874–1965) и президент США Франклин Делано Рузвельт (1882–1945). Стоят: (слева направо) Д. Дилл, Х. Исмей, Ч. Портал, А. Брук, Д. Паунд, У. Леги, Д. Маршалл, Э. Кинг, Д. Макнэрни

Встреча И.В. Сталина (1878–1953) с личным представителем президента США Д. Дэвисом. Справа – В.М. Молотов (1890–1986)

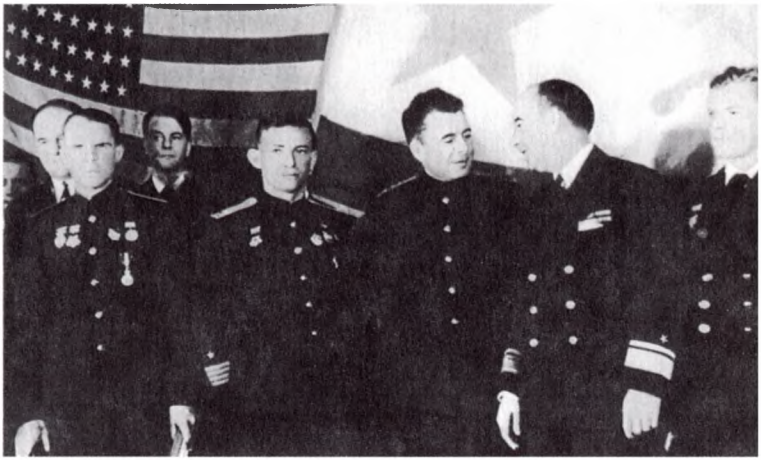


Премьер-министр Великобритании У. Черчилль на встрече с И.В. Сталиным. Москва, 1942 г.

У. Черчилль осматривает полевые укрепления линии береговой обороны

Подписание соглашения между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях против фашистской Германии. Москва. Июнь 1941 г.

Подписание документов конференции представителей СССР, Великобритании и США. Москва, 1941 г.



Советские офицеры-моряки после вручения им американских наград.

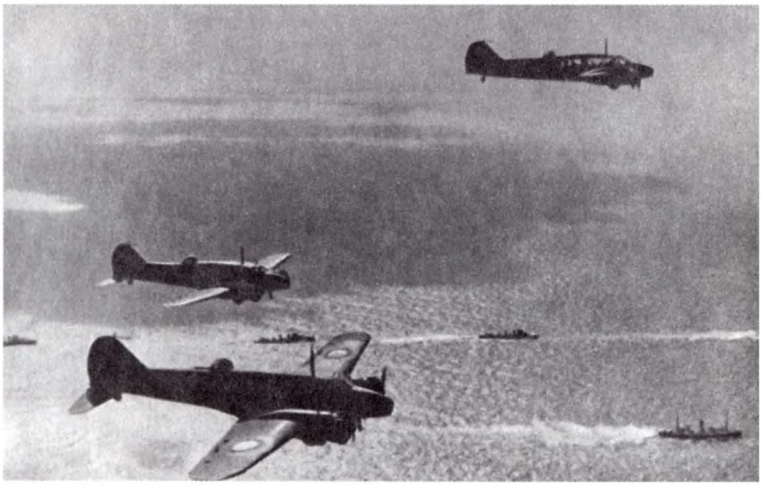
Англичане собирают средства в фонд помощи СССР

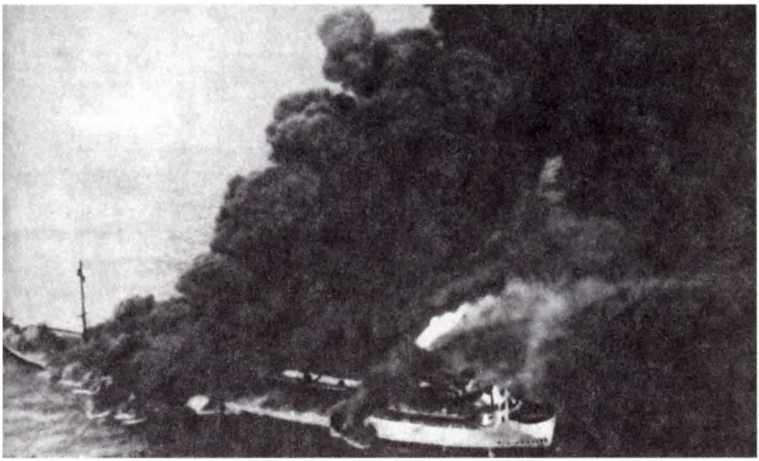
Гросс-адмирал Эрих Редер (1869–1943) и гросс-адмирал Карл Дёниц (1891–1981)

А. Гитлер с вечными соперниками гросс-адмиралом Карлом Дёницем и маршалом Германом Вильгельмом Герингом (1893–1945)

Конвой союзников пересекает Атлантику

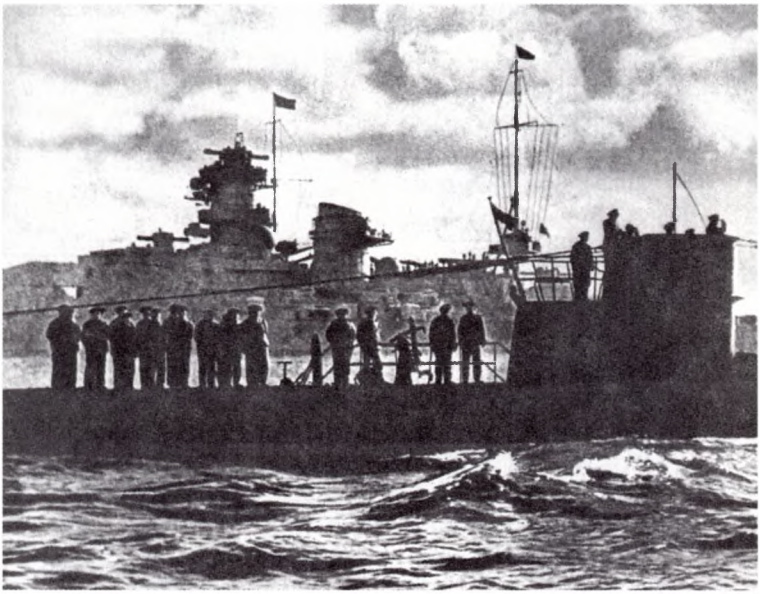
Английские самолеты и боевые корабли сопровождают караван транспортных судов





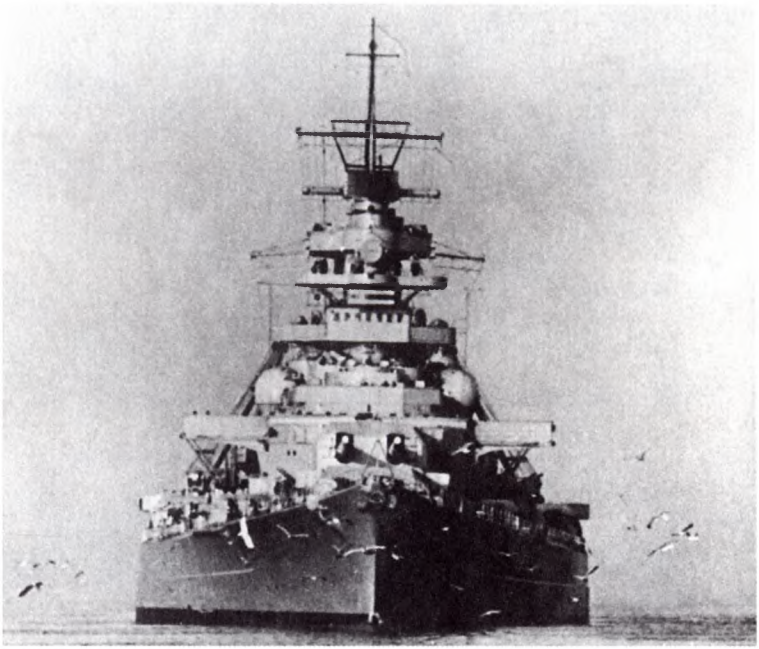
Американский транспорт, торпедированный немецкой подводной лодкой

База немецких подводных лодок



Немецкая подводная лодка возвращается с боевого задания

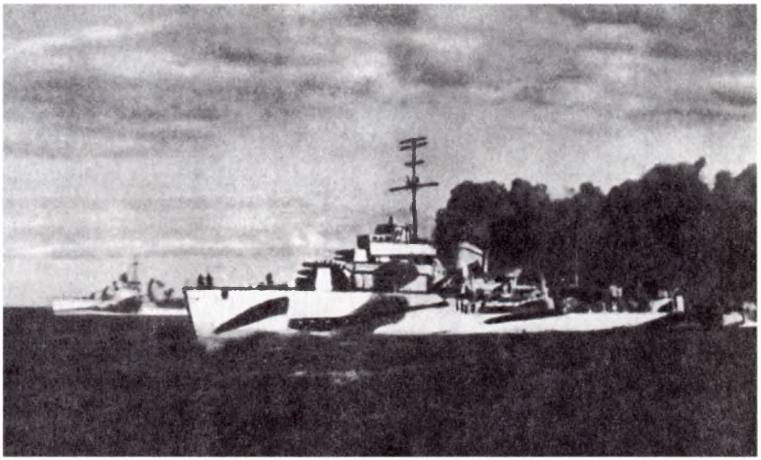
Немецкие подводники наблюдают за тонущим американским судном



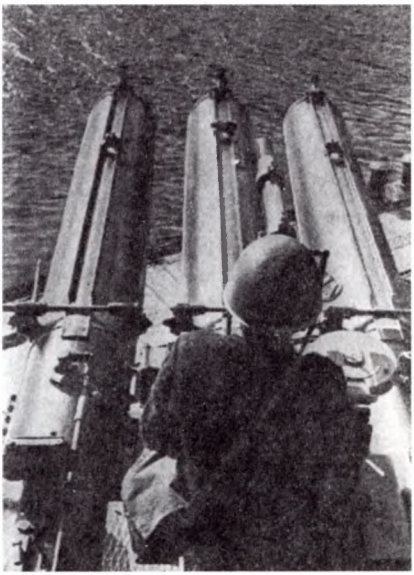
Линкор «Бисмарк», гордость немецкого флота, охотился за конвоями союзников в Северной Атлантике

«Бисмарк» наносит удар

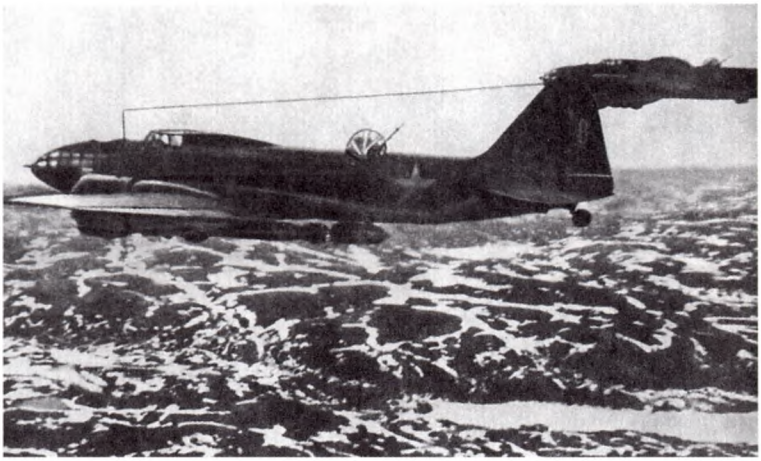
Из всего экипажа «Бисмарка» (2.200 матросов и офицеров) спаслись лишь 115 человек



Баренцево море. Советские корабли ставят дымовую завесу для прикрытия транспортов союзников

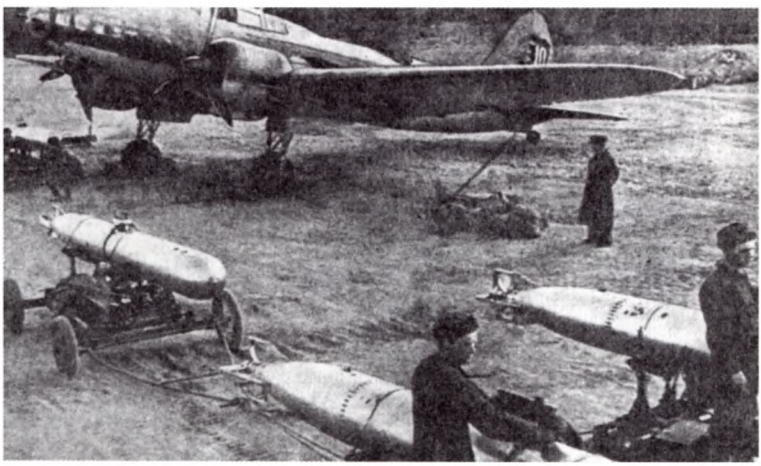


Торпедист у торпедного аппарата



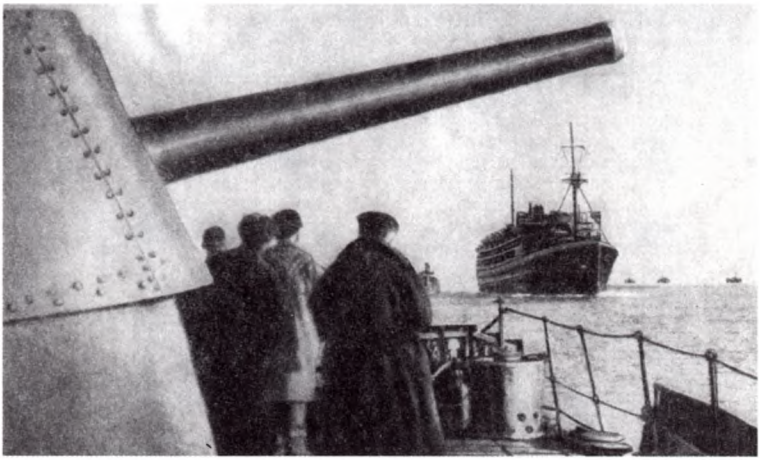
Торпедоносцы направляются к цели

Подвеска торпед на самолеты морской авиации



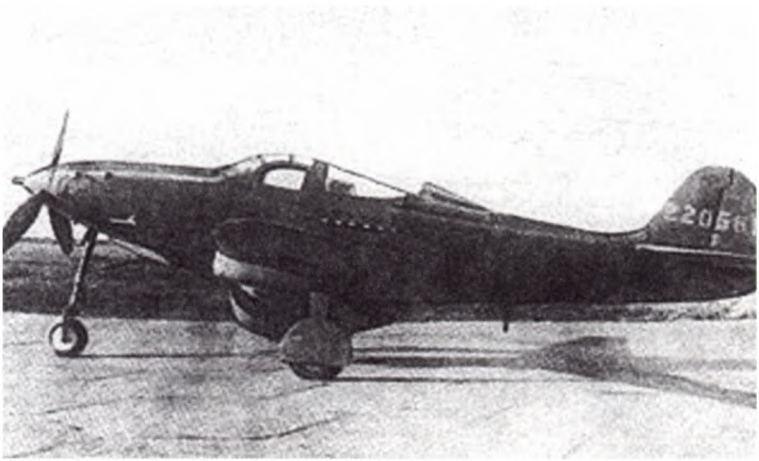
Советская подводная лодка возвращается с боевого задания

Командующий Северным флотом А.Г. Головко встречает вернувшийся из похода экипаж подводной лодки



Английский конвой в Атлантике

Немецкая зенитная батарея на берегу норвежского фиорда



Вместе с другой техникой СССР получал от союзников самолеты «Аэрокобра»...

...джипы «Виллис»...

...грузовики «Додж»...

...и «Студебеккер»

Что касается поставок по ленд-лизу, вся система распределения американской продукции всех видов работает следующим образом. Правительство страны, подлежащей снабжению по ленд-лизу, обращается к нашему правительству. Речь может идти о танках, арматуре, медной проволоке, станках или сгущенном молоке. Прежде чем этот запрос удовлетворить, американское правительство должно удостовериться, что запрашиваемые материалы действительно нужны для военных нужд, что они имеются в достаточном количестве у нас в стране и что будет полезнее для общего дела: передать их запрашивающей стороне, или оставить для наших нужд, или отправить другому союзнику. В этом и состояла "проверка на соответствие ленд-лизу", которую должен был пройти каждый такой запрос. Если у запрашивающей страны было достаточно долларов, чтобы заплатить за наши материалы, то передача их осуществлялась по так называемому "ленд-лизу с возмещением наличными", а если страна не располагала необходимым долларовым запасом, то материалы передавались ей сразу, а возмещение откладывалось.

Запросы на разные типы военных материалов направляются по разным каналам. Большие военные заказы поступают прямо в Военное и Военно-морское министерства, которые планируют соответствующие производственные программы. Уже готовую продукцию распределяет Совет по боеприпасам. Запросами на товары, подлежащие морским перевозкам, занимается Управление военно-морских поставок. Запросы же на большинство остальных товаров направляются в отделы Управления по делам ленд-лиза и рассматриваются всеми заинтересованными ведомствами на предмет возможности и условий их удовлетворения.

Помимо совместных англо-американских ведомств после Пёрл-Харбора были созданы и другие в целях координации деятельности Объединенных Наций. На разных театрах военных действий на Дальнем Востоке были созданы унифицированные региональные командования, а

в марте 1942 года был также организован Тихоокеанский военный совет с целью обеспечить единую политику тихоокеанских стран. Тогда же был создан и Межамериканский совет обороны. В дальнейшем региональная координация действий, как в военной, так и в экономической области, распространилась также на Средиземноморье, Ближний Восток и другие регионы, где шла война.

Развитие механизма сотрудничества Объединенных Наций позволило превратить программу ленд-лиза в "улицу с двусторонним движением". США смогли оценить значение взаимопомощи, связанной с ленд-лизом, уже вскоре после Пёрл-Харбора. В момент сокрушительного удара по Гавайям, у нас не хватало аэростатов заграждения для защиты Западного побережья, а также не было нужного количества зенитных средств для обороны береговых городов. За год до того англичане передали нам рабочие модели и спецификацию 40-миллиметровых зенитных орудий "Бофорс", которые наши военные признали лучшими, чем наши собственные; но эти орудия у нас еще практически не производились к моменту нападения на Пёрл-Харбор, и англичане передали нам зенитные пушки для защиты Панамского канала, а также для обороны нашей территории. Кроме того, они срочно отправили нам несколько тысяч аэростатов заграждения, в том числе и тех, которые до этого летали над британскими городами.

Чтобы помочь нам защитить Атлантическое побережье от немецких подлодок, британцы, хоть и сами находились в тяжелом положении, передали нам более 20 корветов и траулеров.

Мы окрестили эти первые акты взаимопомощи "взаимным ленд-лизом", причем количество помощи, получаемой нами от союзников, с тех пор значительно возросло. Но это не было единственным преимуществом, полученным США благодаря Закону о ленд-лизе. Такого рода вещи оговариваются в Договоре о ленд-лизе, подписанном нашей страной с каждым главным союзником, и первое из таких соглашений было подписано с Англией

23 февраля 1941 года. Правительство США в таких договорах заверяет в своей готовности выполнять поставки по ленд-лизу, в соответствии с указаниями президента, а союзные правительства обязуются "вносить свой вклад в оборону США".

Главным "вкладом в оборону США", сделанным Англией, Советским Союзом, Китаем и другими странами, явилась, конечно, их война со странами оси, и это самое главное, что наша страна получила в ответ на помощь по ленд-лизу. В докладе Конгрессу 25 января 1943 года я подчеркнул:

"Эту помощь невозможно измерить в цифрах. Не существует стандартных оценок, с помощью которых, например, можно было бы сопоставить тысячу погибших русских солдат и тысячу истребителей. Все, кто погиб на полях сражений в Англии, Китае, России, в Африке и Азии, пали, защищая свою родину. Но эти народы воевали и воюют с нашим общим врагом. Их жертвы спасают жизни американцев. Пятилетняя борьба Китая с Японией, страшное бремя войны с нацистами, которое несет Красная Армия, оборона Англии и разрушение немецких промышленных центров английскими Королевскими ВВС, защита британским флотом жизненно важных морских коммуникаций — все это вместе взятое спасает США от вторжения агрессора, помогает нам сберечь средства для победы и ускорить ее наступление".

Договоры о ленд-лизе предусматривали также возвращение после войны не разрушенной и не утраченной техники и оборудования, которые президент сочтет полезными для нашей страны, то есть после войны нам будут возвращены данные нами взаймы и в аренду танки, самолеты, корабли и другая техника, если их возвращение — в наших интересах.

Однако окончательные условия расчетов по ленд-лизу, согласно договорам, должен был определить "ход событий", когда станет ясно, как лучше всего решать эти вопросы в наших интересах и в интересах наших союзников.

В договорах, однако, обозначено, что эти окончательные расчеты должны "иметь в виду экономические цели", предусмотренные Атлантической хартией.

Таковы были принципиальные положения договоров о взаимной помощи, составленных в идентичных выражениях и заключенных нами с Великобританией, Советским Союзом, Китаем и другими Объединенными Нациями. Особые соглашения были также заключены между нашей страной и подавляющим большинством стран Латинской Америки.

Эти договоры, как и все, что было сделано в соответствии с ними, составили сердцевину военного сотрудничества Объединенных Наций и вполне могли бы стать основой прочного мира.

ЧАСТЬ 4

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

Глава 15. Ленд-лиз на дорогах к Токио

Однажды в апреле 1942 года ко мне на работу пришло письмо со штампом: "Возвращено отправителю: почта временно не работает". Это письмо я отправил в феврале на Яву, в Батавию (ныне Джакарта. — *Перев.*), столицу Голландской Ост-Индии. Я хотел заверить вице-губернатора Ван Моока, что США прилагают все усилия, чтобы увеличить помощь Ост-Индии. Это нераспечатанное письмо было для меня болезненным напоминанием о том, что мы опоздали. Теперь оборонительные позиции могли быть укреплены только на юго-востоке, в Австралии и Новой Зеландии.

К апрелю темные волны японских завоеваний поглотили огромные территории. Они докатились до Уэйка и островов Гилберта (в трети пути до США). Были захвачены Новая Британия, Новая Гвинея, Соломоновы острова, Филиппины, Малайя, Сингапур и Голландская Ост-Индия (ныне Индонезия. — *Перев.*), и только остров Коррегидор продолжал оказывать героическое сопротивление. Теперь война против Японии оказалась расколотой на два театра военных действий: Тихоокеанский и Индокитайский. На западе этот страшный поток захлест-

нул Бирму, и дорога в Китай была блокирована. Противостояние продолжали только Китай, Австралия и Новая Зеландия.

И все это случилось за несколько ужасных месяцев. В Пёрл-Харборе было потоплено или повреждено 8 американских линкоров. Через три дня после этой катастрофы японцы крупными силами начали вторжение на Филиппины и на Малайские острова. Большая часть англо-американских воздушных сил в этих регионах была разгромлена за несколько дней. После изоляции Филиппин Азиатская флотилия нашего Тихоокеанского флота, состоявшая из нескольких крейсеров, эсминцев и подводных лодок, вынуждена была отступить на яванскую базу, чтобы соединиться с небольшим флотом Голландской Ост-Индии.

Эти-то военно-морские силы, без единого линкора или авианосца, численно значительно уступавшие японскому флоту, попытались защитить подступы к Ост-Индии; к ним присоединились, после потери филиппинских аэродромов, и оставшиеся "летающие крепости", которые объединились с голландскими военно-воздушными силами региона. Между тем японские захватчики устремились к Сингапуру, военно-морской базе, которая теперь осталась без флота и стала уязвимой и с суши, и с моря.

С самого начала вышло так, что главные морские силы на Тихом океане — американский и английский флоты — оказались нейтрализованными, а сухопутных и воздушных сил, достаточных для противостояния японцам, не оказалось в Голландской Ост-Индии, как и у Австралии. В период от капитуляции Франции до нападения японцев на Пёрл-Харбор голландцы заказали в Америке вооружений на 200 миллионов долларов, но из-за необходимости срочного перевооружения американской армии и из-за войны в Европе против Гитлера лишь часть этих вооружений была отправлена в Ост-Индию. Ситуация сложилась такая, что в августе 1941 года, когда голландцам срочно

потребовалось 25 миллионов патронов, мы смогли им послать только 7 миллионов, и то за счет резервов наших войск, отправлявшихся в Исландию.

Что до австралийской армии, то до Пёрл-Харбора она была вооружена почти полностью за счет Британского Содружества, а по ленд-лизу ей было поставлено только 50 бомбардировщиков "Локхид-Гудзон" без моторов, несколько легких танков и несколько сотен грузовиков. Лучшие австралийские дивизии были хорошо оснащены, но они, вместе с английскими частями, воевали за тысячи миль от своей страны, в Египте и Ливии, пытаясь остановить Роммеля.

Мощные удары японцев создали прямую угрозу не только для Ост-Индии, но и для Австралии и Новой Зеландии. Им срочно нужны были не только новые солдаты, но и военные материалы всех видов. Но, как писал Рузвельт Ван дер Бруку, председателю Голландской закупочной комиссии, "я знаю, что вы поймете: нам сейчас надо укреплять боевые силы <всех> стран, сражающихся против агрессоров — держав оси, а нынешних запасов куда меньше, чем для этого требуется. Это сложная проблема".

Проблема была более чем "сложной". После Пёрл-Харбора нам самим прежде всего требовалось укрепить оборону на Аляске, на Западном побережье и в зоне Панамского канала, восстановить укрепления на Гавайях, починить военные корабли, а также снова наладить воздушное сообщение через Тихий океан, гораздо севернее прежнего воздушного пути. Особую роль для нас играла Австралия. Наладив коммуникации, мы получали возможность создать там опорные пункты, чтобы посылать оттуда подкрепления в Ост-Индию. Но пока мы имели возможность лишь использовать запасы, не задействованные в основных военных действиях, чтобы снабжать части, которые уже там находились.

Генерал Маршалл так сформулировал суть нашей тихоокеанской стратегии:

"Ввиду быстрого продвижения противника в Тихоокеанском регионе и шаткости, невозможности удержать наши позиции на Филиппинах основные усилия США были направлены на быстрое сосредоточение оборонительных сил в районе нашего пути в Австралию и на создание на этом континенте эффективной ударной силы, а также на обеспечение материальной помощи нашим союзникам в Ост-Индии".

Это была попытка обогнать время, имея при этом недостаточные ресурсы. И все же немало кораблей отправилось в декабре-январе в Ост-Индию с орудиями, боеприпасами, легкими танками и самолетами на борту. Голландские корабли отплывали из наших западных портов без охраны, потому что организовать конвои тогда было невозможно. Были также приняты меры по оборудованию в Австралии опорной базы для обороны от японцев. 22 декабря в Брисбен (Австралия) пришли два транспорта, которые были в море во время нападения японцев на Пёрл-Харбор. Они привезли 4500 человек, которые были посланы в качестве подкрепления на Филиппины. В январе за ними последовали первые эскадрильи наших ВВС. В Австралии и Новой Зеландии мы сосредоточились на прямой военной помощи, а поставки этим странам по ленд-лизу первоначально были незначительными: они включали моторы, запасные части и боеприпасы к бомбардировщикам "Гудзон", отправленным еще до Пёрл-Харбора, а в январе в Австралию были отправлены еще 86 из числа заказанных по английским контрактам.

В конце января 1942 года в Вашингтон прибыл вице-губернатор генерал Ван Моок, обратившись в последний раз с просьбой об увеличении помощи Голландской Ост-Индии. Вслед за ним прибыл из Новой Зеландии и Уолтер Нэш, вскоре ставший ее министром иностранных дел. Так как мы пытались ускорить нашу программу, у меня было много переговоров с этими двумя лицами, а также с Ричардом Кейси, представлявшим Австралию, и Мак-Грегором, генеральным директором Австралийской службы

снабжения в США. Приезд Ван Моока совпал с победой в Макасарском проливе соединенной голландско-американской флотилии из эсминцев, крейсеров, подводных лодок, при поддержке бомбардировщиков, над огромным японским конвоем. Конвой мы заставили повернуть назад, но за этой победой последовала высадка японцев на Целебесе и в Южном Борнео и уход англичан из Малайского региона на Сингапур — последний опорный пункт обороны союзников в этой части Тихого океана. Тогда же японские войска нанесли удары по Новой Гвинее, Новой Британии, Соломоновым островам. Создалась серьезная угроза для Северной Австралии и для нашей новой "дороги жизни" через Тихий океан.

Но в начале февраля Веллингтона (Новая Зеландия) достигли американские военные корабли, которые сопровождали транспорты и грузовые суда с людьми и военными самолетами, оставляя их по пути следования на островах, чтобы защитить тихоокеанские коммуникации. Тогда же из США было доставлено большее количество военных самолетов для голландских и австралийских ВВС. Мы планировали перегнать часть бомбардировщиков в Австралию и на Яву через Южную Атлантику, Африку, Индию, Рангун и Сингапур, так как было мало времени для устройства аэродромов на островах Тихого океана, но этот путь теперь, после падения Сингапура 16 февраля, был отрезан. Чтобы все же вовремя прислать на Яву авиационное подкрепление, туда было послано старое вспомогательное судно "Лэнгли" с большим количеством истребителей. Когда "Лэнгли" был уже близок к цели, 27 февраля его настигли и потопили японские военные корабли и бомбардировщики.

К тому времени еще один огромный японский флот направился к Яве через Макасарский пролив. Американо-голландский флот, усиленный несколькими легкими английскими и австралийскими военными кораблями, сделал героическую попытку остановить захватчиков. Однако массированные налеты японцев на яванские базы в нача-

ле месяца ослабили и без того не очень сильную морскую оборону, а кроме того, при этом была уничтожена большая часть наших и голландских истребителей и бомбардировщиков. Вновь прибывших самолетов было явно недостаточно, чтобы возместить потери, а гибель "Лэнгли" сыграла роковую роль. На этот раз противнику удалось нанести нам тяжелое поражение. Только четыре эсминца уцелели и смогли вернуться в Австралию.

28 февраля японцы высадились на Яве, и героическое сопротивление голландцев, оставшихся без поддержки с моря и с воздуха, продолжалось всего несколько дней. Несколько "летающих крепостей" и голландских самолетов уцелели и достигли Австралии. За ними последовали несколько маленьких суденышек с группами голландских солдат, которым удалось спастись от японцев. Разгром был, по сути, полным.

В период от Пёрл-Харбора до дня захвата Явы в Голландскую Ост-Индию было отправлено военных материалов на 60 миллионов долларов, однако значительная часть всего этого к тому времени не дошла по назначению. Легкие танки, самолеты и другая техника (на сумму до 25 миллионов долларов) еще находилась на пути через Тихий океан, а другие военные материалы везли на кораблях вокруг Африки. Корабли, шедшие на восток, получили приказ следовать в индийские порты, а те, что находились в Тихом океане, теперь должны были направиться в Австралию, которую японцы рассматривали как следующую для себя цель.

2 марта 1942 года, вскоре после начала вторжения на Яву, четыре представителя администрации по делам ленд-лиза из Сан-Франциско должны были отправиться в Австралию и Новую Зеландию. Так как регулярный транспорт не был еще налажен, каждый из них выбирал свой путь. Уильям Вассерман отправился на военном транспортном самолете, Алден Смит — на неохраняемом голландском торговом судне, Чарльз Денби — на бомбардировщике Б-26, а Джон О'Бойль — вместе с первым большим

контингентом американских войск, с конвоем, в состав которого входил английский пассажирский лайнер "Королева Елизавета", переданный нам по "взаимному ленд-лизу" и приспособленный для перевозки войск.

Вернувшись, Денби ярко обрисовал сложившееся положение, так что мне стало ясно, почему в этой ситуации невозможна перегонка военных самолетов через Тихий океан. Его бомбардировщик был одним из 56, участвовавших в первых после Пёрл-Харбора регулярных перелетах с Тихоокеанского побережья в Австралию. Некоторые из этих средних бомбардировщиков, первоначально предназначавшихся для Явы, управлялись гражданскими летчиками. В момент, когда Денби совершал свой полет, островные базы на перегоночном маршруте отнюдь не были еще полностью оборудованы. В ряде случаев не были достроены взлетно-посадочные полосы и вовсе не было радиопеленгаторов. Требовались опытные навигаторы, чтобы найти некоторые крошечные островки среди просторов Тихого океана. Из 56 бомбардировщиков 6 пропали по дороге, другие же задержались из-за аварий на недостроенных островных аэродромах.

Положение в Австралии и Новой Зеландии стало критическим. Порт-Морсби, последний оплот австралийцев на Новой Гвинее, и Порт-Дарвин в Северной Австралии подвергались массированным бомбежкам японской авиации. Австралийцы уже готовились к возможной сдаче Северной Австралии противнику. Их ВВС, усиленные американцами, вели оборонительные бои, но по численности авиации значительно уступали противнику. В разгар этого кризиса одно за другим произошли несколько событий, изменивших ситуацию.

16 марта прибыл первый крупный конвой с американскими войсками. 17 марта генерал Макартур со своим штабом появился в Австралии и принял командование всеми силами союзников в юго-западной части Тихоокеанского региона. 27 марта было получено сообщение о том, что большой контингент австралийских войск под нача-

лом генерала сэра Томаса Блэйми прибывает в Австралию с Ближнего Востока. Американские военно-морские подкрепления достигли Южной Атлантики и теперь могли вести операции с баз в Австралии, Новой Зеландии и соседних островов. Наконец, в апреле стали поступать в значительных количествах военные материалы по ленд-лизу. Теперь уже можно было отбить и атаки японцев на Австралию.

Необходимость сражаться на австралийской земле так и не возникла. Ситуация была переломлена после битвы в Коралловом море 4—8 мая, когда американский флот, при участии австралийских военных кораблей, разбил и обратил в бегство мощный японский конвой, явно направлявшийся в Новую Каледонию или в Австралию. Прямая опасность вторжения в Австралию на этот раз миновала. Через месяц наша победа при Мидуэе сделала безопасной гавайскую часть коммуникаций. После того как была отвращена угроза немедленного вторжения, американцы, австралийцы и новозеландцы смогли заняться превращением этих двух стран в опорные базы будущего контрнаступления под руководством генерала Макартура и адмирала Хэлси. В этой работе важную роль сыграла программа "взаимного ленд-лиза".

По прибытии в марте в Мельбурн американских интендантских офицеров и представителей миссии ленд-лиза был создан Союзный совет по снабжению под председательством Дж. Бисли, австралийского министра снабжения и развития, в который вошли члены австралийского правительства, американского командования и руководства Управления по делам ленд-лиза. Австралийские порты были полны кораблей, первоначально направлявшихся на Филиппины, в Гонконг, Ост-Индию, Сингапур, Рангун, и многие из них еще не были разгружены. Нужно было сразу использовать все это, и "грузы-беженцы" были перераспределены по соглашению с заинтересованными правительствами между США и их союзниками, включая некоторые уцелевшие канадские части.

Целью Союзного совета по снабжению было установить единый план операций Объединенных Наций на юго-западе Тихоокеанского региона, увеличить местное производство, проводить единую военно-экономическую политику в этом регионе. Еще в январе один из австралийских представителей в Вашингтоне предложил план такого совета: он давал возможность координации действий, что тогда было очень важно.

Пути до Австралии и Новой Зеландии очень длинны, и средний корабль может совершить туда от нашего Западного побережья только четыре полных путешествия в год. Поэтому, чтобы подготовить контрудар по японцам и вернуть утраченные земли, нам следовало эффективно использовать местные ресурсы и рабочую силу Австралии и Новой Зеландии, планировать их и наше производство, связанное с нуждами Тихоокеанской кампании, чтобы максимально сберечь ресурсы для военных поставок. Австралия — континент размером с США, но население ее меньше, чем в Нью-Йорке, а население Новой Зеландии — менее 2 миллионов человек. Обе эти страны преимущественно сельскохозяйственные, но в Австралии несколько лет назад был достигнут значительный уровень черной металлургии, развиваются и некоторые другие отрасли промышленности. Начиная с 1939 года здесь активно работали над созданием своего производства военных материалов. Ко времени прибытия миссии ленд-лиза в Австралии уже были заложены основы военной промышленности, но многое еще предстояло сделать для ее ускоренного развития и наилучшего использования собственных ресурсов.

Американская промышленная программа была нацелена на производство самолетов, моторов, танков, зенитных орудий, снарядов, бомб, точных инструментов, стрелкового оружия, патронов и т. д. — всего до 3000 разных наименований вооружений. Хотя австралийцы сами делали много станков и оборудования для военных заводов, у них появилось немало узких мест, особенно в производ-

стве авиамоторов, пропеллеров, танков, зенитных орудий. В конце 1941 года Льюис Эссингтон, один из ведущих австралийских промышленников, а ныне генеральный директор по военным материалам, заказал по ленд-лизу несколько тысяч станков и инструментов, но ко времени прибытия нашей миссии они еще не были доставлены.

Союзный совет по снабжению проанализировал австралийскую производственную программу и дал свои рекомендации по тем видам станков и оборудования, которые позволят Австралии эффективно снабжать своей продукцией Объединенные Нации, уменьшив количество оборудования, которое придется завозить из США.

С тех пор австралийские заводы произвели множество военных материалов для союзников. С 7 декабря 1941 года объем военного производства в Австралии удвоился, и она стала шестым по значению арсеналом Объединенных Наций после США, Советского Союза, Великобритании, Канады и Индии. Кроме того, часть австралийских заводов была оснащена американским оборудованием, так что они могут выполнять работы по сборке, а также ремонту самолетов, танков, грузовиков и другой техники американского типа.

Еще одной австралийско-новозеландской программой для нужд союзников явилось строительство небольших судов для кампаний в районе Новой Зеландии и Соломоновых островов. Кроме того, американские военные и транспортные суда ремонтируются на верфях Австралии и Новой Зеландии, и для нужд американского флота задействованы здесь многие суда береговой службы и траулеры.

Использование австралийской и новозеландской продукции для нашего снабжения дало самые удивительные результаты в области сельхозпроизводства, что не раз подчеркивали нынешний глава миссии Управления по ленд-лизу в Австралии У. Робертсон, а также Ч. Фергюсон и Б. Смит, оба возглавлявшие нашу миссию в Новой Зеландии. В 1942 и 1943 году здесь было налажено снабжение

продовольствием и оружием возрастающих контингентов американских войск.

Сейчас почти все продукты, необходимые для американских войск в Австралии и Новой Зеландии, поставляются этими странами в качестве "взаимного ленд-лиза". Мы за это ничего не платим. Десятки тысяч американских солдат получают говядину, баранину, свинину, молоко, масло, яйца, свежие овощи и фрукты с австралийских и новозеландских ферм. Кроме того, австралийские продукты обрабатывают и консервируют на австралийских фабриках для американской армии. Всего год назад Австралия и Новая Зеландия производили много мяса и зерна, но лишь небольшое количество свежих овощей, а их возможности по консервированию продуктов были очень ограниченными. Но по мере того, как по ленд-лизу туда поставляли сельскохозяйственные машины, оборудование для консервных заводов, оловянные листы, а также и благодаря интенсивным усилиям самих австралийцев и новозеландцев они достигли значительного увеличения производства как овощей, так и всех других видов продуктов для американских войск. Это позволило нам сберечь миллионы долларов и тысячи тонн поставок.

Кроме боеприпасов и продуктов австралийцы и новозеландцы производят форму для многих тысяч американских военных: сапоги, шинели, рубашки, брюки, носки, нижнее белье, тропические шлемы и многое другое. Все это также делается в рамках "взаимного ленд-лиза", без оплаты с американской стороны.

Большая часть из тех тысяч военных самолетов, которые теперь участвуют в наступательных операций на всем юге Тихоокеанского региона, произведена, конечно, в США, но задолго до того, как эти самолеты покинули нашу страну, австралийцы и новозеландцы начали выполнять большую программу по строительству аэродромов для американских ВВС.

Еще летом 1941-го австралийцы перестроили аэродромы в Порт-Морсби и Порт-Дарвине, чтобы они могли

принимать наши "летающие крепости", которые мы отправляли на Филиппины и до Пёрл-Харбора. Тридцать пять из них проделали этот путь через Австралию. Потом, весной 1942-го, австралийцы и новозеландцы взялись за строительство ста с лишним аэродромов и военных баз с аэродромами, ангарами, квартирами для персонала американских ВВС и т. д. Часть необходимого для этого оборудования поставляла наша страна, и наши военные инженеры принимали участие во многих работах, но правительства Австралии и Новой Зеландии заплатили за землю, за все гражданские работы и большую часть материалов. Австралийцы и новозеландцы строили также бараки, склады, госпитали, ремонтные мастерские и другие помещения.

Немногие из этих аэродромов и иных объектов пригодятся после войны, да и теперь значение части из них уменьшилось, так как фронт отодвинулся от Австралии на север, но все они так или иначе сыграли свою роль в нашей общей борьбе. Для австралийского правительства затраты на аэродромы и иные объекты для нужд США составили к концу первого полугодия свыше 60 миллионов долларов, а для новозеландского — свыше 20 миллионов. Конечно, в этих странах было построено на свои средства множество аэродромов и для собственных войск. Все они, созданные для наших или для их нужд, служат одному общему делу: приближению победы над Японией.

Помимо сооружения новых зданий было приспособлено для нужд наших войск также немало старых, и это делалось австралийцами и новозеландцами также в рамках "возвратного ленд-лиза". Особо следует отметить десятиэтажный Мельбурнский госпиталь, в прошлом — гражданское лечебное учреждение, лучшее в Австралии, стоившее 3 миллиона долларов, которое было переоборудовано для военных нужд. Сейчас оно обслуживает исключительно американских военных. А в целом программа помощи нам по "взаимному ленд-лизу" со стороны Австралии и Новой Зеландии, население которых вместе составляет лишь пятнадцатую часть населения нашей стра-

ны, обошлась им, по данным на конец июня 1943 года, почти в 250 миллионов долларов, тогда как наша помощь этим странам за тот же период обошлась нам примерно в 500 миллионов.

Наша помощь по ленд-лизу Австралии и Новой Зеландии сыграла огромную роль в войне в южной и юго-западной части Тихоокеанского региона. Большинство танков, самолетов, военных грузовиков для австралийских войск, голландских частей, а также для американской армии поступили туда из нашей страны. В 1942 году мы отправили туда по ленд-лизу 1300 танков и более 500 самолетов, не считая тех, что были предназначены для наших войск. В 1943-м количество поставок оружия по ленд-лизу существенно возросло, но точные цифры пока являются военной тайной.

Хотя большинство наших поставок по ленд-лизу в Австралию и Новую Зеландию представляли собой военные материалы, но были и так называемые гражданские товары. Эти товары не били японцев, но и они были очень важны для успешной подготовки контрнаступлений Макартура и Хэлси. Это были станки для заводов, где ремонтировали наши военные самолеты; листы олова для консервных банок, предназначенных американской армии; семена и культиваторы, с помощью которых выращивались сельхозкультуры для питания наших солдат; грузовики для снабжения армии и еще сотни других вещей. Все они нужны были для военных целей, иначе не поставлялись бы по ленд-лизу. Иногда казалось, что некоторые из этих вещей вовсе не так нужны, как станки, семена или грузовики. Помню, однажды, в связи с вопросом о поставке табака "Блэк Твист", мне показалось, что одобрять ее не следует. Ну зачем нам посылать в Австралию это? Я, однако, навел справки и узнал, что табаком обыкновенно платят за услуги туземцам Новой Гвинеи и других тихоокеанских островов, когда они служат проводниками американских, австралийских или голландских летчиков, чьи самолеты были сбиты над джунглями, или носят

носилки и помогают нашим войскам еще во многом другом. Деньги туземцам не нужны, а табак "Блэк Твист" их вполне устраивает.

Программа ленд-лиза нужна отнюдь не для того, чтобы сделать легкой гражданскую жизнь в странах-союзницах, но для поддержания той активности гражданского населения, которая необходима для снабжения фронта. Более того, совместная военная программа порождала значительную нагрузку на гражданскую жизнь этих двух британских доминионов. В Новой Зеландии после тяжелого землетрясения в Веллингтоне в августе 1942 года (там это летний месяц) не ремонтировали зданий и груды камня оставались на улицах много недель, так как правительство не могло выделить для этого рабочих, занятых на военном строительстве для нашей армии. Был период, когда весь цемент и большая часть леса там были зарезервированы для военного строительства, прежде всего для американских войск.

В Австралии лишь небольшое число автомобилей было оставлено для гражданских нужд, а грузовики, кроме военных, были снабжены угольными камерами сгорания для сбережения бензина. Вся 21 тысяча грузовиков, посланных в Австралию по ленд-лизу по требованию генерала Макартура, используется для важных военных перевозок. Гражданские же переезды и перевозки — железнодорожные, автомобильные и водные — производятся в порядке особой очередности. Система распределения ресурсов в южной части Тихоокеанского региона по "взаимному ленд-лизу" требует каких-либо жертв со стороны всех партнеров, и это как раз существенно важно для совместных боевых действий под командованием Макартура и Хэлси.

Австралийские и американские войска, сражаясь плечом к плечу в джунглях Новой Гвинеи, одерживали одну нелегкую победу за другой. Когда 22 июля 1942 года японские войска высадились на Новой Гвинее и устремились в Порт-Морсби, австралийцы и американцы были уже достаточно сильными, чтобы дать отпор. По мере прибытия

новых подкреплений и вооружений они смогли после побед в районе Буна и Гона вытеснить противника из Восточной Новой Гвинеи. Австралийские танкисты на американских танках отбили много вражеских атак.

Кампания на Соломоновых островах велась в основном силами американской армии и флота, но и тут большое значение имела военная помощь австралийцев и новозеландцев и их военные поставки. Во время нашей первой высадки на острове Гвадалканал два австралийских крейсера помогали прикрывать огнем наши части, и один из них, "Канберра", погиб вместе с американскими "Винценс", "Квинси" и "Астория". В кампании на Соломоновых островах действовали и новозеландские летчики, а с недавних пор в нашем продвижении на север принимают участие и их наземные части.

В 1943 году мы одержали в Новой Гвинее и на Соломоновых островах новые совместные победы. Австралия и Новая Зеландия теперь превратились в мощные базы нашего будущего большого совместного контрнаступления.

Глава 16. Ленд-лиз-2 на дорогах к Токио

В декабре 1941 года лавина японской агрессии покатилась не только на восток и юг, но и на запад, к Бирме и Индии. Таиланд почти сразу предоставил врагу свою территорию, и, создав там плацдарм, японцы с Рождества начали воздушные налеты на Рангун. Хотя после этих рейдов "летающие тигры" и британские летчики в течение месяца не допускали японцев к городу, Рангун стал после бомбардировок уже не тот. Продолжительные ночные налеты так испугали бирманских портовых рабочих, что положиться на них было нельзя. Корабли день за днем стояли в портах неразгруженные, портовые работы были дезорганизованы, и положение это все ухудшалось.

Первые японские войска вошли в Бирму из Таиланда 15 января 1942 года. За две последующие недели они заня-

ли позиции на берегах Мартабанского залива (ныне залив Моутама. — *Перев.*) и повернули на восток, к Рангуну. Эскадрильи английских летчиков и американские добровольцы вели неравные бои с превосходящими силами противника, но японцы, невзирая на потери, атаковали снова и снова. В начале февраля японцы сумели заминировать рангунский порт авиационными минами, и порт оказался совершенно отрезанным от внешнего мира. Затем в конце того же месяца они предприняли бросок на север и перекрыли северную железную дорогу, ведущую в город.

Английский гарнизон оказался в ловушке вместе со всеми грузами в порту и на складах, предназначенными для Бирмы и Китая. Английские летчики и американские добровольцы отступили на новые базы, дальше на север, и 7 марта 1941 года гарнизон покинул город, чтобы с боем пробиваться на север, к главным английским силам под командованием сэра Харольда Александера. Гарнизону удалось прорваться с помощью отвлекающего маневра китайских 5-й и 6-й армий, которые Чан Кайши направил в бой под командованием американского начальника штаба генерал-лейтенанта Дж. Стилуэлла.

До падения Рангуна 7 марта удалось разгрузить до 50 тысяч тонн грузов, доставленных туда по ленд-лизу. Значительную часть их составляли техника и сырье для китайских военных заводов, пушки, снаряды, значительное количество авиационного оборудования, а также лекарства и медицинские материалы. Но более всего было оборудования для самой Бирманской дороги и строительства новой железной дороги до Куньмина: грузовики, запасные части, бензин, асфальт, техника для строительства дорог и многое другое, необходимое для расширения дорог, предназначенных для осуществления поставок на фронты и военные заводы в Китае.

Несколько месяцев все эти материалы, за которые китайцы уплатили наличными, скапливались в Рангуне и в Лашо, откуда и начинается Бирманская дорога. Американские водители, грузчики и другие рабочие, присла-

ные из США для реконструкции дороги, попали в Рангун всего за несколько недель до японцев. Вместе с китайцами и англичанами они предприняли отчаянные попытки спасти рангунские запасы, чтобы доставить их в Китай. Но после ухода англичан немалая часть этих запасов все же осталась в городе. Войска взяли с собой самое необходимое: остальное — грузовики, артиллерию, боеприпасы, другие военные материалы — что смогли, уничтожили. Во время отступления через Бирму на север не раз повторялось то же самое, в разных местах по пути следования англичане и китайцы забирали с собой все, что могло пригодиться из запасов, полученных по ленд-лизу или купленных китайцами ранее, а остальное старались уничтожить. В случае внезапного нападения врага эти товары попадали в его руки.

Большая часть боеприпасов, пушек и 2000 грузовиков были доставлены в Китай по Бирманской дороге, но значительная часть горючего и асфальта, около тысячи грузовиков, а также часть сырья и станков оказались в руках у японцев. Что случилось с остальными грузами, предназначенными для Китая и пропавшими в Бирме, видимо, никто точно уже не узнает. В наших статистических таблицах они значатся под печальной рубрикой "Нет данных".

После захвата Рангуна японцами прямой доступ в Бирму для американцев был закрыт, но Китай не был еще изолирован от Индии. Англичане и китайцы перегруппировали свои силы на двух главных дорогах, ведущих на север, из Рангуна в Мандалай. Если бы удалось закрепиться на этих позициях, то старые торговые дороги из Бирмы в индийские порты Калькутта и Читтагонг можно было бы превратить в надежные пути, связанные с Бирманской дорогой в Лашо. Но в мае японцам удалось прорваться на север и захватить Мандалай и Лашо. Теперь последний наземный путь через Бирму был отрезан. Пришлось отказаться от нашего плана довести поставки к концу 1942 года до 60 000 тонн в месяц. Теперь Китай попал в еще худшее положение, чем прежде.

После захвата Бирмы японцами единственным путем, связывающим нас с Китаем, был воздушный путь. Прежде несколько самолетов Китайской авиационной корпорации летали из Калькутты и Рангуна через Мандалай в Куньмин. После падения Рангуна эти полеты проводились с посадкой в верхней Бирме, а после захвата всей Бирмы японцами у Китайской авиакорпорации оставались всего три американских самолета, на которых можно было летать из Индии в Китай. Затем, 8 апреля 1942 года, по этому маршруту совершил полет первый самолет американских ВВС. Возможности снабжения Китая таким путем были невелики, а в мае-июне Китайской авиационной корпорации и американской военно-транспортной авиации было вообще не до этого. Из-за быстрого продвижения японцев в Северо-Западной Бирме оказались в ловушке большое число китайских и английских военных, а также беженцев. Тысячи людей были вывезены оттуда по воздуху, но большинству пришлось уходить в Индию пешком через горные джунгли. И это удалось благодаря хорошим запасам провизии, медикаментов и боеприпасов, которые регулярно доставлялись по воздуху на американских, английских и китайских самолетах и сбрасывались с парашютами.

Только в конце июня последние из тех, кто уцелел при отступлении из Бирмы, добрались до Индии. В то время уже самой Индии угрожала опасность. Японские войска сосредоточились на ее восточных границах, а их военные корабли и самолеты захватили контроль над Бенгальским заливом.

В то время в Египте Роммель продвинулся почти до Эль-Аламейна, создав угрозу прорыва к Суэцу, а затем — на Средний Восток, после чего его войска оказались бы вблизи от западной границы Индии. Подобно Египту, Индия превращалась в приоритетную территорию, которую следовало удержать любой ценой, чтобы не дать войскам стран оси соединиться, образовав огромную дугу — от Северного моря до Японского.

В ту пору в Индии было большое количество войск, но они нуждались в американских и английских самолетах, танках и пушках. За первую половину 1942 года мы послали в Индию по ленд-лизу этих и других видов вооружений на сумму 60 миллионов долларов, а во второе полугодие поставки более чем удвоились. Большинство этих грузов доставлялось по морю, в течение долгого, двухмесячного пути вокруг Африки, но бомбардировщики перегонялись по недавно обустроенному трансафриканскому воздушному пути.

Начиная с конца февраля американские ВВС отправили в Индию несколько бомбардировочных и истребительных эскадрилий, чтобы усилить английские военно-воздушные части. Ко 2 апреля первые прибывшие авиачасти были размещены на базах, организованных англичанами.

В тот день японцев ждал неприятный сюрприз на Андаманских островах, когда американские самолеты неожиданно появились в небе и град бомб обрушился на сосредоточенные там японские военные корабли. Но американских и английских летчиков было слишком мало, чтобы остановить японцев, которые через несколько дней, устремившись через залив к Цейлону, потопили три английских военных корабля и разгромили большой конвой, направлявшийся в Калькутту. После этого Бенгальский залив был закрыт для кораблей союзников, и только через несколько месяцев калькуттский порт, в принципе, стал им доступен. Адмиралтейство же и в дальнейшем еще долго соглашалось подвергать этому испытанию лишь небольшое число старых кораблей. Это был серьезный удар по нашим планам помощи Индии. До войны около половины товаров импортировалось через ее восточные порты и до двух пятых — через одну Калькутту.

Теперь нагрузка на западные порты Индии значительно возросла из-за поставок не только в эту страну, но и в Китай. В эти порты ушла часть судов из Сингапура и Ост-Индии, спасаясь от японцев. Туда же пришли корабли с

запоздалыми грузами для Бирмы, Сингапура и Ост-Индии. Гавани были заполнены кораблями, а склады — невостребованными товарами. Теперь туда же стали отправлять еще и грузы, которые в обычное время поступали в Калькутту.

Три более или менее крупных индийских порта — Бомбей, Карачи и Кохин — вскоре были переполнены. Приходилось использовать любую гавань или открытый рейд, независимо от их масштабов; на полную мощность работали доки, краны, лихтеры, склады, железнодорожные ветки и т. д., быстро сооружались всякого рода временные постройки. И все же это мало помогало. Американское экономическое представительство под руководством Г. Грэйди, посланное туда в апреле 1942 года, сообщило, что только в бомбейском порту одновременно ждут разгрузки или ремонта около 200 кораблей, некоторые из них ожидают разгрузки уже 6 недель. В следующие месяцы мы стали отправлять в Индию краны, лихтеры и другую технику, чтобы помочь разгрузить западноиндийские порты. Американская армия вскоре направила инженеров и портовые батальоны, чтобы руководить работами в самом западном из этих портов — в Карачи. Там скопилось огромное количество военных материалов: самолетов для Индии и Китая, оружия, медицинских средств; грузовиков, запасных частей, горючего для Бирманской дороги, а также для наших войск в Индии. Порт был опасно перегружен и мог совсем выйти из строя. Портовые батальоны, интендантские батальоны и военные инженеры прибыли в самый критический момент.

Карачи, некогда тихий, сонный городок, скорее ближневосточного, чем индийского типа, теперь был полон американскими военными и моряками всех торговых флотов мира. Вскоре стала прибывать американская техника для перестройки порта. Солдаты получили приказ выполнить поставленную задачу и сделали это под командованием бригадного генерала Р. Уилера. Вскоре удалось наладить разгрузку и эффективное распределение грузов. В до-

ках и на складах и теперь остается еще много разнообразных военных материалов, но хаоса первых дней уже нет. Однако Карачи сейчас не только порт, но еще и военно-воздушная база Объединенных Наций. Когда возникла двойная угроза: со стороны японцев на востоке и Роммеля на западе, аэропорт Карачи, как крупнейший в Индии, перешел под контроль английских и американских ВВС, готовых к боевым операциям в любом районе.

Снятие этой угрозы не означает, впрочем, уменьшения значения Карачи как авиационного центра. Этот город — важное связующее звено между Индией и трансафриканским воздушным путем. Здесь собирают самолеты, доставляемые на кораблях из Англии и США. Со здешних аэродромов поднимаются для боевых операций в районе Бирмы самолеты американских и английских ВВС, а также китайские и американские самолеты, участвующие в боях над Китаем. От Карачи до фронта на бирманской границе — 1500 миль. На самолете это расстояние можно покрыть за несколько часов, на поезде — за несколько дней, а весной 1942-го это часто занимало и несколько недель. В этом направлении, на восток, перевозили тысячи военных, преимущественно по железным дорогам, так как шоссейных дорог в Индии мало. После закрытия калькуттского порта многие тонны военных материалов, стали отправлять в обратном направлении, что превратило работу железных дорог, особенно одноколейных, в настоящий кошмар.

Индия столкнулась с серьезными последствиями не только портового, но и железнодорожного кризиса. Из нее было отправлено много локомотивов и вагонов на Ближний Восток, а компенсировать их изъятие самостоятельно она не могла: ведь железнодорожные мастерские были перестроены для военных целей. Часть этой техники будет получена из Америки, и так скоро, как это позволят возможности индийских железных дорог. Этот пример с железнодорожным ленд-лизом показывает, что значит использование ресурсов Объединенных Наций в соответствии

с меняющимися обстоятельствами. Сначала Индия отправляла железнодорожную технику на Ближний Восток в момент кризиса. Когда сама Индия стала прифронтовым районом и важной базой снабжения Азии, отданная ею техника восполняется американской.

Проблема поставок боеприпасов в Индию стала настолько важной, что легко забыть: Индия не только военная база и база снабжения Китая — она еще и один из арсеналов Объединенных Наций. В докладе представительства Грэйди этот вопрос сформулирован так:

"Наша миссия считает, что Индия имеет огромное стратегическое значение для дела Объединенных Наций, во-первых, потому, что она может стать базой для контрнаступления против японцев в Бирме, во-вторых, потому. что она — важное звено в обеспечении военными материалами Китая, наконец, в-третьих, потому, что она располагает огромными природными ресурсами, которые не только не должны достаться врагу, но могут быть вполне использованы на благо Объединенных Наций. Производство военных материалов вблизи от фронта — дело крайне важное".

Во время кризиса, возникшего в начале 1942 года, большая часть грузов, отправленных в Индию морским путем, представляла собой оружие для фронта, но даже тогда готовые вооружения не были единственным видом поставок. Нам следовало подумать и о нуждах индийских военных заводов. В последний день декабря 1941 года я обратился к Уильяму Кнадсену и к помощнику военного министра Роберту Паттерсону с просьбой выделить необходимые материалы для завода азотной кислоты, которая была необходима для увеличения в Индии производства тола. Подобный запрос был сделан в августе, до Пёрл-Харбора, но был отклонен. Теперь отношение к производству в Индии взрывчатых веществ совершенно изменилось, и проект был одобрен за три дня.

По мере ослабления кризиса и укрепления обороноспособности Индии мы стали обращать внимание на по-

мощь иного рода. Индийская промышленность вполне могла производить военные материалы в дополнение к нашим и английским поставкам, а надо сказать, Индия более промышленно развита, чем это кажется большинству американцев. К западу и северо-западу от Калькутты на 150—200 миль находится треугольник территории промышленно развитого района, где есть военные заводы, уже почти 100 лет назад начавшие производить 13-дюймовые мортиры и большие орудия для 32-фунтовых снарядов. В этом же районе находится крупнейший в Британской империи стальной завод компании "Тата", где хозяева и рабочие — индусы. Здесь и Асансольский завод Бенгальской стальной корпорации. Военные заводы Индии уже выпустили большое количество взрывчатых веществ, стрелкового оружия, боеприпасов; бывшие железнодорожные мастерские производят бронеавтомобили, а кроме того, множество мелких мастерских по всей Индии приспособлены для военных нужд. Индийские верфи строят небольшие военные суда и минные тральщики, а текстильные фабрики шьют из хлопковой ткани легкую форму, в которой так нуждаются наши солдаты в условиях знойного индийского климата. В Индии уже есть фабрики, рабочая сила, сырье, и, поставляя сюда станки и некоторое количество дополнительного сырья, можно значительно увеличить объемы выпускаемой продукции. Из поставок в Индию к 30 июня 1943 года на сумму в 0,5 миллиарда долларов одну пятую составляли станки, оборудование, металл для военных заводов.

Теперь индийская промышленность стала столь важна для Объединенных Наций, что там уже есть Комитет распределения вооружений (в нем состоят и американские офицеры), который распределяет вооружения между индийцами, англичанами, американцами и китайцами, словно это у нас или в Англии.

В связи с таким ростом военной промышленности в Индии я решил, что нам следует иметь в этой стране постоянную миссию для анализа индийских нужд и рацио-

нальной организации использования наших поставок. Главой такой миссии стал Ф.У. Эккер. Прибыв в марте 1943 года в индийскую столицу Нью-Дели, он обнаружил, что японская пропаганда приступила к обработке индийского народа, распространяя заведомую ложь: ленд-лиз якобы новая маскировка старого американского империализма, или, как тогда выражались, "долларовая дипломатия". Мы уже были знакомы с такого рода приемами. Вот уже два года радиовещание стран оси убеждает англичан, что ленд-лиз — это трюк, придуманный янки, чтобы прибрать к рукам внешнюю торговлю Великобритании, а нам они говорят, что ленд-лиз — хитрая выдумка англичан, чтобы обанкротить США и взять в свои руки нашу внешнюю торговлю. Сейчас они применяют тот же принцип "разделяй и властвуй" к индийскому народу.

Индийская пресса сразу же потребовала, чтобы Эккер сделал заявление для печати о ленд-лизе. Он посоветовался с нашим послом Филлипсом, и они выступили с заявлением о том, что ленд-лиз "не является, как вас пытаются уверить, средством отстаивания национально-коммерческих эгоистических интересов", это мера чисто военного характера. Программа ленд-лиза для Индии преследует единственную цель — защитить ее от агрессии стран оси и помочь ей "внести наиболее действенный вклад в общее дело".

С увеличением числа американских войск в Индии страна расширила программу "взаимного ленд-лиза". Хотя эта программа не так обширна, как английская или австралийская, до 30 июня 1943 года Индия уже потратила для нужд нашей армии 50 миллионов долларов, из которых 30 миллионов — на строительство ангаров, бараков и других сооружений, необходимых для аэродромов и военных лагерей. Наши люди получают от Индии нефть, бензин, одежду, провизию. Железнодорожные погрузочно-разгрузочные работы, ремонт судов и другие услуги для нашей армии засчитываются как "обратный ленд-лиз". Нам оказывается в этой стране помощь во многих

формах: от снабжения одеждой, рассчитанной на знойный климат, до строительства зданий под гарнизонные магазины.

Глава 17. Ленд-лиз-3 на дорогах к Токио

На северо-западе Индии, в Пенджабе (впоследствии — территория Пакистана. — *Перев.*) находится древний город Лахор. В этом городе сохранились памятники и руины, восходящие еще ко временам индийского похода Александра Великого. На узких лахорских улицах можно встретить мусульман, индусов, сикхов, христиан — история смешала здесь всевозможные религии и расы. А над головами людей летают самолеты — порождение новой истории. Здесь летчики готовятся к боям с японцами. Лахорская летная школа находится вблизи от города, на территории старого гражданского аэропорта. Англичане построили там новые ангары, новые казармы и столовые. Самолеты здесь учебно-тренировочные, полученные по ленд-лизу, собранные на ближайшей базе английских ВВС. Самолеты, как и запасные части к ним, американские, горючее английское, за счет Англии персонал получает и провизию, одежду, медицинскую помощь.

Лахорская летная школа — создание Объединенных Наций. Мы с англичанами объединили для ее появления средства, технику, оборудование. Но инструкторы и кадры там состоят не из англичан и американцев, а из китайцев. Руководство школой на самом деле находится в Китае, за тысячи миль от Лахора, — там экзаменуют и отбирают для обучения кандидатов в военные летчики. Но легче доставить обучаемых сюда, где есть аэропорт, самолеты, запасные части, горючее, чем все это переносить в Китай.

Еще одно подобное место — Тандербердфилд в Аризоне. Там по программе ленд-лиза американские офицеры ведут углубленный курс обучения китайских летчиков. Как и в других летных школах США, их учат летать на бомбар-

дировщиках и истребителях и даже готовят из них инструкторов, а с недавних пор мы начали подготовку целых бомбардировочных экипажей для дальних перелетов, чтобы они могли достичь Японии. Они будут готовы к таким перелетам, когда откроются наземные пути снабжения Китая и туда можно будет поставлять наземное оборудование, запасные части и горючее в достаточных количествах для китайских ВВС.

В другой части Индии есть военный лагерь, где китайские солдаты под руководством наших офицеров учатся обращаться с новейшим американским оружием. Среди них и те, кто отступал из Бирмы или попал сюда прямо из Китая. Эти лагеря, военная форма, питание в них поставлены и организованы англичанами. Мы же по ленд-лизу снабжаем их необходимыми военными материалами: от джипов до полевой артиллерии. Как уже говорилось, легче отправить людей к оружию, чем оружие — к людям. Эти обученные китайские части с американским оружием направятся в Китай и вступят в бой с японцами. Китайские летчики и солдаты, обучаемые в Индии, — неизменное напоминание о судьбе нашей программы помощи Китаю после падения Бирмы. С 1937 года, с захвата Тяньцзиня, японцы один за другим перекрывали пути снабжения Китая: Кантон, Хайфон, Французский Индокитай.

Когда в конце 1940-го японцы наводнили Индокитай под предлогом его "защиты", китайские власти задумались об угрозе потери Бирманской дороги. Был выдвинут план создания второй дороги из Китая: через Гималаи — в Садию в Северо-Восточной Индии. Начались работы по обследованию местности. Китайские чиновники начали переговоры с Отделом контроля военной помощи о возможных поставках техники. Уже тогда было ясно, что для строительства дороги потребуется затратить огромные силы и средства, так как тот горный край был еще более диким, чем край, где проходила Бирманская дорога. Нельзя было обойтись без специальной тяжелой техники, но и при этом строительство могло занять 2—3 года.

Когда японцы, сразу после Пёрл-Харбора, заняли Таиланд, китайские власти тотчас взялись за исследование той местности. 7 января 1942 года китайская интендантская служба обратилась с запросом о поставках по ленд-лизу на 2 миллиона долларов "необходимой техники". Я посоветовался по этому вопросу с Лочлином Кэрри, а потом мы телеграфировали генералу Макгрудеру, главе нашей военной миссии в Китае. Он одобрил проект, но прежде чем Министерство обороны смогло заняться поставками, Бирманская дорога была перерезана неприятелем, и надежды на возможность дальнейших поставок в Китай растаяли.

Теперь единственной наземной связью с Китаем оставалось старое шоссе, проходившее из провинции Синьцзянь, а далее — через Россию или караванными тропами через Гималаи и Тибет в Индию. Хорошего в этой перспективе было мало: американские и английские грузы пришлось бы доставлять в переполненные русские порты, а затем за тысячи миль по перегруженным русским дорогам, а затем еще тысячи миль по пустыням Центральной Азии до фронта. Тибетские караванные тропы были намного короче, но пройти по горным перевалам могли лишь вьючные животные, а каждый караван находился в пути не менее полугода.

Практически наземных путей в Китай не было — и грузы, предназначенные ему по ленд-лизу, а также все купленное раньше за счет целевых займов и английские военные материалы стали накапливаться в индийских портах. Первое, чем занялся помощник управляющего по программе ленд-лиза для Китая Фрэнклин Рэй, было составление подробного инвентарного перечня всех этих поставок. Начинали список сотни оказавшихся ненужными грузовиков, огромное количество горючего и смазочных материалов, тысячи ящиков с автозапчастями. Затем следовали авиазапчасти, оборудование для ремонта самолетов, множество бомб и мин, сотни тысяч снарядов, тонны пороха и тола. Кроме того, были здесь сотни ящиков с

медицинскими материалами, сигнальным оборудованием, интендантскими припасами, не считая рельсов и других материалов, необходимых для строительства железных дорог, а кроме того, техника и оборудование для промышленных нужд.

Время от времени, при крайней нужде, часть этих запасов использовалась для нужд американских войск в Индии, и они принесли большую пользу нашим частям; однако в основном они были сохранены для нужд Китая. По сравнению с огромным потоком военных материалов, поступающих в арсеналы других союзных наций или на другие фронты, в Индии накопилось не такое уж большое количество грузов, но они включают в себя до половины американских поставок Китаю по ленд-лизу, и это большое подспорье для Китая. Прямо в эту страну мало что можно прислать, и ее военная промышленность работает на скудном пайке. Помощь Китаю обычно требуется срочно: война не ждет, пока мы перевезем нужные товары через полмира. Это одна из причин, почему они скапливаются в Индии, готовые к отправке получателю. Есть и другая важная причина. Дороги, ведущие в Китай, не всегда ведь будут заблокированы. Освобождение их — одна из наших стратегических целей, и, когда это будет сделано, Китаю не придется ждать, когда нужные военные материалы произведут у нас или в Англии, отвезут в порты, погрузят на корабли и доставят в другую часть мира. Запасы, скопившиеся в Индии, позволят обеспечить должный уровень снабжения Китая, когда дороги будут очищены от японцев.

Как уже говорилось, после утраты Бирманской дороги воздушный путь стал почти единственным каналом снабжения Китая, однако к маю 1942 года, когда это стало очевидно, свободных самолетов для такой цели осталось немного. Мы обещали китайцам прислать их еще. Часть новых самолетов была предназначена для Китайской авиакомпании, но большинство должно поступить в распоряжение Управления военно-воздушного транспорта. Эти

самолеты не заменят Бирманской дороги, но смогут доставлять в Китай хотя бы часть станков для военных заводов, боеприпасов для артиллерии, бензин, запасные части для военных самолетов, бомбы.

Летом и осенью мы в Вашингтоне были свидетелями того, что объем военных поставок в Китай рос драматически медленно. В начале 1942 года в США было всего триста с небольшим транспортных самолетов. Этот вид производства у нас только налаживался, потому что прежде мы сосредоточились на производстве бомбардировщиков и истребителей. Между тем спрос на них значительно возрос и на Тихом, и на Атлантическом океане, и на Ближнем Востоке — на всех фронтах с нетерпением ждут транспортных самолетов. К концу 1942-го объем поставок в Китай был еще катастрофически мал, но за 1943 год, когда стало производиться гораздо больше транспортных самолетов, значительно возрос и объем поставок, хотя, конечно, он был очень далек от 60 000 тонн в месяц, запланированных для перевозок по Бирманской дороге.

Освоение и развитие этого воздушного пути нашими и китайскими летчиками — одно из замечательных достижений военного времени. В стране огромных гор, диких долин, густых, непроходимых джунглей нам и англичанам аэродромы приходилось строить в самых трудных условиях. Рабочие были измучены ливнями в сезон дождей, изнурены жарой в остальные периоды года, их постоянно мучили малярия, дизентерия и бесчисленные насекомые в джунглях. Военные материалы в Китай пришлось поставлять через один из наихудших по климату краев в мире. А из Китая отправляли своих людей в Индию для обучения на летчиков и солдат, а еще важные материалы для нашей собственной военной промышленности в уплату за займы нашего Экспортно-импортного банка в 1940 году.

Китайцы, изолированные от внешнего мира горами и территорией, захваченной японцами, уже несколько лет вели тяжкую войну, получая скудную помощь извне. Они были очень плохо вооружены по сравнению с японскими

войсками, а планы американского вооружения Китая мы сумели реализовать лишь частично, через Индию, но не смогли организовать прямых поставок в Китай вследствие потери Бирманской дороги.

Но, ожидая освобождения дорог, мы не забыли о своих планах обучения китайских военных пользованию американскими видами оружия. В Китай прибывает все большее количество американских офицеров. Начиная с апреля 1943 года ими открыты здесь несколько центров обучения. 5000 китайцев уже окончили центр полевой артиллерии и 3000 — пехотный центр. Кандидатов в офицеры среди китайцев отбирают на основе конкурсных экзаменов и обучают радиосвязи, военно-инженерному делу, обращению с современным американским оружием, первой медицинской помощи и другим военным знаниям и умениям. Американские офицеры, в том числе и американцы китайского происхождения, тоже проходят эти курсы и после краткосрочного обучения поступают в китайские части в качестве инструкторов, советников и наблюдателей.

Героизм китайского солдата общеизвестен, но меньше знают о другом проявлении силы и стойкости китайского народа — речь идет о его таланте и самоотвержении, которые теперь проявляются в том, что китайцы продолжают выпуск военных материалов, хотя почти не имеют сырья и техники, обыкновенно поступавшей извне. До 1937 года промышленные центры находились только в провинциях, прилегающих к океаническому побережью, а на территории нынешнего свободного Китая не было индустрии в буквальном смысле этого слова. Когда китайцы отступили вверх по Янцзы, они разобрали и унесли с собой по частям все оборудование, которое можно было спасти от японцев. Располагая этим оборудованием и тем, что могли купить в США, они создали новые заводы для снабжения своей армии. Летом 1942-го генерал Ю Тауэй, начальник китайской артиллерии, вместе с Рэем совершил длительную поездку по китайским военным заводам, чтобы показать ему, какие у них были бы производственные

возможности, если бы их хоть немного лучше снабжали. Более всего меня поразило в рассказе Рэя по возвращении его в Америку местонахождение этих военных заводов. В 1940—1941 годах, когда малочисленная китайская авиация была разгромлена, воздушные налеты японцев причинили огромный ущерб заводам, построенным на открытой местности. Поэтому, в условиях постоянных налетов врага, китайцы перенесли свои станки и оборудование в укрытия в горных пещерах. В этих глубоких пещерах они, врубаясь в горную породу, сделали подобия цехов. Теперь военные заводы в безопасности.

На этих "горных" заводах китайцы производят теперь винтовки, боеприпасы, гранаты, мортиры, противотанковые пушки и т. д. Когда китайцам недостает сырья или техники, им приходится импровизировать — например, заменять сталь чугуном, смешивать тол с более слабыми взрывчатыми веществами, чтобы увеличить его количество. Новые методы труда приходится вырабатывать постоянно — ни кусочка металла не пропадает зря. Несмотря на всю изобретательность, проявленную китайцами вследствие этих трудностей, их заводы, конечно, работают не на полную мощность. С этим придется примириться до восстановления наземных путей сообщения.

Между тем потеря Бирманской дороги не только отрезала внешние источники снабжения Китая, но и имела серьезные последствия для транспорта в стране. В освобожденном Китае мало железных дорог, и помимо рек грузы можно возить либо на грузовиках, либо на мулах. Без наземных коммуникаций мы не можем отправить туда ни грузовиков, ни горючего. Впрочем, и в этом отношении китайцы проявляют не меньшие изобретательность и находчивость. Моторы их грузовиков работают на спирте или на горючем, сделанном из тунгового или иных видов растительного масла, а также с помощью угольных камер сгорания. Они используют для моторов грузовиков запасные части, и те работают до тех пор, пока буквально не разваливаются. Бензина в Китае сейчас мало, потому что

почти нет нового оборудования для перегонки местной нефти. Горючее привозят в Чунцин за сотни миль по рекам на надувных кожаных плотах или на телегах, запряженных мулами. Впрочем, наладить внутренний транспорт здесь тоже можно будет по-настоящему лишь после восстановления наземных путей.

Пока главным каналом нашей помощи является воздушный. Через четыре месяца после Пёрл-Харбора, рано утром 8 апреля 1942 года американский авианосец "Шершень" оказался примерно в 700 милях от Японского побережья с 16 бомбардировщиками Б-25 на борту. Они предназначались Китаю, но по пути у них была еще одна, очень важная цель: бомбежка Токио. На рассвете вдали показался небольшой японский корабль, который удалось потопить огнем корабельной артиллерии, но у команды возникло опасение, что это судно успело передать сигнал тревоги по радио, поэтому бомбардировщики поднялись в воздух тут же, за несколько часов до намеченного срока. Они сбросили бомбы на Токио и соседние города, но из-за преодоленного ими дополнительного пути и неожиданно испортившейся погоды ни один из этих самолетов не достиг Китая благополучно, хотя большинство членов экипажей спаслось. Некоторые из этих летчиков остались потом в Китае и приняли участие в боевых действиях. Потом к ним присоединились другие прибывшие в страну американские летчики и наземные команды, а также присланные для китайцев по ленд-лизу американские бомбардировщики и истребители.

Прежней Американской добровольческой группы уже нет: она была расформирована 4 июля 1942 года, но ее командир, генерал Ченол, остался в Китае и руководит американской 14-й авиационной частью, в которую вместе с ним вошли и часть его прежних подчиненных. За время своих действий добровольческая группа поставила своеобразный рекорд: она сбила или уничтожила на земле 297 японских самолетов, а сама потеряла в боях 13 из 100 Пи-40, 32 было уничтожено на земле или потеряно в ре-

зультате аварий. После расформирования группы американских добровольцев китайцы, заплатившие 90 миллионов долларов за Пи-40, отвергли предложение американской армии выкупить эти самолеты и настояли на передаче их нам по "взаимному ленд-лизу". Теперь они входят в американскую 14-ю авиационную часть.

Военные самолеты, посланные нами в Китай, были только началом. В мае 1943 года я встретился в Вашингтоне с генералом Ченолом, который с нетерпением ждал дня, когда будут открыты наземные пути и мы сможем свободно отправлять в разные части Китая самолеты, оружие и запчасти.

9 декабря 1941 года, через два дня после Пёрл-Харбора, Чан Кайши заявил, обращаясь к народу США:

— Ради нашей общей теперь борьбы мы готовы отдать все, что у нас есть, пока Тихий океан и весь мир не освободятся от проклятия бесконечной жестокости и вероломства.

Генералиссимус, как и народ Китая, держат и теперь обещание, и, по-моему, недалек уже тот день, когда мы сможем выполнить все свои обязательства перед ними.

До сих пор Китай воевал, пользуясь лишь небольшими по объему нашими воздушными поставками; но американо-китайские ВВС в этой стране постепенно наращивают мощь, а наземные дороги будут освобождены. Из Ассама (в Индии) через горы Нага американские и китайские военные инженеры прокладывают новую дорогу, ведущую к японским базам в Бирме. Ее прозвали "дорогой Ледо", и проходит она через такой же дикий горный край, что и старая Бирманская дорога. Впереди инженерных и строительных команд, американцев, индусов, китайцев, следуют части новой китайской армии, обученные и оснащенные в Индии, — авангард, защищающий строителей дорог от японцев. Транспортные самолеты с ассамских баз сбрасывают им продовольствие и боеприпасы.

В Индию же из США и Англии поступают все новые и новые вооружения: восточные индийские порты снова

стали свободными. Мы создали совместное командование силами Объединенных Наций: китайскими, индийскими, английскими и американскими.

На Квебекской конференции в августе 1943 года для руководства совместными военными действиями был выбран одаренный военачальник — лорд Луис Маунтбеттен.

Япония на себе ощутит страшную силу удара, которую Объединенные Нации могут вскоре нанести по врагу в этой части мира.

Глава 18. Поставки Советам

В первые два месяца после подписания 1 октября 1941 года Московского протокола из Соединенных Штатов отплыли 28 кораблей с более чем 13 0000 тонн различных грузов для России. Это было менее десятой части поставок, обещанных нами России на 9 месяцев, с октября 1941-го по июнь 1942 года. За семь следующих месяцев оставалось сделать еще многое.

Как раз тогда, когда программа помощи Советскому Союзу переживала становление, японцы напали на США в Пёрл-Харборе и все передвижения по Тихому океану кораблей под американским флагом немедленно прекратились. Преодолеть расстояние между советским Дальним Востоком и нашим Западным побережьем теперь могли только русские корабли, так как Россия в отношении Японии была нейтральной страной, но у русских было мало торговых судов, подходящих для тихоокеанского плавания.

Первый корабль из США в Персидский залив с товарами для России отплыл еще в ноябре, однако до выполнения намеченного на ту осень плана расширения портов, железных дорог и шоссе для поставок было еще далеко. Кроме этого был тогда лишь еще один путь — через Северную Атлантику до Мурманска и Архангельска — самый короткий, но и самый опасный. По нему-то в первой

половине 1942 года и перевозили большую часть как американских, так и английских грузов, предназначенных для России согласно протоколу.

Нацисты придавали большое значение прекращению наших поставок Советскому Союзу. В Норвегии они построили ряд авиационных баз для своих бомбардировщиков и истребителей, а норвежские фьорды сыграли для них роль хорошо защищенных природных баз для подводных и надводных военных кораблей. По этому морскому пути корабли могли пройти в Россию только под охраной сильных конвоев, а в то время и американский, и английский, и канадский флоты и без того едва справлялись с охраной морских путей в юго-западную часть Тихоокеанского региона, в Индию, в Англию и на Ближний Восток.

У нас, в США, после Пёрл-Харбора многие порты были перегружены. В первые месяцы возникли неизбежные неурядицы, так как было необходимо одновременно отправлять за море американские войска и войсковые припасы, а также продолжать поставки союзникам. Первоначально в качестве главного атлантического порта для поставок в Россию был избран Бостон, но, так как нашей армии потребовались для ее собственных нужд многие доки и склады, нагрузка на этот порт стала слишком большой.

Отправка кораблей в Россию сильно отставала от первоначального графика, так как корабли были теперь нужны нашим собственным вооруженным силам, а Советское правительство могло прислать за грузами лишь небольшое количество судов в наши атлантические порты. В декабре нам, правда, удалось заметно увеличить поставки в Советский Союз, но в следующем месяце они сократились; в январе 1942 года было послано на один корабль меньше, чем в декабре 1941-го, а в феврале это число составило всего пять кораблей.

Положение с кораблями было главной, но далеко не единственной причиной задержек поставок в Россию. Армия и флот после 7 декабря ненадолго заморозили по-

ставки самолетов и танков, но это обстоятельство само по себе не вызвало серьезных затруднений. Трудность состояла в быстром и своевременном размещении заказов, чтобы обеспечить вовремя доставку товаров.

Программа снабжения России возникла сравнительно поздно, и теперь ее выполнению препятствовали нужды наших собственных вооруженных сил, немедленные меры, которые следовало принимать в Тихоокеанском регионе, и программы помощи, которые следовало тогда же выполнять в Англии, Китае и других странах. Задержки эти были особенно значительными в отношении промышленного оборудования, необходимого для советского военного производства, для чего, как известно, требовались многие месяцы.

С приходом русской зимы Красная Армия смогла остановить нацистов и даже перейти в контрнаступление. Но советские потери были велики, и не только в людях, но и в боевой технике, и в разрушении военных заводов. Весной 1942-го было предпринято новое наступление нацистов с целью сломить сопротивление русских. Для стратегических задач Объединенных Наций было очень важно, чтобы Россия получила все необходимое ко времени летней кампании.

На уровне контрактов и отпускаемых средств советская программа развивалась быстро. Практически к концу января 1942 года мы истратили первый миллиард долларов, предназначенный для России, и наш президент, после обмена телеграммами с премьером Сталиным, санкционировал выделение второго миллиарда. Но доллары и контракты — не то же самое, что танки и самолеты, в которых нуждалась Россия. Поставки все еще были недостаточными, и стало очевидно, что чрезвычайные обстоятельства, последовавшие за Пёрл-Харбором, вызвали заметные задержки в выполнении Московского протокола, согласно которому наше правительство должно было поставить в Россию определенное количество товаров к определенному сроку.

17 марта 1942 года президент Рузвельт распорядился представить графики "дат поставок материалов и отправки кораблей". Он писал Дональду Нельсону:

"Я хочу, чтобы все военные материалы, обещанные согласно протоколу, отправлялись по назначению как можно быстрее, независимо от того, как это повлияет на другие разделы нашей программы".

Адмиралу Лэнду он писал:

"В первую очередь следует осуществить поставки, предусмотренные Московским протоколом. Я хотел бы, чтобы вы выделили дополнительное количество кораблей, требуемых на центрально- и южноамериканском направлениях, независимо от других соображений".

Такие же письма были направлены им в Военное и Военно-морское министерства. Это был, по сути, ряд приказов, а в тех жестких обстоятельствах — единственная надежда на выполнение условий протокола.

Советская программа начала развиваться быстрее. К тому времени главным атлантическим портом для поставок в Россию стала Филадельфия, которая была не столь перегружена, как Бостон. Все больше военных материалов отправлялось с заводов. В марте 1942-го поставки достигли 214 000 тонн против 91 000 тонн за месяц до этого. Из американских портов в Россию отправилось 43 корабля — столько же, сколько в январе и феврале вместе взятых. Однако 31 из них предстояло опасное путешествие по Северной Атлантике.

В апреле мартовский тоннаж грузов удвоился. Но 62 из 78 кораблей пришлось идти северным маршрутом. В эти месяцы значительное количество кораблей отправилось в Россию и из Англии с боеприпасами и другими грузами по долгосрочному кредитному соглашению, и большинство из них следовало тем же североатлантическим путем.

В Канаде и на Британских островах были организованы огромные конвои из американских и английских кораблей. Так как наш флот активно участвовал в Тихоокеанской кампании, а у нашего Восточного побережья раз-

разилась подводная война, основную работу по организации конвоев взяли на себя английский и канадский флоты. Конвои были сильными и хорошо организованными, но и атаки нацистов были сокрушительными.

Волчьи стаи немецких подлодок нападали на конвои, следующие на северо-восток от Исландии. Иногда конвои в районе Норвегии атаковывались и немецкими надводными военными кораблями, включая крейсеры и эсминцы. Изо дня в день конвои бомбили и с воздуха. Был случай, когда на конвой обрушились 350 нацистских самолетов. Было сбито 40 из них, но конвою был нанесен страшный урон.

Эффективная защита с воздуха могла быть обеспечена только в радиусе досягаемости истребителей из Мурманска. Потом появлялись русские истребители, отгоняли стервятников люфтваффе и сопровождали уцелевшие корабли до конца пути. Но даже и в Мурманске имели место воздушные атаки, причинявшие иногда немалый ущерб. Русские портовые грузчики, мужчины и женщины, трудились день и ночь, чтобы скорее разгрузить и отпустить корабли.

Самые тяжелые бои на этом северном пути состоялись в марте — июле 1942 года. 6 из 31 корабля, отплывшего из США в Мурманск в марте, 18 из 62, отплывших в апреле, и 3 из 14, отплывших в мае, погибли в этих битвах. Четверть кораблей, отправленных за три месяца в Россию по этому пути, были потоплены немцами. Не менее тяжелыми были потери и англичан.

Русские не раз отдавали дань мужеству моряков, прошедших эти испытания. После одного из боев, который выдержал английский конвой, знаменитый советский военный корреспондент Илья Эренбург писал в газете "Красная Звезда":

"В боях с немцами победил несокрушимый дух англичан. Слава английским морякам! Они привозят танки, бомбы, снаряды и зерно тем, кто борется за свободу".

Советское правительство также высоко оценивало мужество английских моряков торгового флота. В прошлом году морской атташе США в Мурманске сообщил, что

советские власти вручают капитану каждого торгового судна, прибывающего в этот порт, чеки на дополнительную месячную оплату на каждого члена команды.

Начиная с первых, в конце 1941-го, всего 19 конвоев американцев, англичан и союзников были отправлены в Мурманск и Архангельск до конца 1942 года. К концу лета обстановка несколько улучшилась. Был случай, когда 75 английских, американских и канадских военных кораблей успешно эскортировали большой конвой для Мурманска, понеся при этом незначительные потери по сравнению с теми, которые были раньше в том же году. По сообщению английского Адмиралтейства, во время этого рейса погибли 2 крейсера и 10 эсминцев. Еще несколько кораблей пострадали в боях и смогли вернуться в строй через несколько недель или даже месяцев.

К концу первого периода исполнения Московского протокола, к 30 июня 1942 года, мы, в общем, выполнили обещанный объем поставок в ценовом выражении, хотя в их числе были предметы, не внесенные в самый протокол, которые русские просили у нас на более позднее время. Фактически примерно только четыре пятых требуемых грузов было отправлено в Россию. Но из этого количества многое не дошло по назначению. Часть этих грузов потонула, некоторую часть пришлось разгрузить в Англии и ждать много месяцев, пока будут организованы конвои для отправки всего в Россию.

Мы затратили много сил, чтобы наладить более безопасный путь через Персидский залив и Иран, но только с осени 1942-го удалось организовать этим путем действительно значительные поставки. И все же в Россию было доставлено достаточно военных материалов, имевших реальную ценность для летней кампании 1942 года.

К середине этого года мы отправили туда более 2000 легких и средних танков и 1300 самолетов. Число средних и легких танков по протоколу было разделено примерно в равной пропорции. Англичане послали даже больше нашего: 2400 с лишним танков и более 1800 самолетов.

Согласно Московскому протоколу в Россию поступали истребители Пи-40 "Кэррис", североамериканские Б-25 "Митчелз", пикирующие бомбардировщики "Дуглас диби 7", а позднее — бомбардировщики Эй-20. Для русского фронта требовались прежде всего операции среднего и ближнего радиуса действия в целях поддержки наземных войск, а также обстрела из пулеметов и бомбардировок войск противника, сконцентрированных у линии фронта. Представители Америки, которым случалось беседовать с пилотами-красноармейцами, рассказывали мне, что на русских огромное впечатление произвели боевые качества наших Эй-20 в таких операциях.

Для бомбардировок на более дальних расстояниях они признали очень надежными наши Б-25. А Пи-40 использовались для боевых операций во время обороны Москвы и для защиты других городов от нацистских бомбежек. Примерно с середины 1942-го из Америки в Россию стали поступать "Аэрокобры" Пи-39, сразу же ставшие очень популярными среди красных летчиков. Капитан Рикенбэкер рассказывал мне по возвращении из России этим летом, что посетил две советские эскадрильи на Орловском фронте (*Orel front:* возможно, имеется в виду Брянский фронт. — *Перев.*), полностью укомплектованные самолетами Пи-39. У одного молодого летчика-истребителя, с которым он разговаривал, было на счету 27 сбитых нацистских "фокке-вульфов" и "мессершмиттов". Этот летчик рассказывал, что на Пи-39 можно одержать победу над любым из них.

Наши грузовики с самого начала принесли значительную пользу делу снабжения Красной Армии, хотя первоначально нам было трудно обеспечить их достаточным количеством специальных шин, чтобы они могли проходить по снегу и грязи. Кроме того, русские сразу оценили джипы. Они просили также мотоциклы с колясками, но, как я писал послу Литвинову в январе 1942-го, наша собственная армия почти исключительно пользуется джипами, а не мотоциклами с коляской. Мотоциклы с коляс-

кой производить было долго, а производство джипов было уже налажено. Русские решили попробовать и вскоре пришли к заключению, что у нашей армии были основания ценить эти машины. Они так хорошо показали себя на грязных, труднопроходимых русских дорогах, что вскоре Красная Армия попросила их снова. С тех пор мы отправили в Россию боле 20 000 джипов.

В прошлом году, когда один корреспондент Ассошиэйтед Пресс решил посетить артиллерийский полк на Центральном фронте, водитель вез его на джипе в штаб полка по бездорожью. Во время этой тряской езды корреспондент спросил у водителя-красноармейца, как ему нравится эта небольшая, выносливая машина, тот ответил одним словом:

— Замечательно (слово написано по-русски латинскими буквами. — *Перев.*).

За исключением указанных самолетов, танков, грузовиков и джипов мы до сих пор относительно мало посылали в Советский Союз военных материалов. Другое дело — полевые телефоны и телефонные провода. Важной причиной, почему советской армии удалось сохранить хорошие коммуникации по всему фронту в 2000 миль, было то обстоятельство, что мы отправили в Россию 189 000 полевых телефонов и свыше 670 000 миль проводов — достаточное количество, чтобы 27 раз обернуть ими Землю.

И еще колючая проволока, которой мы поставили 45 000 тонн, или 216 000 миль. Интересно отметить, что с осени 1942-го советским войскам уже не требуется колючая проволока в больших количествах — теперь она нужна нацистам.

И еще один вид вооружений, который высоко оценили красноармейцы, — наш автомат "Томсон-45", или просто "томми". До конца июня 1942 года мы отправили в Россию 75 000 таких автоматов и еще почти столько же с тех пор. Русские солдаты с их помощью убили несметное число нацистов.

Хотя сапоги, отправленные нами в Россию, не относятся к боеприпасам, они тоже сыграли свою особую роль в укреплении Красной Армии. Каждый, кто видел фотографии пленных нацистских солдат на русском фронте, с отмороженными гангренозными ногами, поймет, как важно иметь подходящую обувь, чтобы там воевать. У Красной Армии должна быть обувь, позволяющая ходить по сугробам, выносить крайне холодную русскую зиму, а также осеннюю и весеннюю распутицу и топкую грязь.

Значительная потеря скота в результате компании 1941 года привела к крайней нехватке кожи в России, и мы, согласно Московскому протоколу, отправили туда 10 500 тонн сапожной кожи. Но русским заводам, даже при такой помощи, трудно удовлетворить нужды Красной Армии, и мы отправили туда еще 1,5 миллиона пар армейских сапог, и целых 3 миллиона — англичане.

Красная Армия сделала запрос, не можем ли мы кроме стандартных сапог изготовлять для них "вытяжные" (слово написано по-русски латинским шрифтом. — *Перев.*) — высокие кожаные сапоги русского типа, замечательные по водонепроницаемым свойствам, которые столетиями делали в России вручную, удобные прежде всего во время таяния снега и льда. Мы стали искать способ организовать фабричное производство таких сапог. Это было нелегко, но все же мы нашли человека, знающего об этом буквально все, — бывшего главу царской обувной фабрики. Мы его спросили, не поможет ли он делать обувь для Советского Союза. Он взялся за эту работу, и машинное производство этих сапог стало быстро налаживаться. Теперь их носят красноармейцы.

Роль поставок вооружений Красной Армии по ленд-лизу во время боев с Германией летом 1941-го трудно оценить верно. Если говорить о нехватке в России конкретных военных материалов и техники, как грузовиков или телефонов, то ленд-лиз сыграл тут важную роль. Но в целом объем поставленных нами военных материалов не слишком велик. Мы знаем, что американская техника со-

служила хорошую службу в обороне Сталинграда. Но прямо скажем: у нас нет подробных сведений о той пользе, какую принесло в том году наше оружие русским.

В 1942 году русские и мы только учились работать вместе, как союзники, и было бы глупо делать вид, что наши отношения с Россией с самого начала были столь же дружественными и откровенными, как с Англией и Китаем. Мы не просили у русских подробной информации об их армии или о положении внутри страны, чего мы всегда ожидали от других стран, получавших помощь по ленд-лизу. Да и трудно было бы получить подобную информацию, помня наше взаимное недоверие в предыдущие годы.

По-моему, близость наших взаимоотношений с Советским Союзом надо оценивать, не сравнивая их с теми, с кем у нас были дружеские отношения на протяжении десятилетий, но исходя из того расстояния, которое мы вместе прошли за два с небольшим года после нападения Германии на Россию. В этом смысле и мы, и они прошли большой путь за короткое время. Теперь мы видим, как тесно связаны наши национальные интересы.

Из советских представителей я лично имел дело в основном с генерал-майором Беляевым, контр-адмиралом Акулиным, Константином Лукашевым и Александром Расточалком из Советской правительственной закупочной комиссии. Все это молодые люди с огромными способностями и огромной энергией. Беляев — один из руководителей снабжения ВВС Красной Армии; Акулин — специалист по взрывчатым веществам; Лукашев, бывший профессор Ленинградского университета, был главой Амторга, а Расточалок изучал металлургию в Массачусетском технологическом институте у доктора Уотерхауза и сейчас — консультант по металлам, работающий в сфере ленд-лиза.

Думаю, мой опыт работы с этими людьми — такой же, как у других американских чиновников, близко общавшихся с русскими. Когда начинается конференция,

они обычно сразу переходят к делу, выказывая трезвость и практицизм. Они очень серьезны по манере поведения и могут показаться скрытными, но если с ними вести откровенный и честный разговор, то в ответ они проявляют искреннюю доброжелательность. Чем больше мы с ними работаем вместе, тем лучше понимаем друг друга.

Глава 19. Поставки-2 Советам

Создание в Иране системы дорог для организации поставок в Россию оказалось делом крайне сложным.

Иран, или, как его еще называют, Персия, по площади равен Франции, Германии и Британским островам вместе взятым. На севере страны, вдоль Каспийского моря, тянется полоса плодородной земли, и есть еще ряд сельскохозяйственных районов в тех местах, где достаточно воды, но большую часть Ирана составляют бесплодные каменистые и горные территории. Побережье Персидского залива на юге — один из самых жарких районов мира, но на севере зимы холодные, а горы вокруг Тегерана круглый год покрыты снежными шапками. Большинство 15-миллионного населения составляют крестьяне, живущие в маленьких деревушках. Земля, которую они обрабатывают, не принадлежит им: они работают в имениях крупных помещиков. Вдали от населенных долин многие иранцы продолжают вести кочевой образ жизни: пасут овец и коз, поднимаясь в горы и спускаясь в долины в поисках пастбищ.

В эту обстановку отсталости свергнутый шах Реза-Пехлеви привнес некоторые достижения XX века: железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря, построенную к 1938 году; автомобильное шоссе, связывающее столицу и Каспий; несколько современных правительственных зданий в столице и два-три современных завода. Но вода тегеранского водопровода, собираемая в трубы из горных речек, течет вдоль улиц в открытых же-

лобах, а большинство домов строится из саманного кирпича, сделанного вручную. Кроме того, в некоторых районах путешественники, осмелившиеся ходить по дорогам без охраны, рискуют подвергнуться нападению бродяг и бандитов.

После совместной англо-русской оккупации Ирана в августе 1941 года русские занялись организацией доставки военных припасов на северном от Тегерана участке, где грузы можно было доставлять по железной дороге или на грузовиках до портов на Каспийском море либо же на грузовиках до южного конца советской Кавказской железной дороги. Англичанам досталась более тяжелая задача: доставлять грузы в Персидский залив, разгружать в портах и далее перевозить почти по всему Ирану до русской зоны на севере.

Когда англичане взялись за работу, на всем Персидском заливе был лишь один подходящий порт — Басра на Шатт-эль-Арабе, реке, образованной слиянием Тигра и Евфрата. Но Басра находилась на иракской стороне реки. Она была связана железными дорогами с Турцией, Сирией и Палестиной, но в Иран никакой дороги, кроме пути в обход по пустыне, оттуда не было. Хорремшехр на иранской стороне вообще трудно было назвать портом, так же, впрочем, как и Бендер-Шахпур, где был южный конец Иранской железной дороги.

Да и сама эта дорога едва ли была подходящей: она годилась только для сравнительно легкого транспорта. Там было всего несколько сотен товарных вагонов и совсем недостаточно паровозов для перевозки тяжелых грузовых составов по крутым и извилистым путям. Эта линия была почти на всем протяжении одноколейной, она шла по горной местности, и надо было проезжать сотни мостов, а туннели встречались чуть ли не через каждые две мили, к тому же путь нередко блокируют обвалы. Есть немало дорог и троп, которые, однако, годятся разве для перевозки грузов на верблюдах и ослах. Грузовиков же в Иране тогда почти не было.

Такова была страна, через которую предстояло провезти тысячи танков, самолетов, грузовиков, а также станки, тол, продовольствие для действующей русской армии.

Одна из первых задач англичан еще летом 1941-го состояла в том, чтобы обеспечить для иранской дороги локомотивы и подвижной состав за счет как их собственных, так и индийских железных дорог. Кроме того, в Англии по срочным заказам были созданы тысячи вагонов и около сотни дизельных локомотивов; выпуском грузовых вагонов занялась и Канада. К ноябрю первая тысяча грузовых вагонов из Великобритании была отправлена в Иран. В то же время Англия постаралась сделать настоящий порт из Бендер-Шахпура. Она также ввезла туда технику для строительства дороги на Тегеран, и через несколько месяцев английское правительственное агентство — Коммерческая корпорация Великобритании собрала около тысячи грузовиков, чтобы доставлять грузы на север. Хотя объем военных материалов, которые можно было доставлять таким образом, был еще невелик, уже до конца 1941-го английские поставки для России стали достигать Ирана регулярно. В этом году англичане отправили 38 000 тонн каучука из Сингапура, 8000 тонн олова из Малайи, 13 000 тонн джута из Индии, 8000 тонн свинца из Бирмы и Австралии. Значительная часть этого сырья перевозилась по Тихому океану советскими кораблями, но часть его была доставлена в Советы через Иран.

Однако с самого начала было ясно, что англичане одними своими силами не смогут обеспечить поставки через Иран всего необходимого для железной дороги и для строительства шоссе и достаточного количества грузовиков для него. В сентябре-октябре 1941 года, сразу после того как англичане начали первые поставки через Персидский залив, в Вашингтоне занялись подготовкой к поставкам по ленд-лизу грузовиков, вагонов, локомотивов, рельсов и пр. Стало уже ясно, что понадобится каждая более или менее подходящая в Персидском заливе бухта. Началось планирование расширения портов нашими инженерами.

В конце осени миссия бригадного генерала Уилера, который занимался подобной работой и в Индии, прибыла в Иран, чтобы взять на себя руководство американскими проектами. Так как англичане уже занялись Бендер-Шахпуром, он решил заняться ом. Под его руководством инженеры начали сооружать новые пристани и причалы, был прорыт канал для больших грузовых судов, начали сооружение предприятия по сборке американских грузовиков. Военные инженеры взялись за старую дорогу от Хорремшехра до Ахваза и, привлекая множество местных рабочих, превратили ее в первоклассное шоссе. Начали также возводить завод по строительству барж для перевозки тяжелых грузов по реке Карун, соединяющей Ахваз с Хорремшехром.

В Абадане, недалеко от Хорремшехра, вниз по реке Шатт-эль-Араб, находится большой английский нефтеперегонный завод, производящий значительную часть авиационного бензина для войск союзников на Ближнем Востоке и в Индии. Весной 1942-го на сборочном заводе началась работа над бомбардировщиками Эй-20, которые Советский Союз запрашивал в больших количествах. Был также построен обширный аэродром для испытаний самолетов перед передачей их русским.

К весне 1942-го ежемесячный объем грузовых перевозок по Трансиранской железной дороге утроился. На ней были задействованы вагоны с Южно-Британской железной дороги, локомотивы из Индии, вместе с подвижным составом, который прежний шах получал из Германии. Иранские рабочие под руководством наших инженеров укладывали новые рельсы, привезенные из США. Начали прибывать американские локомотивы и вагоны, а также грузовики: "форды", "студебеккеры" и др. Строились новые дороги, ремонтировались старые, и вдоль главных путей возникли ремонтные мастерские. Новый завод по сборке машин вырос у дороги, ведущей в Тегеран.

В течение 1942 года тоннаж грузовых перевозок в Россию через Иран постоянно рос, по мере того как из США

поступали все новые техника и оборудование, а строительство портов и дорог под руководством генерала Уилера шло полным ходом.

В марте 1942 года начал работать и воздушный маршрут перегонки военных самолетов в Россию, и первые средние бомбардировщики Б-25 отправились из Майами через Африку в Иран, а оттуда — в Россию. В июле часть Эй-20, оснащенные дополнительным запасом горючего для длительного перелета, стали преодолевать весь этот воздушный путь полностью.

Сейчас сотни самолетов из нашей страны ежемесячно отправляются в Россию как через Иран, так и другими путями.

Главное бремя поставок в Советский Союз, которое приходилось на северный путь, ко времени окончания Московского протокола — 30 июня 1942 года — было распределено, благодаря налаживанию пути через Персидский залив и перевозок по Тихому океану, между нашим Западным побережьем и советскими дальневосточными портами.

Осенью 1942-го США, Великобритания и СССР подписали в Вашингтоне новый протокол о продлении программы помощи русским до середины 1943 года. К тому времени стало ясно, что, несмотря на появление новых дорог, транспорт все еще остается узким местом в организации помощи России. Рузвельт летом 1942 года в меморандуме, обращенном ко всем, кто занимался программой поставок Советам, выразил это так:

"...Реальный критерий — это возможность доставить эти материалы в Россию... Мы же должны иметь возможность сказать русским, что можем дать им почти все, что им требуется, но им следует перечислить эти товары в порядке наибольшей важности, мы же будем выполнять их заказы в порядке, ими указанном".

В соответствии с этой идеей Вашингтонский протокол был составлен в двух частях: в первой перечислялось максимальное количество боеприпасов и других военных

материалов всех типов, которые могли отправить в СССР США и Англия, а во второй указывалось, сколько всего материалов, по нашим данным, может быть перевезено на кораблях. Теперь русские могли выбирать, что можно было отправить на кораблях из числа материалов, отправку которых мы могли гарантировать. Это был реалистичный подход к проблеме. Дело в том, что мы производили для России больше военных материалов, чем могли отправить на кораблях. Поэтому русским следовало сообщить нам, в зависимости от меняющейся обстановки в Советском Союзе, что именно им следовало отправить на кораблях в тот или иной период.

В октябре 1942 года было решено, что США вместо Англии возьмут на себя основной контроль за организацией поставок в Россию через Иран. Это должно было облегчить англичанам возможность вести борьбу с врагом в Индии и на Ближнем Востоке. Командующим войсками в регион Персидского залива был назначен генерал-майор Д. Конноли, который привез в Иран команду хороших специалистов. Полковник Шинглер стал руководить транспортом, полковник Юнт — Трансиранской магистралью, генерал-майор Ридли стал начальником штаба национальных иранских формирований, полковник Шварцкопф, глава полиции Нью-Джерси, — советником иранской жандармерии. Были назначены и американские гражданские советники при иранском правительстве. Главным финансовым советником стал доктор Милспоуф, который прежде служил у шаха. В Иран было направлено несколько полков вспомогательных войск, из белых и цветных.

Переходный период занял несколько месяцев, но в марте 1943 года первый полностью американский грузовой поезд был отправлен по Трансиранской дороге в Тегеран. Американскими были дизельный локомотив и вагоны; машинист и все остальные люди, обслуживающие его, были из наших военных железнодорожников, а вез этот поезд грузы США для России.

Представители Управления по ленд-лизу в Иране Ф. Кид и Д.Т. Вашингтон прислали нам полное описание своих поездок по железным дорогам, в порты, на сборочные заводы и с конвоями грузовиков. Их отчеты совпадали и с сообщениями корреспондентов, ознакомленных ранней весной того же года с полной программой работ. Вспомогательные войска генерала Сомервела, основываясь на том, что было создано англичанами под руководством генерала Уилера, сделали свое дело великолепно.

К маю 1943-го объем поставок в Россию через Иран вырос в 2,5 раза по сравнению с окончанием периода английского управления и в 10 раз по сравнению с августом 1941 года и составлял свыше 100 000 тонн ежемесячно. С тех пор этот объем еще возрос.

Люис Дуглас из Управления военно-морских поставок держит американские корабли, приходящие в Персидский залив, не дольше, чем это нужно для их разгрузки. В новых доках, построенных американцами, разгружаются рядом новые американские "корабли свободы" и старые грузовые суда под британским флагом и флагами других стран Объединенных Наций. С помощью огромных портовых кранов, доставленных из США, идет выгрузка танков и локомотивов. Части самолетов и грузовиков, сталь, медь, телефонные провода, джипы, ящики с продовольствием ожидают отправки в путь через Иран.

В Абадане, где находится большой сборочный авиационный завод, готовые самолеты на близлежащем аэродроме проходят испытания, после чего на них закрашивают белую американскую звезду, рисуют красную звезду советских ВВС и передают их советским перегоночным экипажам для долгого перелета на русский фронт.

Части грузовиков и джипов отправляются на сборочный завод в Хорремшехре, где они после сборки будут отправлены на север. В Иране сейчас три большие группы грузовиков: одна подчиняется Управлению шоссейного транспорта американской армии, другая — Коммерческой корпорации Великобритании, а третья — советской

организации Ирансовтранс. Грузовики американской и английской групп отправляются в Тегеран или в транзитные пункты на границе советской оккупационной зоны. Там они передаются русским для дальнейшего путешествия по Ирану. Грузовики же, предназначенные для Красной Армии по ленд-лизу, следуют дальше, меняя на границе водителей.

Там уже построены сотни миль новых гравиевых и с твердым покрытием дорог. Однако мне рассказывали, что, проезжая по этим дорогам или по железной дороге, можно увидеть по сторонам поселки с саманными домишками, палатки кочевников и купцов с караванами верблюдов или ишаков, что заставляет вспомнить описания Марко Поло, сделанные во время его путешествия по Центральной Азии 700 лет назад. Руины старых крепостей безмолвно взирают на танки генерала Шермана, отправляемые на железнодорожных платформах в Россию или на станции обслуживания у новых дорог среди пустыни. На вашем поезде члены поездной бригады могут быть сержантами, служившими в "Нью-Йорк Сентрал" или выпускниками школ в Санта-Фе или Балтиморе, а водитель грузовика, на котором вы едете, может быть, прежде работал где-нибудь в Чикаго.

Американские солдаты и офицеры постоянно общались с советскими военными на авиационных сборочных заводах, а также в Тегеране и транзитных пунктах на севере Ирана. Они очень хорошо сработались, и между службами обеих стран развилось дружеское соперничество: американские военные стараются опередить советских, привозят на транзитные пункты товары раньше, чем русские успевают их оттуда забрать.

За время действия второго протокола, с июля 1942 года по июнь 1943-го, мы отправили в Иран, а также по другим маршрутам в Россию более 3 миллионов тонн различных грузов. Кроме того, они сами организовали доставку многих сотен самолетов. А так как корабли, следующие в Россию, переместились на более безопасные на-

правления, чем мурманское, то гораздо больше грузов из США теперь благополучно доставляется к месту назначения. В первые 9 месяцев выполнения нашей советской программы, когда почти все грузы доставлялись северным путем, 15% всего, что мы так или иначе отправляли в Россию, оказывалось на дне океана. В следующий год мы сократили потери с 15 до 2%.

Глава 20. Поставки-3 Советам

Поставки танков и самолетов — наиболее драматичная часть нашей помощи России по ленд-лизу, но, как показывает анализ последнего времени, пожалуй, не самая важная. Как говорил адмирал Акулин по прибытии в нашу страну, "поставляя нам сырье и промышленное оборудование, вы, конечно, увеличите боевую мощь Красной Армии значительно сильнее, чем отправляя нам значительное количество танков и самолетов".

С самого начала мы отправляли в Россию не только танки, но и сталь, не только самолеты, но и алюминий. Однажды летом 1942 года у русских возникли опасения, что их запасы алюминия истощаются с пугающей быстротой. В нашей стране целый состав, груженный этим [металлом], без остановок проследовал к Тихоокеанскому побережью. Американская медь и ее сплавы сейчас используются на советских военных заводах в производстве орудий и снарядов. Посылали мы туда и сталь для производства русского оружия и станков — все ее формы: инструментальная сталь, ее бруски, заготовки, листы, полосы, проволока, трубы. Кроме этих металлов мы поставляли также значительное количество химических веществ и более 100 000 тонн пороха, толуола и тринитротолуола для производства русских бомб и снарядов.

Довольно рано началась и другая часть промышленной помощи России. Речь идет о поставках рельсов для пострадавших от войны и чрезмерно перегруженных со-

ветских железных дорог; позднее мы отправили туда также много вагонов, паровозных колес, осей. Сейчас мы производим для России и локомотивы, а также сигнальные системы, чтобы значительно ускорить движение на некоторых важнейших русских магистралях.

Кроме поставок сырья и транспортного оборудования наша промышленная программа для России развивалась более медленно. Реальные результаты в программе поставок станков и фабричного оборудования мы получили не раньше середины 1942 года. Нам приходилось размещать заказы на американских заводах, уже задыхавшихся от их переизбытка. Приходилось нередко переводить незнакомую советскую спецификацию в американскую промышленную терминологию, прежде чем начать работать. Были и случаи, когда некоторые американские промышленники не желали производить какие-либо станки и оборудование для России.

И все же к концу июня 1943 года мы отправили в Россию на 150 миллионов долларов станков и различного промышленного оборудования: фрезерных станков, дробилок, режущего инструмента, электрических печей, молотов, электромоторов, оборудования для бурения нефтяных скважин. Это лишь небольшая часть образцов нашего станкостроения, но все-таки значительная помощь в укреплении боеспособности Красной Армии.

Мы осуществили и ряд проектов, связанных с малыми объемами поставок американской продукции, что, однако, имеет важное значение для русской военной промышленности. Один из них состоял в том, чтобы помочь советским специалистам произвести больше высокооктанового бензина. В 1942 году нацистом не удалось добраться до основных советских запасов нефти на Кавказе, но нефть и бензин играли значительную роль в поставках по ленд-лизу с самого начала, так как у русских были малые возможности по переработке нефти, особенно для получения авиационного бензина. Программа по нефтепродуктам содержалась еще в Мос-

ковском протоколе, но около года понадобилось для того, чтобы обеспечить необходимое оборудование. Однако с тех пор есть уже значительные успехи. Было куплено и отправлено в Россию 6 нефтеперегонных комплектов оборудования; заказано еще оборудование, и в значительной мере оно уже произведено и пошло по назначению.

После некоторой задержки была выполнена и программа выпуска шин, когда мы купили шинный завод компании "Форд" в октябре 1942 года. Все же прочее оборудование было отправлено в Россию в этом году. Фордовский завод делал шины для легковых машин и с начала войны почти полностью бездействовал. После поставок в Россию и возобновления работы с его помощью стало возможно производить не менее миллиона шин для грузовиков в год из русских запасов синтетической и натуральной резины. Это позволит сэкономить место на кораблях и уменьшить отток резины из наших собственных незначительных запасов.

Третья программа связана с генерацией электроэнергии для советских военных заводов в Зауралье и в опустошенных немцами районах, отвоеванных сегодня Красной Армией. Эта программа началась с трех портативных генераторов, изготовленных у нас для Китая, но после закрытия Бирманской дороги китайцы разрешили передать их России. Затем было куплено несколько наших тепловых электростанций, демонтировано и отправлено в Россию; сейчас производится другое оборудование.

Мы также стали производить специальные установки (sets) для железнодорожных вагонов, сами по себе являющиеся дизельными электростанциями, которые можно перемещать вслед за советскими войсками в ходе их продвижения.

Адмирал Стэндли, генерал-майор Бернс, У.Л. Бэтт и другие американские должностные лица, побывавшие в России, рассказывали, какое впечатление произвели на них огромные достижения советской военной промыш-

ленности. Будучи в Москве весной 1943-го, генерал Бернс посетил авиационный и пулеметный заводы и завод, производящий грузовики. Осенью 1941 года, когда русские вывозили из столицы максимальное количество станков и оборудования заводов, каждый из этих заводов привел к рождению нового предприятия. Множество станков было вывезено на новые заводы на востоке, которые теперь производят куда больше, чем предприятия, давшие им жизнь.

Однако и другие предприятия производят, по крайней мере, не меньше продукции, чем прежде, благодаря новым станкам, сделанным в России, США и Англии. На месте прежних трех заводов возникли шесть, и объем производства более чем удвоился. Руководителям заводов и их помощникам не сразу удалось указать генералу Бернсу станки, привезенные из США: основная часть станков русского производства. Но американские, присланные по ленд-лизу, работают рядом с советскими, обеспечивая общий объем производства.

Так как единственная цель ленд-лиза — как можно скорее добиться победы в этой войне, мы отправляем за границу станки и сырье, когда уверены, что там они принесут больше пользы для этой цели, нежели у нас дома. Конечно, во многих случаях эффективнее отправлять за границу готовые военные материалы: было бы смешно, например, строить авиационный завод на островке в Тихом океане, где нет ни фабричных зданий, ни сырья, ни энергии, ни квалифицированных рабочих. Но не менее смешно было бы позволить простаивать советскому, английскому или австралийскому авиамоторному заводу с их квалифицированными рабочими из-за нехватки нужной стали или станков, которые мы можем туда послать без всякого вреда для нашей промышленности; было бы смешно снабжать Красную Армию так всем нужным высокооктановым бензином, если у русских есть своя нефть и им нужно только получить побольше оборудования для ее переработки.

При всей обширности наших ресурсов мы отнюдь не можем поставлять другим все оружие, всю нефть, все продукты, необходимые для победы. Для быстрого, как мы того желаем, наступления победы нам надо правильно использовать все ресурсы США: людей, промышленность, фермы, природные богатства. Посылая за границу технику отдельными партиями, мы помогаем открыть новые резервы в самих союзных странах для достижения победы. Выполняя производственные программы для России и других союзников, мы в каждом случае исходим из одного критерия: "Посылая это оборудование, поможем ли мы нам и союзникам быстрее выиграть войну?"

Первоначально на кораблях, отправлявшихся в Россию, все место, не занятое оружием, заполняли промышленные товары, среди которых постепенно все большее значение приобретала третья их категория. Вместе с Украиной Советский Союз потерял почти все районы производства сахара из свеклы и около одной трети объема зернового производства. Нацистские захваты обернулись для советских людей и потерей значительной части производства свинины, картофеля и овощей. В декабре 1941 года мы начали проводить недельные конференции с советскими представителями и представителями Министерства сельского хозяйства, чтобы определить возможность удовлетворения потребности России в продовольствии. Заседали с нами и представители продуктовых ведомств Англии и Канады, так как канадская пшеница, как и продукты из других частей Британского Содружества, тоже были нужны России.

В первые месяцы 1942 года продуктовые поставки в Россию почти целиком сводились к муке, пшенице и сахару, но Советская правительственная закупочная комиссия, думая о будущем, сделала запрос на большое количество мясных консервов, жиров и масла. В России вообще не хватало продуктов, но особенно белков и жиров, необходимых для поддержания боеспособности войск. С самого начала войны из-за постепенно обостряющегося продовольственного кризиса в России вынуждены были ввес-

ти очень жесткое нормирование продуктов. Рабочие на военных заводах до сих пор получают не более двух третей рациона, который мы считаем минимально необходимым для поддержания хорошего здоровья, а "белые воротнички" и специалисты — и того меньше.

Будучи в России, генерал Бернс обнаружил, что обычно русский крестьянин на завтрак и обед ест черный хлеб и пьет варево, настоянное на листьях, заменяющих чай. На ужин — миска супа из картошки. Подобно англичанам, русские проявляют особую заботу о будущих своих гражданах. Американские представители, побывавшие в России, рассказывали мне, что дети там почти везде выглядят здоровыми. Однако взрослые, не работающие на войну, не получают почти ничего и сильно страдают от недоедания.

Лучше всего в сегодняшней России питается Красная Армия. Здесь жертвуют всем ради воинов, а продуктовые поставки по ленд-лизу тоже помогают поддерживать их высокую боеспособность. По разнообразию еда их весьма далека от питания американских солдат, но по питательности рацион красноармейцев почти не уступает рациону наших солдат.

Чтобы поддерживать питание в своей армии на должном уровне, русские в течение 1942 года не раз делали запросы на продуктовые поставки по ленд-лизу, особенно на мясные консервы, жиры, сушеные бобы и горох, сушеные овощи и фрукты, но поставки всего этого были еще невелики, ибо потребность в военных материалах оставалась столь насущной, что большие продовольственные поставки начались не ранее октября 1942 года, когда немцы захватили богатый сельскохозяйственный Северокавказский регион. Тогда необходимость продуктовых поставок быстро возросла, и к декабрю продуктам иногда отдавался приоритет перед сталью.

Значительная часть продовольствия в Россию поступает в виде концентратов, яичного порошка, сгущенного и порошкового молока, дегидрированных овощей. Имен-

но в продуктовых поставках России проявилась особая ценность нашего метода обезвоживания продуктов, который мы применяем с 1941 года. Наши линии снабжения русских фронтов тянутся через полмира. Посылая в Россию один корабль с картофелем вместо десяти и один корабль с яйцами вместо семи, благодаря их обезвоживанию, мы существенно увеличиваем объем продуктовых поставок в эту страну и освобождаем много места на кораблях, в поездах, на грузовиках, так необходимого для других военных грузов.

Мясо для советской армии представляло собой, по большей части, консервированную или мороженую свинину и баранину. Есть в России и один особый продукт, именуемый *тушенкой* (слово написано по-русски, латинскими буквами. — *Перев.*). Это консервированная свинина, приготовленная по русскому рецепту, которая теперь производится на нескольких заводах у нас в стране и представляет собой куски свинины, законсервированной с топленым свиным жиром, приправленной лавровым листом и другими специями. Полученный продукт хорош в горячем виде, можно его есть и холодным, из банки, — по крайней мере, так говорят советские солдаты. Мы производим еще в дегидрированном виде традиционный русский суп — *борщ* из толченой свеклы, как и другие русские супы: картофельный, луковый, морковный. Они укладываются в пакетики площадью два квадратных дюйма — не больше коробка безопасных спичек. При добавлении воды в такой пакетик он превращается в суп, заполняющий большую миску.

Несмотря на нехватку жиров в России, мы были не в состоянии отправлять туда много сливочного масла, поставляя вместо него свиной жир, съедобное льняное масло, арахисовое масло — заменители сливочного, как маргарин. До 30 июня 1943 года мы отправили в Россию всего около 12 000 тонн сливочного масла — менее 1% объема нашего производства. Больше ни в одну страну поставки сливочного масла не планировались. Советская сторона

просила его специально для своих раненых, для восстановления их сил в госпиталях.

Хотя наши поставки продовольствия в Россию были велики, они, вероятно, лишь в малой мере отвечали потребности Красной Армии в калориях, и ничего не оставалось гражданскому населению. Но если говорить о белках, витаминах и минеральных веществах, то, конечно, ценность этих продуктов гораздо больше. Думаю, что без продовольствия, поступающего из США, пришлось бы или значительно снизить нормы питания красноармейцев, или ниже опасного предела сократить рацион рабочих военных заводов, чтобы сохранить на высоком уровне боеспособность Красной Армии.

Но мы не ограничиваемся поставками продуктов, чтобы обеспечить продовольствием русских солдат. Подобно тому как мы отправляем в Советский Союз технику для производства русскими авиационного бензина своими силами, мы поставляем туда семена, чтобы русские сами увеличили количество продовольствия. В 1942 году в Россию по воздушному пути через Иран были доставлены первые семена ко времени весеннего сева. С тех пор мы отправили туда более 9000 тонн семян. Эти семена были использованы для освоения целинных земель на равнинах Сибири, а также для возрождения опустошенных земель в районах, отвоеванных у нацистов.

К середине 1943 года, хотя мы осуществили примерно только три четверти поставок от предусмотренного их объема, общие цифры, характеризующие нашу помощь России, оказались впечатляющими: 4100 самолетов, 138 000 грузовиков и джипов, 912 000 тонн стали, 1 500 тысяч тонн продовольствия и большое количество многих других военных материалов. Великобритания также продолжает поставлять в большом объеме вооружения и сырье России. С середины 1943 года обе наши страны осуществляют свою помощь русским согласно графику, намеченному третьим протоколом, и количество поставок все более увеличивается.

В ответ на всю эту помощь Россия уже внесла свой вклад, не измеряемый ни в долларах, ни в тоннах. Это — миллионы нацистских солдат, убитых или попавших в лагеря для военнопленных; это — нацистские танки, уничтоженные в боях, и нацистские пушки и грузовики, брошенные отступающими немецкими армиями. Русские заплатили тяжкую цену за победы, одержанные в боях ради защиты родной земли от врага, но при этом они нанесли и непоправимый ущерб нацистской военной машине, значительно сократив сроки войны.

Глава 21. Помощь непокоренным

Из большинства газетных заголовков мы узнаем о победах армий США, России, Британского Содружества и Китая, но из рассказов, идущих под этими заголовками, мы то и дело узнаем, что не только эти силы противостоят странам оси. Мы читаем, что норвежские моряки помогали прикрывать высадку в Северной Африке, голландские летчики бомбили японцев в Новой Гвинее, греческий корабль участвовал во вторжении на Сицилию, польские и бельгийские эскадрильи входят в состав английских ВВС, чешские солдаты воюют в России вместе с красноармейцами, югославы участвовали в атаке английских войск на Эль-Аламейн, "Сражающаяся Франция" уничтожает итальянские гарнизоны в Ливии, филиппинское военное судно присоединилось к американскому антилодочному патрулю. Все это — военные силы народов, чью родину захватил враг. Они продолжают сражаться в изгнании. Это — непокоренные.

Первое правительство в изгнании образовалось в Париже в сентябре 1939 года, за год до того, когда после Мюнхена Эдуард Бенеш, чешский президент, поняв, что с независимостью его страны покончено вплоть до победы над нацистами, отправился в добровольное изгнание готовить создание свободного чехословацкого правительства. Когда началась война оно было образовано.

"Свободная Чехословакия" присоединилась к англичанам, французам и полякам в войне против Гитлера. Новое правительство собирало под знамена чехов в союзных и нейтральных странах, помогало им бежать от нацистов. Вскоре чешские батальоны сражались во Франции, а после ее капитуляции перебрались в Англию, чтобы продолжать борьбу. Это были первые национальные силы в изгнании, но за ними потом последовали сотни тысяч из других стран, а многие из оставшихся на родине продолжали подпольную борьбу внутри гитлеровской европейской зоны.

Некоторые правительства в изгнании, потеряв свои страны, сохранили обширные колониальные владения и продолжали поставлять сырье для военной промышленности союзников; были и такие, у которых сохранились золотые резервы в странах-союзниках и большие торговые флоты. Но у некоторых не осталось буквально ничего, кроме мужчин и женщин, которым удалось избежать террора стран оси. Эти правительства в изгнании употребили оставшиеся ресурсы на ведение войны, а своих людей отправляли на фронты. Когда было недостаточно их собственных средств, другие страны Объединенных Наций помогали им сражаться за свободу их отечеств. Первоначально основную помощь такого рода оказывала Великобритания; в значительной мере это продолжается и теперь, но с 11 марта 1941 года помощь по ленд-лизу получают все правительства в изгнании, кроме Филиппин, чьи военные силы соединились с нашими еще до освобождения страны. После нападения нацистов на Россию она вместе с нами и Англией стала поставлять оружие непокоренным.

Люди непокоренных народов предоставили союзникам торговый флот, способный вместить до 10 миллионов тонн товаров. После вторжения в их страны войск держав оси команды многих кораблей, сняв суда с якоря, отправились в порты союзников, оставляя нередко дома даже и семьи. Так же поступали команды кораблей и в открытом

море, невзирая на требования противника по радио идти в порты стран оси или нейтральных стран.

Эти-то торговые суда всех видов и водоизмещений, от норвежского флота общим водоизмещением в 50 миллионов тонн до 5 филиппинских кораблей, ушедших от японцев, сыграли существенную роль в битве на море. В страшные месяцы, когда после падения Франции судьба Англии висела на волоске, они почти на 50% увеличили тоннаж Британского торгового флота, помогая перевозить в Англию из-за морей военные материалы, в которых она так остро нуждалась. Только Норвежский торговый флот перевез на Британские острова 50% нефти и бензина и 40% продовольствия в ходе битвы за Англию. 6 июня 1941 года по Закону о ленд-лизе оборона Норвегии была провозглашена жизненно важной для национальной безопасности США. Норвегия тогда была полностью в руках нацистов, но большинство кораблей ее торгового флота оставались свободными, и их сохранение было очень важно для Англии, поскольку норвежцы хотели продолжать борьбу. В дальнейшем многие норвежские суда были вооружены по ленд-лизу и ремонтировались на американских верфях. По мере того как право ленд-лиза распространялось на другие непокоренные народы, такую же помощь получали корабли Греции, Голландии, Югославии, Польши и других стран. Помощь эта была им очень нужна. На кораблях правительств в изгнании не было корабельных и зенитных орудий, не было противоминных средств. Англичане, сами будучи в тяжелом положении, не могли все их вооружить, и сначала многие пускались в плавание будучи безоружными, полагаясь только на защиту конвоев.

Кроме вооружения этих торговых судов США помогают готовить артиллерийские расчеты для них. На Трэверс-Айленде, около Нью-Йорка, например, была открыта школа на 450 человек для обучения норвежских артиллеристов. По окончании ее они считаются моряками Королевского Норвежского флота. В Англии есть школа артиллеристов для Голландского флота.

Эти торговые флоты продолжают поставки в Британию, а кроме того, участвовали в ряде других опасных операций: эвакуации с Крита, снабжении изолированного английского гарнизона в Тобруке, в конвоях на Мальту и по опасному Северному пути на Мурманск, во вторжениях в Северную Африку, Сицилию и Италию; они курсируют также по водным путям Тихого океана.

Военные корабли, лодки, самолеты стран оси нанесли ущерб и этим флотам: бельгийцы потеряли до 60% состава, норвежцы — около 40%, не меньше и голландцы. Часть кораблей потоплена, другая сильно пострадала во время боев. Корабли ремонтируют в английских портах и по ленд-лизу — в американских, но потери не прекращаются. Для непокоренных народов такие потери особенно серьезны: ведь их собственные верфи сейчас в руках захватчиков. Столетиями Норвегия, Голландия, Греция считались морскими нациями, и для них особенно неприемлема перспектива встретить послевоенное будущее с остатками прежнего флота. Чтобы частично возместить потери, Англия разрешила правительствам в изгнании участвовать в ограниченной программе своего торгового судостроения, а Америка передала им некоторые корабли по ленд-лизу. Так, Норвегия получила от англичан 18 кораблей на 187 000 тонн, а США по ленд-лизу — 8 кораблей на 79 600 тонн.

16 сентября 1942 года президент передал Норвежскому флоту американский противолодочный корабль, названный "Король Хакон". Принимая его, кронпринцесса Марта так оценила значение американской помощи: "Вести о быстро растущей американской армии, росте американской боевой мощи, пламенном духе американских войск... каждый день придают нашему народу, переживающему тяжелые испытания, веру, что с таким союзником он не пропадет".

Объединенные Нации добьются своего. Однако их победа будет в значительной мере ускорена благодаря военным кораблям непокоренных народов. Прежде чем эти суда

удалось вывести из национальных вод, они понесли большие потери. Но моряки стремились увести в изгнание любое суденышко, даже сильно пострадавшее, лишь бы ничего не досталось врагам. Голландцы, покидая Нидерланды, сумели даже отбуксировать в Англию недостроенный эсминец "Исаак Сиверс", который был потом достроен и два года участвовал в тяжелых боях на стороне союзников, прежде чем погиб в морском сражении при вторжении в Северную Африку.

Англичане передавали правительствам в изгнании эсминцы, корветы, минные тральщики, подводные лодки. Поляки получили в пользование крейсер "Дракон", теперь крупнейший в их флоте, а норвежцы — четыре эсминца, полученных от нас в обмен на базы. Один из этих прежних наших эсминцев, английский "Уэллс", получил команду из матросов разных национальностей, бежавших от фашизма, говорящих на французском, испанском, датском, итальянском и немецком языках. Наша страна также помогала перестраивать военные суда непокоренных народов и передавала им по ленд-лизу противолодочные корабли, минные тральщики и траулеры.

Теперь эти корабли сражаются вместе с нашими на всех океанах. Польские моряки участвуют в мурманских конвоях и операциях в Ла-Манше и потопили 45 кораблей врага, включая 10 подлодок; греки участвуют в важных операциях в Средиземноморье; норвежцы — в атлантических конвоях и в Красном море; голландский флот — в военных операциях в Атлантическом и Тихом океанах.

Все активнее участвует в боевых действиях и авиация правительств в изгнании: голландские летчики воюют на юго-западе Тихоокеанского региона на средних бомбардировщиках, полученных по ленд-лизу; югославы скоро будут летать в составе нашей 14-й авиационной части. На Британских островах, в Северной Африке, в Италии действуют тысячи пилотов правительств в изгнании. Только в английских войсках до 10 000 польских летчиков, совершивших около 600 рейдов в Европе и против кораблей

противника. Голландцы, чехи, норвежцы, бельгийцы сражаются в составе британских ВВС и помогают перегонять самолеты на фронты.

Большинство самолетов им поставляет Англия, но часть их и значительное количество оборудования они получают из США. Некоторые из этих стран начали приобретать у нас самолеты еще во времена покупок за наличные. Так, Норвежская закупочная миссия еще в 1940 году сделала у нас заказ на "дугласы", "локхиды", "норторпы" и др. Эти заказы были готовы лишь к декабрю, когда Норвегия пала, но норвежское правительство в изгнании купило эти самолеты. 24 бомбардировщика типа "Норторп" входят в состав норвежской авиации, базирующейся в Исландии, участвуя в охране конвоев, а остальные использованы для создания летной школы в Канаде, известной под названием "Маленькая Норвегия". Туда поступили на обучение около 1000 норвежских кадетов. После принятия Закона о ленд-лизе мы посылаем туда больше тренировочных самолетов, наземного оборудования и других материалов.

Большая часть летного состава правительств в изгнании проходит подготовку по программе Британского Содружества в Англии, Индии, Канаде, Южной Африке, а часть из них — в Америке. Одна из самых больших групп обучаемых состоит из голландцев, которые стали прибывать к нам с мая 1942 года и обучались в Форт-Ливерворте, Гвелфе, а также в Джексоне, Миссисипи, где по ленд-лизу был создан учебно-тренировочный центр. Там эти кадеты обучались под началом преимущественно голландских инструкторов, имевших значительный военный опыт операций против держав оси. Один из них был взят в плен нацистами в Голландии, но бежал, добрался до Ост-Индии и сражался там с японцами до ее оккупации, но ему снова удалось спастись. Многие из первых 600 голландских кадетов уже воюют в Тихоокеанском регионе под командованием Макартура. Среди них есть "эскадрон инкогнито", чьи имена держатся в тайне: у них остались семьи

в оккупированной японцами Ост-Индии. Когда выпускники летной школы отбывают в Австралию, в Джексонский центр прибывают новые кадеты, которым тоже в скором времени предстоит сражаться с японцами.

Когда в мае 1941-го был захвачен нацистами Крит, от греческой авиации осталось всего лишь два самолета, но многие летчики ушли от немцев в Египет и на Ближний Восток. Там они получили английские и американские самолеты и участвовали в боях в составе английской авиации. Только 23 июля 1943 года возрожденные ВВС Эллады нанесли первый удар по врагу на греческой земле. Греческие и британские самолеты приняли участие в совместном дневном налете на Крит, уничтожая нацистские аэродромы, огневые точки, боеприпасы и радиостанции.

Мощь авиации непокоренных стран постоянно растет благодаря помощи англичан и американцев.

В июне 1941 года, через день после того, как Петен запросил о перемирии, генерал де Голль, эмигрировавший в Англию, выступил по радио с призывом:

— Франция проиграла сражение! Но она не проиграла войну... Поэтому я призываю всех французов, где бы они ни были, объединиться со мной ради действия, ради жертвы, ради надежды.

Во французских колониях, Экваториальной Африке, Камеруне, Новой Каледонии многие соотечественники де Голля стали его сторонниками.

Эти французские колонии, как и Бельгийское Конго, поддержавшее бельгийское правительство в изгнании, стали важными источниками сырья для Объединенных Наций. Оттуда поступали медь, олово, кобальт, каучук, пальмовое масло, а в Бельгийском Конго производилась большая часть промышленных алмазов для Объединенных Наций. Мы посылали туда по ленд-лизу технику, чтобы увеличить производство этого важнейшего сырья, а также оборудование для строительства дорог, материалы для ремонта железных дорог и речных судов, чтобы наладить там работу транспорта.

Людские ресурсы французских и бельгийских колоний также сыграли важную роль в борьбе. Тысячи бельгийцев из колониальных войск присоединились к англичанам во время освобождения Эфиопии от итальянцев, а французы вместе с англичанами и южноафриканцами участвовали в освобождении от итальянцев Французского Сомали. Позже "Сражающаяся Франция" присоединилась к 8-й армии в Ливии.

Значительное число солдат войск правительств в изгнании участвовали в боях на Средиземноморском театре военных действий. Греки и югославы, покинувшие родину после катастрофы на Балканах, стали сражаться на Ближнем Востоке. В 1941 году "Сражающаяся Франция" организовала набор своих соотечественников в Сирии для участия в войне. В 1942 году к ним присоединились 100 000 поляков, проделавших путь из России через Иран на Ближний Восток. Позднее появились и югославские формирования, интернированные итальянцами в Ливии и освобожденные 8-й армией после Эль-Аламейна. Англичане взяли на себя основные заботы о снабжении этих новых воинских контингентов, но и мы поставляли им по ленд-лизу оружие и другие военные материалы. Сейчас эти беженцы превратились в военную силу в несколько сотен тысяч человек. Они хорошо себя показали во время Африканской кампании и, несомненно, сыграют важную роль в освобождении своих соотечественников в Европе. Военные стран оси на всех фронтах сталкиваются с солдатами из "покоренных" ими государств. Символичной стала история одного нациста, захваченного в плен поляками в Ливии, который сетовал: "Я дрался с поляками в Польше, дрался с ними в Норвегии, дрался во Франции, а теперь они взяли меня в плен в Ливии".

Воины непокоренных народов действительно повсюду. В России поляки, одетые в английскую форму и вооруженные русским оружием, воюют плечом к плечу с красноармейцами. В Англии помимо других национальных формирований есть бельгийские артиллерийские и пехотные

части. Находящиеся в Англии норвежские коммандос, обученные в Канаде и Шотландии, уже готовы к рейдам по освобождению от нацистов родной земли. Воины непокоренных народов несут службу и в Западном полушарии: в Карибском море, на Кюрасао и Аруба, откуда мы получаем нефть и авиационный бензин; в южноамериканской Нидерландской Гвиане, откуда нам идут бокситы и алюминий. Им мы также поставляем военные материалы по ленд-лизу.

Но основная масса их соотечественников пока живет в оккупированной нацистами Европе или на захваченных островах в Тихом океане. Миллионы их погибли, миллионы познали ужасы тюрем и концентрационных лагерей. Нацисты и японцы сделали все, чтобы сломить духовно и физически этих людей, но они продолжают героически сопротивляться.

Пока Европа не освобождена, США вместе с другими Объединенными Нациями используют возможности ленд-лиза, чтобы немного облегчить страдания тех, кто остался в Европе. Мы организовали отправку раз в месяц 11-фунтовых продуктовых посылок для 56 000 польских и 140 000 югославских военнопленных в странах оси. Польское и югославское правительства в изгнании неспособны обеспечивать своих соотечественников посылками, подобными тем, что получают английские и американские военнопленные, и этим пользуются нацисты для обмана людей: демонстративно "распределяя" эти посылки ленд-лиза среди американских и английских пленных на виду у поляков и югославов, они говорят последним, что их союзники о них забыли...

Мы посылали еду и одежду и польским беженцам, а осенью 1942-го американцы с канадцами стали отправлять продовольствие голодающим людям в Грецию. Продукты на шведских судах, переданных Красному Кресту, отправляются в афинский порт Пирей с разрешения нацистов. Канадцы поставляют туда пшеницу, а мы — сушеный горох и фасоль, супы из концентратов и сгущенное

молоко. Шведские и швейцарские уполномоченные наблюдают за тем, чтобы продукты поступали строго по назначению. Всего этого, конечно, очень мало.

Задача подлинного возрождения оккупированных стран может быть выполнена лишь после освобождения Европы. Теперь этот день стремительно приближается, и военные силы непокоренных народов вносят свой вклад в разрушение гитлеровской крепости извне, тогда как партизаны и подпольщики ослабляют ее изнутри.

Глава 22. Визит в Великобританию военного времени

В 1.30 15 июля 1942 года швейцар впустил меня в здание на Даунинг-стрит, 10. Вместе со мной был У. Баллит, прибывший с поручением от военно-морского министра Нокса. Так как заседание Военного кабинета еще продолжалось, мы спустились в маленькую гостиную, чтобы подождать, когда освободится премьер-министр. Вскоре миссис Черчилль пришла поприветствовать нас. Ее радушный прием, огонь в камине, вид на английский сад из окна — все выглядело так, как будто я навестил друзей в тихом городке, а не нанес визит премьер-министру Великобритании в военное время.

Я, несмотря на мою занятость в Вашингтоне, прибыл в Лондон, чтобы посмотреть, что такое наша программа ленд-лиза на деле. Я считал, что надо не только изучать донесения от наших миссий за рубежом, но и непосредственно знакомиться с положением дел. Англия к нам ближе всего, и там я мог добиться своей цели за то короткое время, каким располагал.

Я уже был свидетелем выражения благодарности со стороны обычного англичанина за нашу помощь по ленд-лизу. На остановке в Бристоле начальник станции, узнав, что я американец, имеющий отношение к ленд-лизу, бросился ко мне, представился и сказал, что его сын в числе

многих других британских кадетов учится в США, в районе Олбани (Джорджия), на военного летчика по программе ленд-лиза. Сын пишет отцу, что наши люди "очень дружелюбные", а еда "замечательная". В манерах этого начальника станции не было британской чопорности, он благодарил нас от всей души. На прощание он сказал:

— Вы, американцы, так заботитесь о наших ребятах, и мы вам так признательны!

Я вспомнил наш разговор по дороге с одним американским газетчиком, который заметил: "То, что союзники стоят плечом к плечу, как и солдатские письма домой, сделают больше для создания Объединенных Наций, чем все, что могла бы напечатать об этом наша газета".

И вот теперь я жду беседы с английским премьером, который должен нарисовать общую картину ленд-лиза в Англии, прежде чем начну знакомиться с положением дел сам. Минут через десять явился и сам мистер Черчилль и приветствовал нас не менее радушно, чем при нашей встрече в Америке в январе. Он проводил нас в маленькую столовую, где стальные балки над головой напоминали нам о воздушных налетах на Лондон.

За простым обедом, который можно было себе позволить исходя из жестких английских продуктовых норм, мы быстро переключались с одного вопроса на другой. Вскоре, однако, разговор коснулся битвы в Египте. Роммель в районе Эль-Аламейна собирал силы для нового наступления на Суэц. Его успех означал бы потерю всего Ближнего Востока. Японцы и немцы могли бы соединиться в Азии, расколов Объединенные Нации надвое.

Я видел, что под напускным оживленем Черчилль скрывает тревогу. Это были самые тяжелые дни для Великобритании после катастрофы в Греции и на Крите. Он знал, какому суровому испытанию подвергается дух английского народа, и собственные моральные и умственные силы премьера были чрезвычайно напряжены. Но при всей тяжести положения в Египте Черчилль говорил только о наступлении, о вытеснении немцев и итальянцев из

Египта, а потом из Ливии. Он не раз вспоминал об американских летчиках, воевавших в Египте, о пути из Америки вокруг Африки, о наших поставках по ленд-лизу английской 8-й армии. Он был уверен, что мы удержим Ближний Восток.

— Надеюсь, мы подарим вам победу, прежде чем вы вернетесь в Америку, — заключил Черчилль.

Он не так уж и ошибся: вскоре после моего возвращения домой последнее наступление Роммеля на Суэц было отбито.

Когда мы кончили обедать, миссис Черчилль удалилась, оставив нас обсуждать военные поставки. Черчилль достал старинной работы серебряную коробочку и вручил мне. Оказалось, что это табакерка.

— Нюхательный табак. Попробуйте, — предложил он.

Я отказался, но он понюхал щепотку табака и чихнул с таким явным удовольствием, что и я решил попробовать. Оказалось. что это вовсе не так неприятно, как я думал.

Мы обсуждали важнейшие проблемы, связанные со снабжением всех фронтов: тихоокеанского, китайского, индийского, средиземноморского и русского, говорили о потопленных кораблях, число которых тогда превышало число новых; о великих битвах на море в том году на морских путях к Мурманску и Мальте. Говорили мы и об идее общего резервного объема военных ресурсов Объединенных Наций, которые надо всегда распределять соответственно нуждам нашей общей стратегии. Черчилль рассказал мне о разочаровании в Англии, когда в январе значительная часть самолетов, предназначенных для них, так и не поступила из-за того, что в самолетах была более острая необходимость в России и на Тихом океане. Впрочем, англичане понимали причину этого, и сами они ранее отправили в Россию более 1200 самолетов и 1300 танков, хотя танки и самолеты нужны были и на Ближнем Востоке.

Когда мы говорили о самолетах, Черчилль подробно рассказал о бомбардировках противника под нача-

лом маршала Гарриса. Премьер был уверен, что массированные налеты поставят немцев на колени. Я вспомнил встречу с Гаррисом за год до того в Вашингтоне, когда он излагал свою идею массированных бомбардировок. Через несколько месяцев его вызвали опять в Лондон, чтобы дать возможность претворить идею на практике. В ночь на 3 марта 1942 года налет на пригород Парижа Биланкур положил начало авиационному наступлению союзников. Такие налеты становились все более массированными, а через 3 месяца свыше 1000 самолетов приняли участие в налете на Колонь. Все эти рейды провели английские ВВС, но незадолго до моего прибытия в Англию, 4 июля, первые американские бомбардировщики пересекли Ла-Манш вместе с английскими. Пока, по словам Черчилля, их было немного, но ведутся подготовительные работы, чтобы принять большое их количество.

Когда пришло время уходить, премьер сказал, что нам надо погулять в саду. Два часа мы проговорили исключительно о снабжении фронтов, когда же возвращались в его резиденцию, Черчилль заговорил о будущем.

— Мы сейчас связаны военным сотрудничеством, — сказал он, — и после войны должны установить прочный мир, оставаясь партнерами.

Через два дня после меня в Лондон под большим секретом прибыли генерал Маршалл, адмирал Кинг и Гарри Гопкинс, чтобы совместно с генералом Эйзенхауэром и высшими английскими офицерами принять решение по Североафриканской кампании. Мы остановились в одной гостинице, и в выходные у меня были продолжительные беседы с Маршаллом и Гопкинсом. Я узнал, что все военные считают само собой разумеющимся, что только с помощью тесного и полного сотрудничества и совместного с англичанами командования американцы в состоянии предпринять успешное наступление. И в этом сотрудничестве очень важную роль должна играть программа ленд-лиза и "обратного ленд-лиза".

В первые дни по прибытии в Англию я много общался с Гарриманом, который тогда успешно вел дела, связанные с ленд-лизом в Лондоне. Его всесторонняя осведомленность в делах английских военных ведомств показала, что именно благодаря его компетентности он смог превратить нашу миссию здесь в действенное орудие сотрудничества Объединенных Наций. В это же время прибыл Ф.Д. Рид, ставший способным помощником и партнером Гарримана и представлявший Дональда Нельсона в Совместном совете по производству и ресурсам, только что созданном премьер-министром.

Гарриман помог мне так спланировать свое время, чтобы в месячный срок наиболее подробно ознакомиться с операциями по ленд-лизу в Британии. Мне удалось переговорить со многими английскими государственными лицами: в кабинетах, на заседаниях и во время обедов. Иден — министр иностранных дел, сэр Вуд — канцлер казначейства, полковник Лиуэлин — министр авиапромышленности, А.У. Александер — лорд адмиралтейства, сэр Синклер — статс-секретарь по авиации, лорд Черуэлл — профессор физики и прекрасный советник премьера и многие другие рассказывали мне о том, какое значение имеет ленд-лиз для ведения войны Англией. Лорд Летерз — министр военного транспорта уверял меня, что программа поставок судов по ленд-лизу спасла положение в худший период "войны подводных лодок" летом 1941 года. Министр труда Э. Бивен ознакомил меня с некоторыми цифрами относительно того, насколько поставляемая нами техника облегчила положение при серьезной нехватке рабочей силы в их стране. Он также сообщил мне, что организовал отправку 250 000 рабочих на строительство баз и лагерей для прибывающих американских войск.

На долю лорда Каттоу, старого друга моего отца и лорда Кейнса из Министерства финансов выпало ознакомить меня с данными о финансовом положении Англии. Первый из них был бизнесмен, второй — ведущий английский экономист; оба работали в правительстве в прошлую войну и

сейчас снова стали советниками по финансовым вопросам. Во время ряда встреч они дали мне полную картину ленд-лиза в их стране. Мы, американц, часто думали, что главная проблема Англии связана лишь с нехваткой долларов. Оказалось, однако, что эти проблемы гораздо серьезнее. По сравнению с Америкой Англия располагает ограниченными природными ресурсами, поэтому ей в течение ряда десятилетий приходится, чтобы свести концы с концами, импортировать сырье для промышленности, продукцию которой англичане продают в другие страны. В отличие от них мы располагаем, и в значительной мере, собственным сырьем и гораздо больше товаров продаем на внутреннем рынке. В отличие от нас Англия ввозит и значительную часть необходимого ей продовольствия, а с началом войны англичанам вдобавок пришлось ввозить большие количества боеприпасов и сырья для их военного производства. Пришлось увеличить закупки за границей, но и продавать надо было как можно больше, чтобы иметь всегда нужный запас валюты. В 1940 году правительство поощряло промышленников вывозить как можно больше своих товаров при условии, если товары не непосредственно для военных нужд. Экспорт значительно возрос, а импорт продовольствия и обычных гражданских товаров был урезан. Англичанам было чрезвычайно трудно соблюдать баланс, и они оказались в очень невыгодном положении. Им ведь приходилось производить бомбы, а не товары мирного времени, которые можно продать в дружественные страны. Их валютные резервы быстро таяли, и это касалось не только долларов, но, например, песо для покупки мяса в Аргентине и любых других видов иностранной валюты. В 1941 году, когда ситуация с долларами стала критической, появился ленд-лиз а в 1942-м, когда британские резервы в Канаде почти истощились, канадское правительство выделило Англии первый грант в миллиард долларов. Самые тяжелые английские валютные проблемы были решены, и теперь англичане не так заинтересованы в экспорте продукции и могут подключить больше заводов к производству вооружений.

Но в других частях света финансовая напряженность империи сохраняется. Британское правительство несет основное бремя расходов по войне в Индии, на Ближнем Востоке и во всех своих колониях; оно финансирует семь армий в изгнании и поставляет много военных материалов России и Китаю. При этом с 1941 года английский коммерческий экспорт постоянно сокращался и, например, в страны за пределами Содружества сократился примерно наполовину по сравнению с предвоенным периодом. Даже внутри Содружества он сокращается, несмотря на большие потребности Индии и доминионов в военных товарах. Конечно же, увеличилась и задолженность Англии. В отличие от нашей страны в Великобритании она не носит характера национального, внутреннего долга. Армия должна большие суммы и другим странам. Около половины зарубежных активов ушло за четыре года на оплату войны, которую мы ведем вместе.

Сейчас продолжается борьба за кредитоспособность, и в долларах, и в любой другой иностранной валюте. Каттоу и Кейнс дали мне основные факты по этой проблеме и показали балансовые расчеты военной Британии, говорившие сами за себя. Они мне сказали, что если бы не программа ленд-лиза, дело это было бы безнадежным.

Такого рода обзорные беседы были довольно информативными, но мне хотелось знать данные, касающиеся производства, и больше всего самому увидеть, как англичане используют сырье и технику, получаемые по ленд-лизу. Чтобы составить об этом представление, следовало ознакомиться со всеми аспектами английского военного производства и работы там на войну в целом.

Для начала министр промышленности Оливер Литтлтон дал обед, на котором я имел возможность встретиться со многими английскими чиновниками, знакомыми с этой проблемой. Литтлтон и сэр Синклер, который должен был отбыть в Вашингтон как представитель министра промышленности в Совместном совете по производству и ресурсам, ввели меня в курс дела, а более подробные све-

дения я получил позднее, во время многочисленных встреч с чиновниками Министерства промышленности и Министерства поставок. Каждое министерство представляет в Комитет по распределению данные о своих потребностях. Затем эти потребности анализируются и приводятся в соответствие с возможностями. Что-то урезают, чему-то пытаются найти замену, могут и отказать в просьбе, которая в обычных условиях была бы удовлетворена. Мне сказали, что приоритеты четко установить невозможно, и я согласился: аналогичную точку зрения я сам отстаивал в Вашингтоне. Тогда можно было только жестко распределить ограниченные наличные ресурсы между всеми, кто в них нуждался.

Вместе с лордом Порталом и министром труда мы просмотрели списки военных материалов. Я знал, что запасы резины в Англии очень ограничены. Там собирали отходы резины, чтобы ее использовать. И этой резины собиралось больше, чем требовалось английским фабрикам, так что излишки отправлялись в США в обмен на резину, которую мы посылали по запросам англичан. Я с удивлением узнал, что запасы древесины в Британии уменьшились до критического уровня. Война вызвала прекращение импорта из Скандинавии, а осуществлять поставки древесины через Атлантику было очень трудно. Лорд Портал рассказывал, что вырубка лесов у них увеличилась в шесть раз по сравнению с довоенным уровнем, но и этого не хватало. Производство бомбардировщиков "Москит", самых быстрых в мире, зависело от импорта дерева бальса из Эквадора и североамериканских ели и березы. Это их лучший боевой самолет с деревянными частями, однако в Англии каждый самолет строится с использованием дерева как заменителя алюминия. Дерево нужно англичанам и для других целей, в том числе для строительства множества временных зданий, связанных с военными нуждами. Когда я был в Англии, импорт древесины занимал там третье место, после стали и продуктов.

Когда мы говорили о стратегических материалах: меди, цинке, алюминии, свинце и т. п., — я решил остановиться на одном из них и подробно изучить вопрос о его использовании. Я выбрал сталь, потому что мы посылали ее англичанам в наибольшем количестве, да и знаю я о ней лучше всего. Чтобы изучить этот вопрос в Англии, следует отправиться в Эшорн Хилл, что в 90 милях от Лондона. Мы с Брауном и Норманом из миссии программы ленд-лиза отправились из Лондона рано утром, чтобы по пути посетить два завода. Первым был сборочный авиазавод, производивший "спитфайры" и "ланкастеры". Мы прошли его весь: от помещения, куда поступают части самолетов, до дверей, за которыми ожидают появления готовых самолетов летчики-испытатели. Здесь, как и на других английских авиазаводах, почти половина рабочих были женщины. Одни из готовых самолетов были покрашены в черный цвет для ночных рейдов, другие, предназначенные для Африки, — в цвета камуфляжа пустыни: голубой снизу и песочный сверху.

Когда мы вышли из заводских дверей, погода на улице была пасмурной и дождливой, но глаза Хеншоу, известного летчика-испытателя, сияли.

— Наверное, вам хотелось бы посмотреть на полеты, — сказал он.

Появился "Спитфайр", еще ни разу не поднимавшийся в воздух. Летчик сел в кабину, дал мотору немного разогреться, проехал по взлетной полосе, поднялся в воздух и сразу исчез за низкими тучами. Потом он вдруг вынырнул, появившись над заводской дверью, как мне показалось, не более чем в 30 футах от земли, и снова исчез за тучами.

С помощью американских станков и сырья был построен замечательный самолет.

Другой завод производил "геркулесы" с моторами мощностью в 1600 лошадиных сил. Этот завод мы также осмотрели весь. Американские машины фирм "Уорнер энд Свэйзи" и "Цинциннат" были загружены работой по про-

изводству моторов. Управляющий рассказал нам об опустошительных воздушных налетах, которым подвергся соседний городок, где жили большинство рабочих. На несколько дней, пока рабочие помогали расчищать улицы после бомбежки и искали новое жилье, производство моторов резко упало, а после этого снова начало подниматься и за несколько недель превысило прежний уровень.

— Они чувствуют себя как на фронте, — сказал он, — и вкладывают в работу всю душу.

Когда мы вечером приблизились к Эшорн Хилл, то увидели мирное сельское поместье и подивились тому, что здесь находятся люди, контролирующие снабжение всей страны сталью. Впрочем, это была лишь иллюзия. При ближайшем рассмотрении оказалось, что в саду и теплицах вокруг дома выращивают не цветы, а овощи, в большом доме день и ночь, без выходных, трудятся 500 человек, а в бывших помещениях конюшен сидят сотрудники службы Контроля стали и железа Великобритании.

Нас встретил руководитель контрольной службы сэр Чарльз Райт. Чуть ли не сразу я спросил его, почему служба размещена здесь, вдали от столицы.

— Нам пришлось переселиться сюда, потому что в Лондоне нас бомбили, — ответил он. — И это даже здорово. Теперь мы можем работать без перерыва на десятки заседаний, на которых все равно ничего не решишь.

Позднее, вернувшись в Вашингтон, я иногда с завистью вспоминал Эшорн Хилл.

В тот вечер и на другой день мы расспрашивали сэра Райта и его помощников о проблемах стали в Англии. Я узнал, что они увеличили выпуск стали, но и теперь получают лишь четыре пятых нужного ее количества. Остальное они хотели бы получить от нас по ленд-лизу. Мы также узнали, что примерно три четверти стали идет на военные нужды, в первую очередь на производство бомб и снарядов, во вторую — на корабли для Королевского флота, оставшаяся часть — на производство танков, пу-

шек, торговых судов, военно-инженерную технику, оборудование для военных заводов и пр. Одна же четверть уходит, в основном, на поддержание в рабочем состоянии заводов, шахт, железных дорог, электролиний, без которых невозможно военное производство.

Я был удовлетворен тем, что сталь, поступающая в Англию из США, используется только для целей ускорения нашей победы. Здесь мне стало еще понятнее, насколько важны и для самих США подобные поставки промышленных материалов. Англичане способны производить в огромных количествах военные материалы, необходимые не только для них, но и для нас и наших союзников. Вооружения с английских заводов поступают почти на все фронты.

В Бристоле я видел все еще стоявшие металлические остовы многих разбомбленных зданий. В Лондоне у американского посольства я видел изо дня в день стальные балки каких-то больших разрушенных зданий, но больше всего мне был неприятен вид высокой железной ограды парка, которая бросалась мне в глаза каждый раз, когда я выходил из нашего посольства. Мне показалось, что англичане не делают всего, что нужно, для сбора металлолома, и я сказал об этом в Эшорн Хилл, заметив, что мы не сможем продолжать их снабжать таким же количеством стали по ленд-лизу, если они не примут всех мер по сбору стального и железного лома. Но когда меня ознакомили с общей картиной, я понял, что поспешил с выводами: лом собирали систематически в больших количествах, но не хватало рабочих рук и транспорта, чтобы убрать его весь сразу. Начинали с пострадавших районов у металлургических заводов. потом продвигались дальше. Ограды и решетки также разбирали по этому плану. Все же я попросил сотрудников нашего представительства по ленд-лизу держать меня в курсе этого вопроса. Их донесения показывали, что сбор продолжается регулярно, и я почувствовал облегчение, узнав через несколько месяцев, что "ограда парка на Гросвенор-сквер разобрана"...

В Лондоне у меня была продолжительная рабочая встреча с представителями службы Контроля цветных металлов. Вновь я почувствовал удовлетворение, узнав, что и цветные металлы целиком используются для военных целей, но на этот раз я очень внимательно относился к сбору металлолома, отмечая все неиспользованные резервы. При обсуждении этой ситуации с британскими государственными лицами я также отметил, что у нас в США не так велики запасы цветных металлов, чтобы мы могли поставлять их по ленд-лизу, если англичане не используют полностью собственные резервы. Несмотря на трудности с рабочими и грузовиками они, поняв меня, добились хороших результатов в этой работе.

Такого рода критика с моей стороны была, скорее, исключением: ведь я приехал ознакомиться с тем, как англичане ведут войну, а не давать советы, как ее выиграть. Но сама возможность таких замечаний — признак взаимной откровенности, существовавшей тогда между нами и англичанами в Лондоне. Я вспоминал осень 1941 года, когда приостановил на несколько дней британский стальной заказ, так как англичане задержали предоставление нам необходимых сведений по стали. Сейчас такие затруднения уже в прошлом. Но откровенность — дело обоюдное, и англичане сами, не колеблясь, говорили, когда мы, по их мнению, ошибаемся, и предлагали нам свои решения.

Глава 23. Второй визит в Великобританию военного времени

Перед отлетом в Лондон я спросил у друзей, бывавших в военной Англии, какой подарок лучше всего будет привезти туда, и их ответ был единодушным: "Е д у".

Вот почему, перед тем как сесть в самолет, я ухитрился запихнуть в свой кейс кусок окорока с моей фермы, подобного тому, который доставил большое удовольствие

Черчиллю, когда он в январе был у нас в стране. В первый день в Лондоне я вручил его тогда миссис Черчилль, которая меня тепло поблагодарила, но Баллит осмотрел его критически и сказал:

— Он же ужасно маленький.

Я возразил, что пассажиру разрешается провозить только 40 фунтов багажа и что мне и так пришлось срезать все сало, чтобы запихнуть окорок в кейс. Но Баллит не успокоился.

— Эд, — возразил он важно, — ты в Англии пока недавно и не знаешь, что мясо здесь на вес золота. Лучше бы ты оставил дома ботинки, но только не сало.

Тут пришел мистер Черчилль. После того как он горячо поблагодарил меня за окорок, Баллит рассказал ему про сало. Премьер помолчал немного и важно заметил:

— Мы простим его, но в последний раз. — Он широко улыбнулся и поблагодарил меня снова.

Этот случай возник не на пустом месте. Чтобы составить себе представление о продовольственной ситуации в Англии, нужно представить, что, например, в Новой Англии живет третья (а не шестнадцатая) часть американского населения, что все эти люди загнаны в это ограниченное пространство, а ближайшие источники продовольствия — за тысячи миль, за океаном, кишащим подводными лодками. Таково примерно положение Великобритании с тех пор, как Гитлер захватил Западную Европу. До войны на каждый фунт продовольствия, произведенного в Англии, два фунта ввозилось из-за рубежа. В 1940 году ближайшие источники продовольствия были перекрыты, а корабли понадобились, чтобы возить самолеты и пушки, причем подводные лодки наносили им огромный урон. Английский народ оказался на грани голода. Чтобы выйти из кризиса, англичане попытались увеличить производство собственного продовольствия.

Пролетая над Англией, я не раз обращал внимание на то, что здесь стараются использовать каждый акр: ухо-

женные леса вырубают не только из-за древесины, но и ради новых ферм; парки в поместьях распахиваются, болота осушаются и даже холмистые местности, считавшиеся почти бесполезными, пытаются приспособить под сельскохозяйственные нужды. Но и увеличение производства само по себе не может решить проблемы. Англичанам пришлось ввести нормы продуктов по карточкам и на уровне, который порой лишь поддерживает их способность вести войну. К лету 1942-го британцы затянули пояса и подняли производство продуктов, так что картина теперь стала иной: на каждые два фунта собственного продовольствия ввозится только один фунт. Заслуга в этих достижениях принадлежит в первую очередь министру сельского хозяйства Р. Надсону и министру продовольствия лорду Вултону.

В тот напряженный месяц я не мог основательно ознакомиться с работой английских ферм, но получил подробную информацию от помощника министра сельского хозяйства Пола Эпплби и других сотрудников этого министерства, которые провели в Англии много месяцев.

Долгие годы англичанам на своей островной земле ограниченной площади приходилось вести более интенсивное хозяйство, чем нам, американцам, с нашими просторами, и все же с началом войны им удалось увеличить наполовину площадь сельхозугодий. А это значило многое, учитывая то, что немало лучших земель ушло под большие английские и американские авиационные базы и авиационные заводы. Но даже такое увеличение сельхозплощадей не могло само по себе компенсировать потерю продовольственного импорта. Требовались большие изменения в структуре производства и потребления продовольствия. Например, мясо богато белками, но для выращивания скота на мясо нужно много зерна. Семь фунтов зерна, скормленные борову, дают только один фунт мяса, и 85% калорий зерна теряется по сравнению с тем, если бы оно прямо шло в пищу. Ко времени моего визита в Англии оставалось уже вдвое меньше свиней и три чет-

верти цыплят по сравнению с довоенным уровнем. В неприкосновенности оставили только молочные стада, дающие молоко детям и матерям Англии.

Если поголовье скота сокращалось, то производство продовольствия для прямого потребления росло. Ко времени моего визита почти вдвое возросло выращивание картофеля и других овощей, а сбор пшеницы увеличился на две трети. Поэтому мясо для англичан стало чуть ли не излишеством, которое они могут позволить себе только изредка.

Это увеличение производства было достигнуто благодаря трудолюбию и изобретательности английских фермеров и энергии людей из Министерства сельского хозяйства. Но это не было бы достигнуто и без американских поставок: техники, семян и удобрений. Наши суперфосфаты позволяли получать хорошие урожаи на землях, которые иначе были бы бесполезными. Мы отправили в Англию не более 2% наших сельскохозяйственных машин, но они сыграли там важную роль.

Тракторы здесь в значительной мере в государственной собственности и распределяются от фермы к ферме по мере надобности. Еще до моего отъезда из Англии Министерство сельского хозяйства открыло кампанию за более интенсивное использование сельхозмашин. Но трактора в Англии и так работали от восхода до заката. До поступления новых, более мощных тракторов оставался только один способ: круглосуточная работа. Новые, неопытные работники могли пахать днем, а старые — после заката. Но здесь возникали новые затруднения для страны, где люди были вынуждены прибегать к затемнению. Министерство сельского хозяйства совместно с Министерством безопасности разработали метод, как дать фермерам свет, не устраивая иллюминации, которая могла бы привлечь внимание вражеских летчиков, и в Министерстве сельского хозяйства был подготовлен большой доклад о том, как это можно организовать, а также подготовить поле к ночной работе. Это была трудная задача. но

английские фермеры с ней справились. Сейчас многие из наших тракторов в Англии работают день и ночь, как, может быть, ни один трактор прежде не работал. Американские трактора в Англии — такое же оружие, как пушки или бомбы. Они помогают кормить английских и американских солдат, дают еду английским рабочим, производящим "спитфайры", а кроме того, помогают экономить место на кораблях, потому что трактор за год производит продовольствия в семь раз больше его собственного веса и веса идущего на него горючего. Место на кораблях сберегается для оружия нам и нашим союзникам. Ну а рост продовольственной продукции в Англии соответственно сокращает необходимость продуктовых поставок из США.

Вернувшись на родину, я внимательно следил за продовольственным положением в Англии. Хотя мы располагали резервами более обширными, чем другие страны, но и у нас положение было труднее, чем прежде, и моей обязанностью руководителя программы ленд-лиза, было убедиться в том, что союзники достаточно используют свои ресурсы, прежде чем предоставлять им нашу помощь. С удивлением я узнал, что в 1943 году англичане сумели ввести в сельхозоборот еще около миллиона с четвертью акров, хотя мне казалось, что свободной земли там почти не осталось. Это была существенная прибавка к семи миллионам акров, освоенных в 1939—1942 год. Но наши советники в Великобритании предупреждали, что в 1943 году урожай там может не увеличиться по сравнению с прошлым годом, так как 1942-й и у нас, и у них был уникальным по урожайности годом и в новом году уровень может остаться прежним, а потому нам следует иметь в виду, что едва ли англичане решат проблему продовольственного обеспечения без нашей помощи.

И отечественное, и привозное продовольствие распределяется в Великобритании ведомством лорда Вултона. У него одна из самых трудных задач в правительстве: ведь при ограниченности продуктовых ресурсов никто не дол-

жен считать себя обделенным по сравнению с другими. Вултон справляется со своей задачей так, что, как я не раз слышал, его министерство — одно из самых популярных в Англии. При нашей встрече в Министерстве продовольствия, лорд Вултон откровенно и искренне рассказывал о проблемах своего ведомства. Он гордился тем, что мог наладить продовольственное распределение так, что после тяжелых месяцев, последовавших за падением Франции, удавалось избежать осложнений со здоровьем населения. Это стало возможным только благодаря тому, что объединено было в "общий котел" все продовольствие: собственное, импортированное и 10%, полученные по ленд-лизу. Это продовольствие правительство продает оптовикам, часто по пониженной стоимости, а границы оптовых и розничных цен им жестко контролируются, чтобы продукты могли приобрести и люди с самым низким доходом.

Вултон указывал на то обстоятельство, о котором говорили и наши эксперты: хотя питание англичан удовлетворяет их минимальные потребности, ресурсы их здоровья невелики. Всякое уменьшение норм питания означало бы опасное снижение их способности работать на войну и боеспособности. Питание англичан может показаться хорошим, но это обманчиво. Если судить по весу, едят они, пожалуй, не меньше, чем обычно. Но едят они очень мало мяса, яиц, сливочного масла — питание среднего англичанина состоит на две трети из картофеля и овощей. В начале 1942-го в месячный рацион среднего англичанина входило три яйца, но уже в мой приезд, когда производство их упало, количество яиц в рационе сократилось до двух. Примерно за 3 недели до моего приезда в Англию по ленд-лизу поступили пакетики с яичным порошком. Хозяйки сначала отнеслись к этому желтому порошку настороженно, но потом узнали, как им пользоваться, и он стал очень популярным. Такая упаковка в пять унций — эквивалент дюжины яиц. Уже до конца года все англичане получили по три такие упаков-

ки, или все равно что 6 яиц в месяц, и это в дополнение к двум свежим. Они были нам за это очень признательны. К середине 1943 года в Англию поступило до 200 миллионов фунтов яичного порошка.

Поставки в Великобританию молока, сперва сгущенного, а потом сухого, начались весной 1941-го. Зимой без этого невозможно было бы кормить маленьких детей, матерей и такие категории населения, как инвалиды или раненые. Летом производство молока, конечно, растет. Во время моего визита оно возросло настолько, что можно было временно отменить его нормирование. Но осенью среднее потребление снизилось до трех пинт в неделю, а зимой — до двух. Не будь сухого молока, поступающего по ленд-лизу, многие англичане не получали бы его вовсе. До середины 1943 года мы отправили его в Англию около 250 миллионов фунтов.

Основу питания англичан всегда составляло мясо, но теперь им приходится обходиться значительно меньшим его количеством. Средний рацион дает им возможность потреблять на 25 центов свежего мяса в неделю, плюс 4 унции ветчины или бекона и 2 унции консервированного мяса. К тому же англичане сегодня получают в пищу значительно меньше куриного мяса, сократилось и потребление свежей рыбы из-за войны на морях. Мы отправляем в Англию большое количество свинины и немного говядины, но всего этого недостаточно, даже вместе с поставками из Австралии, Канады и Аргентины. Продукты, поступающие по ленд-лизу, составляют всего около 10% пищевой калорийности продовольствия, необходимого англичанам. Зерна, мяса и других продуктов, получаемых из Канады, Австралии, Новой Зеландии, Аргентины и Южной Африки, во много раз больше, чем продовольствия, поступающего по ленд-лизу. Однако даже с учетом всего этого и сильно возросшего объема собственного продовольствия в Англии задача ведомства Вултона весьма трудна. На первом месте при распределении, конечно, нужды армии. Но так как запасы продуктов ограниченны,

приходится думать обо всех, кому по их труду нужно энергии более, чем в среднем. Так, когда я был в Англии, Вултон поднял общую норму потребления сыра до 8 унций, а рабочие тяжелой промышленности получали его фунт. Моряки в отпуске тоже получали особые нормы продуктов. При военных заводах открыты магазины и буфеты, чтобы рабочие, трудящиеся по вахтенному способу, могли получать горячий обед.

Вултон организовал дело так, чтобы матери и дети были окружены предельно возможной заботой. Дети получают молоко по более высоким нормам, дошкольникам выдают больше яиц. Во время осмотра Лондона лорд Вултон первым делом показал мне Центр детского благосостояния, подчиненный Министерству здравоохранения. Главный врач с гордостью показал мне распределяемые здесь полученные по ленд-лизу апельсиновый сок и масло из печени трески: это предоставляется бесплатно тем, кто не может купить.

Осмотрев Центр детского благосостояния и несколько продовольственных складов, мы отправились обедать в "британский ресторан", один из тех, что правительство создало по всей Англии, чтобы все могли питаться по предельно низкой, насколько это было возможно, цене. Всего за один шиллинг (по-нашему 20 центов) мы получили простой, но очень хороший обед. После обеда мы зашли в бакалейный магазин, где я поговорил с бакалейщиком о карточной системе. Затем мы отправились в депо на Темзе, где продовольствие из товарных вагонов перегружали на баржи для отправки водным путем в глубь страны. На погрузочных работах было занято много женщин; некоторым из них было не менее 50 лет. Молодая женщина работала машинистом огромного электрического крана, перегружавшего контейнеры с продуктами из железнодорожных вагонов на баржи. Глядя на ящики с сыром и сухим молоком, я не мог не порадоваться тому, что в организации поставок продовольствия армии и народу Англии есть и мои скромные заслуги.

Я сам убедился в скудости питания англичан. В ресторанах я видел меню с указанием: "Еда не должна стоить более 5 шиллингов на человека". Еду стоимостью выше 5 шиллингов (одного доллара) не мог отпускать ни один ресторан или гостиница. Так лорд Вултон обеспечивал условие, чтобы люди, питающиеся в этих заведениях, получали не больше своей нормы из национальных запасов продуктов. Ел я и так называемый "национальный хлеб", темный, грубый хлеб, который теперь выпекают только в Англии. Я видел, как мало там едят мяса, и убедился в том, что англичане действительно получают минимальное питание.

Я подумал тогда о том, сколь незначительную часть всех продуктов, отправляемых в Англию, составляет продовольствие, поставляемое нами по ленд-лизу, но какой существенной добавкой к скудному британскому рациону они являются! Пусть их объем не так велик, но они несут в себе большую калорийность, занимая совсем небольшое место при перевозках, они, по энергии, получаемой солдатами и рабочими военной промышленности, тоже являются оружием победы...

Глава 24. Третий визит в Великобританию военного времени

В полночь 25 июля 1942 года я стоял на большом поле в Линкольншире у края взлетно-посадочной полосы. Освещения почти не было, но благодаря полной луне я видел вдали очертания темных массивных объектов. Низкий, однообразный гул на другом конце полосы постепенно нарастал, пока не превратился в рев, и через мгновение я увидел огромный черный объект, стремительно приближающийся ко мне. Затем в свете от приборной доски я различил на секунду молодое лицо летчика. Шасси самолета медленно оторвались от взлетно-посадочной полосы. Британский "Ланкастер", мощностью в 8000 лошадиных сил, не-

сущий 8 тонн бомб, полетел к Германии. Через минуту другой самолет с ревом поднялся в воздух, потом еще и еще... Четырнадцать огромных самолетов набирали высоту. Потом они исчезли — рев моторов прекратился, а вскоре мне стало казаться, что я его и вовсе не слышал.

Под конец долгого, напряженного дня я увидел событие, демонстрирующее значение того, что не раз обсуждалось при моем участии. Утром я вылетел из Лондона вместе с генерал-майором Франком, двумя членами его штаба и двумя представителями администрации по ленд-лизу: полковником Дж. Грином и Чарльзом Нойсом. Примерно через час внизу, на равнине, обрабатываемой фермерами, мы увидели дорожки большого аэродрома. Когда мы спустились пониже, я разглядел, что строительные работы еще не закончены.

Когда мы приземлились, нас восторженно приветствовал молодой англичанин в штатском, оказавшийся инженером, ответственным за работы. Он был очень горд тем, что показывал нам английский аэродром, построенный на средства и руками англичан, из английских материалов, — аэродром, который, по окончании всех работ, подлежал передаче под американскую военно-воздушную базу. Это был, так сказать, английский ленд-лиз американцам, или, как его еще называли, "взаимный ленд-лиз".

Объехав аэродром на автобусах, мы направились к месту отлета самолетов и лагерям для людей. Их было всего шесть, разбросанных по полю в радиусе мили друг от друга. Как сказал нам инженер, весь проект будет стоить от полутора до двух миллионов фунтов стерлингов. Все будет завершено через 90 дней, и после подписания бумаги американским офицером ВВС США получат новую базу.

Мы пробыли там около часа, затем сели на самолет и минут через пятнадцать увидели другой, еще больший военный аэродром. Когда мы приземлились, нас встретили офицеры и английской, и американской летной службы. Этот аэродром построили также англичане и пока продолжали использовать для своих нужд, но сейчас началась

его передача американцам под базу. На поле и в ангарах мы видели много английских самолетов, но видели также и американские "летающие крепости", "балтиморы", "мэриленды" с английскими опознавательными знаками и эмблемами. Я спросил, есть ли среди них поступившие сюда по ленд-лизу, но никто из офицеров точно не знал этого. Некоторое время я раздумывал над этим, но потом решил, что это не так важно. Важно было то, что самолеты, полученные по ленд-лизу или купленные у нас, делают здесь свое дело. Этот аэродром был огромным сооружением — здесь работали 2500 военных и 5000 гражданских механиков и техников. Среди военных самолетов — их ремонтировали в мастерских или устанавливали на них дополнительные орудия — я также видел и английские, и американские самолеты с английскими опознавательными знаками. Через несколько недель здесь будут стоять самолеты тоже американских моделей, но на их крыльях будет красоваться уже белая звезда американских ВВС.

Вместе с группой американских офицеров мы осмотрели построенное для них англичанами новое административное здание, посетили столовую для солдат, а потом пообедали в офицерской столовой. За обедом один из офицеров признался мне, что, отправляясь сюда, не знал, сможет ли сработаться с англичанами. Но, сказал он, "живя с ними бок о бок, убеждаешься, что это — настоящие парни. Мы хорошо работаем вместе".

Это "хорошо работаем вместе" проявилось в организации интенсивной работы аэродрома на весь переходный период. Был составлен график, и каждая группа англичан покидала аэродром только в тот момент, когда прибывала заменяющая ее группа американцев. Это было нелегко организовать, но стало возможным именно благодаря тому, что мы и они "хорошо работали вместе". Позднее полковник Грин рассказал, что один из здешних английских офицеров сказал ему то же самое: "Все это дело с передачей аэродрома идет куда лучше, чем я ожидал. Мы с вами, американцами, великолепно работаем вместе".

Я понял, насколько был прав тот американский журналист в Ирландии, который говорил о нашей совместной работе плечом к плечу, — это было справедливо и для солдат, и для офицеров.

После обеда мы посмотрели, как английские рабочие расширяют дорожки для больших четырехмоторных бомбардировщиков, на то место, где планируется постройка стандартных домов для американцев, а потом в одном из ангаров увидели группу американских солдат, которые разгружали, распаковывали и устанавливали американское оборудование. Некоторое время мы наблюдали за ними. Тому, кто не выезжал из США в военное время, трудно понять, что значит встретить за тысячи миль от дома американских парней, разгружающих клети с маркой "Бруклин. Н.-Й.". Ленд-лиз получил для меня новый смысл, когда я увидел "спитфайры" из американского алюминия или американские продукты, распределяемые между английскими детьми. Теперь, когда я увидел американцев, живущих в квартирах и обедающих в столовых, построенных англичанами, которые даже поделились с нашими людьми продуктами из своих ограниченных запасов, я понял вполне, что такое "взаимный ленд-лиз".

Генерал Франк с другими офицерами остались, чтобы обсудить вопросы передачи базы, но у нас с Грином и Нойсом было назначена встреча на базе британских ВВС на противоположном побережье Англии. Сев в самолет, мы через сорок минут перелетели с берега Ирландии на берег Северного моря. Великолепный вид этого аэропорта удивил даже нашего английского пилота. Когда мы приземлились, нам навстречу вышел офицер и удивленно спросил: "Это что, политический вызов?" У него были основания удивляться: мы попали не на тот аэродром. Ошибка объяснялась легко: нужный аэродром находился всего в трех милях. Через пять минут мы приземлились там, и нас встретил капитан английских ВВС. У него в подчинении были 3000 человек на этом аэро-

дроме и там, где мы приземлились в первый раз. Он сказал. что рад нашему появлению, так как этой ночью состоится акция.

Сначала нас проводили в офицерский салон. Многим из офицеров на вид было всего лет 18—20. Внешне они были спокойны и держались непринужденно, но за этим чувствовалось напряжение людей, которым предстояло на бомбардировщиках лететь на континент. Пока мы беседовали со старшими офицерами, к нам время от времени подходили младшие командиры поприветствовать нас, и мы говорили с ними об их работе. Они мало и неохотно рассказывали о полетах, в которых участвовали, но очень интересовались нашими американскими самолетами, а также сроками передачи базы.

После чая группа офицеров провела нас по базе. Нам показали бомбы, складированные в открытых шахтах, от маленьких "зажигалок" до тяжелых, двух- и четырехтысячефунтовых. Вместе с одним из офицеров мы полностью осмотрели один из "ланкастеров". "Это — лучший бомбардировщик в мире", — с гордостью сказал молодой летчик. Видно было, что беспокоиться о состоянии их морального духа не приходится.

В 6.30 вечера нас провели в зал, увешанный большими картами, с черной доской на передней стене. Перед доской стояли 14 столов, за каждым из которых сидел командир корабля с экипажем. Когда мы вошли, стало тихо. Сопровождавший нас офицер шепотом сообщил, что, кроме, естественно, нас, все присутствующие ночью уходят в бой. Молодой подполковник авиации, которого звали Гай Гибсон, сказал:

— Ребята, нашей целью сегодня ночью является Дуйсбург. Есть здесь такие, кто там ни разу не был?

Двое несмело подняли руки.

— Не стану вам снова повторять, — продолжал командир, — что не следует делать никаких записей и пометок на картах. Никакая информация не должна попасть в руки врага.

Он сообщил им время вылета, высоту, направление полета и время, когда следует появиться над городом, цели в городе и путь, по которому следует вернуться назад. Метеоролог сообщил сводку погоды, еще один офицер разъяснил, с какими ответными действиями врага они могут столкнуться во время налета; старший навигатор рассказал об особенностях их маршрута. Потом наступило время ответов на вопросы, и некоторые попросили коечто повторить для закрепления в памяти. Затем инструктаж закончился.

Мы поужинали вместе с английскими офицерами и американцами-наблюдателями. Нас подробно ознакомили с данными о разрушениях, совершенных Британскими Королевскими ВВС в Дюссельдорфе, Бремене и других городах. Незадолго до полуночи мы снова вышли на аэродром.

Пока мы стояли у взлетно-посадочной полосы, самолеты с экипажами, которые мы недавно видели, один за другим поднимались в воздух. Пытаясь проследить их полет, я снова подумал о странностях этой войны, которую вели Объединенные Нации с помощью ленд-лиза и "взаимного ленд-лиза". Только что мы видели английские "ланкастеры", сделанные в Англии. На их производство пошел американский алюминий, а иногда и американские моторы и оборудование. На этих самолетах англичане наносили сильные удары по общему нашему врагу. Через систему кредитов и займов англичане были нам как бы должны определенную сумму в долларах. А перед этим мы видели и американских летчиков, которые на американских самолетах должны были осуществлять налеты на континент. Скоро они воспользуются двумя аэродромами, один из которых наш новый, а другой принадлежал англичанам. И с этих аэродромов будут взлетать американские летчики, чтобы тоже наносить удары по общему врагу Англии и США. Если рассматривать это просто как коммерческую сделку, то и мы тоже должны англичанам определенную сумму в фунтах за эти аэродромы со всеми их

зданиями и оборудованием, которого мы не привозили сюда. Но ведь это был бы очень странный путь решения экономической проблемы, если бы и мы, и англичане обязаны были прямо платить друг другу: они — за самолеты, а мы — за аэродромы.

Я думаю, какие бы ни возникали долги в подобных обстоятельствах, главное — исполнить наш долг перед теми, кто самоотверженно рискует своей жизнью в боях. Ценность жизни боевого летчика нельзя выразить ни в фунтах, ни в долларах. Нельзя также оценить в денежном выражении важность английского налета на Бремен и американского — на Киль, чтобы подвести некий баланс. Потери войны — это далеко не только денежные затраты. Это — погибшие люди, разрушенные города, это страдания людей и их мужество. При заключительных расчетах между Объединенными Нациями надо учитывать многое помимо долларов и центов. Глядя на эти аэродромы, я подумал, что вот свидетельство праведности войны Объединенных Наций. Каждый народ вносит в общее дело свой вклад, отдает ему свои силы, и — в русле общей стратегии — все они служат приближению общей нашей победы.

Примерно в 3.30 утра снова раздался рев моторов. Один за другим бомбардировщики возвращались на аэродром и приземлялись. Несколько из них сильно пострадали от обстрела. Один был так изрешечен пулями, что казалось прямо чудом, как вообще он вернулся. Никто из людей не был ранен. Но два самолета не вернулись...

Выходя из самолетов, члены экипажей тут же отправлялись в деревянное сооружение у края летного поля для беседы с разведчиками. Каждый тут же получал чашку крепкого чая, после чего должен был подробно рассказать все о своем полете. Мы стояли и слушали их рассказы. Они выглядели очень усталыми, но были довольны, шутили, старались передать свои рассказы разведчикам живее и интереснее. Беседы эти закончились уже при свете дня.

После завтрака мы полетели в Лондон. Тогда я так устал, что сразу лег спать. Потом с утра был занят коррес-

понденцией. А когда вечером вышел погулять, остановился у газетного стенда и увидел заголовок в газете: "КОРОЛЕВСКАЯ АВИАЦИЯ БОМБИТ ДУЙСБУРГ"...

Через несколько дней я обсуждал с английскими коллегами основы предоставления ими нам военной помощи. Сэр Вуд подытожил этот вопрос так:

— В идеале мы хотим, чтобы у людей, занятых помощью Америке, был только один вопрос: какие источники этой помощи лучшие? Коли речь идет об Англии, взаимопомощь между нами становится безоговорочной. Тут мы, как говорится, платим по счетам.

Через месяц после посещения английских аэродромов я прочел заголовок уже в американской газете: "ЛЕТАЮЩИЕ КРЕПОСТИ" БОМБЯТ РУАН — ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ РЕЙД". С помощью "взаимного ленд-лиза" и мы вступили в битву за Европу.

Глава 25. "Возвратный ленд-лиз"

26 января 1942 года в известном североирландском порту был обычный серый день, но жители города понимали, что происходит нечто особенное. На пристани стояли премьер Северной Ирландии Эндрюс, министр авиации британского военного кабинета Синклер и другие государственные лица. Воздушное пространство над портом патрулировалось английскими военными самолетами.

И вот из тумана возникли темные очертания кораблей: первыми шли английские и американские эсминцы, а за ними — переоборудованные под транспорты пассажирские лайнеры. Эсминцы разошлись, дав возможность подойти к причалу первому лайнеру с американскими военными на борту.

Когда корабль пристал, оркестр на берегу заиграл "Боже, храни короля", потом — "Звезды и полосы навеки" и "Звездно-полосатый флаг". С корабля вслед за генерал-майором Р. Хартлом сошел рядовой первого класса

Мильбурн Хенк из Хатчинсона (Миннесота) — первый американский солдат, ступивший на землю Европы в эту войну. За ним последовали другие, и первый американский экспедиционный корпус в полном составе стоял вскоре на европейском берегу.

Прибывшие военные отправились на приготовленные для них базы. Часть из этих квартир были построены на средства ленд-лиза, а другие — англичанами. Когда позднее, в июле 1942-го, я посетил Лондондерри, этот район полностью контролировался американскими вооруженными силами.

Прибытие американского контингента в Северную Ирландию означало начало того, что стало именоваться программой "возвратного ленд-лиза" и приобрело международные масштабы. Это была обширная программа снабжения и обслуживания американских войск за рубежом нашими союзниками без оплаты с нашей стороны. Первоначально помощь англичан, как и поставки нам зенитных пушек и аэростатов после Пёрл-Харбора, осуществлялась без всякого формального соглашения, поскольку "возвратный ленд-лиз" возник в силу обстоятельств. Однако уже в феврале 42-го мы подписали с Англией Большой договор о ленд-лизе.

В этом договоре говорилось, что Великобритания "обязуется помогать укреплению обороны США и обеспечивать для этого необходимые, имеющиеся у нее в наличии материалы, услуги, возможности и информацию". Теперь англичане не только сражались с врагом, но и брались за обеспечение нашей армии на основе ленд-лиза. В последующие месяцы эти принципы претворялись в действительность. Согласно выработанной нами процедуре американские военные на Британских островах могли получить нужные материалы или оборудование, просто обратившись в английскую интендантскую службу. Представительство нашей армейской службы снабжения в Лондоне работало в хорошем контакте с интендантскими организациями английской армии. На всех наших морских и воздушных

базах и в центрах сухопутных войск нашим контингентам придавались английские офицеры хозяйственной службы, чтобы обеспечивать быстрое их снабжение.

Во время обмена нотами между госсекретарем Халлом и лордом Галифаксом 3 сентября 1943 года была определена суть "возвратного ленд-лиза": "Если всем указанным можно эффективно обеспечить в Соединенном Королевстве или Британской колониальной империи, правительство Великобритании обязуется снабжать США или их вооруженные силы... военным снаряжением, боеприпасами", а также "другими материалами, услугами, возможностями, необходимыми для вооруженных сил США", а кроме того, "материалами и услугами, необходимыми для военного строительства, военных целей и других основных мероприятий в рамках совместных военных усилий в пределах Соединенного Королевства или Британской колониальной империи". За пределами своей империи англичане согласились платить за военное строительство, где это будет возможно.

Во второй половине 1942 года численность наших войск в Англии росла в связи с операциями в Северной Африке и бомбежками Германии нашей авиацией. Соответственно рос и объем "возвратного ленд-лиза", хотя ни наше, американское население, ни наши парни в Англии, вероятно, не имели представления о его масштабах. Причины этого понять можно. Американское вооружение для нашей армии производится в Америке. Если англичане передают нам, например, 3000 своих танков, то мы можем сказать: "Эти англичане нам много дают", так же как мы сами говорим о себе, посылая в Россию, скажем, 4000 самолетов. Но мы производим самолеты, пушки и другое вооружение для своей армии и еще многое — для английской. Правда, англичане дали нам несколько сотен боевых самолетов, а также определенное количество бомб и артиллерии, но это исключения. Наши люди в Англии почти полностью вооружены нами самими, а потому возникает вопрос: а в чем тогда состоит "возвратный ленд-лиз"?

Но дело в том, что без снабжения войска не могут сами по себе появиться на фронте с пушками и танками и для военной авиации нужны не одни самолеты, как и для флота — не только корабли. Все эти вооружения — только часть военного дела.

Между тем "возвратный ленд-лиз" начинается уже тогда, когда наши военные отправляются в Англию на британских транспортах, а английское Министерство финансов платит за это. Часто эскортирующие нас крейсеры и эсминцы также английские, поскольку наши главные силы заняты на Тихом океане. В Великобритании наши войска находят готовые квартиры. Полностью оснащенные аэродромы (вроде тех, что я видел сам), столовые, склады, военные магазины, госпитали, построенные для нас англичанами, безусловно необходимы для войны в Европе. Общая строительная программа для американской армии, по ее завершении, обойдется англичанам примерно в 600 миллионов долларов, и это не считая уже существующих баз, бараков и т. п. Между тем это далеко не все, что входит в "возвратный ленд-лиз" со стороны англичан. Здесь еще тысячи "мелочей", связанных со снабжением и обслуживанием наших людей, — о них мы часто ничего и не знаем, потому что они относятся к будничной стороне войны, хотя без них не могут действовать ни армия, ни авиация, ни флот.

В английских портах наш флот имеет такое же снабжение и обслуживание, как и английский, и без оплаты с нашей стороны. И это так в отношении не только Британских островов, но и всех английских портов в мире. Такое же снабжение и обслуживание обеспечивают англичане и нашим торговым кораблям. В Великобритании даже создан большой фонд для нужд американских кораблей, пополняемый из казны. Мы получаем такую же помощь по ту строну океана по "возвратному ленд-лизу", какую сами оказываем по эту сторону.

Нашей армии обыкновенно предоставляются базы, лагеря и госпитали со всем оборудованием, и иногда

бывает трудно определить, что именно здесь относится к "возвратному ленд-лизу", ибо тут английское оборудование перемешано с нашим. Почти все американские войска в Англии на американском продуктовом довольствии, к тому же мы отправляем часть необходимых продуктов и англичанам. Можно подумать, что наши люди там получают только американскую еду, но это не совсем так. Ведь мы поставляем самой Англии только до 10% продовольствия — то, в чем она особенно остро нуждается. Сами же англичане выполняют огромную работу по самоснабжению, и часть их продуктов, получаемых более всего из разных районов империи, они передают нашим войскам: это около ста тысяч тонн в год по "возвратному ленд-лизу". Помимо этого в "возвратный ленд-лиз" входит множество "мелочей", облегчающих жизнь нашим людям в Англии: тысячи велосипедов — наземным командам для обслуживания огромных авиабаз, радиоприемники — для слушания американских программ, оплата печатания наших армейских газет, музыкальные инструменты для оркестров, спортивное оборудование, центры отдыха для наших моряков и т. д.

Норман Дэвис, председатель американского Красного Креста, говорил, что англичане передали на десять с лишним миллионов долларов оборудования и материалов нашим отделениям Красного Креста, обслуживающим американских солдат в Великобритании.

Есть также множество мелочей, которые легко увидеть. Американские десантники и авиационные стрелки проходят подготовку в английских центрах и школах, английское правительство платит за перевозки американских солдат и наших грузов по английским железным дорогам, за электричество в бараках для американских солдат, за наши официальные телефонные переговоры, за уголь для отопления бараков.

Подполковник Шпигельберг из Центрального закупочного совета наших войск в Европе первым дал общую картину "возвратного ленд-лиза" с английской сто-

роны в начале 1943 года на слушаниях в Конгрессе по вопросу о продлении Закона о ленд-лизе. Он привез с собой объемистые тома, содержащие сведения по этому вопросу за период с 1 июня по конец декабря 1942 года. Для слушаний он разделил свои материалы на категории. В категории "инженерные войска" в алфавитном порядке перечислялось очень многое: от асфальта и батарей до канатов и колючей проволоки; в категории "интендантские войска" — жилье, одеяла, камуфляж, консервы, конфеты и т. п., вплоть до складского оборудования. Артиллерийские перечни начинались с амуниции и кончались торпедными аппаратами. Шпигельберг составил первые полные списки, характеризующие английский "возвратный ленд-лиз", и оценил объем этой помощи в 1 121 786 тонн, что равно грузу 370 кораблей. И это не считая строительных материалов для аэродромов, казарм и т. п., что дает еще до полутора миллионов тонн. А с тех пор эти цифры еще и возросли. Мы получаем помощь по "возвратному ленд-лизу" в Австралии, Новой Зеландии, Индии, Африке, на Ближнем Востоке и т. д. Я же так подробно остановился на британском аспекте этой проблемы только потому, что с Англией у нас "возвратный ленд-лиз" наиболее развит. Между тем мы подписали договоры о взаимопомощи не только с Англией, но и с Австралией, Французским комитетом освобождения Северной Африки, Бельгией, Новой Зеландией, Голландией.

Даже Россия и Китай, понесшие огромные потери, защищая свои страны, поставляли нам военные материалы и оказывали кое-какие услуги. Китайцы даром вернули нам все Пи-40, оставшиеся у них от тех, которые они у нас купили, и передали нашей 14-й авиационной части бензин из бесценных для них запасов. В Россию мы не посылали войск, но, когда наши корабли приходят в русские порты, Советский Союз оплачивает все расходы по топливу, продуктам, медицинскому обслуживанию, а в случае необходимости — и ремонту судов.

В Вашингтоне с самого начала ведется учет помощи, получаемой нами по "возвратному ленд-лизу", но эти записи вынужденно неполны. Например, когда в Англии наши и английские ВВС пользуются одной базой, то не ведется отдельного учета, касающегося тех, кто одет в английскую и американскую форму. С такими же трудностями учета мы сталкиваемся, например, в Северной Африке, Италии, на Сицилии, где нередко пользуются одними базами англичане, американцы, французы и канадцы.

И все же, несмотря на все эти затруднения, я думаю, мы должны дать общую оценку помощи, получаемой по "возвратному ленд-лизу", пусть и не совсем полную. Нам просто нужны общие цифры в долларах, и я думаю, что эти цифры будут интересны и Конгрессу, и американской общественности. Цифры эти, очевидно, будут не так велики, как цифры, отражающие нашу помощь по ленд-лизу: ведь известные страны ведут войну значительно дольше нашего, их промышленные ресурсы меньше наших, а многие их заводы захвачены или разрушены врагом, но все же, я думаю, что мы получаем гораздо большую помощь, чем большинство из нас полагает.

Я обсудил эту проблему с представителями наших Военного и Военно-морского министерств и английского Министерства финансов в Вашингтоне. В июле 1943 года мы послали Ачесона из нашего Отдела взаимопомощи в Лондон, поработать с английским правительством и нашими представителями программы ленд-лиза по этой вот проблеме. К осени мы получили данные.

С 1 июня 1942-го по 30 июня 1943 года англичане истратили на "возвратный ленд-лиз" 871 миллион долларов, и при таких темпах до конца (этого? — *Перев.*) года могут потратить еще полмиллиарда. 56 900 тысяч долларов истратила на нас индийская администрация. Эти цифры не включают помощь, полученную нами от англичан в Северной Африке и на Ближнем Востоке: такие данные к нам пока не поступили.

Если к этому прибавить 247 миллионов долларов — стоимость помощи, полученной по "возвратному ленд-лизу" из Австралии и Новой Зеландии, — то помощь, оказанная нашим войскам странами Британского Содружества, составит 1 175 миллионов долларов.

Летом 1943 года, после завершения выплаты большей части задолженности в 3 600 миллионов долларов нашей стране по контрактам до ленд-лиза, англичане согласились перенести принцип "возвратного ленд-лиза" на целый ряд поставок сырья и продовольствия в США. Теперь США будут получать из Англии без оплаты каучук, хром, асбест, чай, какао и многие еще виды сырья и сельхозпродуктов, за которые раньше правительство наше платило. Ведутся переговоры о заключении подобных соглашений и с другими странами Британского Содружества.

То обстоятельство, что мы получаем помощь по "возвратному ленд-лизу" больше всего от стран Содружества, конечно, не значит, что другие наши союзники не вносят своего вклада в борьбу за победу. В Декларации Объединенных Наций об этом сказано: "Каждое правительство обязуется отдавать все ресурсы, военные и экономические, на борьбу против тех членов Тройственного пакта и их союзников, с которыми оно в состоянии войны".

Наши союзники, несомненно, делают все, что в их силах, выполняя эти обязательства. Россия ведет войну на своей земле уже два года, Китай — шесть лет. Обе эти страны потеряли миллионы людей, пережили оккупацию и разрушение многих крупных городов и отторжение миллионов акров лучших земель. Если мы отправляем им больше помощи по ленд-лизу, чем получаем от них по "возвратному ленд-лизу", это вовсе не значит, что мы делаем больше для борьбы с нашим общим врагом. Мы знаем, что они, так же как и мы, вкладывают все свои силы в эту войну.

Это общая наша война, и кто может сказать, что именно он отдал ради нее больше всех? Никак нельзя сопоста-

вить их жизни с нашими долларами, как и их фунты или рубли с нашими жизнями. Невозможно сопоставить цену разрушенного города и поставки тысячи танков, мужество бойцов Сопротивления в Европе и наших ребят в Новой Гвинее, как и страдания матерей, которые ждут их. Главное, что сегодня нужно: мы и все Объединенные Нации должны сделать все, что в наших силах и позволяют обстоятельства, чтобы победить. Итогом этих совместных усилий станет **победа**.

Глава 26. Ленд-лиз и совместные операции

Перед рассветом 24 октября 1942 года английская 8-я армия начала наступление против войск Роммеля в районе Эль-Аламейна в Египте. Целью была тунисская граница. В тот же день большой экспедиционный корпус отплыл из США. Через сутки еще два экспедиционных корпуса отплыли из Англии. Три флота состояли из 700 кораблей, и это было самое большое в истории войн единовременное перемещение по морю людей и техники. В трех этих экспедициях участвовали люди и была использована техника двух великих народов. Их целью была Французская Северная Африка.

24 октября англичане, американцы и силы других Объединенных Наций начали наступление, чтобы через 6 месяцев совместными усилиями сокрушить армии оси численностью в полмиллиона, очистить от врага Африку и открыть возможность для вторжения на Сицилию и в Италию. Этому наступлению предшествовали многомесячное планирование и подготовка. Становление мощи 8-й армии, в конце концов сокрушившей Роммеля, начиналось еще летом и осенью 1941-го, когда стали поступать в Египет наши танки и самолеты, когда началось развитие трансафриканского воздушного пути и мы вместе с англичанами начали превращать Ближний Восток в базу военного обеспечения. Североафриканская экспедиция впер-

вые подробно обсуждалась с Черчиллем в январе 1942 года, а окончательное решение и план были приняты в июле в Лондоне, на встрече генерала Маршалла, адмирала Кинга с генералом Эйзенхауэром и британским военным командованием.

Ни поражение Роммеля, ни оккупация Северной Африки не были бы возможны без единства командования и снабжения войск и тыла, которые отрабатывались на протяжении месяцев. Во всем этом существенную роль сыграло объединяющее влияние программы и самой идеи "взаимного ленд-лиза" на наши совместные боевые операции. 18 ноября 1941 года, за 11 месяцев до Эль-Аламейна, генерал Очинлек начал первое наступление против Роммеля. Несмотря на скудость ресурсов Черчилль отправил в Египет летом и осенью несколько сот танков и самолетов, много легких танков, первых "Генералов Грантов", а также сотни бомбардировщиков Пи-40. Тогда мы только начинали благодаря ленд-лизу налаживать Трансафриканский воздушный путь. С помощью всей этой военной техники к 8 января 1942 года англичанам удалось оттеснить Роммеля к триполитанской границе, но тут им пришлось остановиться. В то время возникли трудности с людьми и техникой из-за Тихоокеанской кампании. Тем временем Роммель получил подкрепления. Его контрнаступление 21 января заставило англичан отступить на оборонительные рубежи на юге от района Тобрука. 26 мая Роммель снова контратаковал, и через 18 дней 300 английских и американских танков попали в ловушку, и 230 из них были уничтожены. Тобрук пал, и 1 июля Роммель достиг Эль-Аламейна, всего в 75 милях от английской военно-морской базы в Александрии. Но в Эль-Аламейне англичане смогли удержаться. Вовремя пришли подкрепления, и конвои через Красное море привезли английскую и американскую технику. В начале июля Роммель снова пытался атаковать, но его войска были отброшены. Теперь уже ему были нужны подкрепления.

Следующие 3 месяца битвы за Египет означали борьбу за коммуникации и снабжение. У стран оси было преимущество благодаря короткому пути через Средиземное море: в несколько сотен миль до Франции и Италии. Морские же пути из Англии и Америки составляли 10 000 и 12 000 миль, а воздушный путь из США — 9000. В конце концов эту битву выиграли мы, и потому, что тем летом враг увяз на Русском фронте, и потому, что в предыдущие месяцы мы многое сделали, чтобы преодолеть трудности, связанные с далеким расстояниями, чего враг не ожидал, и потому, что нам удалось собрать достаточные силы авиации, чтобы воспрепятствовать противнику прислать значительную помощь своим через Средиземное море. За первые 9 месяцев 1942 года тысячи английских и американских самолетов были отправлены по трансафриканскому маршруту: бомбардировщиков, истребителей и транспортных — с персоналом, техникой и другими грузами. Из числа американских самолетов были как поставленные по ленд-лизу, так и купленные за наличные англичанами. 9-я воинская часть, базировавшаяся в Каире, начала бомбардировки в июне 1942 года. За следующие 3 месяца туда поступили подкрепления, новые бомбардировщики и истребители.

Помимо поставок самолетов через Африку и вокруг Африки, через Красное море, был еще маршрут до Такоради на западном побережье Африки, где самолеты собирали и перегоняли в Египет. В критические месяцы после отступления англичан на Эль-Аламейн авианосцы постоянно прибывали южноатлантическим путем с грузом истребителей. С берегов Африки самолеты перегоняли по трансафриканскому маршруту. В тот же период возросли также поставки из США бомбардировщиков, особенно "мародеров" и "хавоков". Ко времени наступления Монтгомери 24 октября мы, в дополнение ко всем самолетам американской 9-й авиационной части, послали по ленд-лизу или с помощью прямой продажи 700 бомбардировщиков и почти 1000 для англичан и союзных сил. Самоле-

ты, которые можно было хотя бы часть пути перегонять по воздуху, обыкновенно прибывали за несколько дней, но все танки, грузовики, пушки приходилось перевозить морем, вокруг мыса Доброй Надежды, за 70 дней из Америки и почти за такое же время из Англии.

8-я армия очень нуждалась в средних танках. Ко времени первого наступления, в ноябре 1941 года, мы поставляли в основном легкие танки, так как "Генерал Грант" только вошел в массовое производство. Наши легкие танки значительно уступали тяжелым немецким. Но в 1942 году мы стали поставлять англичанам в больших количествах наши средние танки, сначала "Генерал Грант" с 75-миллиметровой пушкой и фиксированной башней, а потом "Генерал Шерман" с 75-миллиметровой пушкой и вращающейся башней, и как раз тогда, когда 8-я армия потерпела поражение, потеряв много бронетехники. К 24 октября 1941 года мы передали англичанам по ленд-лизу или за наличные 900 средних танков, в том числе 300 "шерманов", а также 90 противотанковых орудий и 800 легких танков. Кроме того, мы отправили им 25 000 грузовиков и джипов, чтобы обеспечить для 8-й армии коммуникации и дополнительную мобильность перед наступлением.

Увеличение англо-американских поставок военных материалов на Ближний Восток в 1942 году было дополнительной нагрузкой для пути через Красное море. Эту задачу нельзя было бы выполнить без работы американских и английских военных инженеров по перестройке портов, строительству железных и шоссейных дорог. В 1941—1942 годах десятки таких программ осуществлялись нами и англичанами в Египте, Эритрее и Леванте. Типичным примером может служить база возле Каира. Там к середине 1942 года были в основном завершены работы по сооружению аэропорта, жилья примерно на 10 000 человек, госпиталя на 1000 коек, складов, мастерских по ремонту американских танков, самолетов, грузовиков и артиллерии. Там работали американские воен-

ные инженеры, механики, интендантские офицеры под командованием генерал-майора Максвелла. Все это было сооружено и оборудовано, в том числе и на средства и с помощью техники, поступавшей по ленд-лизу. Там проходят обучение тысячи американских военных и гражданских техников по ремонту американских танков, грузовиков и артиллерии.

Помимо снабжения союзных вооруженных сил была у нас и другая важная задача на Ближнем Востоке: не допустить голода и беспорядков в тылу. Мы вели войну в чужих странах, и наши боевые действия серьезно нарушали их нормальную гражданскую жизнь.

Ближний и Средний Восток — огромный регион с населением 65 миллионов человек, где расположены Египет, Иран, Ирак, Палестина, Сирия, Трансиордания, Саудовская Аравия, Эфиопия, Судан, Сомали, Эритрея. Когда средиземноморский путь был закрыт и нацисты дошли до Крита, народы этого региона потеряли многие важные источники снабжения. К тому же многие морские и наземные пути понадобились в первую очередь для военных нужд. Для ближневосточных народов это стало причиной серьезных лишений. Кроме того, страшные нашествия саранчи в 1940—1941 годах на пространствах от индийской границы до пустыни Египта уничтожили значительную часть урожая. Поэтому при нарушении нормального импорта этому региону угрожал голод. Такое бедствие стало бы и серьезным препятствием для военных операций англичан и их союзников.

Весной 41-го англичане создали в Каире Ближневосточный центр снабжения. Сюда от правительств стран региона поступали заявки на самые необходимые поставки и здесь создавалась программа обеспечения минимальных гражданских нужд по региону в целом. Зерно, мука, сахар, удобрения импортировались под контролем этого центра и распределялись по первостепенным нуждам в разных странах. Сотни тысяч тонн пшеницы были ввезены из Канады и других стран Британского Содружества, что-

бы предотвратить голод. Часть пшеницы была привезена и из США по ленд-лизу. В марте 1942 года США стали членом Ближневосточного центра снабжения. Теперь основной целью его работы стало содействие местному производству продовольствия, чтобы по возможности сократить поставки продуктов из США и других Объединенных Наций. Речь шла об отправке в этот регион удобрений, семян, сельскохозяйственного оборудования, поощрении ирригации и выращивания не экспортных культур вроде хлопка, а своей пшеницы, ячменя, риса и т. п. Это означало и ведение борьбы с саранчой: несколько ее кампаний, в которых были задействованы эскадрильи самолетов и множество грузовиков, чтобы обеспечить безопасность тыла, когда танки Роммеля угрожали нашему фронту. Места размножения саранчи были установлены на побережье Персидского залива, в Эфиопии, где помощь оказывал нам император Хайле Селассие, и в Саудовской Аравии, где помощь предложил король Ибн Сауд. Отравляющие вещества для истребления саранчи распыляли с самолетов и разбрасывали с грузовиков. Нельзя сказать, чтобы эти предприятия 1942 года кончились полной победой, но они помогли сэкономить сотни тысяч тонн зерна и достигнуть, может быть, наибольшего в борьбе с саранчой успеха на Ближнем Востоке за 2000 лет. В этом году борьба с саранчой возобновилась, и снова, как в 42-м, в ней участвовали самолеты и грузовики, присланные по ленд-лизу. Теперь и Советское правительство выделило самолеты для этого дела.

Страны Ближнего Востока расширили с нашей помощью возможности самоснабжения и снабжения необходимыми сельхозпродуктами стран Объединенных Наций. В Египте на тысячах акров вместо хлопка выращивают зерновые и сахарный тростник. В Египте и Ираке выращивают рис, чтобы компенсировать потерю риса, поступавшего из Бирмы. В Иране, через поставки семян по ленд-лизу, была внедрена американская кукуруза. Эфиопия поставляет Объединенным Нациям джут. Благодаря небольшим

количествам техники из США и Англии в Палестине и Египте налажено производство суперфосфатов, а в Иране — местное производство антифриза для грузовиков; в Египте консервные заводы обеспечивают англо-американские войска продуктами, а текстильные фабрики — формой; производят они и гражданскую одежду. Нам удалось сэкономить до миллиона тонн товаров, которые иначе пришлось бы отправлять на Ближний Восток. В этой программе США принимали участие как через ленд-лиз, так и по коммерческим каналам, но до половины этих поставок обеспечило Британское Содружество. Почти все поставки США по ленд-лизу осуществляются здесь на основе так называемого "ленд-лиза с возмещением", так как эти страны обычно располагают достаточным количеством валюты для оплаты. К лету 42-го мы выполнили задачу по превращению обширных тыловых районов в безопасную базу для начала наступления.

В июле-августе 1942 года ВВС союзников, усиленные американскими самолетами, присланными по ленд-лизу, начали уничтожать роммелевские источники снабжения. Они атаковали неприятельские порты и конвои в Средиземноморье, а английские подлодки и небольшие военные корабли топили суда с подкреплениями для войск противника. К концу лета Роммель, видимо решив, что медлить больше нельзя, 31 августа начал новое наступление. Но генералы Гарольд Александер и Бернард Монтгомери, командовавшие английскими и союзными силами, были готовы к этому, и за 6 дней наступление немцев было отбито. За последующие 7 недель Александер и Монтгомери подготовили все для собственного наступления. К сентябрю поступили присланные из США 70 дней назад танки "Генерал Шерман" и самоходные противотанковые пушки. К наступлению все было готово.

Началось оно с налета английских и американских бомбардировщиков и истребителей на вражеские позиции. В ночь на 24 октября артиллерия союзников, произведенная на английских и американских заводах, открыла мас-

сированный огонь самой большой концентрации за все время существования артиллерии союзников. Затем началось наступление 8-й армии — пехоты из Англии и стран Содружества, а также частей "наций в изгнании", американских и английских танков с английскими экипажами и экипажами союзников. На этот раз превосходство благодаря "шерманам" и 105-миллиметровым самоходным пушкам было на стороне союзников, и немецкие танковые части были разгромлены. 4 ноября Роммель потерпел полное поражение и начал тотальное отступление.

Победа под Эль-Аламейном прежде всего была успехом англичан, но также и победой взаимопомощи. Она показала, на что способны Объединенные Нации, когда они сплотят военные части и свою технику в единую ударную силу.

Пока 8-я армия преследовала части Роммеля до ливийской границы, три большие экспедиции отплывших из Англии и США военных сил подошли к Атлантическому побережью Французского Марокко. Одна из них, на английских кораблях, состоявшая из английских и американских войск, направлялась в Оран; вторая, также на британских кораблях, с американскими и английскими частями, следовала в Алжир; третья, полностью американская, имела целью Касабланку. В час ночи 8 ноября 1942 года началась высадка десантов в Алжире и Оране, а через три часа — в Касабланке. Через 48 часов основные цели десантов были достигнуты, а 11 ноября всякое сопротивление противника прекратилось.

Вскоре после капитуляции Алжира возник вопрос о вторжении в Тунис. Наши авангарды были в 25 милях от границы, но немцы и их союзники получили подкрепления по воздуху и через Сицилийский пролив, мы же не могли оказать существенной воздушной поддержки своим, потому что сезон дождей превратил временные взлетные полосы в болото. Чтобы захватить Тунис, пришлось ждать 5 месяцев, пока не были построены тыловые базы и укреплены коммуникации. Но Алжир, Марокко, Фран-

цузская Западная Африка были у нас в руках, а с другой стороны армию Роммеля преследовала 8-я армия англичан. Войска стран оси попали в огромные клещи.

Вторжение в Северную Африку было основано на совместном планировании Объединенного комитета начальников штабов, на соединении в одно целое оружия и других материальных ресурсов, на принципах "взаимного ленд-лиза". Службы обеспечения нашей станы и Англии неделями работали день и ночь, чтобы обеспечить доставку всех необходимых материалов по железным и шоссейным дорогам к месту отправки экспедиционных сил. В нашей штаб-квартире в Лондоне англичане организовали два отдела снабжения для наших нужд. Все необходимое для нас предоставлялось англичанами бесплатно, по "возвратному ленд-лизу". Л. Шорт, глава представительства по делам ленд-лиза в Северной Африке, рассказывал мне об одном эпизоде, иллюстрирующем характер нашего сотрудничества, которое было уже не просто сотрудничеством между правительствами, но живой взаимопомощью между народами, у которых общие цели в войне.

За несколько дней до отплытия экспедиционных сил группа американских офицеров в Англии обедала у железнодорожного чиновника, ведавшего доставкой грузов в порт, которому не был точно известен характер готовящегося предприятия. Он спросил, все ли необходимое доставлено на борт. Старший из офицеров ответил, что нужна еще пара дизельных локомотивов, да неизвестно, где их взять. На другой день два локомотива были уже в доках.

Когда экспедиционные силы отправлялись в Северную Африку из Англии и Америки, охрану несли 350 кораблей: 250 английских и 100 американских. Из грузовых и транспортных судов более 150 были английские и более 100 — американские. В наземных силах 40% были английскими, а 60% — американскими. В авиации соотношение сил было почти равным. Хотя большая часть техники и

оборудования английских войск была произведена в Англии, а американских — в США, наши силы значительно возросли благодаря нашей взаимопомощи. Мы поставили англичанам по ленд-лизу много самолетов, танков, грузовиков и другой техники. От них мы получили, правда, меньшее количество военных материалов и техники, но американские войска, отплывавшие в Африку, имели 0,5 миллиона английских противотанковых мин и гранат, 30 миллионов патрон, 130 разведывательных лодок, 80 тысяч тонн угля и 2 тысячи тонн английских продуктов. Целая наша дивизия была вооружена английскими 25-фунтовыми орудиями, и несколько наших эскадрилий летали на английских "спитфайрах". Все это и многое другое мы получили по "возвратному ленд-лизу".

В апреле 43-го Джон Каулз отправился в Северную Африку, чтобы ознакомиться с ходом операций по ленд-лизу и "возвратному ленд-лизу". Он встретился в Алжире с генералом Эйзенхауэром. Генерал сказал Каулзу, что одну из главных задач видит в сохранении духа полного единодушия между английскими и американскими силами, которыми он командовал, а с этой целью старается пользоваться принципами, положенными в основу ленд-лиза. По его словам, "взаимный ленд-лиз" — это цемент, который прочно соединяет армии разных народов, превращая их в гораздо более эффективную боевую силу, чем если бы у нас была просто коалиция. Он сказал:

— Я постоянно стараюсь проводить в жизнь принципы ленд-лиза, о которых говорил президент, и я вижу, что это приносит хорошие результаты.

Начиная с 1 декабря 1942 года Тунисская кампания временно зашла в тупик. В следующие 3,5 месяца союзники получали подкрепления и пополнение материальных ресурсов для финальных сражений за освобождение Туниса, что открывало дорогу на Сицилию и Италию.

Уже вскоре после высадки в Северной Африке мы и англичане обнаружили, что ее экономика в еще худшем

состоянии, чем предполагалось: транспорт развалился; не было достаточно продовольствия, чтобы население могло пережить зиму; медицинских средств было совсем мало, полки магазинов были почти пусты. Наши люди не могли уговорить местных рабочих работать на нас, так как им нечего было купить на заработанные деньги.

Без работы по восстановлению экономики в этом регионе мы не могли вести битву за Тунис, имея коммуникационные пути в 1000 миль, проходящие по странам, где жили 16 миллионов полуголодных, плохо одетых арабов, равнодушных, а то и враждебных к европейцам. В распоряжении войск было только 2—3 тысячи тонн гражданских запасов. Генерал Эйзенхауэр сразу связался с Вашингтоном, прося дополнительных ресурсов. Долго ждать не пришлось.

13 ноября 1942 года Рузвельт провозгласил оборону Северной Африки жизненно важной для безопасности США, распространив на этот регион действие Закона о ленд-лизе, и дал мне указание обеспечить войска Эйзенхауэра всем необходимым. За неделю нам удалось собрать около 8000 тонн необходимых товаров, а еще через неделю — отправить их в порт и передать военным. Но эти 8000 тонн не успели уйти далеко. Первая крупная партия товаров была получена не из США, а из Англии. Летом 42-го мальтийские конвои англичан несли тяжелейшие потери, и англичане посылали их с двух сторон: из Александрии и со стороны Гибралтара. После захвата Северной Африки и Ливии положение в Средиземноморье улучшилось, и уже в декабре мальтийский конвой дошел до цели почти невредимым. Второй же конвой Англия решила с полпути направить вместо Мальты во Французскую Северную Африку. Конвой вез 40 000 тонн товаров, в том числе 18 000 тонн муки. Все это предназначалось, конечно, для Мальты, но почти все могло быть использовано и в Северной Африке, кроме удобрений, специально предназначенных для каменистой мальтийской земли. Одежда, обувь, молоко, картофель, керосин, кофе помогли людям продер-

жаться в первые месяцы после высадки союзников в Северной Африке. Четыре пятых первых привезенных туда гражданских товаров были английскими, но мощь Америки за границей кажется сказочной, и местное население и теперь, кажется, верит, что все заграничные продукты и промтовары привозят из США.

Первые гражданские представители Управления по ленд-лизу Шорт и Катлер прибыли в это регион в декабре, в составе особой миссии Калбертсона из Госдепартамента, куда также входили представители Министерства сельского хозяйства и Совета военной экономики. Члены этой миссии вместе с англичанами вошли в Северо-Африканский экономический совет, созданный и возглавленный Эйзенхауэром, на который было возложено обеспечение тыла. Шорт стал руководителем отдела импорта этого совета. Представители Управления по ленд-лизу находились под началом генерал-майора Хэмфри Гейла, руководителя администрации Эйзенхауэра.

Импорт гражданских товаров с самого начала был частью нашей военной программы. Первой его целью было поддержание местной экономики хотя бы на минимальном уровне, необходимом для предотвращения беспорядков в городах или горных районах, через которые проходили наши коммуникации. Второй целью его было поддержание местной рабочей силы, тех, кто уже работал в областях, особо важных для нашей кампании (железные дороги, электростанции и т. п.). Нужны были нам рабочие руки и для портовых и строительных работ. Третьей целью импорта было помочь местному населению организовать обеспечение себя и наших войск, чтобы не везти все необходимое из Америки и Англии. Есть и такие вещи, относящиеся к современному ведению войны, которые перевозить через океан очень трудно. Сюда, например, относятся кислород для бомбардировщиков, ацетилен для сварки, а также свежие продукты. Четвертой целью импорта было восстановление экономики этого первого района, освобожденного нами от оккупантов. Все народы ок-

купированной Европы смотрели на нас, и надо было наглядно показать, что освобождение от тирании стран оси не означает свободу голодать или жить на одну милостыню Объединенных Наций, — оно должно означать возможность восстановления самостоятельного хозяйствования.

Определять драгоценные квоты гражданских товаров на эти цели было делом нелегким, особенно при приоритете военных перевозок. Последнее слово в вопросе об использовании транспорта и о поставках было за штабом Эйзенхауэра. Все рода войск представляли свои запросы на снабжение, а запросы на гражданские товары представлял Экономический совет. Союзное командование рассматривало их все, после чего распределялись места для доставки гражданских запасов, кроме угля и нефти, на американских кораблях (всего на 30 000 тонн в месяц). Уголь доставляли англичане (82 500 тонн в месяц) как для военных, так и для гражданских целей. Сицилийский пролив был все еще закрыт, и значительную часть нефти приходилось доставлять из США.

Первой гражданской и одновременно важнейшей стратегической задачей в регионе было предотвращение голода. Хозяйство здесь основывалось на культивации "ранних" видов продукции, отправляемых во Францию: пшеница, фрукты, овощи отправлялись туда весной и летом, до французского урожая. Попозднее все происходило наоборот: французское зерно и овощи отправлялись в Северную Африку. В 1942 году урожай там был плохой, но к 8 ноября значительная его часть уже поступила во Францию, Германию и Италию, а урожай поздних культур из Европы сюда еще не был доставлен. Само собой, он так и не попал в этот регион. Французские власти сразу предупредили союзников, что голод неизбежен, если не привезти сюда зерна. По местным оценкам, чтобы поддержать минимальный рацион — хотя бы по фунту хлеба в день — до урожая будущего года, нужно импортировать 50 000 тонн пшеницы в месяц, но это составляло 66% места на кораблях для гражданских товаров. С помощью

двух английских экспертов, один из которых прежде торговал зерном и хорошо знал региональный рынок, Экономический совет попытался урезать эти цифры до предела выполнимости. Оба эксперта путешествовали по всей Северной Африке, встречались с французскими продовольственными чиновниками и частными торговцами зерном и наконец сократили первоначальную цифру до 15 000 тонн в месяц, при условии что местные власти примут дополнительные меры. Совет поддержал экспертов, приняв за основу эту цифру, даже с условием, что союзные войска будут нести всю ответственность в случае голода.

Фактически же за полгода, по 30 июня 1943 года, в регион было ввезено 88 000 тонн пшеницы и муки — это несколько меньше, чем 15 000 тонн в месяц, — из них 84 000 остались в Северной Африке, а 4000 были предназначены для Сицилии. Без этого импорта в марте, апреле и мае у населения не было бы хлебного пайка. Благодаря сокращению цифры поставок мы сэкономили за полгода пространство на кораблях объемом для 212 000 тонн груза, что почти достаточно для снабжения трех дивизий, и сберегли столько же тонн муки и пшеницы.

Почти так же, как продуктов, в Северной Африке не хватало одежды. Завоз тканей для арабов при Виши был ничтожным, а шерстяных для европейской одежды не поступало с 1940 года. Не лучше было положение и с обувью. Многие ходили в лохмотьях. Чтобы помочь делу, мы до конца Тунисской кампании отправили туда 8000 тонн тканей и 2500 тонн обуви и готовой одежды. Это было немного для 16 миллионов человек, но все же облегчило положение.

Кроме того, мы отправляли в Северную Африку некоторые количества материалов, необходимых для производства того, что было нужно для местного населения и Объединенных Наций: рыболовные снасти, сети, олово для восстановления местной сардинной промышленности, оборудование для местных угольных шахт, чтобы уменьшить завоз угля в регион. Для нужд Объединенных

Наций мы получили увеличение добычи железной руды, фосфатов и кобальта, редкого металла, важного для создания сплавов. Большая часть железной руды и фосфатов были отправлены в Англию, чтобы сократить поставки туда стали и удобрений из США. Мы отправляли туда также бензин и запчасти для грузовиков, снабжающих войска, медикаменты для предотвращения эпидемий. Однажды такой груз был срочно доставлен по воздуху, чтобы остановить распространение сонной болезни, угрожавшей и местным жителям, и нашим войскам.

Лишь небольшая часть товаров, поступавших по ленд-лизу, — молоко для детей, часть других продуктов и одежды, — распределялась как прямая помощь. Почти все американские товары распределялись по обычным коммерческим каналам. Если бы мы сами занялись их распределением, нам бы понадобились не несколько десятков человек в совете, а тысячи американских военных и гражданских специалистов. Французские власти платят Америке наличными за поставки гражданских товаров, так как их долларовый баланс увеличился благодаря покупке франков нашими военными в Северной Африке.

После нового урожая в июне 1943 года завоз муки и пшеницы в Северную Африку почти прекратился, и теперь наш импорт продуктов в этот регион почти целиком сводится к небольшим количествам чая, сахара, молока, которые нельзя произвести на месте. Сейчас наши усилия направлены на то, чтобы помочь местному населению прокормить себя и снабжать провизией нашу армию в будущем. С этой целью сюда уже были отправлены в небольшом количестве горючее для тракторов и запчасти для сельхозмашин и планируется в расчете на будущие урожаи отправить туда семена, удобрения, инсектициды и сельскохозяйственную технику. Крестьяне Северной Африки смогли увеличить производство зерна, и вклад этого региона в дело Объединенных Наций возрастает.

Несколько месяцев назад Дэвис, директор отдела военной информации, прислал мне копию письма амери-

канского сержанта в Северной Африке Джорджа Фрида своей семье. Он пишет: "Нетрудно заметить, что продовольствие здесь является мощным военным оружием. Если раньше этим людям, может, и было безразлично, чем кончится война, то с появлением американских продуктов все переменилось. Через улицу от нас живет дородная женщина, которая до прихода нацистов была еще дороднее. Она прежде относилась к нам с неприязнью, но теперь другое дело. Сегодня утром она зашла в бакалейную лавку и, к своему изумлению, получила три банки сгущенного молока. Это — витамины для ее детишек, и такой язык она хорошо понимает. Она показала мне банки со слезами на глазах и просила Господа благословить американцев".

Весна 43-го, когда нам удалось предотвратить голод, была критическим временем для подготовки Тунисской кампании. Наши коммуникации пролегали по всему Алжиру. Главными портами были Оран и Алжир, через них проходила основная масса грузов. Экстренные грузы переправляли по воздуху из больших аэропортов в Оране и Алжире на полевые аэродромы в прифронтовых районах. Остальные грузы перевозились по земле, на грузовиках или по алжирской железной дороге, в товарных вагончиках всего на 10 тонн (четверть грузоподъемности американского вагона). И шоссе, и железная дорога проходили через горные районы к Тунисскому фронту. Тысячи местных рабочих трудились на дорогах, в портах, на аэродромах, и, хотя условия были благоприятны для вредительства, не произошло ни одного несчастного случая, ни в Алжире, ни в Марокко, которые можно было бы расценить как следствия диверсий. Положение могло быть совсем иным, если бы местное население на три месяца осталось без хлеба. К середине марта были завершены приготовления к финальному наступлению на вражеские войска в Тунисе.

Английская 8-я армия захватила Триполи 23 января 1943 года. Вскоре после этого остатки армии Роммеля от-

ступили в Тунис, за линию Марета, и соединились с направленными туда войсками стран оси. Генерал Эйзенхауэр стал командовать также и 8-й армией, и ему непосредственно подчинялись британские ветераны — генерал Александер, адмирал сэр Каннигэм, маршал авиации сэр Теддер, командовавшие соответственно сухопутными, морскими и воздушными силами. У всех под началом воевали английские, американские и французские части, а у Александера были также австралийцы, новозеландцы, южноафриканцы, марокканцы, сенегальцы и даже индокитайцы. У Каннигэма под началом были греческие, польские и норвежские корабли, а в авиации у Теддера кроме англичан и американцев — французы, греки, югославы и подразделения из британских доминионов. В день взятия Триполи к английским войскам присоединилась бригада "Сражающейся Франции" под началом генерала Леклерка, после того как она с боями прошла 3000 миль через Сахару от Форт-Лами во Французской Экваториальной Африке. Занимая по пути один захваченный итальянцами оазис за другим, она понесла большие потери, но жаждала участвовать в Тунисской кампании. Другим колоритным воинским соединением Объединенных Наций в этом регионе был Свободный африканский корпус, созданный генералом Жиро и другими французскими офицерами, хотя он и не был частью французской армии. Он состоял из беженцев из разных стран Европы. Многие из них были поляками, а также немецкими и австрийскими изгнанниками, которые перед падением Франции записались в Иностранный легион, а потом были отправлены Виши на принудительные работы на Транссахарскую магистраль или в шахты. Освобожденные после прихода союзников, они вступили в корпус Жиро, чтобы продолжать борьбу. В первые месяцы Свободный африканский корпус имел только те вооружения и материалы, которые остались от английских, американских или французских частей. Люди его ездили на английских и американских машинах и в фургонах, предназначенных для езды

на мулах, и были вооружены разнообразными винтовками и пушками, было у них по 1—2 танка разных видов из союзных армий. Питались они тем, что могли достать, а одежда была словно собранной на свалке. Но это была одна из самых боевых воинских частей в Африке. Да и регулярные французские части были вооружены и оснащены немногим лучше. В лучшем случае это был уровень 1938—39 годов, и то не в достаточном количестве. Немецко-итальянские комиссии по перемирию "демилитаризовали" практически все, кроме того, что французам удалось спрятать. Едва ли у них на вооружении была хоть одна зенитная пушка. Они располагали несколькими артиллерийскими батареями, несколькими устаревшими танками, ограниченным числом винтовок и пулеметов. Вся французская авиация состояла из нескольких старинных самолетов. В договоре о перемирии 11 ноября 1942 года не было предусмотрено восстановление французских вооруженных сил. Однако 15 ноября президент санкционировал снабжение людей оружием на территориях, освобожденных от оккупации стран оси, с целью ускорить поражение противника. Вскоре отдельные французские части стали добровольно переходить под начало Эйзенхауэра. 13 декабря он распорядился, чтобы подчиненные ему командиры выдавали французам оружие из своих запасов. 4 декабря Эйзенхауэр создал Объединенный комитет из американских, английских и французских отрядов по перевооружению и восстановлению французских вооруженных сил на земле, в воздухе и на море. В соответствии с программой, подтвержденной вскоре Касабланкской конференцией, предполагалось воссоздание французской армии в 300 000 человек и французских ВВС в 1000 самолетов. Вскоре в Африку стали поступать в большом количестве английские и американские вооружения. В отличие от гражданских военные материалы поставлялись французам по ленд-лизу, без оплаты наличными.

20 марта 1943 года началось окончательное наступление на Тунисском фронте. 8-я армия атаковала линию

Марета, а американцы под командованием Паттона вместе с 1-й английской армией и французскими частями нанесли удар с другой стороны, чтобы отвлечь часть сил противника. Через несколько дней линию Марета удалось обойти, и 7 апреля передовые отряды американцев соединились с англичанами в районе Гафсы. Войска противника были зажаты союзниками в треугольнике Тунис — Бизерта — Бон. В то же время были нанесены интенсивные воздушные удары по коммуникациям противника в Сицилийском проливе силами авиации Объединенных Наций, выступавшей как единая команда авиаторов, сражавшихся на американских и английских самолетах. За две недели были уничтожены или подбиты 147 транспортных самолетов и 31 судно противника. Заключительное наступление началось 20 апреля, а 7 мая англичане вошли в город Тунис, а американцы вместе с бойцами Свободного африканского корпуса в Бизерту. Через три дня 8-я армия и французские части овладели Боном. Дюнкерк для войск оси не состоялся: около четверти миллиона немцев и итальянцев сдались в плен, и французы захватили около 50 000 пленных.

Французские ВВС, участвовавшие в кампании, были подлинно интернациональными по своему оснащению. Одна эскадрилья летала на 36 "аэрокобрах", полученных по ленд-лизу, другая — на 16 английских "спитфайрах". Была также так называемая Группа-8, имевшая в распоряжении 17 французских "Лео-45" 39-го года, которые уязвимы для дневных полетов, но хорошо проводят ночные бомбежки противника.

9 мая 1943 года в Алжире и Касабланке состоялся парад в честь победы в Тунисе. Тысячи французских солдат, не успевших участвовать в этой кампании, но проходящих обучение для вторжения в Европу, проехали по улицам на танках, самоходных пушках, джипах, грузовиках и других машинах. Позади шли заново вооруженные пехота и инженерные части. Впервые за три года войны французы были в полной парадной форме, а толпы людей на

тротуарах плакали и смеялись, махали трехцветными флагами. Франция возрождалась из пепла.

Через восемь недель последовал первый шаг вторжения союзников в Европу: высадка на Сицилии. Эта совместная операция Объединенных Наций потребовала еще больше энергии, чем кампания в Северной Африке. Сицилия стала нашей, а через месяц с небольшим был свергнут Муссолини. В европейской крепости была пробита брешь...

Глава 27. Ленд-лиз и Соединенные Штаты

США вложили в программу ленд-лиза около 12 центов из каждого доллара, истраченного на нужды этой войны. К середине 1943 года общая стоимость нашей помощи по ленд-лизу достигла 12 900 миллионов долларов, и с тех пор эта цифра росла примерно на 1 миллиард в месяц.

Выразить смысл ленд-лиза в долларах — самый простой, пожалуй, способ его оценить. Но это очень приблизительная оценка: ведь в войнах побеждают не доллары. Победа Объединенных Наций достигается людьми, сражающимися с помощью самолетов, танков, кораблей, орудий. Мерой оценки нашей помощи по ленд-лизу должна быть боевая мощь армий, сражающихся с нашим общим врагом.

А что 12 900 миллионов долларов на июнь 43 года реально значат в смысле боевой мощи? Прежде всего, около 13 тысяч военных самолетов и запасные части к ним, а также много авиамоторов, сделанных на заводах наших союзников. Все эти расходы составили до 2 миллиардов долларов.

Из этих 13 тысяч самолетов больше было отправлено в Россию, чем на другие фронты. Конечно, первоначально большая часть самолетов по ленд-лизу поступала английским войскам, в Англию и Египет, но по мере разви-

тия морских и воздушных путей в Россию советская доля получения по ленд-лизу наших самолетов постоянно росла, и к середине 1943 года русские получали более трети из них. Второй по значимости объем этих поставок — самолеты, отправленные в Великобританию; далее следуют Средиземноморье, Тихоокеанский регион, Дальний Восток. Самолеты по ленд-лизу составляют примерно 16 из каждых 100, производимых у нас, а остальные 84 производятся для наших армии и флота. Конечно, количество самолетов, отправляемых из США по ленд-лизу, определяется Объединенным комитетом начальников штабов и Советом распределения боеприпасов, и этот процент может колебаться: например, в один из прошлых месяцев эта доля составила 22%, а в другой месяц — 10%. Наши самолеты не распределяются в зависимости от того, есть ли у союзников возможность за них заплатить или нет. Механизм ленд-лиза гибок и зависит от требований военной стратегии. Самолеты отправляются на те фронты, где они могут нанести противнику наибольший урон.

Доля танков, отправляемых из нашей страны по ленд-лизу, выше, чем доля самолетов. Мы отправили союзникам до 14 тысяч танков, и многие готовятся к отправке. Примерно 38 из 100 производимых у нас танков отправляется по ленд-лизу — это больше, чем по другим видам военных материалов. На танки ушло более 1 миллиарда долларов.

Еще примерно 0,5 миллиарда долларов потрачено на 300 тысяч грузовиков, джипов и других автомобилей. Из каждых 7 автомобилей, поставляемых нами по ленд-лизу, 3 поступили в Россию, 2 — в Тихоокеанский регион, 2 — в Египет, Англию, Иран и на другие театры военных действий. Наши грузовики помогают сражаться с врагом во всех охваченных войной регионах, хотя мы отправляем всего 10 из 100 производимых грузовиков.

Общая стоимость самолетов, танков, автомашин, вместе с более чем 1,5 миллиарда, затраченными на артиллерию и боеприпасы, 1 миллиардом, ушедшим на военные

и торговые суда для наших союзников, и расходами на множество мелочей, составляет более 6 миллиардов долларов.

Большая часть вооружений, производимых у нас в стране, — свыше четырех пятых— предназначается для наших войск. Ни один наш солдат не лишился оружия из-за ленд-лиза, об этом заботятся наши офицеры, занимающиеся распределением боеприпасов. Однако мы производим больше оружия, чем можем эффективно применить его против врага. У нас сейчас наибольшие производственные возможности: на нас напали в последнюю очередь, и мы не теряем ни часа производственного времени в ожидании действий врага.

Сначала мы не имели достаточно техники для войны, нам требовалось время для развития производства даже в начале 1942 года, после нападения на нас японцев, мы уступали англичанам по производству оружия, но сейчас наша страна превратилась в арсенал, какого еще не было в мире. Она одна производит больше военных материалов, чем все державы оси. На 6 миллиардов долларов можно произвести очень много вооружений, и наши войска с американским оружием сражаются вместе с вооруженными силами других Объединенных Наций, чья боеспособность возросла и благодаря американскому оружию. Но мы не можем переоценивать свое участие в вооружении наших союзников: их собственная военная промышленность работает на пределе, и они в состоянии, в основном, вооружать себя сами. Мы поставляем им дополнительные военные материалы.

Затраты на все военные материалы составляют до половины наших расходов на помощь по ленд-лизу. На втором месте в этом отношении промышленные материалы, необходимые для производства вооружений, железных дорог и транспорта, строительных работ, а также горючее. Это тоже оружие, хотя и не буквально боевое. На эти цели у нас пошло еще почти 3 миллиарда долларов из общей суммы, потраченной на помощь по ленд-

лизу. На первый взгляд не так очевидно некое равенство между кораблями, перевозящими сталь, алюминий или станки, и тем, что уничтожается вражеский солдат, танк или самолет врага. Но если оценить результаты войны в целом, то, может быть, наши промышленные поставки нанесли врагу больший урон, чем наше оружие само по себе. Так, поставляя алюминий в Англию, мы тем самым даем возможность полностью использовать для общего дела квалифицированных английских рабочих и английские заводы, производящие готовые военные самолеты. Отправляя в Россию по ленд-лизу шинный завод, мы даем советским людям возможность производить шины из собственной резины для грузовиков, перевозящих войска, которые заставят нацистов отступить. Поэтому алюминий в Англии и завод в России приносят больше пользы для дела войны, чем если бы все это оставалось у нас в стране.

Окончательное решение о распределении промышленных товаров и сырья принимает Комитет запросов Совета военной экономики (СВЭ) при координации его с Объединенным советом производственных ресурсов и Объединенным советом по сырью. Запросы по ленд-лизу рассматриваются вместе с запросами нашей армии и гражданской промышленности. У сотрудников СВЭ трудная задача: наличие запасов нередко меньше суммы запросов. В этом трудном деле у нас, конечно, бывают ошибки. Иногда из-за естественного желания скорейшего развития наших предприятий мы, возможно, удерживали какое-то сырье и материалы у себя в стране, тогда как они принесли бы большую пользу на предприятиях союзников. Возможно также, что часть материалов, отправленных за рубеж, наоборот, принесла бы больше пользы в нашей военной промышленности. Но и самое продуманное решение может не сработать из-за меняющейся военной обстановки. Например, русские перешли в наступление и больше не нуждаются в заказанной для них колючей проволоке; Бирманская дорога перерезана — и

в Китай уже нельзя доставить то, что для него предназначено; организуются срочные поставки для Североафриканской кампании — и сталь для англичан накапливается на складах. О таких случаях Управление по ленд-лизу сообщает СВЭ и другим заинтересованным ведомствам; как и в случае с боеприпасами, происходит перераспределение товаров на наши заводы или другим союзникам по ленд-лизу. Хотя количества промышленных товаров, предназначаемых для ленд-лиза, сами по себе значительны: 7 миллионов тонн стали, станки более чем на 200 миллионов долларов, более 100 миллионов баррелей нефтепродуктов на 30 июня 1943 года, — их процент в общем объеме нашего производства незначителен. За границу по ленд-лизу отправляется только 6 тонн стали из 100, станков только на 9 долларов из 100 и только 4 барреля нефтепродуктов из 100. Но в отношении увеличения боевой силы их значение больше их доли. Партия легированной стали или станков может помочь преодолеть трудности в военном производстве союзников, и ценность поставок существенно возрастет: ведь они способствуют увеличению производства оружия.

То же самое можно сказать о наших продовольственных поставках по ленд-лизу. Разумеется, наша армия и гражданское население должны иметь все необходимое для их максимальной боеспособности и трудоспособности. Но важно и помочь укрепить боеспособность наших союзников. Нельзя, насколько это от нас зависит, допускать недоедания среди английских рабочих, голода в России или недостаточного питания красноармейцев. Комитет распределения Военного продовольственного управления под общим руководством Объединенного продовольственного совета выполняет ту же распределительную работу, что и СВЭ в отношении промтоваров: его задача — решать, сколько продовольствия мы можем выделить для жизненных нужд союзников. С начала действия программы ленд-лиза до середины 1943 года мы поставили союзникам по ленд-лизу до 5 миллионов тонн про-

довольствия и еще 700 000 тонн другой сельхозпродукции. В целом эти расходы составили еще почти 2 миллиарда долларов от общей суммы затрат на нашу помощь по ленд-лизу.

В общем объеме американского продовольствия доля его, предназначенная для ленд-лиза, невелика: 6% в 1942-м и около 10% в 1943 году. По отдельным видам продуктов эта доля и того ниже: 0,5 фунта говядины из 100 фунтов, 3 кварты молока из 100, 2 банки фруктовых консервов и менее одной банки овощных консервов из 100 были отправлены по ленд-лизу. Мы отправили только 1 фунт сливочного масла из 100, и все это пошло в Россию. Но доля поставок продуктов, не столь критически необходимых нам, была выше. Мы поставили по ленд-лизу около 12 фунтов свинины и 5 фунтов баранины из каждых 100 фунтов, 10 яиц из 100, 20% рыбных консервов и 18% сухофруктов. Американские военные и гражданское население получают до 90% производимого у нас продовольствия. Почему же у нас есть некоторые трудности? В 40-м, 42-м и 43-м годах мы достигли рекордного уровня производства продовольствия, и в этом году тоже можем достичь высшего уровня, несмотря на трудности, с которыми сталкиваются наши фермеры. Попробуем, однако, ответить на вопрос: "Куда деваются наши продукты?"

Многие молодые люди сейчас пошли на военную службу. Они стали питаться лучше, и я знаю: никто из американцев возражать против этого не станет. Но, даже принимая во внимание это обстоятельство, как и поставки по ленд-лизу, гражданское население имеет возможность в среднем приобретать не меньше продуктов, чем в довоенные годы. И все же у нас имеются известные трудности с продовольствием. Дело в том, что у среднего американца сейчас больше денег на еду, чем было до войны, и он предпочитает их тратить. Отсюда и возникают затруднения. Но факт есть факт: США не пережили ничего худшего, чем неудобства с продуктами. У одних из нас нет возможности покупать такое же количество, например, сли-

вочного масла или говядины, как прежде, а у других потребление этого выросло, и они смогли позволить себе адекватное питание. Но никто в нашей стане из-за войны не получил меньше продуктов, чем их нужно для хорошего здоровья.

Однако за пределами США вполне реальная нехватка продовольствия будет возрастать с приближением войны к победному концу. Так было во всех больших войнах, а эта война самая большая и опустошительная из всех, известных когда-либо на Земле. Теперь, когда мы ворвались в европейскую крепость фашистов и освобожденные народы присоединяются к нам в походе на Берлин, нам, может быть, следовало бы поставлять в другие страны больше продовольствия. Не говоря уже о естественной гуманности, это нужно делать в интересах и нашей победы. Голод приносит с собой эпидемии, которые могут погубить больше американских солдат, чем вражеские бомбы и пули, а отчаяние голодных людей может вызвать беспорядки — серьезнейшую помеху нашим операциям. Если же заглянуть в будущее, то голод и болезни могут вызвать уныние и апатию у людских масс, что будет только мешать возрождению опустошенных стран и возможности их взаимовыгодной торговли с нами и с остальным миром. Помощь освобожденным народам никак не будет означать уменьшение продуктов в США. Все говорит о том, что мы и впредь будем иметь едва ли не лучшее питание в мире, а наша продовольственная помощь голодающим в других странах только поможет нашим солдатам скорее вернуться с победой домой.

Поставки по ленд-лизу продовольствия, оружия и промышленных товаров вместе взятые обошлись нам примерно в 11 миллиардов долларов. Остальное — примерно 2 миллиарда из общей суммы — пошло не на товары, а на обслуживание наших союзников: аренду и ремонт судов, перегонку самолетов, обучение летчиков и пр. Примерно 0,5 миллиарда долларов истрачено на

производство и хранение продукции, предназначенной для ленд-лиза. Чуть более миллиарда израсходовано на морской и воздушный транспорт для нужд союзников, и еще около 300 миллионов — на ремонт кораблей на наших верфях.

Итак, если взять 12,9 миллиарда долларов — общую сумму стоимости нашей помощи по ленд-лизу, то из этой суммы 6,2 миллиарда ушло на вооружения и военные материалы, 2,8 миллиарда — на промышленные товары, 1,9 миллиарда — на продовольствие и сельскохозяйственные товары и еще 2 миллиарда — на транспортное обслуживание, ремонт судов, заводы и пр. Мы предоставляем все это нашим союзникам по ленд-лизу, потому что они так же сражаются за наше дело, как и наши солдаты.

Мы, американцы, однако, люди прагматичные, и кто-то может спросить: "12,9 миллиарда — это очень большая цена. Оправданны ли такие расходы?"

Я думаю, что мы возвращаем затраченное даже вдвойне. Ленд-лиз не принес нашей экономике ущерба, дивиденды же эта помощь принесла огромные. Мы затрачиваем значительную часть наших национальных ресурсов на борьбу с врагом, а также на наших союзников. Но если бы не было ленд-лиза, если бы Англия сдалась, если бы Гитлер изолировал Россию, а японцы полностью захватили Китай, то мы остались бы один на один с миром, покоренным странами оси. И тогда кто измерил бы наши потери в людях и материальных ценностях, понесенные ради спасения нашей свободы?

Но лучше вспомнить красноречивое высказывание сенатора Джорджа в июне 1943 года, во время обсуждения ассигнований на программу ленд-лиза. В апреле расходы на эту программу достигли 11 миллиардов долларов, а в мае мы поставили перед Сенатом вопрос об ассигновании еще 6 миллиардов. Сенатор Джордж, председатель Финансового комитета, так объяснил, почему стоит тратить деньги на программу ленд-лиза:

— Нация сейчас тратит около 8 миллиардов в месяц. Если бы не те приготовления, которые мы сделали в эти месяцы, выиграв время, война, я убежден, продолжалась бы на год дольше. В год мы тратим на войну до 100 миллиардов долларов, а кроме того, мы могли бы потерять огромное число жизней лучших сынов нации. Даже сократив войну только на полгода, мы сбережем 48 миллиардов долларов, потратив всего 11 миллиардов, а кровь наших солдат, слезы наших матерей оценить вообще невозможно...

ЧАСТЬ 5

ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ

Глава 28. Оружие победы

11 марта 1943 года исполнилось два года со дня принятия Закона о ленд-лизе. В тот день Управление по делам ленд-лиза устроило торжественный обед для представителей Объединенных Наций. Доктор Сунь, лорд Галифакс и Максим Литвинов от имени своих стран выражали глубокую признательность за тот вклад, который помощь по ленд-лизу внесла в укрепление их боеспособности, а также в дело Объединенных Наций в целом. Но я никогда не считал Соединенные Штаты дающей, а их берущей стороной. Ведь каждый из них представлял народ, который, как и наш народ, отдавал все силы для нашей победы. Россия и Китай с неистребимым мужеством защищали собственную землю; Англия продолжала борьбу после Дюнкерка, когда все казалось потерянным. Все мы не жалели ни крови, ни сокровищ для того, чтобы приблизить день общей победы.

Когда мы не были Объединенными Нациями и каждый был сам по себе, мы знали только беды и поражения. Став Объединенными Нациями, мы перехватили инициативу у врага, а сейчас мы только побеждаем. Неважно, сколько еще месяцев борьбы впереди, — безусловно, победа за нами, пока мы едины.

Это — побудительная причина нашей нынешней мощи и единственное условие окончательной победы. Как сказал во время дебатов по ленд-лизу прошлой весной конгрессмен Блум, "любой группе народов, чтобы бороться против сплоченного дисциплиной и беспощадного врага, нужны взаимное доверие и тесное сотрудничество". Думаю, именно это имел в виду сенатор Джордж, когда через несколько дней добавил: "Будущие историки признают, что дата подписания Закона о ленд-лизе была днем поражения держав оси". То же самое имел в виду и сенатор Ванденберг, сказавший, что ленд-лиз представляет собой "основу нашей общей стратегии и ключ к сотрудничеству ради общей победы".

А на что мы будем способны после достижения нашей победы — это зависит от того, сумеем ли мы заключить мир на таком же пути, на каком умели бороться против агрессии, оставаясь Объединенными Нациями. За 30 месяцев, с 11 марта 1941 года, мы убедились, что наше единство может делать чудеса. Мы избежали катастрофы, которая могла на столетия отсрочить приход свободы, и получили огромную возможность добиться лучшего будущего для всех людей. Этой возможностью мы сможем воспользоваться при условии, если останемся едиными.

Можно спросить, а почему вообще возникает вопрос о возможности нашего дальнейшего сотрудничества. Если мы победили благодаря единству, какой страшной насмешкой будет, если мы потерпим поражение во время мира, не сумев сохранить единство! Тогда поистине все потери, все жертвы, принесенные теми, кто жил и боролся ради победы, окажутся напрасными.

Но если мы научились вместе воевать, то можем научиться и сотрудничать после войны. Конечно, будут трудности, противоречия, столкновения интересов. Но здесь нет ничего нового или страшного. Такие вопросы можно решать к общей пользе. Американцы, которые в этом сомневаются, по-моему, и это странно для меня, не очень верят в нашу способность мудро и с пользой для всех

использовать нашу силу в международных отношениях. Чего нам бояться? Конкуренции со стороны Великобритании? Будем надеяться, что между нами будет здоровое соперничество, как и хорошее сотрудничество в борьбе за процветание наших собственных и других стран. После победы в этой войне для нашей страны едва ли будет смысл бояться чьей-то конкуренции. Мы будем располагать громадными материальными ресурсами и промышленной мощью в качестве страны, не пострадавшей от врага, бизнесмены которой умеют вести дела с бизнесменами всего мира, страны, располагающей также большими знаниями о жизни других народов благодаря миллионам наших соотечественников за рубежом. Боязнь конкуренции с нашей стороны можно было бы понять у англичан, понесших тяжелые экономические и военные потери. Впрочем, англичане и сами хорошие бизнесмены, способные восстановить свою экономику, и их успех в наших интересах. В свободном, процветающем мире перед всеми открываются большие экономические возможности.

Боимся ли мы коммунизма в России? С какой стати нам его бояться? Разве мы так плохо верим в нашу форму правления и не понимаем того, что уже принесло и еще принесет нашей стране свободное предпринимательство, регулируемое в интересах демократии? Мы работаем над нашим экспериментом уже более 150 лет — и мы будем продолжать идти своим путем, а Советы пусть на свой лад работают над своим экспериментом. Нам нечего бояться России. Мы только выиграем от дружественного и взаимовыгодного сотрудничества с нею.

Боимся ли мы возрождения Китая? Конечно нет. Китай уже две тысячи лет был самым миролюбивым из великих народов. Новый Китай (гоминьдановский Китай. — *Перев.*) можно считать моральным лидером среди Объединенных Наций в отношении понимания того, что необходимо делать ради налаживания сотрудничества между народами.

После достижения мира американцам нечего будет бояться, кроме неверия в себя и в свою страну. Если мы готовы продолжать сотрудничество времен войны и во время мира, то и с нами будут сотрудничать другие народы к нашей общей пользе.

Все Объединенные Нации подписались под целями, провозглашенными в Атлантической хартии и Декларации Объединенных Наций, которые кратко можно сформулировать как свободу слова, свободу вероисповедания, свободу от нужды и страха. Таких целей не достигнешь сразу — путь к ним долог и труден, но они не менее достойны и реальны, чем цели нашей Декларации независимости. Без них не достигнешь прочного, продолжительного мира. История человечества свидетельствует, что мир и процветание несовместимы с тиранией, нуждой и страхом.

Принципы политического сотрудничества еще предстоит выработать, и это непросто. Но Объединенные Нации имеют возможность это сделать. Ответственность за это должны разделить Конгресс, президент и весь наш народ.

Ключ к будущему экономическому сотрудничеству — в статье VII Больших договоров о ленд-лизе, заключенных между нами и нашими союзниками. В ней наше согласие с тем, что в конечном счете сближение, связанное с ленд-лизом, предполагает "открытость для сотрудничества со всеми странами, разделяющими наши цели, на основе соответствующих международных и внутренних мер в области производства, занятости, обмена и потребления материалов, составляющих экономическую основу свободы и благосостояния народов, и на достижении экономических целей, выдвинутых в Совместной декларации от 14 августа 1941 года президентом США и премьер-министром Соединенного Королевства".

Атлантическая хартия открывает новые возможности для нас и для других народов построить мир, где будет обеспечен простор для предприимчивости и личной ини-

циативы, и люди смогут завоевывать все новые рубежи экономических возможностей.

Большие соглашения о ленд-лизе не только не ограничивают, а, наоборот, расширяют эти возможности; ценность же того, что могло бы принести в мирное время продолжение сотрудничества в духе ленд-лиза, более всего можем оценить мы, американцы, так как наша страна всегда была страной возможностей. Мы, поколение за поколением, завоевывали новые рубежи. Ленд-лиз же открывает возможность в мирное время существования более процветающей Америки в более процветающем мире, а это стоит всего золота и материальных ценностей, истраченных нами во время войны.

Ленд-лиз явился программой военного времени, в которой США сосредоточили свои экономические ресурсы ради победы. Эта программа не рассматривалась как средство бизнеса в мирное время, хотя благодаря ей мы узнали очень много ценного для развития торговли в мирное время. Дело Конгресса и народа решать, пригодится ли что-то и что именно из этой программы в мирное время, будет ли иметь постоянную ценность.

Сотрудничество по ленд-лизу, каким оно теперь стало, конечно, однажды закончится, но мы знаем, что принципы взаимопомощи и взаимной выгоды, заложенные в основу Закона о ленд-лизе, должны продолжать действовать. Сейчас, как никогда прежде, свободолюбивые народы едины в своих целях и действиях. В этом единстве мы сможем найти силу, чтобы установить мир в мире, в котором всем будут обеспечены свобода и равные возможности.

БОЛЬШОЙ ДОГОВОР О ЛЕНД-ЛИЗЕ С РОССИЕЙ*

Соглашение между Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик о принципах взаимопомощи в ведении войны против агрессоров.

Принимая во внимание, что правительства Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик провозглашают, что они осуществляют сотрудничество вместе со всеми народами, разделяющими их стремления, с целью создания основ справедливого и прочного мира во всем мире, обеспечивающего законность и порядок для них самих и для всех народов;

Принимая во внимание, что правительства Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик, подписав декларацию Объединенных Наций 1 января 1942 г., признали общие цели и принципы совместной декларации, известной как Атлантическая хартия, принятой 14 августа 1941 г. президентом Соединенных Штатов Америки и премьер-министром Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирлан-

---

* США заключили идентичные договоры с Советским Союзом, Великобританией, Китаем, Бельгией, Чехословакией, Эфиопией, Грецией, Либерией, Голландией, Норвегией, Польшей и Югославией. Австралия и Новая Зеландия приняли условия договора, и Канада согласилась на принципы, выдвинутые в ст. VII. — *Примеч. автора.*

дии, принципы, которые были приняты правительством Союза Советских Социалистических Республик 24 сентября 1941 г.;

Принимая во внимание, что, в соответствии с Законом от 11 марта 1941 г., президент Соединенных Штатов Америки провозгласил оборону Союза Советских Социалистических Республик от агрессии жизненно важной для безопасности Соединенных Штатов Америки;

Принимая во внимание, что Соединенные Штаты Америки оказывали и продолжают оказывать Союзу Советских Социалистических Республик помощь в отражении агрессии;

Принимая во внимание, что признано целесообразным, чтобы вопрос об окончательных условиях и сроках, в пределах которых правительство Союза Советских Социалистических Республик получает указанную помощь, а также о благах, которые Соединенные Штаты Америки получают взамен, был отсрочен до выяснения (полного) объема военной помощи и до того времени, когда развитие событий определит указанные окончательные условия и сроки, а также характер указанных благ, во взаимных интересах Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик, а также в интересах установления и сохранения мира во всем мире;

Принимая во внимание обоюдное желание правительств Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик заключить предварительный договор о предоставлении военной помощи и относительно определенных положений, которые следует принять в расчет при определении вышеуказанных сроков и условий, с тем чтобы такой был согласован во всех аспектах, и все законные требования, условия и формальности, которые может потребоваться выполнить и осуществить до подписания этого договора в Соединенных Штатах Америки либо в Союзе Советских Социалистических Республик, были бы должным образом выполнены и осуществлены;

Мы, нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные соответствующими правительствами, договорились о нижеследующем.

Статья I

Правительство Соединенных Штатов Америки обязуется продолжать предоставлять правительству Союза Советских Социалистических Республик такого рода оборонные материалы, оборонные услуги и оборонную информацию, предоставить которые сочтет необходимым президент Соединенных Штатов Америки.

Статья II

Правительство Союза Советских Социалистических Республик обязуется продолжать вносить свой вклад в укрепление обороны Соединенных Штатов Америки, предоставляя для этого материалы, услуги и информацию в зависимости от своих возможностей.

Статья III

Правительство Союза Советских Социалистических Республик обязуется без согласия президента Соединенных Штатов Америки не предоставлять права на распоряжение или в собственность какие-либо оборонные материалы или оборонную информацию, полученные на основании Закона, принятого Конгрессом Соединенных Штатов Америки 11 марта 1941 г., и не допускать их использования никем, кроме военных или гражданских служащих или агентов правительства Союза Советских Социалистических Республик.

Статья IV

Если, в результате передачи правительству Союза Советских Социалистических Республик каких-либо оборонных материалов или оборонной информации, возникнет необходимость произвести операции по оплате, с тем, чтобы полностью защитить права гражданина Соединенных Штатов Америки, обладающего преимущественными правами на таковые оборонные материалы или информацию, то правительство Союза Советских Социалистических Республик обязуется произвести такие операции, если

это сочтет необходимым президент Соединенных Штатов Америки.

Статья V

Правительство Союза Советских Социалистических Республик обязуется возвратить Соединенным Штатам Америки по окончании нынешних чрезвычайных обстоятельств, согласно решению президента Соединенных Штатов Америки, те оборонные материалы, полученные согласно настоящему договору, которые не были разрушены, утрачены или полностью использованы и которые президент сочтет полезными для обороны Соединенных Штатов Америки или Западного полушария или могущими иным способом принести пользу Соединенным Штатам Америки.

Статья VI

При окончательном определении тех благ, которые правительство Союза Советских Социалистических Республик должно предоставить Соединенным Штатам Америки, следует полностью учесть всю собственность, помощь, услуги или иные блага или иные виды возмещения (considerations), предоставленные правительством Союза Советских Социалистических Республик после 11 марта 1941 г. и приняты или признаны (таковыми) президентом от имени Соединенных Штатов Америки.

Статья VII

При окончательном определении благ, которые правительство Союза Советских Социалистических Республик предоставит Соединенным Штатам Америки в обмен на помощь, полученную по Закону от 11 марта 1941 г., соответствующие сроки и условия должны быть такими, чтобы не стать препятствием в торговле между двумя странами, но должны способствовать взаимовыгодным экономическим взаимоотношениям между ними и улучшению экономических взаимоотношений во всем мире. С этой целью должны быть выработаны совместные действия Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик, открытые для участия всех дру-

гих стран, разделяющих эти стремления, и направленные на расширение, с помощью соответствующих международных и внутренних мер, производства, использования, обмена и потребления товаров, представляющих собой материальную основу свободы и благосостояния всех народов, на уничтожение всех форм дискриминации в международной торговле, на снижение тарифов и уменьшение иных торговых барьеров, и в целом — на достижение всех экономических целей, сформулированных в Совместной декларации президента Соединенных Штатов Америки и премьер-министра Великобритании от 14 августа 1941 г., основные принципы которой были приняты правительством Союза Советских Социалистических Республик 24 сентября 1941 г.

Сразу же, когда это будет удобно, должны быть начаты переговоры между нашими двумя правительствами, с тем, чтобы определить, в свете господствующих экономических условий, наилучшие средства для достижения вышеуказанных целей, как с помощью их собственных согласованных действий, так и стараясь привлечь к сотрудничеству другие правительства, разделяющие эти стремления.

Статья VIII

Данный договор вступает в силу с настоящей даты. Он будет оставаться в силе до даты, которая должна быть согласована обоими правительствами.

Подписано и скреплено печатями в Вашингтоне, в 2-х экземплярах, сего одиннадцатого дня июня 1942 г.

За правительство Соединенных Штатов Америки

Корделл Халл,

Секретарь

Госдепартамента Соединенных Штатов Америки

За правительство

Союза Советских Социалистических Республик

Максим Литвинов,

Посол Союза Советских

Социалистических Республик в Вашингтоне.

РОЛЬ ЛЕНД-ЛИЗА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.*

Роль западных поставок в годы Великой Отечественной войны традиционно умаляется советской историографией еще со времен начала "холодной войны". Так, в книге Н.А. Вознесенского "Военная экономика СССР в период Отечественной войны" о ленд-лизе западных союзников вообще не было сказано ни слова (говорилось лишь, что все западные поставки составляли 4% от советского производства), а недавний союзник по антигитлеровской коалиции именовался: "Ожиревший на народной

* Опубликовано (в английском переводе): Journal of the Slavic Military Studies, 1994, vol. 7, No 4. December. Издательство благодарит Дэвида Глэнса — главного редактора журнала за любезное разрешение опубликовать статью в настоящей книге на русском языке.

крови в период второй мировой войны монополистический капитализм Соединенных Штатов Америки", который "теперь стоит во главе империалистического и антидемократического лагеря и стал застрельщиком империалистической экспансии во всех частях света"[1]. И в 80-е годы роль ленд-лиза хотя и признавалась, но всячески умалялась советскими историками. А в "Краткой истории" Великой Отечественной войны отмечается, что "СССР действительно получил во время войны по ленд-лизу некоторые виды вооружения, а также важные для народного хозяйства машины, оборудование, материалы, в частности паровозы, горючее, средства связи, различные виды цветных металлов и химикатов. Существенной помощью явилась, например, поставка США и Англией 401 400 автомобилей. Однако в целом эта помощь не была сколько-нибудь значительной и никак не могла оказать решающего влияния на ход Великой Отечественной войны". Далее авторы утверждают, что по отношению к советскому производству иностранные поставки составили: по артиллерийским орудиям всех систем — 1,9%, по танкам — 7%, по боевым самолетам — до 13%, а в автомобильном парке Красной Армии импортных автомашин в 1943 г. было 5,4%, а в 1944 г. — 19%. Общий же объем союзных поставок будто бы составил около 4% советского военного производства[2]. Как будет показано ниже, данные о доле ленд-лиза в советском военном производстве скорее всего занижены за счет завышения объемов производства отдельных видов вооружения и боевой техники в СССР.

Принижение роли западных поставок в советских военных условиях было направлено в первую очередь на утверждение мифа об "экономической победе социализма"

---

[1] *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ — Госполитиздат, 1947. С. 189—190.

[2] Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. Изд. 3-е. М.: Воениздат, 1984. С. 508.

в Великой Отечественной войне и о превосходстве советской военной экономики над военными экономиками капиталистических стран, не только Германии, но и Великобритании и США. Лишь после 1985 г. в советских публикациях стали попадаться иные оценки союзной помощи. Так, маршал Г.К. Жуков в послевоенных беседах с писателем К.М. Симоновым заявил: "Говоря о нашей подготовленности к войне с точки зрения хозяйства, экономики, нельзя замалчивать и такой фактор, как последующая помощь со стороны союзников. Прежде всего, конечно, со стороны американцев, потому что англичане в этом смысле помогали нам минимально. При анализе всех сторон войны это нельзя сбрасывать со счетов. Мы были бы в тяжелом положении без американских порохов, мы не могли бы выпускать такое количество боеприпасов, которое нам было необходимо. Без американских "студебеккеров" нам не на чем было бы таскать нашу артиллерию. Да они в значительной мере вообще обеспечивали наш фронтовой транспорт. Выпуск специальных сталей, необходимых для самых разных нужд войны, был тоже связан с рядом американских поставок". При этом Жуков подчеркивал, что "мы вступили в войну, еще продолжая быть отсталой в промышленном отношении страной по сравнению с Германией"[3]. Достоверность передачи К. Симоновым этих бесед с Жуковым, состоявшихся в 1965—1966 гг., подтверждается высказываниями Г. Жукова, зафиксированными в результате прослушивания органами безопасности в 1963 г.: "Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Аме-

[3] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М.: АПН, 1989. С. 354.

риканцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью? А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии"[4].

В отличие от советской в американской историографии роль ленд-лиза всегда получала адекватное отражение как решающий фактор в способности Советского Союза продолжать войну. Наиболее фундаментально военно-экономическая роль американской помощи СССР освещена в вышедшей в 1969 г. монографии американского исследователя Роберта Х. Джоунса[5]. Однако он лишен был возможности показать долю американских и британских поставок в производстве отдельных видов жизненно важной продукции в СССР из-за отсутствия данных о советском производстве, хотя и смог привести весьма подробную номенклатуру поставок по ленд-лизу. Значение американского ленд-лиза и поставок из Великобритании и Канады для советской военной экономики прежде всего с точки зрения ее сбалансированности рассматривает также британский исследователь Марк Харрисон в монографии, опубликованной в 1985 г.[6]. Однако он ведет анализ по значительно меньшей номенклатуре продукции, чем Роберт Х. Джоунс, и находится под сильным влиянием теории народно-хозяйственных балансов, разработанной В. Леонтьевым не без воздействия опыта советского народно-хозяйственного планирования. М. Харрисон производит расчеты главным образом по вооружению и боевой технике и, как правило, без подразделения общих показателей на конкретную номенклатуру продукции (нефтепродукты в целом, а не конкретные

---

[4] Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1. С. 234.

[5] *Jones R.H.* The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. Norman, Oklahoma Univ. Press, 1969.

[6] *Harrison M.* Soviet Planning in Peace and War 1938—1945. Cambridge Univ. Press, 1985.

виды горючего; прокат в целом, а не отдельные виды проката и т. п.), что делает ситуацию более благоприятной для советской экономики, чем она была в действительности. В нашей работе мы пытаемся посчитать долю западных поставок в советском производстве некоторых важнейших для ведения войны видов продукции, пользуясь как некоторыми недавно опубликованными сведениями, так и собственными расчетами.

Одним из наиболее узких мест советской экономики перед войной было производство авиационного и, в несколько меньшей степени, автомобильного бензина. Особенно не хватало высокооктановых бензинов. Так, в 1941 г. накануне войны потребность по авиационному бензину Б-78 была удовлетворена всего на 4%[7]. В 1940 г. в СССР было произведено 889 тыс. т авиабензина, в 1941 г. — 1269 тыс. т, в 1942 — 912, в 1943 — 1007, в 1944 — 1334 и в 1945 г. — 1017 тыс. т.[8]. Всего за годы войны в США по ленд-лизу и в рамках советских заказов было поставлено 666 тыс. т авиационного бензина, из которых после отправки было переадресовано в другие места 37,65 тыс. т, так что чистая поставка составила 628,4 тыс. т.[9]. Кроме того, чистая поставка бензиновых светлых фракций из США в СССР достигла 732,3 тыс. т. Помимо этого с Абаданского нефтеперерабатывающего завода Великобритания поставила в СССР 14,7 тыс. т авиационного бензина и 902,1 тыс. т бензиновых светлых фракций (эти поставки были компенсированы Великобритании США). К этому необходимо также добавить 573 тыс. т авиационного бензина, поставленного в СССР с нефтеперерабатывающих

---

[7] Военная академия тыла и транспорта. Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. Ч. I. Л., 1963. С. 46.

[8] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Статистический сборник. М.: ИИЦ Госкомстата СССР, 1993. С. 55.

[9] *Jones R.H.* Op. cit. Appendixes.

заводов Великобритании и Канады[10]. В сумме все это дает 2850,5 тыс. коротких тонн авиабензина и светлых бензиновых фракций, полученных СССР из США, Великобритании и Канады, что равно 2586 тыс. метрических тонн. В Советском Союзе импортный авиабензин и светлые бензиновые фракции использовались почти исключительно для смешивания с советскими авиабензинами с целью повышения их октанового числа, так как советские самолеты были приспособлены к использованию бензинов с гораздо более низким октановым числом, чем на Западе. Достаточно сказать, что более 97% импортного бензина имело октановое число 99 и выше, тогда как в СССР в огромном дефиците, как мы уже видели, был даже бензин Б-78. Поэтому фактически поставленный по ленд-лизу авиабензин был включен в советское производство авиабензина и составил, следовательно (вместе со светлыми бензиновыми фракциями), 51,5% от советского производства 1941—1945 гг. Если же вычесть из итога советское производство авиабензина за первую половину 1941 г., оценив его примерно в половину от годового производства, то доля поставок по ленд-лизу поднимется до 57,8%. Получается, что поставки по ленд-лизу авиабензина, происходившие с августа 1941 г. по сентябрь 1945 г., в 1,4 раза превышали собственно советское производство. Из других источников снабжения авиабензином СССР смог захватить в 1944—1945 гг. 82,8 тыс. т трофейного бензина в Румынии, Польше, Венгрии и Чехословакии[11], что было каплей в море. Очевидно, что без западных поставок горючего советская авиация просто не смогла бы поддерживать свои войска в необходимом объеме. Надо учесть также, что из-за гораздо более высоких октановых чисел западного авиабензина его роль в

[10] Ibid.

[11] Военная академия тыла и транспорта. Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. Части IV, V и VI. С. 51.

обеспечении советской авиации была на самом деле еще более значительной, чем это можно было бы заключить из одних только весовых показателей.

Автобензина в СССР в 1941—1945 гг. было произведено 10 923 тыс. т (в том числе в 1941 — 2983 тыс. т)[12], а из США получено по ленд-лизу 267,1 тыс. коротких, или 242,3 тыс. метрических, тонн[13], что составило лишь 2,8% от общего советского производства за время войны (за вычетом производства за первую половину 1941 г.). Правда, действительная роль американского автобензина была несколько выше из-за более высоких октановых чисел. Собственных потребностей в этом виде горючего СССР удовлетворить не мог, и дефицит автобензина в Красной Армии сохранялся до конца войны. Так, например, в конце 1944 г. в докладе комиссии Генштаба, штаба тыла и Главного автотранспортного управления Красной Армии по проверке правильности использования автотранспорта на фронтах отмечалось, что на 1-м Белорусском фронте "дальнейшее увеличение автотранспорта фронта без увеличения отпуска горючего нецелесообразно". Такая же картина наблюдалась и на 1-м Украинском фронте[14]. Очевидно, подобное положение отчасти было следствием и нерационального составления заявок на помощь по ленд-лизу советской стороной — целесообразнее было бы просить меньше автомашин и больше автобензина.

Автопарк Красной Армии также в большой степени был обеспечен за счет западных поставок. Производство автомобилей в СССР в 1940 г. составило 145 390, в 1941 — 124 476, в 1942 — 34 976, в 1943 — 49 266, в 1944 — 60 549,

---

[12] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 55.

[13] *Jones R.H.* Op. cit. Appendixes.

[14] Военная академия тыла и транспорта. Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. Части IV, V и VI. С. 51.

в 1945 — 74 757[15]. При этом в первом полугодии 1941 г. было выпущено 73,2 тыс. автомобилей, а во втором — только 46,1 тыс.[16], так что с начала войны и до конца 1945 г. общее производство автомобилей можно определить в 265,6 тыс. штук. Из США в СССР за годы войны было поставлено 409,5 тыс. автомобилей, что в 1,5 раза превышало советское производство за годы войны. К концу войны (на 1 мая 1945 г.) в автомобильном парке Красной Армии поставленные по ленд-лизу машины составляли 32,8% (58,1% составляли машины отечественного производства и 9,1% — трофейные автомашины)[17]. С учетом же большей грузоподъемности и лучшего качества роль американских автомашин была еще выше ("студебеккеры", в частности, использовались в качестве артиллерийских тягачей). Довоенный же парк советских автомобилей (как находившихся в Красной Армии, так и изъятых из народного хозяйства с началом войны) был сильно изношен. Перед войной потребности Красной Армии в автотранспорте определялись в 744 тыс. автомобилей и 92 тыс. тракторов, в наличии же имелось 272,6 тыс. автомобилей и 42 тыс. тракторов. Из народного хозяйства планировалось изъять 240 тыс. автомобилей, в том числе 210 тыс. грузовиков (ГАЗ-АА и ЗИС-5), однако из-за сильного износа автопарка (по легковым автомобилям машин, относящихся к 1-й и 2-й категориям, т. е. не требующих немедленного ремонта, было 45%, а по грузовым и специальным — 68%) фактически было изъято из народного хозяйства в первые месяцы войны лишь 206 тыс. автомашин, тогда как уже к 22 августа 1941 г. безвозвратные потери автомобилей достигли 271,4 тыс.[18]. Очевидно, что без западных поставок Красная

---

[15] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 66.

[16] Военная академия тыла и транспорта. Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне. Части II и III. С. 148.

[17] Там же. Части IV, V и VI. С. 100.

[18] Там же. Часть I. С. 116; Части II и III. С. 147.

Армия не обрела бы той степени подвижности, которой она обладала по крайней мере с середины 1943 г., хотя вплоть до конца войны использование автотранспорта сковывалось недостатком автобензина.

Также и функционирование советского железнодорожного транспорта было бы невозможно без ленд-лиза. Производство железнодорожных рельсов (включая рельсы узкой колеи) изменялось в СССР следующим образом (в тыс. т) 1940 — 1360, 1941 — 874, 1942 — 112, 1943 — 115, 1944 — 129, 1945 — 308.[19] По ленд-лизу же в СССР было поставлено 685,7 тыс. коротких тонн железнодорожных рельсов,[20] что равно 622,1 тыс. метрических тонн. Это составляет около 56,5% от общего объема производства железнодорожных рельсов в СССР с середины 1941 г. по конец 1945 г. Если же исключить из подсчета рельсы узкой колеи, которые по ленд-лизу не поставлялись, то американские поставки составят 83,3% общего объема советского производства. Если же исключить из подсчетов производства за вторую половину 1945 г., приняв его равным по крайней мере половине годового производства (в действительности за второе полугодие 1945 г. было произведено значительно больше половины годового производство рельсов за счет сокращения собственно военного производства), то ленд-лиз по рельсам составит 92,7% от общего объема советского рельсового производства. Таким образом, почти половина железнодорожных рельсов, использованных на советских железных дорогах во время войны, поступила из США. Резкое сокращение выпуска рельсов советской промышленностью позволило направить дополнительные мощности и ресурсы стали на выпуск вооружения (в 1945 г. выпуск рельсов составил 13% от уровня 1940 г., а в 1944 г. — всего 5,4%).

---

[19] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне... С. 46.

[20] *Jones R.H.* Op. cit. Appendixes.

Еще более заметной была роль поставок по ленд-лизу в сохранении на необходимом уровне численности советского парка локомотивов и железнодорожных вагонов. Выпуск магистральных паровозов в СССР изменялся следующим образом: в 1940 — 914, в 1941 — 708, в 1942 — 9, в 1943 — 43, в 1944 — 32, в 1945 — 8. Магистральных тепловозов в 1940 г. было выпущено 5 штук, а в 1941 г. — 1, после чего их выпуск был прекращен до 1945 г. включительно. Магистральных электровозов в 1940 г. было произведено 9 штук, а в 1941 г. — 6 штук, после чего их выпуск также был прекращен[21]. По ленд-лизу же в СССР в годы войны было доставлено 1900 паровозов и 66 дизель-электровозов[22]. Таким образом, поставки по ленд-лизу превосходили общее советское производство паровозов в 1941—1945 гг. в 2,4 раза, а электровозов — в 11 раз. Производство грузовых вагонов в СССР в 1942—1945 гг. составило в сумме 1087 штук по сравнению с 33 096 в 1941 г.[23]. По ленд-лизу же было поставлено в общей сложности 11 075 вагонов[24], или в 10,2 раза больше советского производства 1942—1945 гг. Известно, что в Первую мировую войну транспортный кризис в России на рубеже 1916—1917 гг., во многом спровоцировавший революцию февраля 1917 г., был вызван недостаточным производством железнодорожных рельсов, паровозов и вагонов, поскольку мощности промышленности и ресурсы проката были переориентированы на выпуск вооружений. В годы Великой Отечественной войны только поставки по ленд-лизу предотвратили паралич железнодорожного транспорта в Советском Союзе.

Важную роль играли и союзные поставки порохов и других взрывчатых веществ. В СССР производство взрыв-

---

[21] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне... С. 66.

[22] *Jones R.H.* Op. cit. Appendixes.

[23] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне... С. 66.

[24] *Jones R.H.* Op. cit. Appendixes.

чатых веществ в период с середины 1941 г. по середину 1945 г. мы оцениваем приблизительно в 600 тыс. т.[25]. Из США было поставлено 325,8 тыс. коротких тонн взрывчатых веществ[26], или 295,6 тыс. метрических тонн. Кроме того, 22,3 тыс. т порохов было доставлено из Великобритании и Канады[27]. Таким образом, западные поставки взрывчатых веществ достигли 53% от общего объема советского производства.

В обеспечении народного хозяйства цветными металлами западные поставки имели решающее значение. Цифры советского производства основных цветных металлов в 1941—1945 гг. до сих пор остаются секретными, поэтому здесь приходится опираться не на официальные данные, а на оценки. Так, производство меди в СССР в 1941—1944 гг., по оценке Д.Б. Шимкина, составило около 473 тыс. т, а по оценке М. Харрисона производство меди в СССР в военные годы изменялось следующим образом (в тыс. т): 1942 г. — 118, 1943 г. — 105, 1945 г. — 135[28]. Если экстраполировать оценку М. Харрисона, опирающегося на данные в открытых советских публикациях на 1944 г., то мы получим для этого года производство в 120 тыс. т меди. Производство же за вторую половину 1941 г. можно примерно определить в половину от годового производства 1942 г., т. е. в 59 тыс. т меди. Приняв за основу цифры М. Харрисона, советское производство меди в период с середины 1941 до конца 1945 г. можно оценить в 537 тыс. т, а в период с начала 1941 г. до конца 1944 г. — в 461 тыс. т, что практически совпадает с оценкой Д.Б. Шимкина. Про-

---

[25] См.: *Соколов Б.В.* Цена победы (Великая Отечественная: неизвестное об известном). М.: Московский рабочий, 1991. С. 64—66.

[26] *Jones R.H.* Op. cit. Appendixes.

[27] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1946. С. 145—147.

[28] *Shimkin D.B.* Minerals: A Key to Soviet Power. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1953. (Цит. по: *Jones R.H.* Op. cit. P. 220—221); *Harrison M.* Op. cit. P. 124, 153.

изводство меди с середины 1941 г. по середину 1945 г. мы, с учетом оценки М. Харрисона, определяем в 470 тыс. т. По ленд-лизу из США в СССР было поставлено 359,6 тыс. коротких тонн первичной меди и 51,1 тыс. коротких тонн электролитической и рафинированной меди[29]. Приняв соотношение 1,3 т первичной меди = 1 т рафинированной меди и переведя данные о ленд-лизе в метрические тонны, получим, что американские поставки меди в СССР были эквивалентны примерно 387,6 тыс. т первичной меди, что составило около 82,5% советского производства меди за время войны. Кроме того, дефицит меди в СССР во многом уменьшался за счет поставок из США средств связи. Так, в СССР поступило 956,7 тыс. миль полевого телефонного кабеля, 2,1 тыс. миль морского кабеля и 1,1 тыс. миль подводного кабеля. Кроме того, в СССР по ленд-лизу было поставлено 35 800 радиостанций, 5899 приемников и 348 локаторов, что обеспечило основные потребности Красной Армии. Из США поступило также 32 200 мотоциклов[30],что в 1,2 раза превышало советское производство мотоциклов за 1941—1945 гг. — 27 816 штук[31].

Ситуация, аналогичная положению с медью, наблюдается и в советском производстве алюминия в военный период. По оценке Д.Б. Шимкина, за 1941—1944 гг. в СССР было произведено 315 тыс. т алюминия[32]. М. Харрисон оценивает советское производство алюминия следующим образом (в тыс. т): 1942 г. — 51,7, 1943 г. — 62,3, 1944 г. — 82,7, 1945 г. — 86,3[33]. Если принять производство алюминия в 1941 г. приблизительно равным производству 1942 г., то общее производство алюминия в 1941—1945 гг., бази-

---

[29] *Jones R.H.* Op. cit. Appendixes.

[30] Ibid.

[31] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне... С. 41.

[32] *Shimkin D.B.* Op. cit. P. 114, 115, 136, 139 Цит. по: *Jones R.H.* Op. cit. P. 220—221).

[33] *Harrison M.* Op. cit. P. 124, 153.

руясь на цифрах М. Харрисона, можно определить в 335 тыс. т, а в 1941—1944 гг. — в 249 тыс. т. Таким образом, оценка М. Харрисона оказывается значительно ниже, чем оценка Д.Б. Шимкина. Наша оценка советского алюминиевого производства основывается на сведениях Н.А. Вознесенского о том, что к ноябрю 1941 г. были потеряны мощности, на которых до войны производилось 60% всего алюминия, а общее недопроизводство алюминия в военные годы за счет мощностей на территориях, подвергавшихся оккупации, достигло 136 тыс. т[31]. Учитывая данные о потерях мощностей по добыче угля — 63% и стали — 58% и о натуральном выражении суммарных потерь этих видов продукции — 307 млн т каменного угля и 38 млн т стали, приведенные Н.А. Вознесенским, а также сведения о производстве в 1940 г. — 165,9 млн. т угля и 18,3 млн т стали[35], можно получить соотношение между общей суммой потерь и годовым уровнем производства 1940 г. Для угля это соотношение будет 2,0:1, для стали — 2,1:1. Для алюминия этот показатель можно принять средним между этими двумя величинами — 2,05:1, учитывая, что доля потерь по алюминию также занимает промежуточное положение между соответствующими показателями по стали и углю. В этом случае производство алюминия в 1940 г. можно оценить в 66 тыс. т. Тогда падение производства во второй половине 1941 г. можно оценить по крайней мере в 60% от среднеквартального производства 1940 г., или в 10 тыс. т. Годовое производство алюминия в 1941 г. следует оценить в 56 тыс. т, а во втором полугодии 1941 г. — в 23 тыс. т. Известно, что в 1942 г. мощности по производству алюминия в СССР возросли на 18,5 тыс. т[36]. По нашей оценке, за

---

[34] *Вознесенский Н.А.* Указ. соч. С. 42, 163.

[35] Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. С. 507.

[36] *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). 2-е изд. М.: Экономика, 1970. С. 132.

1941 г. были утрачены или временно выведены из строя мощности по производству алюминия примерно в 40 тыс. т, так что с учетом ввода новых мощностей выпуск алюминия в 1942 г. все равно должен был быть ниже уровня 1940 г. примерно на 21 тыс. т и составил, вероятно, около 45 тыс. т. В 1943 г. производство алюминия в СССР на 4% превысило довоенный уровень[37] и может быть оценено в 69 тыс. т. В таком случае оценки М. Харрисона относительно производства алюминия в СССР в 1944 и 1945 гг. выглядят близкими к действительности (соответственно 82,7 и 86,3 тыс. т) — рост по отношению к 1943 г. составляет для 1944 г. 13,7 тыс. т, а для 1945 г. — 17,3 тыс. т, что близко к показателю роста мощностей в 1942 г. — 18,5 тыс. т. Суммарное производство алюминия за 1941—1945 гг. мы оцениваем в 339 тыс. т, а с середины 1941 г. до середины 1945 г. — в 263 тыс. т. Из США в СССР в годы войны было поставлено 189,2 тыс. коротких тонн первичного и 71,9 тыс. коротких тонн вторичного алюминия[38]. Принимая 1 т вторичного алюминия эквивалентной 1,3 т первичного алюминия и переведя все показатели в метрические тонны, получим, что ленд-лиз из США в СССР был эквивалентен 256,4 тыс. т первичного алюминия. Кроме того, в СССР поступило 35,4 тыс. т алюминия из Великобритании и 36,3 тыс. т алюминия из Канады[39], так что суммарные западные поставки алюминия в СССР в 1941—1945 гг. составили 328,1 тыс. т, что в 1,25 раза превышает нашу оценку советского производства алюминия в период с середины 1941 г. по середину 1945 г. Советская авиационная промышленность — основной потребитель алюминия, работала главным образом за счет западных поставок. Отметим также, что алюминий использовался и в производстве моторов для знаменитых советских танков Т-34.

---

[37] Там же. С. 239.

[38] *Jones R.H.* Op. cit. Appendixes.

[39] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С.145, 147.

Общее количество алюминия, поступившее для нужд советской экономики в период с середины 1941 г. до середины 1945 г., — около 591 тыс. т, делает совершенно нереальными официальные данные о производстве самолетов в СССР в период войны. Советский Союз будто бы произвел с июля 1941 г. по август 1945 г. 112,1 тыс. боевых самолетов[40]. Между тем Германия в 1941—1945 гг. произвела 84 420 боевых самолетов[41]. Алюминия же германская промышленность в 1941—1944 гг. получила около 1 704 тыс. т (из них 1466 тыс. т произведено в Германии), причем уже в 1943 г. непосредственно для военных нужд было использовано 80,3% всего алюминия[42]. Совершенно загадочным остается, как советская промышленность, располагая почти втрое меньшими ресурсами алюминия, смогла произвести в 1,3 раза больше боевых самолетов, чем Германия, если структура производства самолетов в двух странах была весьма похожей. Ни СССР, ни Германия почти не строили тяжелых бомбардировщиков, а взлетный вес аналогичных типов самолетов (истребителей, штурмовиков и легких бомбардировщиков), производимых в этих странах, отличался весьма незначительно[43]. Правда, в СССР в кризисные 1941—1942 гг. для замены ряда алюминиевых деталей использовалось дерево и специальный брезент (поставлявшийся, кстати, по ленд-лизу), но и этот фактор не мог бы в такой мере сократить потребление алю-

---

[40] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне... С. 15.

[41] Мировая война 1939—1945. Пер. с нем. М.: Издатинлит, 1957. С. 514.

[42] Промышленность Германии в период войны 1941—1945 гг. Пер. с нем. М.: Издатинлит, 1956. С. 73, 77, 250.

[43] См.: *Яковлев А.С.* Советские самолеты: Краткий очерк. Изд. 4-е. М.: Наука, 1982. С. 85, 110—111. За первые 2,5 года войны за счет замены алюминия на авиафанеру было сэкономлено более 30 000 т алюминиевого проката *(Вознесенский Н.А.* Указ. соч. С. 71), что, конечно, не могло кардинально не изменить картину и более чем в 3,5 раза снизить затраты алюминия на один советский самолет в сравнении с немецким.

минимум, который использовался главным образом для нужд самолетостроения. Скорее всего, дело здесь в том, что советское производство самолетов в годы войны завышено минимум в два раза за счет сознательного завышения отчетности еще в военные годы. Есть основания полагать, что подобное же явление имело место и в случае с советским танковым производством. Эта мысль косвенно подтверждается данными о резком падении трудозатрат на выпуск единицы основных типов самолетов и танков в СССР в 1941—1943 гг.[44].

По утверждению Н.А. Вознесенского, за первые два с половиной года войны советские ресурсы броневой стали возросли на 350 тыс. т, а в 1942 г. производство броневой стали в восточных районах в 1,8 раза превзошло производство стали на всей территории страны в 1940 г. (в 1942 г. броневая сталь производилась только на Востоке)[45]. Эти данные противоречат сведениям о производстве броневой стали, содержащимся в справочнике "Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.", где динамика производства броневой стали представлена следующим образом (в тыс. т): 1940 — 75, 1941 — 294, 1942 — 527, 1943 — 446, 1944 — 588, 1945 — 510[46]. Однако здесь мы склонны доверять лишь данным о производстве в 1940 г. Дело в том, что указанный справочник, подготовленный еще в 1959 г. под грифом "секретно", включал также данные о производстве вооружения и боевой техники, согласно которым производство танков и САУ, на изготовление которых и шел главным образом броневой лист, составило с июля 1941 г. по август 1945 г. 102,8 тыс. единиц[47]. Скорее всего, несоответствие между первичны-

---

[44] *Вознесенский Н.А.* Указ. соч. С. 114—115. Подробнее см.: *Соколов Б.В.* Указ. соч. С. 40—54.

[45] *Вознесенский Н.А.* Указ. соч. С. 70—71.

[46] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне... С. 46.

[47] Там же. С.15.

ми данными о производстве броневой стали и производстве танков бросилось в глаза либо составителям справочника, либо кому-то из их предшественников, и данные о производстве броневой стали были скорректированы в сторону увеличения. В работе же Н.А. Вознесенского данных о годовом или общем объеме производства танков или самолетов не приводилось. Кроме того, если бы он хотел исказить данные о производстве броневой стали в СССР, то в своей, во многом пропагандистской, книге скорее всего сделал бы это в сторону завышения, а не занижения. Если же принять производство броневой стали в 1940 г. в 75 тыс. т, то данные Н.А. Вознесенского прекрасно согласуются с этим числом. Тогда в 1942 г. производство бронестали можно определить путем умножения уровня производства 1940 г. на 1,8, т. е. в 135 тыс. т. В этом случае производство за вторую половину 1941 г. и за весь 1943 г. должно в сумме составить 215 тыс. т. Поскольку во втором полугодии 1941 г. из-за остановки и эвакуации заводов производство броневой стали значительно сократилось, оно наверняка было меньше среднего полугодового производства 1942 г., т. е. меньше 67,5 тыс. т. Мы оцениваем его приблизительно в 50 тыс. т, а производство 1943 г. — в 165 тыс. т броневой стали. Между тем только в период с июля 1941 г. и до конца 1943 г. в СССР, согласно официальной статистике, было выпущено 53,3 тыс. танков и САУ[48], в том числе не менее 30 тыс. танков Т-34[49], каждый из которых требовал до 20 т броневой стали. Между тем мобилизованный запас броневой стали в СССР перед войной был невелик и не покрывал даже 6-месячных потребностей промышленности[50]. С учетом этого мы оцениваем

[48] Там же.

[49] Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. С. 94, 211; История второй мировой войны 1939—1945 гг. в 12 тт. Т. 4. М.: Воениздат, 1975. С. 149, 158; Т. 7. М.: Воениздат, 1976. С. 54.

[50] Там же. Т. 3. М.: Воениздат, 1974. С. 387—388.

его не более чем в 50 тыс. т. По ленд-лизу броневую сталь почти не поставляли. Лишь в 1942 г. было поставлено 5786 коротких тонн, или 5249 метрических тонн, броневой стали (еще 2,6 тыс. т погибло в пути)[51]. Так что всего в распоряжении советской промышленности в первые 2,5 года войны должно было быть около 405 тыс. т бронестали, тогда как только на производство 30 тыс. танков Т-34 ее могло уйти до 600 тыс. т. Поставка брони по ленд-лизу была самым крайним средством, вызванным резким ее дефицитом, так как, вообще говоря, определенный тип танка всегда требует определенного сорта брони и типа броневого листа, и американская броня не очень подходила для советских типов танков. Если принять данные о производстве брони в 1942 г. из справочника "Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне" — 527 тыс. т, то поставка 5,2 тыс. т бронелиста из США выглядит загадочной — такого количества брони, составлявшего лишь 11,8% от советского месячного производства, не могло хватить на покрытие какого-либо дефицита. Иное дело, если справедлива наша оценка производства брони в 1942 г., основанная на данных Н.А. Вознесенского, — 135 тыс. т. Тогда броня, поставленная по ленд-лизу, составит около 46,7% от советского среднемесячного производства в 1942 г., что делает американскую броню значимым фактором в покрытии возможного дефицита, особенно если учесть, что в первой половине 1942 г. производство было ниже, чем во втором полугодии.

Факты сознательного завышения отчетности — неизживаемый порок социалистического планового хозяйства, известны применительно к вооружению и боевой технике в СССР как в предвоенные, так и в послевоенные годы. Так, накануне войны по мобилизационным планам частям передавались не существующие в природе автомобили[52].

---

[51] *Jones R.H.* Op. cit. Appendixes.

[52] Скрытая правда войны: 1941 год. М.: Русская книга, 1992. С. 17.

И даже в последние годы существования СССР, в 1985 г., один из будущих лидеров августовского 1991 г. путча А. Тизяков искусственно завышал путем двойного счета количество производимых ракет[53]. И в годы войны немецкая разведка уже в 1942 г. фиксировала сознательное искажение советских статистических данных[51]. В военные годы чрезвычайные условия делали плановые задания нередко заведомо невыполнимыми, а текущий контроль — затруднительным. Возможно также, что производство искусственно завышалось за счет двойного счета бракованной продукции. Главный маршал авиации А. Новиков, бывший главнокомандующий ВВС, в 1946 г. был арестован за то, что в годы войны принимал на вооружение поступавшую с заводов бракованную авиатехнику. По его собственному признанию, об этой практике был прекрасно осведомлен и молчаливо ее покрывал уполномоченный Государственного комитета обороны (ГКО) Г. Маленков[55]. Высшее руководство, возможно, догадывалось о несоответствии истинного положения в производстве вооружения и техники отчетам, но виновников предпочло репрессировать после войны, причем искажения отчетности фактически выступали лишь предлогом, прикрывавшим истинную, политическую, причину опалы (А. Новиков в действительности был арестован из-за своей близости к маршалу Г. Жукову, а послевоенная опала Г. Маленкова была связана с борьбой внутри политбюро). В годы же войны репрессии все равно не помогли бы наладить отчетность и увеличить производство вооружения и техники, а, скорее всего, только дезорганизовали бы управление, что могло только уменьшить, а не увеличить выпуск продукции.

По нашим оценкам, опирающимся на уменьшение трудозатрат на единицу различных видов вооружения и тех-

---

[53] Комсомольская правда, 16.XI.1991.

[54] *Schellenberg W.* The Labyrinth. M. G. Harpers Brothers Publishers, 1956. P. 274.

[55] Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1. С. 180.

ники в 1941—1943 гг., производство танков и боевых самолетов в годы войны было завышено по меньшей мере вдвое. С учетом этого и доля западных поставок вооружения и боевой техники оказывается примерно вдвое выше, чем принято считать[56]. Из США было поставлено 7057 танков и САУ, из Англии и Канады — 5480. Американских самолетов поступило 15 481, британских — 3384. Из общего числа в 18 865 машин боевые составили около 17 тыс.[57]. С учетом же завышения данных о советском производстве доля западных поставок по боевым самолетам составит не 15%, как традиционно считалось, а около 30%, по танкам и САУ же доля возрастет с традиционных 12% до 24% от общего уровня производства в СССР в военные годы. Что же касается артиллерии, то поставлялась из США только зенитная артиллерия — 7944 орудия[58]. Это число советские историки обычно соотносят с общим производством орудий и минометов в СССР — 482,2 тыс. орудий и 351,8 тыс. минометов, что делает долю американских поставок менее чем 2% от общего объема советского производства орудий и менее 1% — от суммарного производства орудий и минометов. Между тем сравнивать здесь надо только с советским производством зенитных орудий — наиболее дефицитного для Красной Армии вида артиллерии, и здесь доля американских поставок оказывается значительно выше (к сожалению, точный подсчет пока невозможен из-за отсутствия данных о производстве зенитных орудий в СССР).

Отметим также, что американские поставки играли существенную роль в снабжении СССР автопокрышками и отдельными видами продовольствия. По ленд-лизу было поставлено в Советский Союз 3606 тыс. автопокрышек[59],

---

[56] *Соколов Б.В.* Указ. соч. С. 52—54, 62.

[57] См.: *Соколов Б.В.* Указ. соч. С. 44—45; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 145, 147; *Jones R.H.* Op. cit. Appendixes.

[58] Ibid.

[59] Ibid.

в то время как советское производство автомобильных покрышек в 1941—1945 гг. составило 8368 тыс. штук (из них больших покрышек "Гигант" было произведено только 2884 тыс.), причем в 1945 г. производство автопокрышек составило 1370 тыс. по сравнению с 3389 тыс. в 1941 г.[60]. Американские поставки составили 43,1% от советского производства, если же учесть, что поставлялись из США в основном большие покрышки, то роль этих поставок еще более возрастает. Кроме того, Великобритания поставила 103,5 тыс. т натурального каучука[61].

В СССР из США поступило также 672,4 тыс. коротких тонн, или 610 тыс. метрических тонн, сахара[62], в СССР же в 1941—1945 гг. было произведено 1460 тыс. т сахара-песка, причем в 1942—1943 гг. — только 231 тыс. т[63]. Поставки по ленд-лизу составили около 41,8% от общего уровня советского производства. Большую роль в снабжении Красной Армии и гражданского населения играла поставка из США мясных консервов — 732 595 коротких, или 664,6 тыс. метрических, тонн[64]. В 1941—1945 гг. было произведено всех консервов 3072 млн условных банок, а мяса (с субпродуктами, но без производства в хозяйствах населения) — 3715 тыс. т[65]. Если принять, что 5 тыс. условных банок консервов приблизительно эквивалентны 1 т консервов, то только мясные консервы по ленд-лизу составили около 108% от общего производства консервов в СССР (далеко не все из них относились к мясным консервам). По отношению к советскому производству мяса по-

---

[60] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне... С. 61.

[61] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 145.

[62] *Jones R.H.* Op. cit. Appendixes.

[63] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне... С. 79.

[64] *Jones R.H.* Appendixes.

[65] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне... С. 79.

ставки мясных консервов по ленд-лизу составили 17,9%, фактически же их доля была еще выше, если исключить субпродукты и учесть, что консервированное мясо эквивалентно значительно большему по весу количеству сырого мяса.

Но, возможно, наиболее важными для Советского Союза были поставки сложных станков и промышленного оборудования. Еще в 1939—1940 гг. советское руководство разместило заказы на импортное оборудование для производства артиллерийского вооружения. Потом эти заказы, размещенные в основном в СИТА, были поставлены в СССР в рамках ленд-лиза. А именно в специальных станках для артиллерийского производства в годы войны в СССР была наибольшая нужда. Вместе с тем в данных заказах содержался и крупный просчет. Значительная доля оборудования предназначалась для производства чисто наступательных вооружений — мощных морских и сверхтяжелых сухопутных орудий, предназначенных для уничтожения неприятельских укреплений. Морские орудия не понадобились, так как с началом войны судостроение было свернуто, сверхтяжелая сухопутная артиллерия также не понадобилась, так как с соответствующими укреплениями Красной Армии пришлось бороться лишь в самом конце войны, да и не в том масштабе, как думали перед ее началом[66].

Всего из США в СССР в годы войны было поставлено 38,1 тыс. металлорежущих станков, из Великобритании — 6,5 тыс. станков и 104 пресса. В Советском Союзе в 1941—1945 гг. было произведено 115,4 тыс. металлорежущих станков[67], т. е. в 2,6 раза больше поставок по ленд-

---

[66] *Банников Б.Л.* Записки наркома // Знамя. 1988. № 2. С. 155.

[67] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 в 6 тт. Т. 6. М.: Воениздат, 1965. С. 62; Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. М.: Высшая школа, 1986. С. 33, 45; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 145.

лизу. Однако в действительности, если брать стоимостные показатели, роль западных станков окажется гораздо значительнее — они были гораздо сложнее и дороже советских. Только из США в 1941—1945 гг. по ленд-лизу в СССР было поставлено машин и оборудования для промышленности на 607 млн. долларов[68]. Оценить соответствующую советскую продукцию в долларах в настоящее время не представляется возможным, но можно предположить, что она могла быть даже меньше, чем стоимость поставок по ленд-лизу, принимая во внимание более высокое качество и сложность западных станков и иного оборудования. Некоторая часть оборудования, в частности, завод по производству алюминиевого проката, прибыли на завершающем этапе войны, и сыграли свою роль не столько в военных усилиях, сколько в восстановлении советской экономики[69]. Без поставок западного оборудования советская промышленность не смогла бы не только увеличить выпуск вооружения и боевой техники в годы войны, но и наладить выпуск станков и оборудования, чему служила также поставка из США специальных видов проката стали и ферросплавов.

* * *

В целом можно сделать вывод, что без западных поставок Советский Союз не только не смог бы выиграть Великую Отечественную войну, но даже не смог бы противостоять германскому вторжению, не будучи в состоянии произвести достаточное количество вооружений и боевой техники и обеспечить ее горючим и боеприпасами. Эта зависимость хорошо осознавалась советским руководством в начале войны. Например, специальный посланник президента Ф.Д. Рузвельта Г. Гопкинс сообщал в послании от

[68] *Jones R.H.* Op. cit. Appendixes.
[69] Ibid. P. 226—227.

31 июля 1941 г., что Сталин полагал невозможным без американской помощи Великобритании и СССР устоять против материальной мощи Германии, располагавшей ресурсами оккупированной Европы[70]. Рузвельт же еще в октябре 1940 г., объявляя о своем решении разрешить военному ведомству предоставлять излишнее для нужд американских вооруженных сил вооружение и снаряжение, а также стратегические материалы и промышленное оборудование тем странам, которые могут защищать американские национальные интересы, допускал включение в число этих стран и России[71]. Без подобного отношения со стороны президента предвоенное размещение в США советских заказов на оборудование, важное для производства вооружений и боевой техники, вряд ли было бы возможно. С другой стороны, СССР еще задолго до начала советско-германской войны рассматривал Германию как своего потенциального противника. Так, в феврале 1940 г., в разгар советско-финляндской войны, когда СССР грозило выступление на стороне Финляндии англо-французской коалиции, по свидетельству бывшего командующего Балтийским флотом В. Трибуца, народный комиссар Военно-Морского Флота СССР Н. Кузнецов "издал специальную директиву, в которой указывал на возможность одновременного выступления против СССР коалиции, возглавляемой Германией и включающей Италию, Венгрию, Финляндию"[72]. Маловероятно, что такая директива, не отвечавшая сложившейся на тот момент международной обстановке, могла быть отдана без ведома Сталина. К тому же накануне войны советское руководство чересчур оптимистично оценивало боеспособность своих вооруженных сил, и в частности их танкового

---

[70] *Bennett E.M.* Franklin D. Roosevelt and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939—1945. Wilmington (Del.): Ascholary Resources Inc. Imprint, 1990. P. 31.

[71] Ibid. P. 9.

[72] *Трибуц В.Ф.* Балтийцы вступают в бой. Калининград: Книжное издательство, 1972. С. 29.

парка. По состоянию на 1 июня 1941 г. из 23 106 танков Красной Армии 80,9% танков считалось боеготовыми (в западных приграничных округах числилось боеготовыми 10 540 танков). Лишь после потери основной массы танков в приграничных сражениях задним числом было признано, что из танков старых конструкций, составлявших до 80% всего танкового парка, 29% требовало капитального, а 44% — среднесрочного ремонта[73]. Эти факты работают, в частности, на версию о подготовке СССР превентивного удара, отстаиваемую В. Суворовым[74]. Если такой удар действительно был подготовлен, то Сталин и другие советские руководители могли рассчитывать либо на блицкриг на 1—2 месяца, либо на быстрое начало военно-экономической помощи со стороны США и Великобритании. Скорее всего, расчет был как на то, так и на другое, в зависимости от развития событий. В любом случае неготовность СССР к длительной войне нельзя было преодолеть за полгода или за год, а, по свидетельству советских военных руководителей, Сталин считал, что дольше, чем до 1942 г., оставаться вне войны Советскому Союзу не удастся[75]. К превентивному удару СССР могло в равной мере подталкивать как опасение германского нападения на советскую территорию, так и страх, что Германия может в 1941 г. совершить успешное вторжение на Британские острова и разгромить Англию. А именно на такой вариант развития событий ориентировали советское руководство дезинформационные мероприятия германской разведки по обеспечению операции "Барбаросса" — плана вторжения в СССР. Разгром же и выведение из войны Великобритании не только позволили бы Германии двинуть против Советского Союза дополнительные силы, но и лишили бы советскую экономику

---

[73] *Золотов Н.П., Исаев С.И.* Боеготовы были... // Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 75—77.

[74] *Суворов В.* Ледокол. М.: Новое время, 1992.

[75] *Мерецков К.А.* На службе народу. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1971. С. 202.

помощи с британской стороны, а также резко ухудшили бы условия для поступления помощи из США и Канады.

Западные союзники оказывали СССР помощь в подготовке к войне не только поставками по ленд-лизу. Борьба против США и Великобритании заставляла Германию строить подводные лодки, отвлекая на это дефицитный металл, оборудование и квалифицированную рабочую силу. Только в 1941—1944 гг. германское судостроение произвело подводные лодки общим водоизмещением 810 тыс. т[76]. На борьбу против флотов и торгового судоходства западных стран (включая сюда и конвои с поставками в СССР по ленд-лизу) были брошены главные силы германского флота. Западные союзники отвлекали на себя и значительные сухопутные силы вермахта (в последний год войны — до 40%)[77]. Стратегические бомбардировки Германии англо-американской авиацией замедляли рост ее военной промышленности, а в последний год войны практически свели на нет производство бензина в Германии, окончательно парализовав люфтваффе. С марта по сентябрь 1944 г. выпуск авиабензина в Германии, осуществлявшийся почти исключительно на заводах синтетического горючего — главном объекте союзных бомбардировок в тот период, снизился со 181 тыс. т до 10 тыс. т, а после некоторого роста в ноябре — до 49 тыс. т — в марте 1945 г. полностью сошел на нет[78]. Против ВВС Англии и США действовали главные силы германской авиации, особенно истребительной, и именно в борьбе с западными союзниками люфтваффе понесли основную часть своих потерь. Советская оценка потерь германской авиации на советско-германском фронте: 62 тыс. машин и 101 тыс. самолетов, соста-

[76] Промышленность Германии... С. 271.

[77] На 1 января 1945 г. против Красной Армии действовало 57% всех германских дивизий, против союзников — 38%, а 5% дивизий оставались в резерве на территории Германии (Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. С. 502).

[78] Промышленность Германии. С. 149—150.

вивших безвозвратные боевые потери германской авиации за всю войну[79], — далека от действительности, так как получена путем простого перемножения количества германских самолетов на отдельных театрах войны на время развертывания боевых действий на данном театре, без учета сравнительной интенсивности боевых действий (в самолетовылетах) на различных театрах. Между тем на Западе интенсивность боев в воздухе была в целом выше, чем на Востоке, и там сражались лучшие германские летчики. Так, в июле и августе 1943 г., когда значительные силы люфтваффе были сосредоточены на Восточном фронте во время сражений за Курск, Орел и Харьков, из 3213 безвозвратно потерянных боевых самолетов на Восточный фронт пришлось лишь 1030 машин, или 32,3%[80]. Вероятно, примерно такую же часть всех безвозвратных потерь за войну понесли люфтваффе на Восточном фронте.

Поскольку без содействия Англии и США СССР не мог бы вести войну против Германии, то утверждения советской пропаганды об экономической победе социализма в Великой Отечественной войне и о способности СССР самостоятельно победить Германию — не более чем миф. В отличие от Германии в СССР обозначившаяся еще с начала 30-х годов цель создать автаркическую экономику, способную обеспечить армию в военное время всем необходимым для ведения современной войны, так и не была достигнута. Гитлер и его советники просчитались не столько в определении военно-экономической мощи

---

[79] *Журавлев Н.А.* Разгром германской авиации во второй мировой войне. — Поражение германского империализма во Второй мировой войне. М.: Воениздат, 1960. С. 115—116. Данные этих расчетов были заимствованы историками из Восточной Германии и позднее повторены в советской историографии уже со ссылкой на данные "историков ГДР" *(Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Челышев И.А.* Правда и ложь о Второй мировой войне. М.: Воениздат, 1983. С. 181).

[80] *Murray W.* Luftwaffe. Baltimore (Maryland). The Nautical and Aviation. Publishing Company of America, 1985. P. 154.

СССР, сколько в оценке способности советской экономической и политической системы функционировать в условиях тяжелого военного поражения, а также возможностей советской экономики достаточно эффективно и быстро использовать западные поставки, а Великобритании и США — осуществить такие поставки в необходимом количестве и своевременно. Перед историками ныне встает новая проблема — оценить, каким образом западные поставки промышленного оборудования по ленд-лизу, равно как поставки из Германии в рамках репараций, способствовали формированию советского военно-промышленного комплекса, способного на равных вести с Западом гонку вооружений, вплоть до самого последнего времени, и определить степень зависимости советского ВПК от импорта с Запада за весь послевоенный период.

ДИПЛОМАТИЯ И ЛЕНД-ЛИЗ

Если не будет создан второй фронт в Европе в ближайшие три-четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело.
Иосиф Сталин

Ситуация на советско-германском фронте в августе 1941 года была неблагоприятна для Красной Армии. 19-го числа Сталин писал командующему Резервным фронтом Жукову: "Ваши соображения насчет вероятного продвижения немцев в сторону Чернигов — Конотоп — Прилуки считаю правильными. Продвижение немцев в эту сторону

будет означать обход нашей Киевской группы с восточного берега Днепра и окружение нашей третьей и нашей 21 армии. Как известно, одна колонна противника уже пересекла Унечу и вышла на Стародуб. В предвидении такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт во главе с Еременко. Принимаются другие меры, о которых сообщу особо. Надеемся пресечь продвижение немцев"[1].

Однако принимаемые меры не приносили результатов, и немцы все явственнее замыкали кольцо вокруг Киева. Сталин предчувствовал катастрофу. И всю надежду возлагал на скорейшее, чуть ли не в одночасье, открытие Англией второго фронта на Западе.

28 августа 1941 года советский посол в Лондоне И.М. Майский с грифом "строго секретно" и с пометкой "немедленно" прислал запись своей беседы с британским министром иностранных дел Энтони Иденом. На следующий день ее расшифрованный текст был на столе у Сталина. Майский сообщал: «Вчера (26 августа. — *Б. С.*), закончив вопросы, связанные с Ираном, я имел серьезный разговор с Иденом по вопросу о британской помощи СССР. Произошло это так, что Иден в общей форме спросил меня, каковы сейчас настроения в нашей стране. Я воспользовался случаем и, заявив, что говорю только от своего собственного имени, сказал ему примерно следующее:

1. Судя по целому ряду доходящих до меня сведений и симптомов, в очень широких кругах советского населения все больше возрастают чувства недоумения и разочарования в связи с позицией Англии. В самом деле, как создавшаяся ситуация должна представляться глазам советского человека? В течение 10 недель СССР ведет тягчайшую борьбу

---

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 558, опись 11, д. 59, л. 25. Сравни: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 12-е изд. М.: Новости, 1995. Т. 2. С. 136, где эта телеграмма приведена с не обозначенными в тексте купюрами.

против обрушившейся на него и только на него германской военной машины, самой могущественной военной машины, какую видел мир. Наша армия и наш народ храбро дерутся и будут драться против сильного и жестокого врага, но потери наши велики: 700 тысяч человек, 5,5 тысяч танков, 4,5 тысячи самолетов, 7,5 тысяч орудий, а сверх того большое количество территорий, причем часть из них весьма ценных и важных с экономической и военной точки зрения. В течение всего этого времени, когда СССР напрягал и продолжает напрягать свои силы в труднейшей битве своей истории — что делала Англия?»

Неизвестно, из какого источника посол взял цифры советских потерь. Не исключено, что просто выдумал. Возможно, что именно у Майского Сталин позаимствовал цифру людских потерь. В речи, произнесенной на торжественном заседании 6 ноября 1941 года, Верховный главнокомандующий утверждал, что за 4 месяца Красная Армия потеряла убитыми и пропавшими без вести 728 тыс. человек[2]. Правда, о потерях в технике Иосиф Виссарионович предпочел вообще ничего не говорить. Ивану Михайловичу же приходилось добиваться от англичан поставок танков и самолетов и он назвал потери повнушительнее, не зная, что истинная их величина гораздо выше. Только пленными к началу сентября 1941 года советские войска потеряли не менее 1,5 млн. человек[3]. К концу 1941 года Красная армия, по официальным данным, безвозвратно потеряла 20,5 тысячи танков и 17,9 тысячи боевых самолетов, причем к сентябрю было потеряно не меньше половины от этого числа[4]. Существует и более высокая

---

[2] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М.: Воениздат, 1949. С. 20.

[3] Оценка по: *Гальдер Ф.* Военный дневник. Пер. с нем. Т. 3. Кн. 1. М.: Воениздат, 1971; Мировая война 1939—1945. Пер. с нем. М.: Издатинлит, 1957. С. 161, 166, 167; *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. Пер. с нем. М.: Издатинлит, 1956. С. 178, 183, 184—185.

[4] Гриф секретности снят. М.: Воениздат, 1993. С. 357, 359.

немецкая оценка потерь советских самолетов в первые два месяца войны — 20 тыс. боевых машин [5].

Майский продолжал:

«2. В середине июля Советское правительство предлагало британскому правительству создание второго фронта на западе, однако по различным причинам, на которых я сейчас не хочу останавливаться, британское правительство отклонило это предложение. Но если британское правительство считало невозможным открывать фронт во Франции, то, казалось бы, тем легче оно могло оказать нам поддержку в другой форме — в форме широкого снабжения потребными нам авиацией, оружием и тому подобное. Говорю "тем легче", ибо, поскольку британское правительство решило, по крайней мере, на ближайший отрезок времени, сохранять в основном оборонительно-выжидательную позицию, постольку оно, очевидно, в состоянии срочно перебросить часть своих военных ресурсов (имеющихся или подлежащих получению в непосредственном будущем) на тот участок антигерманского фронта, который находится в настоящий момент в состоянии максимальной активности. На самом деле этого не случилось. Англия не устраивает второго фронта и в то же время не дает нам самолетов и оружия, в сколько-нибудь серьезных количествах. Разумеется, мы благодарны британскому правительству за те 200 "Томогавков" (истребителей "Харрикейн". — *Б. С.*), которые были переданы нам около месяца назад и которые до сих пор еще не доставлены в СССР, но по сравнению с нашими потерями в воздухе, о которых я только что говорил, - что это значит? Или еще пример: мы просили у британского правительства крупных бомб (в мемуарах посол уточнил, что просили 60 таких бомб [6]. — *Б. С.*), — министр авиации в результате длинных разговоров, в конце концов, согласился испол-

[5] *Манштейн Э.* Утерянные победы. Пер. с нем. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 772.

[6] *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. Война 1939—1943. М.: Наука, 1965. С. 167.

нить нашу просьбу, но сколько же бомб он дал нам? Шесть бомб, — не больше и не меньше. Так обстоит дело с военным снаряжением. Чем еще Англия помогала СССР в течение этих 10 недель? В Лондоне очень любят подчеркивать: воздушным наступлением на Германию. Действительно, в этой области кое-что было сделано, и опять-таки мы за это кое-что готовы благодарить британское правительство. Однако Идену должно быть ясно, что бомбежки Германии, при всей своей несомненной полезности, не могут оказать сколько-нибудь серьезного влияния на положение дела на восточном фронте. Мало щипать бешеного зверя за хвост, надо бить его дубиной по голове. Насколько мне известно, английские бомбежки не заставили немцев снять ни одной эскадрильи с нашего фронта.

3. Что еще мы имеем от Англии? Массу восторгов по поводу мужества и патриотизма советского народа, по поводу блестящих боевых качеств Красной Армии. Это, конечно, очень приятно (особенно после тех всеобщих сомнений в нашей боеспособности, которые господствовали здесь всего лишь несколько недель назад), но уж слишком платонично. Как часто, слыша похвалы, расточаемые по нашему адресу, я думаю: "поменьше бы рукоплесканий, а побольше бы истребителей"! В учете всего сказанного выше надо ли удивляться чувствам недоумения и разочарования, которые сейчас все больше закрадываются в душу советского человека? Ведь фактически так выходит, что Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником, товарищем по оружию в смертельной борьбе против гитлеровской Германии, сколько сочувствующим нам зрителем. Повторяю еще раз, я не имею никаких поручений от Советского правительства говорить Идену все то, что я ему сейчас изложил, однако, как советский посол в Англии, который заинтересован в укреплении союза между нашими обеими странами, я считаю своим долгом вовремя предупредить Идена о создавшихся в СССР настроениях.

4. На Идена мои слова произвели очень сильное впечатление. Это видно было по его лицу, по всему его поведению. Иден сделал попытку защищать британское правительство, хотя чувствовалось, что он делает это без вдохновения, по обязанности. Да и неудивительно, ибо, как я уже сообщал Вам раньше, сам Иден является сторонником второго фронта и вообще самой энергичной помощи СССР. Иден говорил о том, что Англия еще не готова к вторжению во Францию, что США в области производства оружия и самолетов раскачивается очень медленно, что британское правительство максимально разворачивает воздушное наступление на Германию, что в Иране между Англией и СССР уже практически создалась военная кооперация и что вообще на Ближнем Востоке эта кооперация имеет большие шансы на дальнейшее развитие и укрепление. В этой связи Иден упомянул, что в ближайшем будущем англичане, по всей вероятности, начнут наступательные операции в Ливии.

5. Я возразил, что, конечно, операция в Иране имеет важное значение, но это все-таки одна из подобных задач в нынешней войне. То же относится и к начинающейся операции в Ливии. Основная проблема состоит в том, как разбить Германию? Что думает по этому поводу британское правительство? Какова его генеральная стратегия в настоящее время? Я помню, как сразу после краха Франции в начале июля прошлого года Черчилль ответил на мой вопрос об его генеральной стратегии очень кратко и красочно: "Моя генеральная стратегия, — сказал он, — состоит сейчас в том, чтобы выжить в течение ближайших 3 месяцев".

Сам Иден около того же времени, будучи военным министром, развивал мне мысль, что основной задачей британского правительства является превращение Великобритании в неприступную для германского вторжения крепость. Если это будет сделано, то Англия сможет лавировать, мобилизовать свои имперские ресурсы, искать себе союзника и вообще "смотреть и выжидать". И надо прямо сказать, в тот момент такая генеральная стратегия была понятна.

6. Позднее, зимой 1940—1941 годов, насколько мне известно, в руководящих кругах британского правительства стала утверждаться несколько иная концепция генеральной стратегии, а именно — накоплять силы, строить армию, создавать мощный воздушный флот и, не исключая отдельных ограниченных военных вылазок с острова в различных частях света, в основном готовить переход в большое наступление против Германии в более или менее отдаленном и непосредственном будущем — не то в 1942, не то в 1943 году. При этом главная ударная роль в таком наступлении отводилась огромному превосходству Англии в воздухе, которого британское правительство рассчитывало добиться с помощью США. Для меня лично никогда не было ясно, каким образом только что указанная стратегическая концепция должна привести к британской победе (не к избежанию поражения, а именно к победе) — и я в этом духе на протяжении минувшей зимы не раз говорил с Иденом и Батлером (заместителем министра иностранных дел Англии. — *Б. С.*). Но, пока Англия в борьбе против Германии оставалась одна, данная концепция, пожалуй, была неизбежна. С 22 июня военная ситуация в Европе круто изменилась, можно сказать даже революционизировалась. Какова же сейчас генеральная стратегия британского правительства? В какой мере она перестроилась и перестроилась ли вообще в связи с тем колоссальной важности фактом, что у Англии, наконец, появился могущественный сухопутный союзник на востоке? Каким путем британское правительство собирается разбить Германию? Исключает ли оно вообще создание второго фронта на западе или же считает его невозможным только в данный момент? Все эти и многие другие вопросы, естественно, представляют интерес для советского человека, и я был бы рад, если бы Иден мог меня несколько просветить на этот счет.

7. Однако Иден не мог или не хотел сказать мне по данному поводу ничего определенного. Он опять упомянул о Ливии, прибавил, что британское правительство в

случае надобности готово всемерно помочь Турции, и выразил неясную надежду, что, может быть, британские силы (в частности, авиация) на определенном этапе войны смогут оказать нам активное содействие в районе Черного моря, в Проливах, на Украине и так далее. Все это было крайне туманно, и у меня невольно создалось впечатление, что у Идена сейчас нет какой-либо продуманной концепции в отношении генеральной стратегии войны. В заключение Иден сказал, что будет иметь разговор с премьером по всему комплексу затронутых мной вопросов и, в частности, по вопросу о генеральной стратегии. Я не уверен, имеет ли и Черчилль какую-либо продуманную концепцию, исходящую из новой ситуации, созданной германской атакой на СССР (он ведь, как и все вообще англичане, большой эмпирик), но видно было, что и у Идена такой концепции, безусловно, нет.

8. Когда я уже собирался уходить, Иден стал благодарить меня за мое откровенное сообщение. Ему, как человеку искренно стремящемуся к укреплению англо-советского союза, очень важно знать подлинные настроения советских кругов для того, чтобы вовремя принять меры для предупреждения каких-либо ненужных осложнений. "Имейте в виду, — с ударением прибавил Иден, — что и я, и премьер действительно хотим оказать СССР максимальную помощь. В силу разных причин это не всегда легко сделать. Но желание помогать у нас есть. А за политику прошлого правительства мы не считаем себя ответственными". Я ответил: "Если британское правительство действительно хочет укрепить советско-британский союз, то позвольте дать Вам один дружеский совет: не принимайте ответственных деклараций в середине Атлантического океана. Дело не в содержании декларации. Вчера я уже Вам говорил, что мы не имеем возражений против принципов, на которых построена декларация. Однако способ ее рождения кажется нам не соответствующим обстоятельствам. То, что произошло, создало впечатление, будто бы Англия и США воображают себя всемогущим господом

богом, который призван [7] судить весь остальной грешный мир, в том числе и мою страну. На такой базе союз нельзя будет укрепить". Иден страшно смутился и стал извиняться. По его словам, Черчилль, отправляясь в путь, не имел представления о том, что на свидании будет поднят вопрос о декларации. В этом вопросе инициатива принадлежит целиком Рузвельту. Когда он встретился с премьером, он вдруг вытащил из кармана проект декларации. Черчилль, конечно, не мог возражать против предложения Рузвельта. В результате родилась декларация из 8 пунктов, в окончательный текст которой, впрочем, английская сторона внесла несколько существенных редакционных поправок.

В конечном счете, я склонен думать, что наша реакция на декларацию плюс историю с созывом межсоюзнической конференции в Лондоне послужит британскому правительству хорошим уроком на будущее.

27. VIII. 41 г. *Майский»* [8].

Майский вспоминал: "В ответ на мое донесение о беседе с Иденом я совершенно неожиданно получил телеграмму за подписью И.В. Сталина! Такие вещи случались очень редко. Обычно со мной переписывались либо нарком В.М. Молотов, либо один из его заместителей, чаще всего А.Я. Вышинский. Телеграмма была из ряда вон выходящая.

Сталин писал в ней, что он одобряет мой демарш перед Иденом. Его особенно радует, что в своем разговоре с британским министром иностранных дел я сумел так хорошо передать те настроения, которые господствуют сейчас среди советских людей в связи с поведением английского правительства. Советская страна переживает очень

---

[7] В подлиннике, вероятно, ошибочно – "призвал".

[8] РГАСПИ, ф. 558, опись 11, д. 59, л. 37—45. Об этой беседе написали в своих мемуарах Майский (Указ. соч. С. 167—168) и Иден (*Eden A.* The Reckoning. L., 1965. P. 277), причем последний делает упор на свои слова о том, что он и Черчилль стремились максимально помочь России.

тяжелый момент, и немедленная и активная помощь ее союзника чрезвычайно важна и необходима.

Помню, я долго держал в руках телеграмму Сталина и все думал и передумывал, чем бы я мог еще помочь моей Родине"[9].

Сегодня мы можем сравнить изложение сталинской телеграммы в мемуарах советского посла в Лондоне с ее полным текстом: "Лондон, Советскому послу Майскому. Ваша беседа с Иденом о стратегии Англии полностью отражает настроения советских людей. Я рад, что Вы так хорошо уловили эти настроения. По сути дела Англопра (английское правительство. — *Б. С.*) своей пассивно-выжидательной политикой помогает гитлеровцам. Гитлеровцы хотят бить своих противников поодиночке, — сегодня русских, завтра англичан. Англия своей пассивностью помогает гитлеровцам. То обстоятельство, что Англия аплодирует нам, а немцев ругает последними словами, — нисколько не меняет дела. Понимают ли это англичане? Я думаю, что понимают. Чего же хотят они? Они хотят, кажется, нашего ослабления. Если это предположение правильно, нам надо быть осторожными в отношении англичан.

В последнее время наше положение на фронте ухудшилось в районе Украины и Ленинграда. Дело в том, что немцы перебросили с запада на наш фронт последние тридцать дивизий. Это ухудшило наше положение. Я уже не говорю о том, что в бои против нас втянуто также 20 дивизий финнов и 22 дивизии румын. Теперь против нас стоит на фронте более 300 дивизий. Примечательно, что немцы игнорируют английскую опасность на западе и считают ее блефом. Потому-то они так уверенно и безнаказанно снимают с запада все сколько-нибудь годные дивизии. Откуда у немцев такая уверенность в пассивности англичан?

Если так будет продолжаться, и англичане не расшевелятся, наше положение станет угрожающим. Выиграют ли от этого англичане? Я думаю, что проиграют.

---

[9] *Майский И.М.* Указ. соч. С. 169.

Говоря между нами, должен сказать Вам откровенно, что если не будет создан англичанами второй фронт в Европе в ближайшие три-четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело [10]. Это печально, но это может стать фактом. Сталин" [11].

Не было в конце августа у Германии и ее союзников более 300 дивизий на советско-германском фронте. Вермахт и СС располагали здесь 156 дивизиями, которые были подкреплены 18 финскими, 3 итальянскими, 17 румынскими и 2 словацкими дивизиями и 5 румынскими, 3 венгерскими и 1 словацкой бригадой. В сумме получается не более 200,5 дивизий, если считать за 1 дивизию 2 бригады[12].

Майский в мемуарах ничего не сказал ни о подозрениях Сталина насчет намерений англичан обескровить Советский Союз, ни, главное, о страхе Верховного главнокомандующего проиграть войну, если немедленно не будет открыт второй фронт. Иосиф Виссарионович действительно боялся такого исхода, ведь о возможности поражения он сообщал Майскому не для передачи британской стороне, а строго "между нами". В свете вышесказанного становится понятно, что именно посол предложил сделать Сталину, чтобы добиться максимальной помощи со стороны англичан.

---

[10] В черновике телеграммы Сталин высказался несколько иначе насчет возможного поражения СССР и союзников: "Германия может выйти победителем в нынешней войне" (чтение предположительное). Эту фразу, не закончив последнее слово "войне", Сталин потом тщательно зачеркнул, чтобы ее не могли прочитать шифровальщики) (РГАСПИ, ф. 558, опись 11, д. 59, л. 36).

[11] РГАСПИ, ф. 558, опись 11, д. 59, л. 30—32. Телеграмма была отправлена в Лондон в 12 часов 15 минут дня 30 августа 1941 года.

[12] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. Пер. с нем. Т. 3. М.: Воениздат, 1976. С. 20, 80; *Манштейн Э.* Утерянные победы. Пер. с нем. С. 213.

Иван Михайлович утверждает в мемуарах: "В конце концов в голове у меня сложился определенный план. Я обратился к Сталину с просьбой направить Черчиллю послание и в нем поставить два вопроса: об открытии второго фронта во Франции и о снабжении Красной Армии вооружением и военными материалами. Я предупредил Сталина, что по первому вопросу никаких практических результатов не будет, однако важно было все время напоминать англичанам о необходимости второго фронта. Зато по второму вопросу, судя по господствующим в Лондоне настроениям, есть шансы получить что-либо реальное"[13].

В своем послании Черчиллю от 3 сентября 1941 года Сталин утверждал: "Относительная стабилизация на фронте, которой удалось добиться недели три назад, в последние недели потерпела крушение вследствие переброски на Восточный фронт 30—34 немецких пехотных дивизий и громадного количества танков и самолетов, а также вследствие большой активности 20 финских и 26 румынских дивизий. Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада свои силы на Восток В итоге мы потеряли больше половины Украины и, кроме того, враг оказался у ворот Ленинграда Все это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой". Единственный выход из этого опасного положения Иосиф Виссарионович видел в том, чтобы "создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с Восточного фронта 30—40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с. г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых и средних). Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что по-

[13] *Майский И.М.* Указ. соч. С. 169.

теряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом"[14].

То, что Сталин сообщал строго для сведения посла, Майский посоветовал официально довести до британского премьера, чтобы стимулировать того к быстрейшей отправке в СССР боевой техники и предметов снабжения. Иван Михайлович прекрасно понимал, что открыть второй фронт в Европе в ближайшее время англичане не в состоянии. Он свидетельствует: "5 сентября в 11 часов утра я уже находился в кабинете Идена. Здесь же за длинным столом сидели все три начальника штабов в сопровождении экспертов. Иден предоставил слово начальникам штабов, и каждый из них по своей специальности сделал весьма обстоятельные сообщения, смысл которых сводился к тому, что Англия в настоящее время не в состоянии открыть второй фронт во Франции или на Балканах. Я прослушал внимательно эти сообщения и затем сказал, что передам их содержание своему правительству Я был лишен возможности как-либо проверить слова начальников штабов, а свои сомнения в правильности их выводов я не мог обосновать конкретными данными и фактами.

Зато в вопросах снабжения мои собеседники — как Иден, так и начальники штабов, — были куда более оптимистичны. Они полагали, что смогут удовлетворить всю заявку Советского правительства, но с тем, что примерно половину этой заявки покроет Англия, а вторую половину — США. Выполнение своих поставок англичане обещали начать немедленно" [15].

Правда, Майский при передаче послания немного переборщил. Во время беседы с ним 4 сентября у Черчилля создалось впечатление, что Сталин может пойти на

---

[14] Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. С. 18—20.

[15] *Майский И.М.* Указ. соч. С. 173.

сепаратный мир: "Если Советская Россия будет побеждена, каким образом мы сможем выиграть войну? Майский в волнующих выражениях подчеркнул исключительную тяжесть кризиса, создавшегося на русском фронте, и его слова вызвали у меня сочувствие. Но когда я вдруг почувствовал в его призыве о помощи скрытую угрозу, я рассердился. Я сказал послу, которого знал много лет: "Вспомните, что еще четыре месяца назад мы, на нашем острове, не знали, не выступите ли вы против нас на стороне немцев. Право же, мы считали это вполне возможным. Но даже тогда мы были убеждены в нашей конечной победе. Мы никогда не считали, что наше спасение в какой-либо мере зависит от ваших действий. Что бы ни случилось и как бы вы ни поступили, вы-то не имеете никакого права упрекать нас". А на следующий день британский премьер писал президенту Рузвельту: "Советский посол говорил о серьезности положения и о том переломном значении, которое будет иметь наш ответ. Хотя ничего из сказанного им не дает повода для такого предположения, мы не могли избавиться от впечатления, что они, возможно, думают о сепаратном мире"[16]. Впрочем, как констатировал Майский: "Впечатление, создавшееся тогда у Черчилля от моих слов, было для нас даже полезно. Это заставило колеса британской политической и военной машины завертеться быстрее и, в частности, предоставить нам ленд-лиз"[17].

В этом диалоге о втором фронте у каждой из сторон была своя правда. Сталин и Майский хотели любой ценой оттянуть немецкие дивизии с Восточного фронта, чтобы ослабить натиск на Красную армию и хоть немного уменьшить громадные советские потери. Черчилль и Иден, в свою очередь, понимали, что крах СССР сделает невозможным британскую победу в войне в обозримом будущем, но одновременно сознавали, что обреченная на неудачу высад-

[16] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Пер. с англ. М.: Терра, 1998. Т. 3. С. 234, 237.

[17] *Майский И.М.* Указ. соч. С. 172—173, примеч.

ка во Франции и гибель там наиболее боеспособных дивизий поставит Англию на край пропасти.

Черчилль 5 сентября в телеграмме британскому послу в Москве Стаффорду Криппсу объяснил, почему открытие второго фронта в ближайшее время невозможно: "Все наши генералы убеждены в том, что это (высадка. — *Б. С.*) кончится только кровопролитными боями, в результате которых мы будем отброшены, а если нам удастся закрепиться на небольших плацдармах, то через несколько дней их все равно придется оставить. Побережье Франции укреплено до предела, и у немцев до сих пор еще больше дивизий на Западе, чем у нас в Великобритании, причем они располагают сильной поддержкой с воздуха. У нас нет такого количества судов, которое необходимо для переброски большой армии на Европейский континент, если только мы не растянем эту переброску на много месяцев (англичане тогда из находившихся в метрополии 39 дивизий, включая 5 бронетанковых, были в состоянии высадить во Франции всего 6 дивизий, которые не имели никаких шансов на успех в борьбе против германской группировки на Западе. — *Б. С.*). Отвлечение наших флотилий для выполнения подобной операции парализовало бы поддержку армий на Среднем Востоке и полностью прекратило бы наше судоходство в Атлантическом океане. Это могло бы привести к проигрышу битвы за Атлантику, а также к голоду и гибели Британских островов"[18].

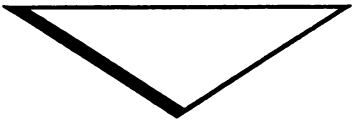
Советский Союз, как известно, смог устоять в 41-м и без второго фронта, хотя в сентябре и октябре последовали катастрофы под Киевом и Вязьмой и в германском плену оказалось еще более 1,5 млн. человек. Не играл еще решающей роль и ленд-лиз, так как первые поставки прибыли в СССР только в конце года. Однако Сталин имел еще резервы. 18 октября, после разгрома войск западного

[18] *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 3. С. 8, 237—238. В том же духе Черчилль писал 6 сентября и Сталину (Переписка Т. 1. С. 20—21).

направления, он направил телеграммы в Уральский, Сибирский и Приволжский округа, требуя подготовить к концу ноября для введения в бой имеющиеся там 40 дивизий [19]. У немцев же в тот момент резервов больше не было. Переброшенные с Востока свежие советские дивизии и обеспечили успех Красной армии в битве под Москвой. Ленд-лиз стал играть важную роль позднее, обеспечив возможности для роста производства вооружения и боевой техники в СССР и обретения Красной армией значительно большей мобильности.

Борис Соколов

[19] РГАСПИ, ф. 558, опись 11, л. 76, 77, 83.



ЛЕНД-ЛИЗ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Читатель, вам повезло: вы держите в руках хорошую и редкую книгу. Это первый полный перевод на русский язык официального американского источника военного времени. Автор книги — начальник Управления по соблюдению Закона о ленд-лизе Эдвард Стеттиниус, рассказывает о многогранной помощи Америки в годы войны своим союзникам, включая Советский Союз. Эта тема полна загадок. И главная из них: как вообще удалось осуществить эту грандиозную военную программу, объединившую государства с разным менталитетом, разными геополитическими интересами, противоречившими друг другу, со множеством политических тенденций внутри каждой страны.

Эта книга стала известной и знаменитой в нашей стране задолго до того, как была переведена на русский язык. Хорошим тоном считалось ссылаться на нее, не читая...

Публикация перевода книги Стеттиниуса способна произвести во многом сенсационное впечатление, потому что автор, очевидец реализации программы ленд-лиза, непредвзято и правдиво излагая порой поразительные исторические факты, невольно рассеивает разнообразные стереотипы и мифы, сложившиеся вокруг ленд-лиза.

К примеру, в работах большинства современных наших и зарубежных авторов настойчиво проходит мысль о том, что, чтобы оценить ленд-лиз, надо все посчитать: кто, кому, сколько. Но никто не знает — зачем это, в сущности.

Существуют, правда, утверждения типа "победой в войне Россия обязана американской помощи" и при этом приводят цифры, проценты. Но в таком случае надо признать справедливым и утверждение, что победой на Тихоокеанском театре военных действий Америка обязана Австралии, снабжавшей на 90% находившуюся там американскую армию продовольствием.

Откройте для себя загадки ленд-лиза!

Что пишут о ленд-лизе энциклопедии

Информация, содержащаяся в энциклопедиях, — выверенная, сдержанная, по возможности объективная. Тем более интересно, на наш взгляд, сравнить статьи, посвященные ленд-лизу, в двух крупнейших энциклопедиях мира — Большой Советской и Новой Британской.

БСЭ (3-е изд. Т. 14. М., 1973. С. 92—93):

Ленд-лиз (англ. lend-lease, от lend — давать взаймы и lease — сдавать в аренду) — система передачи США взаймы или в аренду вооружения, боеприпасов, стратегического сырья, продовольствия, различных товаров и услуг странам — союзникам по антигитлеровской коалиции в период Второй мировой войны 1939—1945 гг. Закон о ленд-лизе принят Конгрессом США 11 марта 1941 г. Первоначально срок поставок по ленд-лизу был установлен до 30 июня 1943 г., затем ежегодно продлевался (до 30 июня

1946 г.). Заявление о прекращении поставок по ленд-лизу сделало правительство США 21 августа 1945 г. (гоминьдановскому Китаю поставки продолжались еще ряд лет).

Расходы США по ленд-лизу с 11 марта 1941 г. по 11 августа 1945 г. достигли 46 млрд. долларов, что составило 13% всех военных расходов США за годы войны и свыше 50% их экспорта. Поставки по ленд-лизу странам Британской империи (в основном Великобритании) составили 30 269 миллионов долларов, СССР — 9800 миллионов долларов, Франции — 1406 миллионов долларов, Китаю — 631 миллион долларов, латиноамериканским странам — 421 миллион долларов и другим странам — 424 миллиона долларов. В свою очередь, США за годы войны получили от союзных государств различных товаров и услуг в счет погашения поставок по ленд-лизу на 7,3 миллиарда долларов. В соглашениях о поставках по ленд-лизу устанавливались основные принципы урегулирования последующих расчетов: материалы, уничтоженные, утраченные и использованные в период войны, не подлежат оплате; имущество, оставшееся по ее окончании и пригодное для гражданских целей, оплачивается полностью или частично в порядке погашения долгосрочного кредита; сохранившиеся военные материалы остаются у страны-получателя, но правительство США имеет право истребовать их (хотя подразумевалось, что оно этим правом не будет пользоваться); оборудование, не завершенное производством к концу войны, и материалы, находящиеся на складах правительственных учреждений США, могут приобретаться странами с использованием американского долгосрочного кредита.

Поставки по ленд-лизу в значительной степени способствовали расширению производства в США в годы войны и обогащению монополий за счет правительственных заказов. По окончании войны США использовали систему ленд-лиза и связанные с ней вопросы урегулирования расчетов с целью экономического и политического проникновения во многие страны Европы и Азии.

15 октября 1944 г. было заключено советско-американское соглашение о поставках Советскому Союзу в форме долго-

срочных кредитов и оборудования, имевшегося в наличии или заказанного по ленд-лизу, но не поставленного к этой дате (на общую сумму 244 миллиона долларов), однако в декабре 1946 г. США, начавшие к тому времени открыто проводить по отношению к СССР враждебный политический курс, односторонне прекратили действие соглашения. В 1947 и в 1960 гг. между СССР и США велись переговоры о расчетах по ленд-лизу. СССР возвратил США часть полученного им имущества (например, морские суда) и изъявил готовность произвести необходимую оплату оставшегося. Но стороны не смогли прийти к соглашению по вопросу о величине компенсации, так как США запросили сумму в 1,3 миллиарда долларов, значительно завысив ее по сравнению с расчетами с другими странами (например, Великобританией). Кроме того, американское правительство отказалось обсудить и решить вместе с проблемой урегулирования расчетов вопрос о нормализации экономических и торговых отношений между СССР и США, что предусматривалось соглашением о ленд-лизе, а также вопрос о предоставлении кредитов. По инициативе США переговоры были прерваны в 1960 г. Они возобновились в 1972 г. США согласились существенно снизить сумму платежей, а также поставить их в зависимость от успехов в развитии экономических отношений сторон. 18 октября 1972 г. в Вашингтоне были подписаны одновременно 3 соглашения между СССР и США: об урегулировании расчетов по ленд-лизу, развитии торговли и взаимном предоставлении кредитов".

К статье в Большой Советской Энциклопедии стоит добавить, что, по данным современных авторов, разногласия по оплате ленд-лизовских поставок сохраняются. "Согласно достигнутой договоренности, — пишет М.Н. Супрун, — до 2001 г. России предстоит выплатить около 700 миллионов долларов за грузы, оставленные в СССР по окончании войны. Причины этого долга носят даже не экономико-юридический, а идеологический, то есть исторический, характер"[1]. Другие источники сообщают, что

[1] *Супрун М.Н.* Ленд-лиз и северные конвои. М., 1998. С. 1.

"долг правительству США в сумме 674 миллиона долларов остается за правительством России, объявившим в прессе, что берет на себя долги всех предшествовавших государственных образований на своей территории, начиная с царских"[2].

А теперь процитируем и другую сторону.

The New Encyclopaedia Britannica. Volume 7, 50th Ed, 1994, USA. P. 264. (Новая Британская Энциклопедия. Т. 7. 1994. США. С. 264):

"Ленд-лиз — система, по которой Соединенные Штаты Америки помогали своим союзникам по Второй мировой войне военными материалами, включая боеприпасы, танки, самолеты, грузовики, а также продовольствие и сырье.

Президент Рузвельт в июне 1940 года нацелил Соединенные Штаты на материальную помощь противникам фашизма, но по существующим в США законам Англия должна была платить наличными за возрастающие покупки оружия в Соединенных Штатах. Летом 1940 года новый британский премьер-министр Уинстон Черчилль предупреждал, что его страна не сможет больше платить наличными за военные материалы.

С тем чтобы исправить положение, Рузвельт 8 декабря 1940 года предложил концепцию ленд-лиза, и Конгресс Соединенных Штатов Америки принял Закон о ленд-лизе в марте 1941 года Этот закон давал президенту власть помогать любой стране, чью оборону он сочтет жизненно важной для Соединенных Штатов, и принимать возмещение "в виде собственности или любых других прямых или непрямых благ, которые президент сочтет удовлетворительными". Хотя ленд-лиз в первую очередь был утвержден с целью помочь Великобритании, он был распространен на Китай в апреле и на Советский Союз — в сентябре.

Главными получателями этой помощи были Британское Содружество (около 63%) и Советский Союз (около 22%), хотя к концу войны более сорока стран получали помощь по

[2] *Паперно А.Л.* Ленд-лиз. Тихий океан. М., 1998. С. 10.

ленд-лизу. Значительная часть этой помощи, которая достигла суммы в 49 100 миллионов долларов, составляли прямые дары. Часть расходов на программу ленд-лиза была погашена с помощью так называемого возвратного ленд-лиза, по которому союзники оказывали помощь американским войскам, размещенным за границей, примерно на 8 миллиардов долларов" (перевод наш. — *С.Л.*).

Что пишут о ленд-лизе журналисты

Казалось бы, а что принципиально нового они могут написать? Ан нет! Историческая наука развивается себе своим путем, а об интересных и во многом загадочных явлениях недавней истории много нового можно узнать из удачно проведенного журналистского расследования. К примеру, журналистка А. Паперно, по существу, впервые привлекла внимание к забытым страницам войны — ленд-лизу на Тихом океане и, главное, его колоссальным масштабам. Сейчас мало кто знает, что это был основной путь доставки ленд-лизовских грузов в СССР. Паперно приводит цифры из статистически богатого исследования Р. Джоунса 1969 года (книга не издавалась в СССР, но, отреферированная в 1972-м, под грифом "Для служебного пользования" была доступна специалистам). Так вот, вопреки сложившемуся во многом благодаря художественной литературе — например, романам В. Пикуля, — общественному мнению, вовсе не северный путь доставки помощи — в Мурманск и Архангельск — был основным. Паперно иллюстрирует это цифрами из книги Р. Джоунса. По основным маршрутам грузопоставки распределялись так (в длинных тоннах):

Северная Россия — 3 964 000;
Персидский залив — 4 160 000;
Черное море — 681 000;
советский Дальний Восток — 8 244 000;
советская Арктика — 452 000.

"По данным Российского государственного архива экономики, — пишет А. Паперно, — Владивосток и Дальневосточная железная дорога переправили почти 8 миллионов тонн импортных грузов — это в 4 раза больше объема импорта, переправленного Мурманской и Кировской железными дорогами, и в 5 раз больше того, что переправила Архангельская группа портов и Северная железная дорога"[3].

Даже Петропавловск-Камчатский перевел импортных грузов в 1,5 раза больше, чем Архангельская группа портов[4].

А. Паперно нашла очевидцев и участников ленд-лизовских перевозок военных лет на Дальнем Востоке, но столкнулась с закрытостью этой темы как у нас в стране, так и в США. Оказывается, архивы Внешторга в части ленд-лиза продолжают оставаться закрытыми — "до тех пор, пока не будут закончены расчеты по ленд-лизу".[5] По данным А.С. Якушевского, "с лета 1944 года правительство СССР перестало публиковать сведения о конкретных размерах поставок по ленд-лизу и засекретило эти данные"[6].

Размышляя о причинах того, что героические перевозки грузов военных лет оказались, по существу, забытыми в обеих странах, А. Паперно пишет о том, что после Второй мировой войны опустился "железный занавес", усилилась "холодная война". Тема ленд-лиза осталась в СССР на долгие годы под цензурным запретом. А за океаном, продолжает журналистка, в США, работала комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, и о добрых отношениях с русскими в военные годы тоже лучше было не вспоминать. Генеральный консул США во Владивостоке Д. Флойд в беседе с нею сказал, что амери-

---

[3] Там же. С. 6.

[4] См. там же.

[5] Там же. С. 10.

[6] *Якушевский А.С.* Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции: Автореферат докторской диссертации. М., 1997. С. 39.

канское правительство тоже не хотело, чтобы его народ знал размеры помощи бывшим союзникам, которые на долгие годы стали вероятными противниками. По этой же причине трудно найти и общую цифру людских потерь американского транспортного флота по доставке "русского ленд-лиза"[7].

Сыграла дезориентирующую роль и художественная литература. "В. Пикуль в "Реквиеме каравану PQ-17" называет первым путем доставки грузов военной помощи путь северных конвоев. Судя по всему, он имел в виду не только значение, но и начало его работы. По отчету Рузвельта, первые грузы через Тихий океан были отправлены уже в июне 1941-го, а первый конвой ПО "Дервиш" вышел в августе и вес помощи, которую он вез, намного превышал вес отправленного через Тихий океан в июне. Вторым В. Пикуль считает путь через Персидский залив и далее пишет: "Существовал еще и третий путь — через Владивосток, но почти невозможно "перекатить" грузы через всю Сибирь до фронта, и сам этот путь вскоре закрылся" — со вступлением Японии в войну против США. На северные конвои приходилась 1/125 нашей транспортной работы"[8].

Неосведомленность о ленд-лизе удивительна. С трудом верится, как указывает А. Паперно, что ничего не знал о тихоокеанской половине ленд-лиза бывший глава советской военной миссии в Персидском заливе Л.И. Зорин, генерал-майор в отставке, после войны на протяжении многих лет работавший заместителем министра Внешторга СССР[9].

Обидно, когда героические страницы истории ускользают из памяти потомков. Вдумайтесь хотя бы в одну деталь ленд-лизовских перевозок на Дальнем Востоке: все они были бесконвойными! Конвоев не было (хотя под боком вступившая в войну на стороне Гитлера Япония) —

---

[7] См.: *Паперно А.Л.* Указ. соч. С. 10.

[8] Там же. С. 10—11.

[9] См. там же. С. 8.

только одинокое, бесконвойное плавание советских экипажей на советских же судах (и на судах, предоставленных по программе ленд-лиза)[10].

А. Паперно останавливает внимание и на известных словах Черчилля, назвавшего ленд-лиз "самым бескорыстным актом в истории всех стран". "Эта формулировка, — пишет она, — представляется мне не очень точной. Ленд-лиз не был благотворительностью, и бескорыстие само по себе не могло быть его характеристикой уже потому, что пропуском к этой помощи для каждой страны было то, что ее оборона становилась **жизненно важной для обороны США**"[11]. А касаясь вопроса о выгодах ленд-лиза для США, журналистка приводит и такую экстравагантную подробность, как ходившие в США слухи, что "война была для США настолько выгодна, что на выборах 1944 года (эта дата у А. Паперно. — *С. Л.*) соперник Рузвельта республиканец Дьюи якобы имел в своей программе пункт о продолжении войны, но уже против русских на стороне немцев".[12]

И тем не менее выгоды, несомненно, были. Военная помощь, в соответствии с названием соответствующего соглашения, была взаимной. А. Паперно пишет: "Кроме упомянутых прежде товаров — золота, леса, пушнины, икры, рыбы, которые, однако, не всегда числились в списках "обратного ленд-лиза", а нередко были и коммерческим экспортом, Советский Союз предоставил союзникам услуги: обеспечение и обслуживание иностранных судов, приходящих в наши северные порты, частичное снабжение войск союзников в Иране"[13].

Хочется добавить, что еще со времен "холодной войны" вопрос о том, насколько выгодны были ленд-лизовские поставки для самой Америки, горячо и эмоционально обсуждается в нашей отечественной литературе,

---

[10] См. там же. С. 8, 9, 12.
[11] Там же. С. 340.
[12] Там же. С. 341.
[13] Там же. С. 339.

при этом дается понять, что присутствие выгоды в таком деле как бы принижает ценность предоставленной помощи: они это делали потому, что им это было выгодно, и что освобождает нас от долга благодарности, — увы, именно таков не высказываемый прямо мотив многих публикаций.

Между тем что же тут плохого в том, что их выгода совпадала с нашей пользой? Ну и что, коли помощь не была для них в убыток? Ведь это прекрасный прецедент, когда две великие державы, невзирая на все противоречия, сумели объединить усилия в борьбе с общим врагом, что интересы их совпали, и при этом США было *выгодно* — чем плохо это слово? — помогать России. Кстати, его отнюдь не избегает и Стеттиниус. Более того, он явно оценивает ленд-лиз в экономических категориях и не раз произносит слова "сделка", "выгода" и др., а 4-ю главу своей книги даже назвал так: "Эсминцы в обмен на базы"! Да и никак нельзя считать предосудительным то, что, оказывая помощь союзникам, страна исходила при этом из собственных, национальных — в том числе, экономических — интересов. И не только по отношению к России. Реально существовавшие противоречия между союзниками умело использовала пропаганда противников. Стеттиниус пишет о том, что японцы, к примеру, уверяли англичан в том, что "ленд-лиз — это трюк, придуманный янки, чтобы прибрать к рукам внешнюю торговлю Великобритании"; а американцам сообщалось, что ленд-лиз — "хитрая выдумка англичан, чтобы обанкротить США и взять в свои руки американскую внешнюю торговлю". Да и чего бы стоила пропаганда, если бы она не опиралась на реальные сомнения и опасения?

Кстати, упомянутый выше вопрос о передаче Америке английских баз в Западном полушарии заслуживает отдельного рассказа, чтобы продемонстрировать, как последовательно и удачно американцам удавалось сочетать собственную выгоду с пользой для общего дела. Цитируем Стеттиниуса:

"За то, чтобы Америка получила новые базы в Западном полушарии (имеются в виду принадлежавшие Англии Бермуды и Ньюфаундленд. — *С. Л.*), *выступали американцы самых разных убеждений: и те, кто был всецело за помощь Англии в интересах нашей безопасности, и те, кто считал, что достаточно одной континентальной обороны. Были и такие, которые, не желая передачи англичанам наших судов, призывали потребовать, чтобы англичане предоставили нам базы в счет погашения старых долгов времен Первой мировой. Эту идею пропагандировали и германские агенты... <...> Президент США согласился с тем, что передача англичанам старых эсминцев — в интересах американской обороны, <...> обмен эскадренных миноносцев на военные базы скорее усилит, нежели ослабит нашу обороноспособность в целом. <...> Черчилль... заметил, что предпочел бы передачу баз в аренду как акцию доброй воли, а не в обмен на эсминцы. С его точки зрения, ставить на одну доску военные базы и старые корабли — значит признавать, что сделка гораздо выгоднее для Америки, чем для Великобритании. В Вашингтоне был выработан компромисс, принятый и Лондоном. Англия "на добровольных началах" передавала нам права на базы на Ньюфаундленде и Бермудах, имеющие особую важность для обороны США и Канады, а базы в Вест-Индии и Южной Америке... мы получали в обмен на передачу эсминцев".*

В другом месте Стеттиниус отмечает:

"Суть дела состояла не в долларах, а в самолетах, пушках и кораблях. Оказывать на коммерческой основе помощь тем, кто сдерживал натиск стран оси, — это значило бы помешать достижению нашей подлинной цели: направить на фронты достаточно оружия, чтобы остановить агрессию прежде, чем она достигнет Западного полушария".

Красноречивы слова Рузвельта:

"...Будущее и безопасность нашей страны теперь тесно связаны с событиями, происходящими далеко от наших границ". "В случае поражения Великобритании (он говорил это 6 января 1941 года. — *С. Л.*) *все мы, американцы, будем жить под дулом винтовки..."*

"Вообще же участников дебатов и в Конгрессе, и в обществе в целом волновала не помощь другим народам, но, скорее, наша собственная стратегия безопасности <...> Ленд-лиз же давал возможность, помогая другим, остановить наших врагов".

"Для нас, конечно, ближайшей и самой важной выгодой было использование странами оружия, полученного по ленд-лизу, против агрессоров. Кроме того, мы были вправе ожидать от стран, которым помогали, помощи нам самим в той или иной форме. Но только ход событий мог определить, какого рода выгоды мы от них получим".

Однако реализация программы ленд-лиза приносила и прямые выгоды. Так, Стеттиниус отмечает:

"...Программа ленд-лиза дала заметный толчок развитию производства вооружений в Америке. <...> Помимо косвенного влияния на расширение американской военной промышленности сотни миллионов долларов по программе ленд-лиза еще до Пёрл-Харбора были вложены в новые заводы, фабрики, верфи и другие объекты, что сыграло немалую роль в развитии наших производительных сил. Эти инвестиции, всего на 900 миллионов долларов, были вложены в экономику 34 из 48 наших штатов, и суммы их колебались от 142 миллионов долларов на военные заводы в Мичигане до 14 000 на производство сухого молока в Северной Дакоте. <...> Эти средства шли на перестройку гражданских предприятий... в военные... Новые заводы полностью или частично финансировались также за счет программы ленд-лиза, а производство вооружений для нашей армии и наших союзников позволяло с лихвой окупать затраты на их строительство. <...> На ленд-лизовские средства сооружались доки, пирсы, плавучие краны в американских портах... Благодаря им удалось создать систему военных складов и товарных станций от побережья до побережья...

Немалое значение имела программа ленд-лиза и для развития сельхозпроизводства и пищевой промышленности...

<...> Но программа ленд-лиза не только оказала влияние на производство продовольствия... но и произвела небольшую революцию в обработке пищи. Как во времена наполеоновских войн потребность в сохранении продуктов привела к открытию консервирования, так сейчас необходимость сбережения места на кораблях привела к развитию технологии дегидратации (обезвоживания) продуктов".

А. Паперно — единственная журналистка последнего времени, писавшая специально о проблемах ленд-лиза. Во многом это объясняется трудоемкостью разработки самой темы, скудостью источников, а зачастую их прежней закрытостью в архивах, хотя формально гриф секретности с этой темы снят. Но в феномене ленд-лиза столько загадок и интересных поворотов, столько ждет нас еще открытий, что А. Паперно, конечно же, не последняя, кто об этом пишет.

И еще к вопросу об оценках. А. Паперно приводит цитату из Роберта Коакли, написавшего в статье "Рузвельт и ленд-лиз" (1971):

"На Ялтинской конференции маршал Сталин сказал, что, по его мнению... ленд-лиз — это замечательное изобретение, без которого победа была бы иной. Он добавил, что в предшествовавших войнах некоторые государства оказывали денежную помощь своим союзникам, но она только оскорбляла тех, кто получал субсидии, и создавала финансовые трудности. Ленд-лиз не породил подобного зла. И он еще раз подчеркнул, что, по его мнению, ленд-лиз внес чрезвычайный вклад в победу"[14].

Что говорили и писали о ленд-лизе американские политики в годы войны

Наилучшее представление внимательный читатель может составить себе об этом из книги Стеттиниуса, где достаточно подробно излагается и история возникнове-

[14] Там же. С. 328.

ния идеи ленд-лиза, и история претворения в жизнь этой идеи, и подробности и трудности ее реализации.

Поэтому книга сына президента Франклина Рузвельта Э. Рузвельта "Его глазами" (Москва, 1947) будет нас интересовать в основном как источник дополнительной информации и живых впечатлений. Эта книга охватывает период от начала войны до момента, последовавшего вскоре за встречей Большой тройки в Ялте. Книга дает верное представление об атмосфере того времени, о формировании и принятии решений, о личности и окружении Ф. Рузвельта. Автор книги сокрушается, что на смену сотрудничеству военных лет приходят времена, когда "степень нашего доверия или недоверия к России обусловлена не ее огромным вкладом в нашу победу, которая все еще остается величайшим событием в жизни нашего поколения"[15], а сенсационными заголовками газет. "Мы не можем выиграть мир, если сегодня среди нас не будет того единства, которое обеспечило нам победу в войне"[16]. Это очень интересная оценка: "единство, которое обеспечило победу в войне". И на этом невольно заостряешь внимание, принадлежа другому времени, в котором мыслят другими категориями и если и размышляют о том, что обеспечило победу в войне, то стремятся сосчитать, измерить, взвесить суммы помощи, размер ответных поставок и др. Но создается впечатление, что за всеми этими нынешними подсчетами уходит в тень самое важное — представление о том, что победа всегда достигается все-таки не количеством вооружений и численностью армии — это, конечно, тоже очень важно, — но боевым духом сражающихся, единением их в противостоянии общему врагу. Нам кажется, сейчас недооценивается великая важность этого единения держав на пути к победе. Современники и участники тех событий — в их числе и Стеттиниус, и Э. Рузвельт — это понимание пронесли через всю жизнь и запе-

[15] *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 1947. С. 15.
[16] Там же.

чатлели его в своих книгах, хотя первый много, но весьма дельно пишет как раз и о количественной стороне ленд-лиза.

Впрочем, не только нашему времени свойственна недооценка силы единства людей и народов. В книге Рузвельта приводятся слова У. Черчилля, которые дают представление о том, что и для него идея единства была не сразу осознанной:

"В сопротивление русских он не верил или верил очень мало. Он вел крупную игру в тот вечер. Он старался внушить нам, что львиная доля ленд-лиза должна принадлежать британскому льву; что всякая помощь Советам приведет лишь к затяжке войны, а в конечном счете — и притом несомненно — к поражению" [17].

Неудивительно, что после войны именно Черчилль стал одним из разрушителей этого единства недавних союзников.

Интересны и впечатления Э. Рузвельта от пребывания в Москве весной 44-го и его бесед с американскими корреспондентами: "Они сообщили мне, что для русских лозунг "Все для войны" (вероятно, имеется в виду лозунг "Все для фронта, все для победы". — *С. Л.*) означает действительно все для войны — в самом буквальном смысле слова"[18]. Запомним этот акцент Э. Рузвельта, чтобы впоследствии сравнить с публикацией американского историка 90-х годов Т. Уилсона о том, что пережила Америка во время войны, и о ее "лишениях" ради победы[19].

Очень информативна книга Роберта Шервуда "Рузвельт и Гопкинс" (М., 1958), содержащая огромное количество интереснейших фактов и подробностей известных событий. Немало страниц посвящено в ней атмосфере в американском обществе начала войны. Так, приводится письмо военного министра Рузвельту, где между прочим

---

[17] Там же. С. 46.

[18] Там же. С. 215.

[19] См.: *Уилсон Т.А.* США: Левиафан // Союзники в войне. 1941—1945 гг. М., 1995, С. 197.

сказано: "Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России"[20]. Уместно вспомнить здесь и публикацию в "Совершенно секретно" с рассказом о том, как морской министр США Нокс заключил пари, утверждая, что к сентябрю 1941 года немцы возьмут Ленинград, Москву, Киев, Одессу"[21].

Очень подробно Р. Шервуд рассказывает о рождении концепции ленд-лиза, первоначально для Великобритании, — концепции, "которую Черчилль позднее охарактеризовал как "новую великую хартию... самое бескорыстное и великодушное финансовое предприятие в истории, когда-либо осуществленное какой-либо страной"[22]. Несколькими страницами ниже им, однако, приводятся слова Рузвельта о том, что "наилучшей непосредственной обороной Соединенных Штатов являются успехи Британии в деле ее самообороны"[23], что склоняет усомниться в полной справедливости панегирических слов Черчилля. О далеко не бескорыстных мотивах американской концепции ленд-лиза не замедлила язвительно высказаться немецкая пропагандистская машина Геббельса. "Ее основной тезис, — пишет Р. Шервуд, — заключался в том, что Гопкинс приехал (в Лондон. — *С. Л.*) якобы для того, чтобы забрать остатки Британской империи (вслед за Бермудскими островами, Тринидадом и др.) в обмен на еще какие-нибудь заржавевшие и устаревшие американские материалы"[24].

Р. Шервуд прямо пишет о военно-политических выгодах ленд-лиза для США:

"Закон о ленд-лизе означал прежде всего конец того периода фальши, в течение которого Соединенные Штаты пытались обеспечить собственную безопасность кон-

---

[20] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. М., 1958. Т. 1. С. 495.
[21] Совершенно секретно. 1996. № 8.
[22] *Шервуд Р.* Указ. соч. С. 381.
[23] Там же. С. 386—387.
[24] Там же. С. 408.

трабандными методами. Понятие о том, где именно начинались интересы нашей национальной безопасности, определялось Рузвельтом не единолично, а при обязательном согласии его конституционных советников: военного и морского министров, начальника штаба армии и начальника оперативной части военно-морских сил. Именно они решили, что, поскольку англичане занимали существенно важные для обороны Америки позиции, наш долг заключался в том, чтобы либо укреплять силы англичан всеми возможными средствами, либо послать наши собственные вооруженные силы для занятия этих позиций и обороны их.

Закон о ленд-лизе поддержал дело союзников и позволил им вести бои на всех фронтах в течение двух лет, потребовавшихся Соединенным Штатам для того, чтобы стать решающей боевой силой"[25].

Р. Шервуд приводит красноречивые подробности о продовольственной ситуации в Англии. Так, во время пребывания в Лондоне в январе-феврале 1941 года "от друзей, имевших загородные дома, Гопкинс (подчеркнем — личный представитель президента США) получал в подарок такую редкость, как яйца (в то время норма выдачи яиц была одно или два в месяц)"[26]. Запомним эту подробность, чтобы сравнить при случае это с продовольственной ситуацией военных лет в США.

Любопытны приводимые Р. Шервудом подробности перестройки промышленности США на военный лад для помощи Великобритании по программе ленд-лиза. Помимо противодействия изоляционистов в Конгрессе приходилось сталкиваться с нежеланием американских промышленников переходить на военное производство в нужном масштабе...

"Некоторые из руководителей промышленности, например Генри Форд, — пишет Шервуд, — *сами были яростными изоляционистами и отказывались (как это сделал Форд)*

[25] Там же. С. 393.
[26] Там же. С. 426.

выполнять заказы на оружие для англичан. Однако у других существовали неизбежные сомнения в том, действительно ли война с ее необычными требованиями продлится долго, в особенности принимая во внимание потрясающие победы немцев в то время. Спрос на потребительские товары резко возрастал. В самом деле, в 1941 году автомобильная промышленность побила все рекорды по продаже автомобилей гражданского назначения. Правительство могло умолять и упрашивать, но оно не могло заставить промышленников переводить заводы на военные рельсы. Точно так же оно не могло подкрепить свои контракты удовлетворительными долгосрочными гарантиями. Никто не мог сказать, ни как долго продлится нынешнее чрезвычайное положение, ни какую форму оно примет в будущем. Благоразумный промышленник знал, что, если он станет расширять свое производство за пределы вероятности, вычисленной на основе анализа рынка и изучения потребления, а также своего собственного опыта, это приведет его к банкротству. Теперь от него требовали обеспечить нужды неизвестного числа миллионов людей неизвестного числа стран в потенциальной войне, которая должна вестись при всех возможных условиях и обстоятельствах, которые могла уготовить нам судьба. Неудивительно, что такая перспектива его пугала. Его задачи, кроме того, осложнялись серьезными приостановками работы из-за забастовок, вызываемых главным образом упорными попытками саботировать военное производство всеми возможными способами. Одна из таких забастовок — на авиационном заводе "Норт Американ" в Инглвуде (Калифорния) — вынудила Рузвельта в первый раз за всю его деятельность дать приказ о вооруженном вмешательстве армии США, хотя такое решение было чрезвычайно неприятно для него"[27].

Общественную атмосферу тех лет характеризуют диаметрально противоположные высказывания политических деятелей, приводимые Р. Шервудом. Вот лишь два из них:

[27] Там же. С. 466.

"Если мы не будем осторожны, мы увидим, как Белый дом поплывет в Англию, причем памятник Вашингтону будет служить рулевым веслом" (адмирал Лэнд — президенту и Гопкинсу, весна 1941 года). "Англичанам угрожает неизбежное поражение, если США не окажут им немедленную помощь, отправив достаточное количество судов в порты Соединенного Королевства" (министр Фрэнк Нокс — президенту)[28].

"Сам по себе ленд-лиз, — пишет Шервуд, — не представлял вначале чрезмерных трудностей. По сути дела, это была одна из побочных задач, вытекавших из основных проблем производства и перевозок"[29].

Поставки по ленд-лизу Великобритании явились хорошим полигоном для испытаний американского оружия, а в случае необходимости — его модернизации, причем эта проверка техники в боевых условиях не стоила американцам ни одной американской жизни, да и ни цента. Шервуд цитирует отчет военных наблюдателей США:

«"Летающие крепости" Б-17 уже использовались английскими воздушными силами в бомбардировочных налетах и не оправдали своего названия, оказавшись весьма уязвимыми. Изучение этого боевого опыта дало офицерам воздушных сил США возможность рекомендовать изменения в вооружении, сделавшие Б-17 тем могучим смертоносным самолетом, каким он стал, когда позже на нем летали американские экипажи»[30].

Показательно приводимое Шервудом мнение Гопкинса:

"...Английское предложение о помощи не произвело на Сталина особенно большого впечатления, он с самого начала был озабочен политической стороной вынужденного союза. Даже когда его существованию угрожала опасность, советское правительство, видимо, больше стремилось обсуждать

[28] Там же. С. 469.
[29] Там же. С. 463.
[30] Там же. С. 503.

будущие границы и сферы влияния, чем вести переговоры о военном снабжении"[31].

Об особенностях закулисной борьбы в то время позволяет судить приведенный Шервудом следующий эпизод:

"В Соединенных Штатах было выдвинуто и с радостью подхвачено изоляционистами, боровшимися в Конгрессе против ассигнований на ленд-лиз, гнусное обвинение в том, что англичане используют получаемое по ленд-лизу сырье и даже некоторые виды готовой продукции не в военных целях, а для возрождения своей экспортной торговли, в особенности с Южной Америкой... В годы войны постоянно приходилось расследовать и опровергать какие-нибудь опасные слухи"[32].

В книге Шервуда содержится уникальная, нигде более не встречающаяся информация о весьма неожиданном аспекте в решении вопроса о помощи Советскому Союзу:

"...Чтобы справиться с серьезным противодействием, которое американские католики оказывали в вопросе помощи Советскому Союзу, Рузвельт решил направить своего специального посла при папе Пии XII Майрона Тэйлора с новой миссией в Рим. <...> Он весьма тактично и правильно изложил точку зрения президента в Ватикане, где встретил весьма благожелательный прием. Хотя результаты этой миссии не привлекли к себе широкого внимания, они отразились на позиции католического духовенства в Соединенных Штатах, и вопрос об отправке в Советский Союз на основе ленд-лиза материалов на сумму свыше 11 миллиардов долларов не вызвал серьезных споров"[33].

Вызывают большой интерес последние страницы книги Р. Шервуда, в которых переданы беседы Гопкинса со Сталиным в конце мая 1945 года, и особенно то, как высокопоставленный американец умно и благородно закончил дискуссию о ленд-лизе:

"...По его мнению, было бы большой трагедией, если бы величайшее достижение в области сотрудничества между

---

[31] Там же. С. 503—504.

[32] Там же. С. 508.

[33] Там же. С. 602, 620.

Советским Союзом и Соединенными Штатами, которого они добивались совместно на основе ленд-лиза, имело бы... неприятный конец. Он добавил, что мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии"[34].

Что пишут о ленд-лизе ученые

Работы ученых по этому вопросу стали ярким подтверждением известного тезиса о том, что наука соприкасается с идеологией. Большинство зарубежных исследователей до недавнего времени упорно стояли на позициях времен "холодной войны" и доказывали, с фактами и цифрами в руках, что без ленд-лизовской, главным образом американской, помощи Россия не одержала бы победы в войне и потеряла бы большую часть своего населения от голода.

В свою очередь, наши, отечественные ученые, напротив, занижали значение ленд-лиза и тоже с фактами и цифрами в руках не менее убедительно доказывали, что ленд-лизовские, и прежде всего, американские, поставки были столь незначительны, что никак не могли сыграть более-менее заметную роль в ходе войны, к тому же приходили не вовремя, а техника часто была некомплектной, устаревшей и т.п.

Ярким примером типичного зарубежного изыскания на тему ленд-лиза может служить в свое время весьма авторитетная и одна из первых обобщающих работ — книга американского исследователя Р. Джоунса "Дороги в Россию: помощь США Советскому Союзу по ленд-лизу", опубликованная в Оклахоме в 1969 году.

Джоунс обращает особое внимание на то, что Рузвельту удалось преодолеть позицию изоляционистов и пессимистов в вопросе оказания помощи Советскому Союзу,

---

[34] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. М., 1958. Т. 2. С. 626.

справедливо отмечая, что в первые месяцы войны многие не верили в то, что СССР устоит, и опасались, что поставленное ему вооружение может оказаться в руках Гитлера, усилив тем его военную мощь.

Джоунс прослеживает объемы и номенклатуру поставок в периоды действия всех протоколов, оценивая их значение:

"Хотя общее количество в тоннах было невелико, все материалы имели стратегическое значение, были полезны и жизненно важны для успехов Советского Союза".

Интересно сравнить его оценку с оценкой Э. Стеттиниуса:

"Роль поставок вооружений Красной Армии по ленд-лизу во время боев с Германией летом 1941-го трудно оценить верно. Если говорить о нехватке в России конкретных военных материалов и техники, как грузовиков или телефонов, то ленд-лиз сыграл тут важную роль. Но в целом объем поставленных нами военных материалов не слишком велик. Мы знаем, что американская техника сослужила хорошую службу в обороне Сталинграда. Но прямо скажем: у нас нет подробных сведений о той пользе, какую принесло в том году наше оружие русским".

Книга Р. Джоунса (да и реферат на нее) читается с интересом, но, кроме огромного количества ценных статистических сведений, интересных сообщений, она содержит, однако, целый ряд положений, вызывавших еще в советские годы заслуженную критику и в настоящее время, уже без ссылок на книгу Р. Джоунса, многократно повторяемых в некоторых современных публикациях. Например, доктор филологических наук Б.В. Соколов сохраняет логику и даже стиль ее изложения, пересказывает и выводы из предисловия профессора Эриксона к этому труду Джоунса[35].

Книга Р. Джоунса несет на себе явный отпечаток "холодной войны" с присущими ей стереотипами и все-таки представляет интерес как этап в осмыслении ленд-лиза.

[35] См.: *Соколов Б.В.* Правда о Великой Отечественной войне. СПб, 1998.

Совершенно самостоятельно по мысли предисловие к этой книге, написанное научным руководителем Джоунса профессором Эриксоном. "Без американской помощи Россия потерпела бы крах только из-за одной нехватки продовольствия"; даже в конце 1943 года "американские поставки по ленд-лизу были все еще абсолютно необходимы для России, чтобы одержать победу"; советский народ "никогда не был полностью информирован о значении программы ленд-лиза для его усилий в войне"; "не может быть оставлена без ответа та большая ложь, которую Советский Союз стремится увековечить для будущих поколений в отношении ленд-лиза"[36] — вот лишь основные утверждения предисловия, и некоторые из них, кстати, противоречат основному содержанию самой книги. К примеру, Джоунс обращает внимание на то, что первая советская заявка от 30 июня 1941 года, рассмотренная на заседании американского кабинета 18 июля, была удовлетворена на 0,5%, при этом совсем не был разрешен экспорт оружия[37]; в июле 1941 года экспорт в СССР из США составил всего 6,5 миллиона долларов, а с 22 июня до 1 октября возрос до 29 миллионов долларов, что представляло собой "не более как видимость вклада в советскую оборону"[38]. Тем не менее ниже утверждается, что "включение Советского Союза в программу ленд-лиза замедлило строительство вооруженных сил США и серьезно отразилось на военном положении Англии, Китая, Индонезии и других 33 стран, получавших помощь по ленд-лизу"[39]. Многие американские материалы прибывали в Советский Союз не в комплекте, с повреждениями и

---

[36] Цит. по: *Якушевский А.* Реферат на книгу Р. Джоунса "Дороги в Россию: помощь США Советскому Союзу по ленд-лизу" // Информационный бюллетень Института военной истории Министерства обороны СССР. № 10. М., 1972. С. 31, 32.

[37] Там же. С. 35.

[38] Там же. С. 36.

[39] Там же. С. 39.

дефектами. "Все эти проблемы производили очень плохое впечатление на русских и служили поводом для увеличения количества их протестов"[40].

Джоунс приходит к выводу, что в 1941—1942 годах помощь СССР со стороны США вызывалась "частично эгоистической необходимостью": не допустить поражения Советского Союза или сепаратного мира с Германией, лишившись тем самым союзника в войне. Но после Сталинграда, по его мнению, возможность поражения Советского Союза "становилась все более и более отдаленной", поэтому "помощь России перестала быть эгоистической необходимостью и вместо этого стала актом бескорыстного великодушия"[41].

Прочитав все это, нельзя не задаться вопросом: как же Советский Союз одержал победу лишь благодаря ленд-лизу, коли, утверждая это, Джоунс и Эриксон признают, что помощь по ленд-лизу в самые тяжелые 1941—1942 годы была как раз наименьшей за все годы войны? Ведь основной поток поставок по ленд-лизу пришелся на период, когда Советский Союз доказал врагам и союзникам свою жизненную силу, выстояв в те жестокие для него годы, и неизбежность его победы становилась уже очевидной.

Книга Р. Джоунса известна у нас по реферату А. Якушевского, изданному в 1972 году под грифом "Для служебного пользования". Несколькими годами позже под таким же грифом появилась работа Л.М. Чузавкова, посвященная военно-экономическому сотрудничеству СССР с США и Великобританией в годы Второй мировой войны. Гриф секретности в те годы объяснялся сложностью и неурегулированностью вопроса о сумме советского долга по ленд-лизу. Этим обусловлена острота, яркая полемичность работы Л.М. Чузавкова. Отмечая, что "история советско-англо-американского военно-экономического со-

[40] Там же. С. 40.
[41] Там же. С. 45, 37.

трудничества в годы Второй мировой войны требует дальнейшей, более углубленной и разносторонней разработки"[42], он подчеркивает, что "в 1941—1942 годах США и Англия при оказании Советскому Союзу материальной помощи в основном руководствовались установкой: материальную помощь обещать, но без особой нужды не форсировать"[43], следуя политике "выжидания" исхода сражений на советско-германском фронте. В 1941—1942 году, по мнению Чузавкова, "союзная помощь продолжала оставаться незначительной, условия Протокола о поставках выполнялись не полностью", "материальная помощь Советскому Союзу не соответствовала возможностям США и Англии и решающему значению советско-германского фронта. В 1942 году СССР получил 27,6%, а Англия — 43% всех поставок США по ленд-лизу"[44].

Доступные к тому времени материалы позволили Чузавкову сделать целый ряд принципиальных выводов, которые как бы суммируют позицию официальной советской историографии середины 70-х годов:

"— союзные поставки вооружений и боевой техники составляли небольшой процент от аналогичных образцов, произведенных советской промышленностью;

— качество союзной боевой техники было невысоким: СССР располагал значительно лучшими образцами;

— относительно более ценными были поставки промышленного оборудования и средств транспорта, однако и они составили небольшой процент от производства аналогичных видов советской промышленности и транспортного парка;

— материальная помощь, которую оказывали Советскому Союзу США и Англия, была на протяжении всей войны намного ниже их действительных возможностей и

---

[42] *Чузавков Л.М.* Военно-экономическое сотрудничество СССР с США и Великобританией в годы II мировой войны. М., 1972. С. 12.

[43] Там же. С. 16.

[44] Там же. С. 17, 19.

не соответствовала решающей роли СССР в борьбе с общим врагом;

— система ленд-лиза в целом сыграла положительную роль в борьбе с фашистским блоком, однако, осуществляя ее, американские правящие круги исходили из собственных империалистических интересов;

— *в военные годы большинство реалистически мыслящих государственных и военных деятелей не переоценивали значение англо-американских поставок*"[45].

Насколько эти выводы соответствуют историческим реалиям — разговор особый. Полемический накал и наивность, ощутимые в каждом утверждении автора, соответствовали духу времени. Но это неправедный спор, в котором участвовали обе стороны, и каждая, как говорится, "перетягивала одеяло на себя". И как, кстати, далеко все это от благородства Э. Стеттиниуса, воздававшего должное мужеству и трудолюбию сражавшихся народов и отнюдь не считавшего необходимым скрупулезно фиксировать, кто, что и сколько именно сделал для победы над общим врагом. Впрочем, у каждого времени свое видение.

Большой пласт исторической литературы, включающий не один десяток названий, но принципиально совпадающий с тезисами Л.М. Чузавкова, характерен для 1970—1980-х годов, когда ощущался явный застой в этой области исторических изысканий[46]. Впрочем, в некоторых трудах содержатся интересные фактические подробности.

---

[45] Там же. С. 23.

[46] См., например: *Еремеев Л.М.* Друзья и враги о победе СССР во II мировой войне. М., 1972 // Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Энциклопедия. М., 1985; *Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С.* Итоги и уроки Великой Отечественной войны. М., 1975 // Вторая мировая война: итоги и уроки. М., 1985; *Орлов А.С., Новоселов Б.Н.* Факты против мифов: Подлинная и мнимая история II мировой войны. М., 1986; *Бережков В.М.* Страницы дипломатической истории. М., 1987; *Зорин Л.И.* Особое задание: Проблемы внешней и внутренней политики СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1988.

Так, В.М. Бережков пишет о том, что «вооружение и другие материалы, торжественно обещанные западными союзниками, не поступали вовремя в Советский Союз, а если и поступали, то в значительно урезанных количествах. По своему качеству это оружие не отвечало требованиям, предъявлявшимся фронтом, нередко устаревших образцов или имевшее дефекты. Например, по Бережкову, англичане поставляли отжившие свой век самолеты типа "Харрикейн", уклоняясь от поставок новейших истребителей "Спитфайр". О низком качестве военных материалов из США и Англии, по свидетельству Бережкова Сталин говорил в сентябре 1942 года с лидером республиканской партии США Уэнделлом Уилки. В присутствии послов США и Англии Сталин поставил вопрос: "Почему английское и американское правительства снабжают Советский Союз некачественными материалами?" И пояснил, что речь идет прежде всего о поставках американских самолетов П-40 вместо куда более современных "аэрокобр" и что англичане поставляют никуда не годные самолеты "Харрикейн", которые значительно хуже германских. Был случай, добавил Сталин, когда американцы собрались поставить Советскому Союзу 150 "аэрокобр", но англичане вмешались и оставили их себе.

— Советские люди, — продолжал Сталин, — отлично знают, что и американцы, и англичане имеют самолеты, равные или даже лучшие по качеству, чем немецкие машины, но по непонятным причинам некоторые из этих самолетов не поставляются в Советский Союз.

Американский посол адмирал Стэндли не имел сведений на этот счет, а английский посол Арчибальд Кларк Керр признал, что он в курсе дела с "аэрокобрами", но стал оправдывать их отправку в другое место тем, что эти 150 машин в руках англичан принесут "гораздо больше пользы общему делу союзников, чем если бы они попали в Советский Союз"»[47].

---

[47] *Бережков В.М.* Указ. соч. С. 139—140.

1990-е годы характеризуются настоящим информационным подъемом в изучении проблем ленд-лиза, введением в отечественный научный оборот широкого круга иностранных источников самой разной направленности, изданием совместных трудов.

Интересна работа М.И. Фролова, посвященная освещению Великой Отечественной войны 1941—1945 годов в немецкой историографии. Автор привлекает большое количество источников, касаясь, в частности, оценки в немецкой историографии вклада Советского Союза и других участников антифашистской коалиции в победу над Германией. Автор обращает внимание на то, что "ряд немецких историков разделяют, хотя и с некоторыми оговорками, имеющую широкое хождение на Западе версию о решающей роли США в достижении победы над врагом. Соединенные Штаты изображаются "фабрикой оружия" для врагов Германии, а их военная экономика, промышленный потенциал объявляются основой победы стран антифашистской коалиции. Вестфаль, Кессельринг, Мантейфель, Шпейдель и др. полагают, что без материальной помощи союзников русские не смогли бы устоять в 1941—1942 годах и тем более провести наступательные операции в 1943—1945 годах.

М. Айкхоф, В. Пагельс, В. Решл в книге "Незабываемая война" пишут, что "материальная помощь США Советскому Союзу была очень действенной", "Красная Армия и население питались продовольствием, поступившим из Америки"[48].

Полемизируя с немецкими историками, Фролов указывает:

"...До конца 1941 года — в самый тяжелый для Советского государства период — в СССР по ленд-лизу из США были направлены материалы на сумму 545 тысяч долларов при общей стоимости американских поставок странам ан-

[48] *Фролов М.И.* Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в немецкой историографии. СПб, 1994. С. 76—77.

тигитлеровской коалиции 741 миллион долларов, то есть менее 0,1% американской помощи получил Советский Союз в этот сложный период. Всего в 1941 году США и Англия передали СССР 750 самолетов (в том числе 5 бомбардировщиков), 501 танк и 8 зенитных орудий. К тому же первые поставки по ленд-лизу зимой 1941/42 года достигли СССР очень поздно, в эти критические месяцы русские, и одни русские, оказывали сопротивление германскому агрессору на своей собственной земле и своими собственными средствами, не получая какой-либо заметной помощи со стороны западных демократий. К концу же 1942 года согласованные программы поставок в СССР были выполнены американцами и англичанами на 55%. В 1941—1942 годах в СССР поступило всего 7% отправленных за годы войны из США грузов. Основное количество вооружения и других материалов было получено Советским Союзом в 1944—1945 годах, после коренного перелома в ходе войны. Поставки по ленд-лизу покрывали 1/5 потребностей Великобритании, а помощь Советскому Союзу осуществлялась в меньших масштабах"[49].

Эта обширная цитата позволит читателю убедиться в том, что аргументы отечественных историков ленд-лиза не претерпели за десятилетия существенных изменений, хотя значительно и обогатилась источниковедческая база их исследований.

Нельзя пройти мимо работы С.В. Кудряшова, подвергшего анализу новейшие труды английских и американских историков, посвященные различным аспектам Великой Отечественной войны. Он делает знаменательный вывод о том, что "исследование современной историографии США и Великобритании показывает, что по сравнению с другими периодами советской истории 1940-е годы по-прежнему остаются одними из наименее изученных. Учитывая рассекреченность значительной части советских документов, можно предположить, что в ближайшие годы следует ждать всплеска интереса к этому периоду и, соот-

[49] Там же. С. 79—80.

ветственно, к истории Великой Отечественной войны. Наиболее перспективными выглядят исследования проблем социально-экономического характера, с использованием литературы и источников из разных стран"[50].

Кудряшов подчеркивает, что в ряде источников обращается внимание на оценку английскими учеными роли ленд-лиза, которая представляется наиболее точной:

"Считая, что победа в войне зависела главным образом от ресурсов СССР, они показали, что в разные годы войны роль ленд-лиза менялась. Особенно весомой она была в 1944 году, когда в финансовом отношении составляла 13% от общих государственных расходов, 25% от расходов на войну, а в валовом национальном продукте доля ленд-лиза равнялась 10—12%. Многие поставки по отношению к собственному производству в СССР были сравнительно невелики, не носили определяющего характера, но они помогли преодолеть некоторые трудности. Неоценимую помощь союзники оказали главным образом поставками автомобильного транспорта"[51].

Нам представляется весьма плодотворной идея английских исследователей проследить роль ленд-лиза в разные годы войны, точнее, в каждый год войны, а еще лучше — в календарной связи с положением на фронтах. Действительно, только такая методология позволит, избегая вредящего делу идеологизирования, приблизиться к исторической правде.

В статье Л.В. Поздеевой "Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается", вошедшей в сборник "Вторая мировая война" (1995), подводятся определенные итоги изучения темы ленд-лиза и намечаются ближайшие ее перспективы.

Вначале Поздеева напоминает, что Гопкинс в беседе со Сталиным подчеркнул, что США "никогда не считали, что... помощь по ленд-лизу является главным факто-

---

[50] *Кудряшов С.В.* Великая Отечественная война в новейших трудах английских и американских историков. М., 1996. С. 29.

[51] Там же. С. 25.

ром в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии"[52]. "Более того, в докладе президента США Конгрессу об осуществлении программы ленд-лиза за период до 31 марта 1945 года указывалось, что советские армии снабжались в основном советским вооружением и материалами"[53].

Далее Поздеева делает обзор истории освещения проблем ленд-лиза в литературе и приходит к выводу, что в настоящее время историки "не склонны идеализировать мотивы США в оказании помощи". Ею приводятся слова Г. Херринга о том, что "это был акт рассчитанного своекорыстия, и американцы всегда знали о преимуществах, которые могут быть получены"; подчеркивается также заинтересованность США и Великобритании в продлении сопротивления СССР[54].

Поздеева приводит также заключение Дж. Хазарда: "Теперь вряд ли кто-нибудь в США возьмется утверждать, что поставки оборудования и продовольствия по ленд-лизу явились основным фактором, обеспечившим победу Красной Армии"[55]. Согласимся, что в США — вряд ли, а вот ряд современных отечественных историков и даже филологов (!) с непонятным упорством настаивают именно на такой версии, вопреки фактам[56]. Но об этом позднее.

В целом подытоживая обзор исторической литературы, Л.В. Поздеева считает, что "в современной историографии подтверждается относительно скромное место ленд-

---

[52] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 626; *Поздеева Л.В.* Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 324.

[53] Nineteenth Report to Congress on Lend-Lease Operations. Wash., 1945. P.14; *Поздеева Л.В.* Указ. соч. С. 324.

[54] См. там же. С. 326.

[55] Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 40, 42; *Хазард Дж.* На защиту американских интересов; *Поздеева Л.В.* Указ. соч. С. 327.

[56] См.: *Соколов Б.В.* Указ. соч.; *Супрун М.Ф.* Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы II мировой войны // Отечественная история. 1996. № 3. С. 46—54.

лизовских поставок в общих экономических успехах СССР", что показывают и цифры, приводимые зарубежными авторами. Так, цитируемый Поздеевой Херринг "исчисляет удельный вес поставок промышленных товаров в общем производстве СССР не в 4%, как Н. Вознесенский, учитывавший то, что фактически было получено Советским Союзом, а в 10—11%, учитывая все, что было отправлено. По оценкам сотрудника Управления военного производства США Р. Голдсмита, союзная помощь СССР не превысила 1/10 советского производства вооружений[57].

По мнению Поздеевой, формула "слишком мало и слишком поздно" безусловно верна, если иметь в виду количественный объем американских и британских поставок в СССР в 1941—1942 годах. Но она подчеркивает и большое моральное значение этих поставок: сражающаяся Россия видела воодушевлявшую ее поддержку крупнейших держав мира.

Поздеева разделяет мнение многих о важной роли поставок нам продовольствия, одежды и особенно автомашин (джипы и студебеккеры, составив 70% парка Красной Армии, стали основой ее мобильности)[58,42]. Заметим, что внимательный читатель Э. Стеттиниуса нигде не найдет у него распространенной в литературе цифры в 400 тысяч автомашин в качестве американской помощи, ибо эта цифра относится уже к 1945 году, а приводимая Э. Стеттиниусом — 138 тысяч — к середине 1944-го, что позволяет реалистичнее оценить роль автоленд-лиза на этом этапе войны.

Поздеева особо отмечает масштабы поставок телефонного провода и авиагорючего. Что касается самолетов и танков, пишет она далее, то их количество было меньше собственного производства в СССР.

Подчеркивается ею в статье и то, что современные авторы критикуют Рузвельта за предоставление СССР "безоговорочной" помощи и неодинаковую процедуру ее ока-

---

[57] См.: *Поздеева Л.В.* Указ. соч. С. 330.

[58] См. там же.

зания СССР и Британии, что, однако, объясняется тем, что СССР никогда не входил в число традиционных конкурентов США в сфере внешней торговли.

Уделено в публикации внимание и дискуссии по поводу окончания американской помощи как "репрессивного" мероприятия, использования ленд-лиза как рычага политического давления.

Здесь уместно вспомнить и упреки в "неблагодарности", раздавшиеся в адрес Советского Союза, о причинах которой дает представление отрывок из беседы Гопкинса со Сталиным 27 мая 1945 года по поводу внезапной разгрузки в Америке пароходов с ленд-лизовскими грузами для России:

"Маршал Сталин сказал, что он хочет ясно заявить, что полностью признает право Соединенных Штатов сократить поставки по ленд-лизу Советскому Союзу при нынешних условиях, поскольку обязательства в этом отношении были взяты нами (американцами. — С. Л.) на себя добровольно. Соединенные Штаты вполне могли бы начать сокращать поставки еще два месяца назад, однако он имеет в виду только то, как это было сделано. Он сказал, что несмотря на то, что в конечном счете это было соглашение между двумя правительствами, действие его было прекращено оскорбительным и неожиданным образом. Он сказал, что, если бы советское правительство было заранее предупреждено об этом, не возникло бы такого чувства, о котором он говорит; такое предупреждение было необходимо, поскольку советская экономика является плановой. Он сказал, что они намеревались выразить в соответствующей форме благодарность Соединенным Штатам за помощь по ленд-лизу во время войны, но обстоятельства, какими сопровождалось прекращение выполнения этой программы, сделали это невозможным"[59].

Возвращаясь к статье Л.В. Поздеевой, хочется напомнить ее вывод о том, что тема ленд-лиза является

[59] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 625.

одной из наименее изученных в отечественной историографии, о перспективности изучения вопроса об удельном весе и значении отдельных поставок нашей стране в годы войны.[60]

Чрезвычайно интересной публикацией, содержащей порой шокирующие открытия, стал совместный российско-американский труд "Союзники в войне 1941—1945" (1995), в котором Л.В. Поздеевой принадлежит статья "Советский Союз: Феникс", на основных положениях которой мы и остановимся.

Не обошлось и в этой статье без общепринятого справедливого акцента: "победа над фашистской Германией была одержана советскими воинами в основном советским оружием". Ну а далее выясняется, "какую роль для военной экономики СССР — удивительно независимой в сравнении с экономикой Великобритании или даже США — сыграли поставки вооружения, военных материалов и продовольствия из США и других государств". И далее: цифра 4%, которой советская сторона официально измеряла удельный вес поставок западных держав во всем объеме промышленной продукции СССР в 1941—1945 годах, лишь в самом общем виде раскрывает экономический аспект союзных взаимоотношений. Если судить только по количественным показателям, то создается представление о небольшом объеме военно-экономического сотрудничества СССР и западных держав в начале Великой Отечественной войны. Это подтверждает справка Наркомата внешней торговли о выполнении Англией обязательств по Первому протоколу за октябрь-декабрь 1941 года. Не были полностью реализованы и обязательства по Второму протоколу, чему были и объективные причины: потери грузов при перевозках, нежелание некоторых военных организаций выделять вооружение Советскому Союзу и др. Таким образом, делает важный вывод Поздеева, в военно-эконо-

[60] См.: *Поздеева Л.В.* Указ. соч. С. 333.

мическое обеспечение победы под Москвой и Сталинградом ленд-лиз значительного вклада не внес[61]. Но моральное значение поставок на начальном этапе войны несомненно: ведь первый английский конвой прибыл в Архангельск уже 31 августа 1941 года! К тому же поставки союзников давали возможность хоть как-то компенсировать недостаток или отсутствие необходимых для военного производства видов продукции и сырья: стали, меди, алюминия, телефонного кабеля, кожи, обуви для армии.

Основная часть поставок по ленд-лизу приходится на 1943—1944 годы, совпадая с завершением коренного перелома в Великой Отечественной войне и развертыванием Красной Армией стратегии наступления. Если во время действия Первого и Второго протоколов американские и британские поставки являлись примерно равными, то в дальнейшем помощь из США превзошла британские поставки. В последующие годы изменился и состав грузов: меньше стала доля вооружений — больше промышленного и медицинского оборудования, транспортных средств, продовольствия. Так, по Третьему протоколу продовольствие составляло около 1/3 тоннажа. Американские поставки, подчеркивает Поздеева, облегчили процесс восстановления транспортной системы СССР и подготовку и проведение крупных наступательных операций внутри позиций противника, не уточняя, однако, что последнее утверждение может относиться лишь к завершающему периоду войны: к концу 1944 — началу 1945 года, если учесть сведения о поставках автотранспорта, приводимые Э. Стеттиниусом.

К тому же, как пишет Стеттиниус, поступавшие в СССР грузовики "первоначально нам было трудно обеспечить... достаточным количеством специальных шин, чтобы они могли проходить по снегу и грязи". Зато джипы,

[61] См.: *Поздеева Л.В.* Советский Союз: Феникс // Союзники в войне 1941—1945. М., 1995. С. 187—188.

которые американцы предложили нам вместо запрошенных мотоциклов с коляской, на нашем бездорожье стали просто незаменимыми.

В этой статье Л.В. Поздеевой, пожалуй, впервые в отечественной литературе приводятся данные из американского источника 1952 года о распределении ленд-лизовских грузов по маршрутам доставки в СССР:

через Персидский залив — 23,8%;

через советский Дальний Восток — 47,1%;

через советскую Арктику — 2,5%;

через Черное море — 3,9%;

через порты Северной России — 22,7%[62].

Однако, по мнению автора, экономическая помощь не могла компенсировать и не компенсировала отсутствие до середины 1944 года второго фронта.

В конце статьи выражается надежда, что окончание "холодной войны" позволило российским ученым более четко, справедливо определить пользу западной экономической помощи — и как фактора укрепления морального духа советских людей в тяжелые дни 1941—1942 годов, и как важного дополнения к советскому производству в 1943—1945 годах.

В том же сборнике "Союзники в войне 1941—1945" помещена неожиданная, вызывающая живое внимание статья Т.А. Уилсона, профессора истории Канзасского университета, под названием "Соединенные Штаты: Левиафан". Содержание ее столь необычно, а некоторые положения настолько противоречат утверждениям наших отечественных историков о жертвах, на которые шли Соединенные Штаты, осуществляя программу ленд-лиза, что мы позволим себе подробнее познакомить читателя с содержанием этой статьи. К тому же отдельные наблюдения, факты и выводы Уилсона чрезвычайно интересно сравнить с работами наших историков в духе "разбушевавшейся гласности", о которых речь впереди.

---

[62] См. там же. С. 190—191.

Итак, Уилсон утверждает, что "тот факт, что первые послевоенные месяцы оказались для экономики США довольно мучительными, не должен мешать разглядеть ее совершенно реальные достижения во время Второй мировой войны. Америка выполнила свои обязательства, связанные с военным производством. АМЕРИКАНСКИЙ НАРОД ДОБИЛСЯ НЕВИДАННОГО ПРОЦВЕТАНИЯ (выделено нами. — *С. Л.*), И СОЗДАННОЕ БОГАТСТВО РАЗДЕЛИЛА БОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ДОЛЯ НАСЕЛЕНИЯ. АМЕРИКАНСКАЯ ЭКОНОМИКА НЕ ИМЕЛА СЕБЕ РАВНЫХ В МИРЕ, РАЗОРЕННОМ ВОЙНОЙ. ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧИЛОСЬ ПОТРЕБЛЕНИЕ НА ДУШУ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ (ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ СЛИВОЧНОГО МАСЛА), МЯСА, ПТИЦЫ, ОВОЩЕЙ, БОБОВЫХ И ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР[63].

Тут придется сделать отступление и припомнить статью одного из крупных современных исследователей проблемы ленд-лизовских поставок — М.Ф. Супруна[64], написанную позже работы Уилсона, в которой в трагически-патетических тонах повествуется, как по Третьему протоколу в СССР было направлено 25% всей произведенной в США свинины, на американскую же армию, сокрушается автор, осталось ее лишь 14%. И делалось это, по его мнению, "отнюдь не от избытка". От себя добавим, что в американской армии традиционно предпочитают другие виды мяса, а также птицу. Стеттиниус, кстати, пишет о том, как американская пищевая промышленность по **русскому рецепту** освоила производство консервированной в сале и желе свинины — и слово "тушенка" пишет латинскими буквами. К тому же и численность американской армии была значительно меньше Красной Армии. А кроме того, как пишет Э. Стеттиниус, продовольственная программа ленд-лиза привела к увеличению количества про-

[63] *Уилсон Т.* Соединенные Штаты: Левиафан // Союзники в войне 1941—1945. С. 221.

[64] См.: *Супрун М.Ф.* Указ. соч. С. 48.

довольствия и для нужд самих американцев. "Например, с 11 марта по конец 1941 года мы отправили по ленд-лизу 347 миллионов фунтов мяса, тогда как производство мяса в нашей стране возросло на 511 миллионов фунтов...". Так что, уважаемый М.Ф. Супрун, как раз от **избытка** у них получали мы американскую свинину, по свидетельству такого авторитетного очевидца, как Э. Стеттиниус.

Не стоит видеть подвиги и жертвы там, где их и в помине не было. Лучше воздать по действительным заслугам.

Вот что пишет Уилсон, подсчитав все, о жизненном уровне американцев в годы войны:

"...Потребительские расходы на продовольствие подскочили с 14 миллиардов долларов до 24 миллиардов долларов, превращая в насмешку различные кампании по сбережению.

Распространение переедания было одним из признаков заметного повышения жизненного уровня. Средние еженедельные заработки, с учетом многих часов сверхурочной работы, возросли на 70%"[65].

И еще:

"Военный министр Стимсон жаловался генералу Маршаллу: "Как только приходят известия о наших победах, все хотят надеть пиджаки и уйти с работы. Любопытная особенность наших великолепных людей в США в том, что они вовсе не чувствуют себя участниками войны и не видят необходимости в каких-либо жертвах... Немецкое наступление в Арденнах — битва за Бельгию — развеяла все иллюзии. Впервые был разрешен призыв отцов семейств... Директор Управления военной мобилизации и реконверсии объявил 23 декабря 1944 года о прекращении всяких соревнований, связанных с автогонками, чтобы сберечь топливо и другие необходимые материалы. На другой день, накануне Рождества, когда американцы ощипывали традиционных индеек и готовились жарить неизменную гру-

[65] *Уилсон Т.* Указ. соч. С. 221.

динку и запекать окорока, служба администрации цен возобновила нормирование всех продуктов из говяжьего мяса. Америка с опозданием обнаружила, что война в Европе к Рождеству 1944 года еще не закончилась".

Вопреки опасениям угрозы процветанию и полной занятости не возникло"[66].

Но еще недавно проблема безработицы была очень остра:

"В 1940 году в гражданском производстве было занято 47,5 миллиона человек, не имели работы 8,1 миллиона. Однако уже в 1942 году экономика США вобрала весь незанятый резерв рабочей силы и до самой победы в Европе отмечалась полная занятость"[67].

Зато были другие проблемы, весьма необычные для воюющей страны:

"Осенью 1944 года газеты печатали истории о том, как пароходные компании, доставлявшие грузы в зоны боевых действий, надувают правительство США. Большое жюри привлекло к судебной ответственности фирму "Норден инкорпорейтед", обвиненную в том, что она сознательно блокировала производство сверхсекретных прицелов для бомбометания, чтобы сохранить собственную монополию. Тысячи рабочих, предвидя скорое окончание войны, покидали предприятия, связанные с выпуском военной продукции, в поисках постоянной работы на послевоенный период"[68].

При чтении этих строк остается только удивляться тому, что программа ленд-лиза все-таки в основном выполнялась и во все концы света шла американская помощь, организаторы которой сталкивались, как видим, с самыми неожиданными трудностями. Вызывает восхищение упорство, с каким администрация ленд-лиза ежедневно преодолевала разнообразнейшие препятствия в своем благородном деле и продолжала обеспечивать эффективные поставки.

---

[66] Там же. С. 220.
[67] Там же. С. 207.
[68] Там же. С. 219.

Ознакомившись со статьей Уилсона, от всего сердца соглашаешься с его честным мнением:

"...То, что Америка пережила во время войны, в корне отличается от испытаний, выпавших на долю ее главных союзников. Только американцы могли назвать Вторую мировую войну "хорошей войной", поскольку она помогла значительно повысить жизненный уровень и потребовала от подавляющего большинства населения слишком мало жертв"[69].

Через год после публикации статьи Т. Уилсона увидела свет упоминавшаяся уже нами работа М.Ф. Супруна "Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы II мировой войны" — скороспелый плод с древа гласности. Статья производит весьма неоднозначное впечатление: интересные факты, приводимые в ней, — и настораживающая нас ее общая тональность, да и некоторая лихость в обращении с цифрами.

Сначала о тональности. Как вам, читатель, вот такое начало: "Утрата продовольственных запасов компенсировалась, как ни кощунственно это звучит, потерями их потребителей: до 60 миллионов граждан оказались на оккупированной территории". Звучит как раз и кощунственно, и, что еще хуже, цинично. Ну так, может быть, сформулировать все иначе? Однако все содержание статьи Супруна заставляет думать, что его задачей было не воссоздание на основе фактов исторически достоверной картины, а иллюстрирование неких заранее принятых на веру умозрительных построений. И начало статьи работает на такого рода замысел.

А вот еще пассаж: "На Московской трехсторонней конференции (29.09—1.10.41) Советский Союз запросил об отправке в его порты ежемесячно 200 тысяч тонн пшеницы, 70 тысяч тонн сахара и 1,5 тысячи тонн какао, что предполагало полное обеспечение этими продуктами 10-миллионной армии. И пусть не в таких количествах,

[69] Там же. С. 197.

хотя во все более увеличивающихся объемах, в Россию стало поступать продовольствие".

Интересно, в каких же именно количествах? Автор по указанным им продуктам не пишет об этом даже приблизительно, а между тем если суммировать помещенные в одной из таблиц его статьи цифры, то примерные данные можно сопоставить с советскими запросами по Первому протоколу. У нас выходит, что поставленных за все годы войны из США, Великобритании и Канады муки и пшеницы хватило бы нам на 5 месяцев (967 тысяч тонн), а сахара, если верить данным Супруна, поставлено за всю войну на 6 месяцев (630 936 тонн). Но это, подчеркнем, цифры союзных поставок за **всю** войну в их сопоставлении с советскими потребностями на **месяц**.

Далее Супрун справедливо указывает, что к июлю 1942 года в Россию было завезено из США и Великобритании 392 тысячи тонн продовольствия. Много это или мало? На этот вопрос мы находим такой ответ у автора: «...В общем продовольственном "котле" Красной Армии в первый год войны импортные продукты едва составили бы сотую часть». А вот если припомнить объемы поставок продовольствия в том же 1941 году в Англию, о которых Э. Стеттиниус пишет, что к Рождеству 1941 года они достигли миллиона тонн и помогли Великобритании преодолеть самый серьезный продовольственный кризис за все время войны, то масштабы продовольственной помощи союзников России в начале войны становятся более зримыми.

Доставка союзных грузов, в том числе и продовольствия, в Россию всегда была сопряжена с большими трудностями, на некоторые из них указывает Стеттиниус: "В первые 9 месяцев выполнения нашей советской программы, когда почти все грузы доставлялись северным путем, 15% всего, что мы так или иначе отправляли в Россию, оказывалось на дне океана". А иной раз и более чем 15%. Тот же Стеттиниус сообщает о том, что за 3 месяца 1942 года — март, апрель, май — четверть кораблей, отправ-

ленных в Россию по северному пути, к Мурманску, были потоплены немцами. Как видим, невыполнение объемов поставок часто объяснялось особыми, трагическими обстоятельствами.

Второй протокол, как пишет в своей статье Супрун, "зафиксировал не только прежние объемы запросов Советского Союза, но и значительное увеличение и за счет мяса, масла и суповых концентратов. Согласно заявке импортируемое продовольствие должно было составить десятую часть основных видов продовольствия СССР (это, естественно, не считая неизбежно больших потерь при транспортировке грузов. — *С. Л.*)... Уже в первом квартале 1943 года союзные поставки обеспечивали 17% энергетической ценности продовольствия, потребляемого Красной Армией", — заключает наш автор, не поясняя, однако, как получена им эта серьезная цифра, и оставляя читателя в недоумении, на основании чего, собственно, можно доверять ей.

Далее М.Ф. Супрун пишет: "В заявке к III Лондонскому протоколу пищевые поставки с июля 1943 года по июль 1944 года потеснили металлы и даже отдельные виды вооружений. Предпочтение было отдано продуктам, содержащим большое количество белков и жиров. По этим видам продукции американцы предложили даже больше, чем запрашивали представители Наркомвнешторга. И делалось это отнюдь не от избытка".

Читая такие опусы, можно подумать, что американцы ущемляли свои интересы, шли на какие-то жертвы, что называется, "от себя отрывали" продовольствие, чтобы только послать его в Россию. Слава богу, книга Стеттиниуса отметает подобные заключения. Америка соблюдала прежде всего американские интересы, и это естественно как проявление инстинкта самосохранения нации, государства. И только после того, как потребности самой Америки были обеспечены, ее доброй волей было и стало оказывать союзническую помощь теми военными материалами — сырьем, продуктами, оружием и пр., ка-

кие уже не требовались непосредственно Америке или превышали ее собственные запросы. Более того, Америка организует доставку этой помощи, выделяя суда, самолеты, порты, аэродромы, предоставляя квалифицированный персонал.

Красноречивы сами по себе цифры объема поставок по ленд-лизу в процентах ко всему производству в США, приводимые Стеттиниусом: в 1942 году — 6%, в 1943-м — 10%. Мы благодарны США за помощь, но преувеличивать или преуменьшать ее ни к чему: это унижает и нас, и их.

А именно такая тенденция — к преувеличению союзнической помощи, — что называется, красной нитью проходит через всю статью М.Ф. Супруна. А ведь это оскорбление памяти поколений как советских людей, принимавших помощь, так и союзников, оказывавших ее. Создается впечатление, что Супрун всеми силами стремится выполнить какую-то сверхзадачу, но ничего, кроме старой песни о том, что без ленд-лиза Советский Союз никогда не выиграл бы войну, а все советские люди ну просто бы умерли с голоду, у него не получается.

Сейчас, когда время и нравы "холодной войны" канули в прошлое, остается только удивляться тому, что историки войны вместо объективных исследований, для которых после открытия архивов есть все условия, продолжают мыслить в пределах старой парадигмы и либо повторяют, либо впустую опровергают набившие оскомину тезисы, не выдвигая ничего нового. На этом тусклом фоне энергично и ярко выглядит книга Стеттиниуса, в которой есть четкая авторская позиция, любовь к Америке, уважение к союзникам, стремление донести до читателя не искаженную, но и не приукрашенную правду о героическом времени совместной борьбы союзников с общим врагом, хотя во многом и разными средствами.

У М.Ф. Супруна другие задачи. Он ищет ходы для высокой оценки роли союзных поставок продовольствия, наперед зная, что требуется ему "доказать": "Были попытки посчитать весовую долю, а значит, и значение про-

довольственных поставок, в котелке советского бойца. В день, по подсчетам этих авторов, получалось около 300 г. Но эта методика большинством историков признана ошибочной". Оно и понятно: поставлявшиеся продукты обыкновенно были максимально концентрированными, обезвоженными, высушенными — с потерей объема и веса примерно в 7 раз. А еще в эти 300 граммов входил и вес жестяных банок, в которые было упаковано мясо, птица, сгущенное молоко и др., заметим мы. Нельзя, пишет далее М.Ф. Супрун, определить значение этих поставок и по сумме их в 1,7 миллиарда долларов, поскольку курсы рубля и доллара тех лет несопоставимы. И вот наш автор решает пойти другим путем: он подсчитывает энергоемкость продуктов и сравнивает ее с нормами военного времени. "И хотя эти расчеты таят много погрешностей, их результаты более точно отражают роль продовольственного ленд-лиза в победе союзников. Продовольствия, поставленного по ленд-лизу, хватило бы для того, чтобы кормить армию в 10 миллионов человек в течение 1688 суток, то есть в течение всей войны. А если принять во внимание калорийность продовольствия, поставленного отдельными фирмами и общественными организациями, ввезенного в СССР питьевого спирта, то можно утверждать, что завезенного союзниками продовольствия по его калорийности хватило бы не только на полное содержание Красной Армии в течение всей войны, но и на весомую добавку к рациону части гражданского населения".

Да, поистине, к удивительным умозаключениям может иной раз привести сочетание в одном лице дотошного историка и скрупулезного математика! Увы, заключения эти относятся, скорее, к области курьезов, а не к науке. 300 граммов в день, включая вес жестяной банки, — вот такой смелый и, главное, новый (если не считать зарубежные изыски времен "холодной войны") вывод для истории...

А как спокойно и объективно звучат оценки руководившего ленд-лизом Стеттиниуса:

"Хотя наши поставки продовольствия в Россию были велики, они, вероятно, лишь в малой мере отвечали потребности Красной Армии в калориях, и ничего не оставалось гражданскому населению. Но если говорить о белках, витаминах и минеральных веществах, то, конечно, ценность этих продуктов гораздо больше. Думаю, что без продовольствия, поступающего из США, пришлось бы или значительно снизить нормы питания красноармейцев, или ниже опасного предела сократить рацион рабочих военных заводов, чтобы сохранить на высоком уровне боеспособность Красной Армии".

Заметим, что книга Стеттиниуса тем и хороша, что позволяет отделить зерна от плевел.

"В годы минувшей войны, — пишет далее М.Ф. Супрун, — Советский Союз потерял только от голода миллионы своих граждан (ссылки на источник такой шокирующей цифры нет. — *С. Л.*). А сколько миллионов он потерял бы еще, не будь продовольственного ленд-лиза? Союзническая помощь в этом отношении не подлежит никакому исчислению — она бесценна".

Что бы было, если бы... — рассуждения по этой схеме малоинтересны, но, поскольку в статье Супруна не упоминается о том, как сами союзники оценивали свою помощь нам, мы позволим себе на этом остановиться.

Стеттиниус пишет совсем иначе:

"Главным "вкладом в оборону США", сделанным Англией, Советским Союзом, Китаем и другими странами, явилась, конечно, их война со странами оси, и это самое главное, что наша страна получила в ответ на помощь по ленд-лизу. В докладе Конгрессу 25 января 1943 года я подчеркнул: "Эту помощь невозможно измерить в цифрах. Не существует стандартных оценок, с помощью которых, например, можно было бы сопоставить тысячу погибших русских солдат и тысячу истребителей. Все, кто погиб на полях сражений в Англии, Китае, России, в Африке и Азии, пали, защищая свою родину. Но эти народы воевали и воюют с нашим общим врагом. Их жертвы спасают жизни американцев".

Так что Советский Союз не был безответным потребителем американской помощи — во всяком случае, на взгляд самих американцев.

И еще одно в статье Супруна вызывает недоумение: ссылаясь на статью Р. Мантинган (1984), он "объективно" повествует о фактах "нарушения Советским Союзом взаимных соглашений — таких, как распродажа ленд-лизовского продовольствия в Иране, Польше и Финляндии". Конечно же, как говорят историки, один источник — это не источник, но только не для Супруна.

А вот Р. Шервуд рассказывает о подобном случае измышления, когда в разгар войны Англию обвинили в том, что она использует ленд-лизовские средства "для оживления своей торговли с Южной Америкой". Так вот Шервуд на это философски замечает, что во время войны все время приходится опровергать какие-нибудь слухи, и называет это обвинение попросту гнусным. Супрун же, похоже, склонен верить подобным измышлениям в адрес Советского Союза и даже старается уверить в этом читателя. Видимо, геббельсовская пропаганда оказалась столь живучей, коли ее последствия дают о себе знать до сих пор.

В печальной справедливости этого утверждения можно убедиться, ознакомившись с другими исследованиями. Так, доктор филологических наук Б.В. Соколов издал книгу "Правда о Великой Отечественной войне" (СПб, 1998), представляющую собой сборник его статей (перепечатки из разных отечественных и зарубежных газет и журналов — от "Советской Киргизии" до "Journal of the Slavic Military Studies") на самые разные темы из истории Великой Отечественной войны. И в каждой ему удалось сделать какое-нибудь открытие, смелый пересмотр какого-либо вопроса.

В самом начале статьи, посвященной ленд-лизу, он уверенно заявляет: "Данные о доле ленд-лиза в советском военном производстве, скорее всего, занижены за счет завышения объемов производства отдельных видов

вооружения и боевой техники в СССР"[70]. И вот, пользуясь как вновь опубликованными данными, так и своими оригинальными подсчетами, Соколов установил долю западных поставок в советском производстве некоторых важнейших для ведения войны видов продукции. Всего мы приводить не будем, а остановимся лишь на производстве самолетов.

"Советская авиапромышленность работала главным образом за счет западных поставок. Как, располагая почти втрое меньшими ресурсами алюминия, чем Германия, она смогла произвести в 1,3 раза больше боевых самолетов, чем Германия, если структура производства самолетов в обеих странах была весьма схожей?"[71] Ответ у Соколова прост: "Советское производство самолетов в годы войны завышено минимум в два раза"[72].

Для подтверждения этого заявления на читателя, обыкновенно исторически малоосведомленного, обрушивается целый поток цифр, нарастающий в серии подсчетов.

Этот курьез пригодился бы лишь для, так сказать, полноты картины того, что пишут нового современные ученые о ленд-лизе, и остался бы всего лишь курьезом, если бы не то очень серьезное заключение, к которому приходит Соколов в конце своей статьи: "В целом можно сделать вывод, что без западных поставок Советский Союз не только не смог бы выиграть Великую Отечественную войну, но даже не был в состоянии противостоять германскому вторжению, не будучи в состоянии произвести достаточное количество вооружений и боевой техники и обеспечить ее горючим и боеприпасами"[73]. Выходит, "без содействия Англии и США СССР не мог бы вести войну против Германии".

А ведь где-то это мы уже читали... И не раз...

---

[70] *Соколов Б.В.* Указ. соч. С. 161.
[71] Там же. С. 173.
[72] Там же. С. 174.
[73] Там же. С. 184.

К числу исследований последних лет можно отнести и итоговую работу уже известного нам по реферату книги Р. Джоунса А.С. Якушевского "Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции" (1997). Автор выступает против необоснованного преувеличения роли ленд-лиза, показывая несостоятельность заявлений, в частности, бывших гитлеровских генералов ВВС В. Швабедиссена и К. Уэбе (занявшихся сразу после войны историей в США) о том, что помощь западных союзников по ленд-лизу в 1941 году обеспечила советским вооруженным силам "способность продолжать свое сопротивление" и "предотвратила взятие немцами Москвы"[74].

Якушевский критикует также взгляды Х. Солсбери о том, что именно союзные поставки сделали возможным подготовку наступления под Сталинградом: как раз в июле 1942 года вермахт развернул широкое наступление на южном участке советско-германского фронта, а США и Англия прекратили на 5 месяцев транспортировку грузов в СССР через Северную Атлантику. К тому же в этот период резко сократились перевозки грузов по Трансиранской железной дороге[75]. Заметим, что и Стеттиниус с гордостью пишет о том, что американские поставки помогли подготовить Сталинградское наступление, однако в отличие от Солсбери он не столь категоричен.

Якушевский приводит свидетельства западных авторов о том, что ленд-лиз был выгоден обеим сторонам: и США, и Советскому Союзу:

«На выгодность и высокую рентабельность поставок Советскому Союзу по ленд-лизу неоднократно указывали в период Великой Отечественной войны государственные и политические деятели США и Англии. Во время англо-американской конференции в Касабланке в январе 1943 года Рузвельт отмечал: "Поставки в Россию — это выгодное вло-

[74] *Якушевский А.С.* Указ. соч. С. 41.

[75] См. там же.

жение капитала". Черчилль говорил о необходимости увеличения военной помощи России, ибо "никакая другая форма вложения капитала не может обеспечить лучшие военные дивиденды"[76].

При обсуждении 20 января 1943 года Комитетом начальников штабов США стратегических планов на 1943 год главком американских ВМС адмирал Э. Кинг говорил:

"Не стоит жалеть усилий, чтобы вложить в руки русских все возможные средства ведения войны. Вопрос заключается не в том, чтобы задобрить Сталина, а в том, чтобы снабжать русских в наших собственных интересах"[77].

Ленд-лиз для Америки Якушевский считает выгодным во всех отношениях.

1. Главное — сокращение собственных материальных и людских потерь в войне. Как говорил Трумэн, "деньги, истраченные на ленд-лиз, безусловно спасали множество американских жизней. Каждый русский, английский или австралийский солдат, который получал снаряжение по ленд-лизу и шел в бой, пропорционально сокращал военные опасности для нашей собственной молодежи".

2. Помогая союзным странам, США активизировали действия их армий против общего врага, а сами получали время для наращивания военного производства, развертывания и обучения вооруженных сил.

3. В обмен за помощь по ленд-лизу Советский Союз поставлял США важное стратегическое сырье и многие ценные военные материалы, оказывал посильные услуги и техническую помощь.

4. Ленд-лиз был выгоден американским монополиям (расширение производства, рост прибылей) — прибыли американских корпораций увеличились в 2,5 раза. Кроме того, за счет налогоплательщиков корпорации в годы войны получили 26 миллиардов долларов для строительства новых и переоборудования старых предприятий для нужд ленд-лиза"[78].

---

[76] Там же.

[77] Там же. С. 42.

[78] См. там же.

Заключение А.С. Якушевского представляется и философски глубоким:

"Любая оценка задним числом роли ленд-лиза всегда относительна и проблематична. Всякие попытки установить точно, насколько решающей она была, насколько сократила путь к окончательному триумфу, ведут историков на зыбкую почву бесконечных предположений, а также дискуссий и споров. В ходе их они несколько приближаются к истине, но путь этот долог, а конца его не видно".

Это, безусловно, верно. И хотелось бы, чтобы на этом пути к истине нам сопутствовали хорошие, умные, правдивые книги, подобные книге Стеттиниуса, которую вы сейчас держите в руках.

С. Луговской, С. Ремизова

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства 5

Эдвард Стеттиниус
ЛЕНД-ЛИЗ — ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ
Перевод с английского С. Луговского

Часть 1
Формула победы 8

Часть 2
Жизненно важно для нашей обороны 15

Часть 3
Арсенал демократии 90

Часть 4
Объединенные Нации 165

Часть 5
Оружие победы 295

Большой договор о ленд-лизе с Россией 300

Приложение

Б. Соколов
Роль ленд-лиза в Великой
отечественной войне 1941—1945 гг. 305

Б. Соколов
Дипломатия и ленд-лиз 333

С. Луговской, С. Ремизова
Ленд-лиз: история и современность 349

З 14 **Загадки ленд-лиза: Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы.** — М.: Вече, 2000. — 400 с., илл. (16 с.)
(Военные тайны XX века)

ISBN 5-7838-0696-X

Более полувека прошло после окончания Второй мировой войны, но многие темы, касающиеся этой войны, покрыты завесой таинственности. В их ряду — история ленд-лиза, той помощи, которую США оказывали странам антигитлеровской коалиции. В предлагаемой вниманию читателя книге впервые на русском языке публикуется труд Эдварда Стеттиниуса, отвечавшего за организацию ленд-лиза, а также мнения современных историков по вопросу о роли ленд-лиза в Великой Отечественной войне.

ЗАГАДКИ ЛЕНД-ЛИЗА

Генеральный директор *Л. Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. П. Еленский*
Главный редактор *С. Н. Дмитриев*
Редактор *С. В. Аракелов*
Корректор *Т. Л. Легостаева*
Художник *Б. А. Федотов*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — «Вече-графика»
О. Г. Фирсов
Компьютерная верстка *Г. Н. Фадеев*

ЛР № 064614 от 03.06.96
Издательство «Вече»,
129348 Москва, ул. Красной сосны, 24.
Наши электронные адреса:
WWW.VECHE.RU
E-mail: veche@mail.sitek.net

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Гигиенический сертификат № 77.ЦС.01.952.П.01757.Т.98 от 07.09.98

Подписано в печать 31.07.2000. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 12,5.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 2096.
отпечатано в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ XX ВЕКА

Основу книги составляет труд Эдварда Стеттиниуса «Ленд-лиз — оружие победы». Он способен произвести сенсационное впечатление, потому что автор, руководитель программы ленд-лиза, правдиво излагает поразительные исторические факты, рассеивает стереотипы и мифы, сложившиеся вокруг вопроса об американской помощи странам, воевавшим против фашистской Германии и Японии.

ISBN 5-7838-0696-X